

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (103)

Гуманитарные науки

2017

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Ph D, Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2017, № 4 (103) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бабков А.М. <i>Резьвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой войны во второй половине 1921 г.</i>	5
Дубровко Е.Н. <i>Литовский вектор в политике Великобритании в 1919 г.</i>	11
Елизаров С.А. <i>Борьба с должностными преступлениями в Гомельской губернии 1919–1926 гг.</i> ..	17
Зеленкова А.И. <i>Женщины Гомельщины в 1920-е годы: мировоззрение и деятельность</i>	23
Кравчук А.Н. <i>Т.Г. Масарик о причинах и результатах Первой мировой войны</i>	28
Кротов А.М. <i>Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в. как фактор развития белорусского стереотипа поляка</i>	34
Лебедев А.Д. <i>Эволюция положения общин Римско-католической церкви на Гомельщине в 1945–1990 гг.</i>	41
Луговик Т.В. <i>Музейная деятельность Е.Ю. Спасской</i>	46
Мязга М.М. <i>Узнікненне польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Беларусь</i>	50
Скрябина Л.С. <i>Становление и развитие партизанского движения на Гомельщине в отражении документальной публицистики (июнь 1941 – август 1943 гг.)</i>	56
Старовойтов М.И. <i>Население белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы: историко-сравнительный анализ прогрессивной возрастной структуры</i>	63
Толочко Д.М. <i>Материально-техническая и продовольственная помощь БССР западным областям республики (сентябрь 1939–1941 гг.)</i>	70
Чаропка С.А. <i>Войска Вялікага Княства Літоўскага напярэдадні казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг.: структура і арганізацыя</i>	76

Филология

Брадзіхіна А.В. <i>Паэзія М. Стральцова: стратэгіі перадолення маргінальнасці</i>	81
Витченко Л.В. <i>Речевые акты воздействия на эмоциональную сферу партнера</i>	86
Капшай Н.П., Казакова Е.А. <i>Особенности моделирования диалога автора с читателем в прозе А. Платонова (на примере рассказа «В прекрасном и яростном мире»)</i>	91
Кирюшкина А.А. <i>О переносе событийного содержания высказывания из предметной в непер предметную область</i>	96
Кулік Л.У. <i>Да пытання аб сутнасці паняцця «саматызм» (на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў)</i>	101
Ляшчынская В.А. <i>Фразеалагізмы з кампанентам кішэня – рэпрэзентанты касцюмна-рэчавага кода культуры беларусаў</i>	105

Матвеева Т.С. <i>Символика огня в украинском романном дискурсе второй половины XIX века</i>	112
Осипова Т.А. <i>Вербализация концепта «Родина» в поэзии А. Белого</i>	119
Падабедава С.В. <i>Способы і прийоми передачі фразеологізмаў з аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча ў англамоўным перакладзе</i>	123
Стоянова И.Д. <i>Концептуальная метафора как средство вербализации концепта «государство» в дискурсе антиутопии (сопоставительный аспект)</i>	128
Суколен А.Г. <i>Вербализация понятия «жадность» в русском и китайском языках (на материале зоонимической лексики)</i>	133
Яблонская О.Г. <i>Фразеологизмы с зоонимическим компонентом в функции заглавий художественных текстов</i>	138

ФИЛОСОФИЯ

Корень Е.В. <i>Историософские и социологические идеи декабристов</i>	143
Степанюк В.К. <i>Роль конвергентных технологий в преобразовании человека и социума: потенциальные блага и риски</i>	151
Фисун Е.Г. <i>Эмансипация как проект либерального развития общества в XIX веке</i>	156
Царенок А.В. <i>Теоретические проблемы эстетики аскетизма в отечественной религиозной философии XX века</i>	161

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2017, № 4 (103) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.M. Babkov. <i>The reevacuation of the refugees of the First World War by the Vitebsk provincial evacuation committee to the Baltic countries and Poland in the second half of 1921...</i>	5
A.N. Dubrouka. <i>Lithuanian vector in the policy of the United Kingdom in 1919.....</i>	11
S.A. Elizarov. <i>Fight against malfeasances in the Gomel province 1919–1926.....</i>	17
A.I. Zelenkova. <i>Gomel women in the 1920s: outlook and activities</i>	23
A.N. Kravchuk. <i>T.G. Masaryk about the causes and results of the First World War</i>	28
A.M. Krotov. <i>The image of the Pole in the Russian caricature of XIX – early XX century as the factor of development of the Belarusian stereotype of the Pole.....</i>	34
A.D. Lebedev. <i>Evolution of the situation of the communities of the Roman Catholic Church in the Gomel region in 1945–1990.....</i>	41
T.V. Lugovik. <i>Museum activity of E.Yu. Spasskaya</i>	46
M.M. Myazga. <i>The emergence of the Polish-Soviet War of 1919–1920 and Belarus.....</i>	50
L.S. Skryabina. <i>Formation and development of partisan movement in the Gomel Region reflected by documentary social and political essays (from June 1941 until August 1943).....</i>	56
M.I. Starovoytov. <i>Population of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland in the 1920s–1930s: a historical comparative analysis of the progressive age structure</i>	63
D.M. Tolochko. <i>Material, technical and food assistance for the Western regions of the BSSR the Republic of (September 1939–1941)</i>	70
S.A. Charopka. <i>The troops of the Grand Duchy of Lithuania on the eve of Cossack and peasant war of 1648–1651: Structure and Organization</i>	76

PHILOLOGY

A.V. Bradzikhina. <i>M. Streltsov's poetry: strategies to overcome marginality.....</i>	81
L.V. Vitchenko. <i>Speech acts influence over the emotional sphere of the partner.....</i>	86
N.P. Kapshai, E.A. Kazakova. <i>Features of modeling the dialogue of the author with the reader in the prose of A. Platonov (on the example of the story «In a beautiful and violent world»)</i>	91
A.A. Kiryushkina. <i>On the transfer of the event content of a statement from a subject to a non-subject area.....</i>	96
L.U. Kulik. <i>To a question about the essence of the concept of «somatyzm» (on the material of phraseology of the Belarusian and English).....</i>	101
V.A. Leszczynskaya. <i>Phrases with the component кішэня – specimens of the costume-real code in Belarusian Culture.....</i>	105
T.S. Matveeva. <i>The symbolism of fire in the Ukrainian novel discourse of the second half of the XIX century.....</i>	112

T.A. Osipova. <i>Verbalization of the concept «Homeland» in the poetry of A. Bely</i>	119
S.V. Padabedava. <i>The methods and techniques of transmission of phraseology from the novel «The Wild Hunt of King Stach» by V. Karatkevich in the English translation</i>	123
I.D. Stoyanova. <i>Conceptual metaphor as a means of verbalizing the concept of «state» in the discourse of anti-utopia (comparative aspect)</i>	128
A.G. Sukolen. <i>Verbalization of the concept of «greed» in Russian and Chinese languages (based on zoonimic vocabulary)</i>	133
O.G. Yablonskaya. <i>Phraseological units with zoonimic component functioning as titles of literary texts</i>	138
PHILOSOPHY	
E.V. Koren. <i>The historiosophical and sociological ideas of the Decembrists</i>	143
V.K. Stepanyuk. <i>The role of convergent technologies in the transformation of man and society: potential benefits and risks</i>	151
E.G. Fisun. <i>Emancipation as a project of liberal development of society in the XIX century..</i>	156
A.V. Tsarenok. <i>Theoretical Problems of the Aesthetics of the Asceticism in Domestic Religious Philosophy of the XXth century</i>	161

История

УДК 94(476.5):314.151–054.73«1921»

Резэвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой войны во второй половине 1921 г.

А.М. БАБКОВ

Анализируется резэвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой в Прибалтийские страны и Польшу во второй половине 1921 г. Рассмотрены мероприятия по организации и деятельности Витебского губэвака. Особое внимание в статье уделяется оказанию беженцам различных видов социальной помощи: жилищной, продовольственной, медико-санитарной. Автор обращает внимание также на трудности в проведении резэвакуации беженцев за границу.

Ключевые слова: Витебск, губэвак, резэвакуация, беженцы, эшелоны, транзит, Первая мировая война, Литва, Латвия, Польша, обслуживание, помощь.

The reevacuation of the refugees of the First World War by the Vitebsk provincial evacuation committee to the Baltic countries and Poland in the second half of 1921 is analyzed. Activities on the organization and activities of the Vitebsk provincial evacuation committee are considered. Particular attention is paid in the article to providing refugees with various types of social assistance: housing, food, health care. The author also draws attention to the difficulties in carrying out the re-evacuation of refugees abroad.

Keywords: Vitebsk, provincial evacuation committee, reevacuation, refugees, trains, transit, World War I, Lithuania, Latvia, Poland, service, help.

После окончания польско-советской войны многочисленный поток беженцев и военнопленных Первой мировой и гражданской войн устремился из различных регионов советской России и Украины через Беларусь в Польшу и страны Прибалтики. В 1921 г. основная масса беженцев возвращалась из Западной Сибири, освобожденной от войск Колчака и из охваченных засухой губерний Поволжья, где беженцы оказались в наиболее бедственном положении. Вынуждало беженцев к скорейшему отъезду на родину разрушение после революции и в ходе гражданской войны прежней государственной системы оказания им помощи. Сложившееся в дореволюционные годы сочувственное отношение коренного населения к беженцам, которых удивляли приветливость и щедрость русских людей, становилось недружелюбным. Местное крестьянство, разоренное принудительным изъятием продуктов, переживало острейшие экономические трудности и считало беженцев бременем для себя, а их дальнейшее проживание нежелательным. Именно тогда у многих беженцев появилось желание скорее уехать домой. Но массовое возвращение беженцев на старые места жительства затянулось до окончания польско-советской войны.

На северо-востоке Беларуси беженцы перемещались через Витебскую губернию, которая входила с 1919 г. в состав РСФСР. В 1921 г. Витебская губерния являлась приграничной территорией и естественным передаточным пунктом транзитных беженцев из советской России в Прибалтийские страны, а также в Польшу. Витебск как крупный железнодорожный узел притягивал к себе огромную массу беженцев и другие контингенты населения, стремившиеся быстрее попасть домой. Прогнозируя стихийный приток беженцев и военнопленных к западной границе, Совет Труда и Оборона РСФСР поручил Центральному управлению по эвакуации населения (Центрэваку), функционирующему при НКВД, установить систему карантинных пунктов в Западной области по их приему и обслуживанию. Выполняя государственное поручение, в июле 1921 г. Витебский губисполком передал в распоряжение губернского управления по эвакуации населения (губэвака) освободившиеся бараки в слободе Марковщина 1-я для оборудования карантинного пункта вместимостью около 10 тыс. человек [1, с. 178]. Губернские власти выделили эвакуу финансово-материальные средства на

ремонт и обустройство карантинного пункта. Силами губернских и эвакуационных органов был произведен ремонт шести барakov вместимостью около 3 тыс. человек, помещений для амбулатории и изолятора на 38 коек, столовой с пропускной способностью 5 тыс. обедов в день [2, л. 36]. Губэвак также произвел ремонтные работы принадлежавших ему учреждений. Однако выделенных средств было недостаточно для удовлетворения потребностей всех эвакуационных учреждений Витебска. В августе 1921 г. губэваку было отпущено 43 млн рублей, которых хватило только на расчеты по задолженности и частично на выплату зарплаты сотрудникам [3, л. 173]. Для обеспечения перевозок губэвак приобрел шесть лошадей с повозками и упряжью. Хозотделом были заготовлены дрова и частично закуплен уголь для потребностей губэвака. В результате принятых губернскими и эвакуационными властями административно-хозяйственных мер Витебск превратился в крупный эвакуационный пункт на западной границе советского государства. Увеличение людских перевозок привело к расширению структуры и штатов губэвака, который возглавлял В.К. Семенов. В состав губэвака входили: эвакуационно-учетный отдел (зав. М.А. Гуфенберг), отдел продовольствия и снабжения (зав. Г.Д. Левин), санотдел (зав. Г.С. Шмоткин), финотдел (зав. Н.Ю. Яхнин), хозотдел (зав. И.А. Боровик). При губэваке работал продпункт (зав. М. Виленский) и хлебопекарня (зав. Хонютин). В бараках карантинного пункта были оборудованы изолятор (зав. В.И. Фридберг), амбулатория (зав. А.Е. Малаховский), приемный покой (зав. Б.М. Шапиро) и прачечная (зав. Завелев) [4, лл. 140–142]. Летом 1921 г. штаты губэвака и карантинного пункта достигли численности 213 человек. Однако в условиях обострившихся финансово-экономических трудностей и уменьшения притока беженцев осенью-зимой началось сокращение аппарата управления губэвака. В октябре 1921 г. численность служащих уменьшилось до 185 человек, а в ноябре еще на 30 сотрудников [5, л. 3 об].

Витебский губэвак в административном отношении непосредственно подчинялся управлению Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзапу) во главе с Л. И. Розенгаузом, который являлся координирующим органом Центрэвака на территории белорусских губерний. В свою очередь в ведении Витебского губэвака находились Полоцкий, Невельский и Велико-Лукский уездэваки. Следует отметить, что система организации (управления губэваком) эвакуационной работы в Витебской губернии была несовершенной. Нередко задерживались поставки уездэвакам продовольствия для беженцев. Несвоевременно поступали сведения об их эвакуационной работе. Наибольшие разногласия возникли между Витебским губэваком и Полоцким уездэваком. Ссылаясь на свое стратегическое расположение как пограничного эвакупункта, управление Полоцкого уездэвака добивалось переподчинения его Главэвакзапу в финансовом и продовольственном отношениях, но не получило поддержки со стороны последнего [6, лл. 4–8].

Летом-осенью 1921 г. беженские эшелоны, прибывавшие в Витебск из России, Украины, направлялись к государственной границе по двум маршрутам. Беженцы, возвращавшиеся в Западную Беларусь и Польшу, следовали через Минск к советскому погранобменному пункту на ст. Негорелое, где происходил их обмен между РСФСР и Польшей. Беженцы Литвы и Латвии из Витебского губэвака перевозились на пограничный пропускной пункт Себеж и далее на ст. Розановская для последующей их отправки по месту жительства. В Витебск «самотечные» эшелоны часто прибывали без всякой планомерности и согласованности с губэваком. Как отмечал заведующий эвакуотделом Главэвакзапа С.М. Шифмонович, «эшелоны скапливались в большом количестве и создавали пробки, мешавшие не только плановому движению контингентов Центрэвака, но и всякому движению людских контингентов и грузов». Причем, ввиду того, что «Польша не всегда могла принимать в достаточной мере эшелоны, приходилось в зависимости от вместимости и наличия свободных мест в бараках тех или иных эвакуов, переотправлять простаивавшие эшелоны под выгрузку». По распоряжению Главэвакзапа «небольшие скопления беженцев в уездах губэваками стягивались к указанным пунктам и догружались проходящим эшелоном или составлялись отдельные плановые эшелоны» [7, л. 17]. Так, в августе в распоряжение Витебского губэвака прибыло шесть т.н. самотечных эшелонов с польскими беженцами из Поволжья общей численностью 5 тыс. 855

человек. Многие беженцы, направлявшиеся за границу, не имели документов. Поэтому губэваку пришлось их выгрузить и разместить в бараках карантинного пункта в Марковщине 1-й. «Самотечный» эшелон с беженцами задерживался на эвакуунке обычно в течение 6–7 дней для оформления документов и получения визы на выезд за границу. Однако беженцы отказывались добровольно освободить вагоны и требовали отправления домой. В частности, прибывший в последних числах августа эшелон с польскими беженцами из Самарской губернии численностью свыше 1 тыс человек «самовольно не разгружался, требуя отправки на родину», и только усилиями губэвака беженцы освободили вагоны [8, л. 245]. И это был не единичный случай. В сентябре в Витебск из Поволжья прибыло еще пять эшелонов польских беженцев Первой мировой войны численностью 5 тыс. 708 человек, которые также отказывались от добровольной разгрузки. Продолжительное пребывание беженцев в вагонах в антисанитарных условиях могло привести к вспышке эпидемии. С трудом властям удалось разгрузить три эшелона беженцев в количестве 3 тыс. 254 человек в Витебске и разместить их в бараках Марковщины 1-й, а два других эшелона с 2 тыс. 454 беженцами были временно размещены в Полоцке [9, л. 176]. В дальнейшем управление Главэвакзапа часто прибегало к практике «рассеивания» беженцев в западной полосе. 25 ноября 1921 г. С.М. Шифманович сообщал в особый отдел Западного фронта, что «движение самотечных беженцев самовольно снимающихся с мест голодных районов, носит стихийный характер, и составление эшелонных списков, оформление документов этих беженцев в местах их отправки является абсолютно невозможным». Чтобы избежать «задержки эшелонов в Москве и Смоленске, которые нежелательны по политическим соображениям и техническим условиям из-за отсутствия в Смоленске оборудованного изопробункта», управлением Главэвакзапа, «практикуется способ рассеивания прибывающих в Смоленск самотечных эшелонов, когда часть их направляется в Витебск, Оршу, Полоцк, Минск для составления списков и оформления документов». Начальник управления Главэвакзапа обращал внимание особого отдела Западного фронта на необходимость «усиления работы местных органов особых отделов в эвакуационных пунктах по проверке списков самотечных беженцев, которые направлялись для визирования в консульства зарубежных государств» [10, л. 139].

В связи с массовым стихийным наплывом беженцев из пострадавших от засухи губерний России распоряжением Главэвакзапа от 28 июля 1921 г. эвакуационным органам запрещалось вносить в списки первоочередного выезда тех беженцев, которые проживали в Западной области более трех месяцев и имели работу. Отправке на родину подлежали только те беженцы, которые «проживали в бараках эваков, многосемейные и получающие помощь от собезов» [11, л. 104]. Об этом приказе Главэвакзапа были оповещены т. н. оседлые беженцы, что не позволило им преждевременно уволиться с работы.

В августе в Витебском губэваке было зарегистрировано 4384 беженца. В начале сентября в бараках Витебского губэвака размещалось 4040 беженцев, Полоцкого уездэвака – 4120 и Невельского уездэвака – 320. Всего в бараках по губернии проживало 8480 беженцев [12, л. 177]. В первой половине ноября на учете губэвака состояло 3474 человека, из них 2235 беженцев Первой мировой войны и 1239 беженцев гражданской войны. В бараках и общежитиях губэвака размещалось 1893 человека, в частных квартирах – 1581, остальные находились в вагонах [13, л. 1].

В целях наиболее планомерной резэвакуации польских, литовских и латвийских беженцев, проживавших в Витебской губернии, по нарядам Главэвакзапа губэваком ежемесячно формировались плановые эшелоны беженцев. В первой половине 1921 г. из Витебска было отправлено шесть плановых литовских и девять латвийских эшелонов. В августе была произведена запись беженцев на очередные эшелоны, в результате в сентябре был сформирован состав седьмого литовского эшелона в количестве 757 человек, десятого латвийского эшелона численностью 1004 беженцев и второго очередного эшелона польских беженцев в количестве 1048 человек [14, л. 177]. Причем губэвакам рекомендовалось резэвакуировать прежде всего рабочих, крестьян и интеллигенцию, которые «лояльно и искренне относились к советской власти». В октябре из Витебска было отправлено 2655 польских беженцев, 390 латвийских и 271 литовских [15, л. 7].

Осенью 1921 г. важнейшей задачей Витебского губэвака являлась реэвакуация беженцев и военнопленных Литвы и Латвии. Их массовый приток наблюдался из Украины, где начались еврейские погромы, спасаясь от которых беженцы устремились на родину. Из Одессы, Чернигова литовские и латвийские беженцы направлялись железнодорожными эшелонами через Могилевскую и Витебскую губернии к пограничному пункту Себеж. Второй поток литовских и латвийских беженцев в Витебск следовал из охваченных голодом губерний Поволжья.

Положение с реэвакуацией беженцев осложнялось из-за неурегулированности границы между Литвой и Польшей. Так, после передачи Литвой Александровского уезда Холмской губернии Польше литовские власти отказывались принимать беженцев из этой местности [16, л. 245].

В ходе реэвакуации беженцев Витебский губэвак столкнулся с противодействием принимающих государств, которые задерживали отправку и прием эшелонов, либо полностью прекращали эвакуацию без уведомления, придирались к документам крестьян и бедняков, препятствуя стремлению советских властей направить за границу возможно большее их число. Пограничные миграционные власти Прибалтийских республик всячески сдерживали возвращение беженцев-евреев и демобилизованных красноармейцев, уроженцев Литвы и Латвии, опасаясь с их стороны большевистской пропаганды.

На недружественные действия властей прибалтийских республик решительно реагировали и требовали устранения препятствий по реэвакуации беженцев не только центральные эвакуационные органы РСФСР, но и Наркомат иностранных дел и Наркомат внешней торговли. 10 августа 1921 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил ноту протеста правительствам Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, в которой отмечалось, что «представители Латвии вычеркивают из своих списковдвигающихся из голодных мест евреев, несмотря на то, что эти евреи имеют все законные права на репатриацию». Для оказания действенной помощи беженцам при их возвращении на родину советское правительство считало целесообразным «на латвийской границе открыть пропуск всех беженцев без подразделения по национальному признаку», а «на польской границе учредить третий приемный пункт на Полоцкой линии на ст. Фариново–Ореховно и довести прием беженцев до 4 тыс. человек на станции Столбцы» [17, с. 258–259]. С многочисленными просьбами об урегулировании обмена беженцами и другими категориями населения на погранобменных пунктах обращалось управление губэвака и Главэвакзапа к Центрэваку НКВД РСФСР. Так, 28 сентября 1921 г. Главноуполномоченный по Западной области сообщал начальнику Центрэвака, что «в последнее время стало систематическим явлением возвращение литовским представителем из ст. Розановская непринимаемых им литбеженцев по документам, визированным литовским консульством, мотивируя, что местности оккупированы поляками». Он предлагал начальнику Центрэвака «снестись по сему вопросу с литовским консульством, чтобы всех утверждаемых ими беженцев не возвращали бы из границы, так как это ставит беженцев в совершенно безвыходное положение» [18, л. 128].

В свою очередь начальник Витебского губэвака З. Аксельрод сообщал в управление Главэвакзапа: «в последнее время складывается впечатление, что Литовское представительство поставило целью не пропускать беженцев в страну». В докладе назывался ряд фактов о противодействии литовских властей возвращению беженцев на родину. В частности, из списков 6-го и 7-го эшелонов ими было вычеркнуто 70–80 % фамилий беженцев, несмотря на то, что у 50–60 % из них имелись старые паспорта с отметками о беженстве и другие документы, подтверждающие их беженский статус. В других случаях пограничные власти при отказе беженцу во въезде в страну ссылались на то, что «местность, откуда беженец происходит, занята поляками», что не всегда соответствовало действительности. В данном докладе приводятся факты массового возвращения беженцев из ст. Розановская в Витебск. В частности, 16 сентября из состава Екатеринославского эшелона было возвращено 148 беженцев. Из них 64 литовец, не имевших оформленных документов и 85 человек, местность которых была оккупирована польскими войсками. Причем документы обеих групп возвращенных беженцев были визированы литовским представителем в Харькове. Основная масса их была расселена в бараках Витебского губэвака, другая часть проживала в синагогах.

26 сентября из пункта Розановская было возвращено 77 беженцев Александровского эшелона, т. к. их местность была оккупирована поляками, а у некоторых не было документов, подтверждающих статус беженцев. Только после длительных разбирательств эти беженцы были отправлены в Польшу [19, л. 458].

В сентябре-октябре 1921 г. в условиях обострившегося голода в Поволжье усиливается стихийное движение беженцев домой. Если в августе эвакуационно-учетным отделом Витебского губэвака было зарегистрировано 15858 транзитных беженцев Первой мировой войны, 4146 военнопленных Первой мировой и гражданской войн и 3639 красноармейцев, то в сентябре численность беженцев на Витебском эвакуационном пункте увеличилась до 20971, абсолютное большинство которых составляли польские беженцы – 17931 и литовские – 2908. Одновременно из Польши через Витебск возвратилось 1005 русских пленных и из Германии 66 пленных [20, л. 245 об]. В октябре движение транзитных беженцев через Витебск несколько уменьшилось и составило 11168 человек, в т. ч. 6952 польских беженцев, 3507 литовских и 709 латвийских. В ноябре вновь увеличилась численность транзитных беженцев в Витебске до 17106 человек, из которых 7464 являлись польскими беженцами, 7321 литовскими и 2321 латвийскими. В зимний период численность беженцев резко уменьшилась и составила в декабре 3452 человека, в т. ч. 1742 польских беженца, 1680 литовских и 30 латышских [21, л. 7].

В соответствии с приказом Центрэвака с декабря 1921 г. регистрация и отправка беженцев в Литву и Латвию осуществлялась исключительно Витебским губэваком как ближайшим пограничным пунктом с Латвией. Поэтому в Витебск местные эваки направляли литовских и латвийских беженцев из всей Западной области, что привело к большому их скоплению. Для визирования документов на выезд беженцев на родину в Витебск был вызван представитель Литовского консульства [22, л. 1].

Витебским губэваком было организовано продовольственное снабжение беженцев и других контингентов населения, которых ежедневно обеспечивали горячей пищей и сухими продпайками. Во время массового скопления беженцев при Витебском губэваке функционировали два питательных пункта. Из отчета о деятельности губэвака можно узнать, что в августе беженцам было выдано 83,7 тыс. горячих обедов и 20,3 тыс. сухих пайков [23, л. 246 об]. Наибольшее количество беженцев, получивших довольствие, пришлось на октябрь, когда питпунктом было отпущено 89 тыс. 302 порций горячей пищи и 10992 сухих пайков взрослым беженцам, а также 20611 обедов и 28401 сухих пайков их детям. В ноябре-декабре сократилась численность беженцев и соответственно уменьшилось их продовольственное обеспечение. Если в ноябре взрослым беженцам было выдано 22052 обеда и 34010 продрационов, то в декабре соответственно 12561 обед и 17121 продрацион [24, л. 5].

Несмотря на значительную продовольственную помощь, положение беженцев с питанием было довольно плачевно. С переходом к новой экономической политике и острым продовольственным кризисом губпродком и Главэвакзп сократили поставки продовольствия губэваку.

Витебский губэвак оказывал медико-санитарную помощь беженцам, обслуживал транзитных беженцев, следовавших в Польшу и страны Прибалтики. О масштабах этой работы говорят следующие данные. В августе 1921 г. медсанотделом губэвака было осмотрено 24 беженских эшелона, 21 красноармейский эшелон, 5 эшелонов военнопленных, выявлено 148 больных беженцев, 10 больных военнопленных, 27 больных красноармейцев. 725 человек получили амбулаторное лечение, сделано 2787 прививок, 6303 человека было пропущено через баню [25, л. 245 об]. В сентябре через изопродпункт прошло 29 беженских эшелонов и снято 211 больных [26, л. 177].

В октябре был произведен медико-санитарный осмотр 17 беженских поездов и выявлено 122 больных, в т. ч. 16 беженцев. Из бараков и синагог было изолировано 97 человек и оказано амбулаторное лечение 2410 больным, а также произведена помывка 3789 человек. Несмотря на предпринятые медико-санитарные меры, в октябре в Витебске среди беженцев вспыхнула эпидемия возвратного тифа. Чтобы не допустить распространения эпидемии в Марковщине 1-й были продезинфицированы бараки, при них создана амбулатория с круглосуточным дежурством медперсонала и единовременно была продезинфицирована одежда 3789 человек. В ноябре вспыхнувшую эпидемию удалось ликвидировать [27, л. 2 об]. В

дальнейшем с уменьшением притока беженцев был закрыт приемный покой губэвака, куда поступали незаразные больные. Поэтому возникли трудности с размещением их в больнице губздравицы, которая неохотно их принимала и поспешно выписывала сразу после прохождения кризисного периода заболевания.

В целом Витебский губэвак являлся самым крупным эвакуационным органом на северо-востоке Беларуси. Он осуществил масштабную работу по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в страны Прибалтики и Польшу. По сведениям Главэвакзаса, в 1921 г. через Витебский губэвак прошло транзитом 101047 беженцев Первой мировой войны, отправлено на родину 3 тыс. местных беженцев, обработано 12 тыс. беженцев «самотека». Через Витебский губэвак прошло также 58887 военнопленных Первой мировой и гражданской войн, а также другие контингенты населения. Только через пограничный пункт Себеж за границу было отправлено 44155 латвийских беженцев, 54882 – литовских. Витебский губэвак оказал беженцам как самой слабозащищенной категории населения разнообразные виды социальной помощи, спасшей многих из них от голода и эпидемий.

Литература

1. Бабков, А.М. Деятельность Витебского губэвака по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны в первой половине 1921 г. / А.М. Бабков // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, г. Гомель, 30 верасня–1 кастрычніка 2010 г. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2010. – С. 174–179.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
3. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
4. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
5. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
6. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 104.
7. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 898.
8. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
9. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
10. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
11. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1487. – Оп. 1. – Д. 132.
12. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
13. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 669.
14. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
15. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
16. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
17. Документы внешней политики СССР. – М. : Госиздат политической литературы, 1960. – Т. IV. – 836 с.
18. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
19. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
20. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
21. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
22. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
23. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
24. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
25. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
26. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
27. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.

УДК 94:327(410)"1919":94:327(474.5)"1919"

Литовский вектор в политике Великобритании в 1919 г.

Е.Н. ДУБРОВКО

Сделана попытка выявить и охарактеризовать литовский вектор в политике Великобритании в ходе послевоенного территориально-политического урегулирования в 1919 г. Показано, что формировавшийся литовский вектор в политике Великобритании во многом определялся её экономическими интересами.

Ключевые слова: Великобритания, Литва, Польша, Советская Россия, Германия, внешняя политика, экономические интересы, признание.

The article attempts to identify and characterize the Lithuanian vector in the policy of the UK in the post-war territorial and political settlement in 1919. It is shown that the forming Lithuanian vector in the UK policy was largely determined by British economic interests.

Keywords: the United Kingdom, Lithuania, Poland, Soviet Russia, Germany, foreign policy, economic interests, recognition.

В 1919 г. ключевым событием в международных отношениях была Парижская мирная конференция, оформлявшая новое территориально-политическое устройство после Первой мировой войны. Столица Франции стала центром притяжения представителей новых государственных образований, возникавших и на территории проживания белорусского народа и его соседей. Они стремились добиться признания собственной государственности, прежде всего со стороны Великобритании, Франции и США, вызывая к жизни новые направления во внешней политике ведущих держав. Далеко не всем из делегатов удалось реализовать эту задачу в ходе конференции: среди потерпевших неудачу оказались и представители Белорусской Народной Республики (БНР), и делегация А. Вольдемараса, представлявшая Литву. Однако если БНР так и не продвинулась по этому пути, то литовское государство уже к концу 1919 г. получило фактическое признание, а через несколько лет и юридическое. В связи с этим изучение обстоятельств выхода на международную арену Литвы после Первой мировой войны представляет особый интерес для исторической науки Беларуси, так как позволяет осмыслить события собственной истории начала 20 столетия в международном контексте и проливает свет на связь политики ведущих европейских держав с политическими процессами, протекавшими в белорусском геополитическом пространстве.

В данной статье сделана попытка выявить и охарактеризовать литовский вектор в политике Великобритании – государства, интересы которого играли, несомненно, одну из ключевых ролей в ходе послевоенного урегулирования в Европе.

В советской историографии политика Великобритании в отношении прибалтийского региона, и Литвы в частности, рассматривалась преимущественно в контексте организации интервенции в Советскую Россию и истории установления советской власти в Прибалтике [1], [2], [3]. В постсоветское время о наличии интереса к прибалтийскому вектору в политике Великобритании свидетельствует появление диссертационных исследований соответствующей тематики [4], [5]. Оно указывает на признание восточноевропейскими и прибалтийскими историками пробелов в научных представлениях о содержании британской политики в Прибалтике версальского периода. Их с конца 20 в. постепенно стали заполнять исследования авторов-выходцев из прилегающих регионов [6]. В современной белорусской историографии уделено место преимущественно изучению «виленского вопроса» [7]. В современной английской историографии появляются попытки выйти на уровень обобщения английской политики в отношении Балтийских стран в межвоенные годы; при этом она представлена как результат противостояния с Францией [8].

В ходе подготовки к предстоящей мирной конференции эксперты ведомства иностранных дел Великобритании обобщали имеющуюся в их распоряжении информацию о территориях, политическое будущее которых могло стать объектом рассмотрения, и готовили своеобразные пособия для членов британской делегации. В одном из номеров таких справочников можно найти определение территории Литвы. Данное в терминах, характерных для ад-

министративно-территориального деления Российской империи, оно констатирует, что этническая Литва включает территории Ковенской губернии и северо-западную половину Виленской, и что литовцы составляют большинство в северной части Сувалкской губернии [9, pp. 40, 9]. Также в справочнике приводится текст декларации о независимости, принятой в мае 1917 г. литовским сеймом в Петрограде с требованием о независимости в рамках этнографических границ, охарактеризованном как достаточно обоснованное, за исключением претензий на «белорусские районы гродненщины». Особо отмечается неприятие литовцами идеи о союзе с Польшей в любой форме [9, pp. 141, 60–62]. Уже в ходе мирной конференции литовская делегация А. Вольдемараса опубликовала в Париже 24 марта 1919 г. меморандум «Литовские требования на Парижской мирной конференции», в котором подтвердила вышеназванные пункты [3, с. 97]. Там же на парижском форуме свои претензии на литовские территории изложила делегация Польши. В её ноте отмечалось, что, учитывая «значительный успех» национального литовского движения, территория распространения литовского языка (Ковенская губерния, северо-западная часть Виленской губернии, северная часть Сувалкской губернии и часть Восточной Пруссии по нижнему течению реки Неман и вокруг её устья) должна составить литовскую национальную автономию в рамках польского государства [10, s. 105–107].

Решение вопроса о принадлежности спорных территорий осложнялось в начале 1919 г. военно-политической обстановкой в регионе, где сохранялось присутствие немецких войск, и куда с переменным успехом продвигались советские вооружённые силы, провозглашая создание советских республик – Литовской, Белорусской, Литбел. В такой ситуации британские политики заявляли об определённой ответственности за «помощь» Балтике, но вместе с тем, как указывал лорд Дж. Н. Керзон, «политики не было», она должна была быть выработана в Париже [11, s. 170–172], [12, p. 1].

Основной принцип потенциальной политики в отношении Литвы нашел отражение в уже упомянутом британском справочнике: «Очевидно, что решение вопроса о политическом будущем Литвы должно в основном базироваться **на экономических посылах**, так как любой из предложенных вариантов – полная независимость, связь с Польшей, некая форма федерации с балтийскими государствами – по-разному повлияет на промышленные и коммерческие перспективы страны» [9, p. 139]. То есть британское ведомство иностранных дел рассматривало эти территории прежде всего с точки зрения экономических интересов Великобритании: прибалтийский регион представлялся, в основном, транзитной зоной, в меньшей степени рассматривался как самостоятельная экономическая область. Такой подход нашёл отражение в «Меморандуме британской делегации по вопросу о бывшей Российской империи», представленном на мирной конференции в Париже 20 января. В нём шла речь о создании своеобразного «пояса», в который вошли бы и балтийские области, и Польша, и который должен был «противостоять географическим преимуществам Германии **в торговле** с Россией». Страны, его составлявшие, в том числе и Литва, должны были обладать определённой степенью самостоятельности в будущем [6, p. 53]. Однако реализация этого проекта в начале 1919 г. была невозможна в силу уже отмеченной военно-политической нестабильности. На Парижской мирной конференции 23 мая 1919 г. Совет министров иностранных дел констатировал, что на данный момент основной силой, поддерживавшей порядок в регионе и препятствовавшей занятию прибалтийских территорий войсками Советской России, были немецкие войска, которые необходимо было вывести и заменить местными силами. Для организации последних туда должна была быть отправлена компетентная военная миссия под командованием британского генерала Гоффа, возглавлявшего в тот момент Британскую военную миссию в Финляндии и Балтийских провинциях [13, pp. 1–3, 5–6, 8]. Чрезвычайно настойчиво в необходимости организовать оборону против нападения большевиков убеждали также польские военные и политики [14, s. 15–18]. При этом, правда, для Великобритании были очевидны экспансионистские планы самой Польши в отношении потенциальной территории Литвы. Такое мнение, в частности, утвердилось у представителей британской миссии в Прибалтике весной–летом 1919 г. По словам британского военного атташе в Каунасе: «Я здесь, чтобы противостоять Польше в Восточной Европе в большинстве по тем же причинам, по которым я противостоял бошам в Западной Европе во время войны, так как поляки ведут себя как прусаки Восточной Европы за исключением их эффективности» [15, p. 98]. Особенно негативное впечатление на политиков Соединённого Королевства произвело занятие города

Вильно поляками, вызвавшее ряд обращений английских парламентариев к представителям правительства с уточнением вопроса о санкционировании этих действий союзными державами [16], [17]. В таких обстоятельствах перед участниками конференции встал вопрос о зонах ответственности польских и литовских войск и об установлении демаркационной линии между ними. Английские военные советники указывали на необходимость обеспечить после отвода немецких войск занятие стратегически важных пунктов польскими войсками (территорий вокруг городов Сувалки, Августов, Сейны, железной дороги Белосток–Гродно–Вильно), считая это необходимым для укрепления общей линии обороны от большевиков. Вооружённые силы литовцев считались пока недостаточно мощными, хотя предусматривалась в дальнейшем их организация под международным контролем [10, s. 437–442]. Показательно, что британские делегаты на Парижской конференции весной–летом 1919 г. настаивали на том, чтобы её решения ограничились установлением исключительно демаркационной линии между польской и литовской армиями, ни в коей мере не предпринимая вопрос о будущей государственной границе [10, s. 439]. Именно в качестве демаркационных линий были приняты конференцией проекты польско-литовского разграничения от 18 июня и 26 июля (т. н. «линия Фоша»). Даже при обсуждении демаркационных линий британские представители не проявляли предрасположенности к большим территориальным уступкам [18, p. 203–205].

Описанные выше действия британских делегатов объясняются тем, что вынужденное санкционирование продвижения польских войск в северо-западном направлении не соответствовало стратегическим интересам Великобритании и являлось скорее временным тактическим отступлением. Было очевидно, что **польское продвижение** на северо-восток косвенно будет способствовать **усилению в Прибалтике французского влияния**, что не приветствовалось в Великобритании. Более того было известно о наличии в Германии опасений быть окружённой с востока «сильной независимой Польшей», поддерживаемой «рядом независимых Балтийских государств» и Францией. Польское продвижение **вызывало недовольство Германии** и могло спровоцировать очередной вооружённый конфликт [19, p. 7], [20, p. 3–5]. В то же время нельзя было ещё исключать возможность победы антибольшевистских сил в России, а значит необходимо было учитывать их территориальные претензии в Прибалтике. Из меморандума, представленного мирной конференции 9 марта Русским политическим совещанием, было известно, что в случае победы «белых» новое правительство России предъявит свои претензии на «устройство народностей», населявших территорию Российской империи в границах 1914 г. [21, л. 10]. Поэтому в период успехов белого движения Великобритания попыталась заручиться выгодным для себя потенциальным решением вопроса о судьбе прибалтийских стран. С этой целью британское правительство совместно с союзниками приняло участие в отправке 26 мая ноты А.В. Колчаку. В ней в качестве пятого пункта условий оказания ему помощи указывалось, что Россия должна будет решить вопрос отношений с прибалтийскими странами посредством взаимного соглашения. При невозможности его достижения она должна будет вплоть до решения этого вопроса Лигой Наций согласиться на признание автономии этих территорий, а также на признание установленных к тому времени отношений между их де-факто признанными правительствами и другими странами. Ответ, полученный 4 июня из Омска, позволял надеяться на успех этой британской попытки [18, p. 213]. При таком варианте развития событий польское проникновение на литовскую территорию также было нежелательно, так как делало её **потенциальным очагом российско-польского конфликта**.

Обостряло ситуацию наличие пронемецкого элемента в Прибалтике, особенно Литве, который мог активизироваться на волне антипольских настроений. **Недовольство польским проникновением населения литовских территорий** могло быть использовано Германией для создания там собственной сферы влияния. Это могло стать важной предпосылкой для организации через литовское государство экономического проникновения в Россию, или даже политического, нацеленного на восстановление там прогерманского правительства. Поэтому британские политики считали наиболее безопасным не признавать пока литовское государство де-юре, но организовать поддержку литовского правительства путём поставок одежды, вооружения, боеприпасов и сдерживания «германских и польских империалистов» при помощи союзной военной миссии с тем, чтоб Литва стала стабильным элементом «кордона Балтийских стран» [11, p. 1–8], [22, с. 270].

В течение августа – сентября 1919 г. в Великобритании продолжалась работа по уточнению политики в отношении Литвы. Британский премьер указывал, что любое вмешательство Великобритании на данном этапе вызовет недовольство, как большевиков, так и их противников в России. Он также фактически выражал готовность смириться с «немецким проникновением» в Россию через Прибалтику, видя необходимость удовлетворить экономические нужды Германии, лишённой колоний, за счёт достаточно ёмкого российского рынка; признавалась невозможность использования военных методов для создания таможенного барьера между Германией и Россией [23, р. 9–12], [24, р. 10].

Своеобразный итог и одновременно очередной шаг в формировании литовского вектора в политике Великобритании представляет собой отправленная 25 сентября 1919 г. телеграмма британскому представителю в Ковно. В ней подчёркивалось, что Великобритания признаёт де факто автономное существование балтийских государств, не предрешая вопроса об их юридическом признании, прекращает поставки военных материалов, и предлагает им самостоятельно и сообща решить вопрос о необходимости заключения соглашения с Советской Россией, подчёркивая, что основная угроза исходит от Германии. Такая позиция неоднократно подчёркивалась во второй половине осени 1919 г. [25, р. 18–19], [26, s. 292–302].

В советской историографии решающим обстоятельством для принятия решения о признании Литвы де факто считалось предложение правительства Советской России Литве прекратить военные действия и установить мирные отношения [2, с. 261–262], [1, с. 98–99]. Оно рассматривалось как «взятка» Литве за её пробританскую ориентацию в отношениях с советским правительством. В западной историографии указывается также на влияние немецкого фактора: признание Литвы было поощрением за отказ от прогерманской ориентации, предоставленным в условиях начала эвакуации немецких войск из Прибалтики [6, р. 177–178].

Представляется, что при осмыслении факта признания Великобританией Литвы де факто в сентябре 1919 г. нельзя обойти вниманием усиление экономических интересов в английской политике, в том числе в отношении Прибалтики, способствовавшее поддержке определённой степени независимости Литвы. О важности для торговых интересов Великобритании признания балтийских государств де факто говорили члены британского парламента [27]. Проницательно эту связь отмечали деятели Белорусской Народной Республики. Если её представители в Париже осенью 1919 г. лишь констатировали поддержку Великобританией независимости прибалтийских государств, то К. Езовитов, находившийся в Прибалтике, рекомендовал использовать этот факт для обеспечения английской поддержки и позиционировать Беларусь как территорию, органически связанную с балтийским регионом и являющуюся потенциальным рынком сбыта промышленной продукции и источником сырья [28, л. 18], [29, л. 51].

Однако, как отмечалось выше, прибалтийский регион рассматривался в большей мере как транзитная зона. Литва в этом аспекте для Великобритании не представляла непосредственного интереса, так как по условиям Версальского договора она не получила порт Клайпеда, тем самым лишившись единственного удобного для торговли выхода к морю, а река Неман от города Гродно до впадения в Балтийское море была объявлена международной [30, сс. 48, 145–147]. Более того, в течение 1919 г. часть литовской территории с важными транспортными артериями и узлами была захвачена Польшей. В отличие от Соединённого королевства Германия могла выгодно воспользоваться географическими преимуществами: наличием у Литвы общих границ с ней и с Россией. О выгодах, которые Литва могла получить от германо-советского транзита, например, писал своему правительству в декабре 1919 г. литовский представитель в Берлине [2, с. 262–263]. Хорошо осознавались в Великобритании и иные преимущества Германии в деле налаживания отношений с Советской Россией: политические (наличие немецкого и пронемецкого элемента в Прибалтике, склонного к сближению с Восточной Пруссией) и экономические (уже осуществляющийся немецкими поселенцами в Прибалтике и приграничных районах Советской России процесс колонизации, наличие немецких совладельцев предприятий по производству продуктов питания, которые продаются в Германии) [31], [32].

В этих обстоятельствах Великобритания была заинтересована в улучшении литовско-британских отношений, чтобы осложнить деятельность своего германского конкурента. В качестве одного из шагов в этом направлении британское военное ведомство в сентябре 1919 г.

отправило по просьбе литовского правительства ряд офицеров в Литву с целью помощи в организации литовской армии, которую предполагалось использовать вместо польских войск в Прибалтике, что вызвало недовольство польских политиков [6, p. 179], [33, s. 193].

Также английская дипломатия была заинтересована в нормализации литовско-советских отношений, которая способствовала бы активизации торгово-экономической жизни в регионе. Поэтому Великобритания не только не собиралась «чинить препятствий» на пути возможных переговоров с советским правительством [34], но и пристально следила за ходом конференции балтийских государств в Дерпте, на которой обсуждалась их политика в отношении советского правительства. Как метко подметил один из членов британского парламента: представитель Соединённого королевства в Прибалтике «стоит на коврике у входной двери» в Дерпте [35]. К концу 1919 г. указанная нормализация становилась очевидной: 25 октября литовское правительство сообщило советскому о готовности к переговорам о перемирии, 19 ноября был заключён советско-литовский договор об обмене заложников и гражданских пленных [2, с. 262]. Налаживание отношений между Литвой и Советской Россией давало островной державе возможность реализовать свои экономические интересы в регионе. В этом направлении в конце 1919 г. были предприняты определённые шаги. В частности, в Ковно (Каунасе) начались переговоры о продаже Англии литовского льна и леса, завершившиеся заключением соответствующего договора в январе 1920 г. [1, с. 118–119]. Такая политическая линия в отношении Литвы вписывалась в русло российской политики Великобритании, в рамках которой к концу 1919 г. экономические интересы начинали доминировать. Это нашло отражение в знаменитой речи Д. Ллойд Джорджа на ежегодном приёме мэра Лондона в Гилдхолле 8 ноября 1919 г. [36]. Апогеем этого курса станет, как известно, снятие блокады с Советской России в январе 1920 г.

Таким образом, в рамках послевоенного урегулирования в 1919 г. во внешней политике Великобритании появился вопрос о политическом будущем Литвы, ход решения которого, приведший к признанию её де факто, показал, что формировавшийся литовский вектор в британской политике во многом определялся экономическими интересами островной державы: стремлением обеспечить пробританскую ориентацию Литвы в условиях наличия англо-германской конкуренции в деле использования балтийского региона в качестве плацдарма для установления отношений с Советской Россией.

Литература

1. Навицкас, К. Литва и Антанта (1918–1920 гг.) / К. Навицкас. – Вильнюс : Минтис, 1970. – 140 с.
2. Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917–1920 гг. / АН СССР, Науч. совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» ; редкол. : И.И. Минц [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 318 с.
3. Рубцов, А.Ф. Литва в политике французского империализма 1918–1924 гг. / А.Ф. Рубцов. – Томск : Изд-во Томского университета, 1988. – 230 с.
4. Пруцкова, А.В. Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А.В. Пруцкова ; СПбГУ. – СПб., 2000. – 344 л.
5. Kupčiūnas, D. British diplomatic involvement in solving Lithuanian territorial problems, 1920–1923 : MA thesis [Electronic resource] / D. Kupčiūnas. – Mode of access : <http://docplayer.net/21449107-British-diplomatic-involvement-in-solving-lithuanian-territorial-problems-1920-1923.html>. – Date of access : 05.01.2017.
6. Hovi, O. The Baltic area in British policy, 1918–1921 : in 3 vol. / O. Hovi. – Helsinki, 1980. – Vol. 1. – 232 p.
7. Ціхаміраў, А. «Віленскае пытанне» ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 3. – С. 37–45.
8. Powell, M.-J. The battleground of high politics / M.-J. Powell. – Sussex : The book guild ltd., 2003. – 278 p.
9. Peace Handbooks : in 25 vol. / Is. by the Historical Section of the Foreign Office. – London : H.M. Stationery Office, 1920. – Vol. VIII: Poland and Finland. – № 44: Russian Poland, Lithuania, and White Russia. – 144 p.
10. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały: w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. – W-wa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. – T. 1. – 644 s.
11. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego : w 6 t. / red. H. Janowska. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wyd-wo PAN, 1974. – T. 2 : 1919–1921. – S. 170–172.
12. Draft minutes of a meeting of the war cabinet held at 10, Downing street, on Monday, 17th March, 1919 at 12 noon [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/details?Uri=D7653138>. – Date of access : 02.04.2013.
13. Memorandum giving a narrative of events in the Baltic states from the time of the armistice, November, 1918, up to August, 1919 (General staff, War office, 20th August, 1919) // The National archives (NA) [Electronic resource]. –

- Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7644851?isFullDescription=False>. – Date of access : 02.05.2011.
14. Archiwum akt nowych w Warszawie. – Zespół 322. – Sygn. 5091 c. – S. 15–18.
15. Harrison, E.J. Lithuania. Past and present / E.J. Harrison. – London : T. Fisher Unwin Ltd, 1922. – 224 p.
16. Vilna (polish occupation) // House of commons Debates (далее – HC Deb) 26 May 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/may/26/vilna-polish-occupation#S5CV0116P0_19190526_HOC_202. – Date of access : 04.01.2017.
17. Lithuania and Poland // HC Deb. 26 May 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/may/28/lithuania-and-poland#S5CV0116P0_19190528_HOC_130. – Date of access : 04.01.2017.
18. Documents on British foreign policy 1st Ser. / ed. by E.L. Woodward & R. Butler. – London : His Majesty's stationary office, 1947. – Vol. 1. – 1064 p.
19. Western and general report, № 111, week ending 19th March, 1919 (night). [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7725056?isFullDescription=False>. – Date of access : 2.03.2013.
20. Memorandum on Russia in view of peace: a conspectus with conclusions, April 28, 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7733262?isFullDescription=False>. – Date of access : 22.03.2011.
21. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд Р200. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 8–10.
22. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах : в 2 т. / Д. Ллойд Джордж. – М. : Издательство иностранной литературы, 1957. – Т. 1. – 656 с.
23. Policy towards Russia (C. of K. August 9, 1919) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7733999?isFullDescription=False>. – Date of access : 2.12.2012.
24. Minutes of a meeting of the war cabinet, held at 10, Downing Street, on Tuesday, August 12, 1919, at 11.30 a.m. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/details/D7652336?uri=D7652336>. – Date of access : 21.09.2011.
25. War Cabinet Papers (616–635). August 15, 1919, to October 27, 1919, with Subject Index [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-12.pdf>. – Date of access : 18.03.2010.
26. Archiwum akt nowych w Warszawie. – Zespół 322. – Sygn. 5068a. – S. 292–302.
27. Esthonia, Lithuania and Latvia (recognition of de facto governments) // HC Deb. 26 May 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/aug/11/esthonia-lithuania-and-lattvia#S5CV0119P0_19190811_HOC_127. – Date of access : 04.01.2017.
28. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 17–21.
29. НАРБ. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 51.
30. Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокол, подписанные 28 июня 1919 г. // Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / редкол. : Ю.В. Ключников [и др.]. – М. : Издание Литиздата НКВД, 1925. – С. 3–176.
31. The Baltic states and Germany (November 15, 1919) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7734679?isFullDescription=False>. – Date of access : 2.11.2012.
32. Aims of the German force in the Baltic provinces. Memorandum by the secretary of state for war, 1st December, 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7734704?index=1&page=0#>. – Date of access : 21.09.2011.
33. Archiwum akt nowych w Warszawie. – Zespół 322. – Sygn. 5091d. – S. 193.
34. Esthonia, Latvia and Lithuania // HC Deb. 17 November 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/nov/17/esthonia-latvia-and-lithuania#S5CV0121P0_19191117_HOC_139. – Date of access : 04.01.2017.
35. Baltic Provinces (Negotiations) // HC Deb. 24 November 1919 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/nov/24/baltic-provinces-negotiations#S5CV0121P0_19191124_HOC_136. – Date of access : 04.01.2017.
36. The Guildhall banquet. Prime minister on Russia // The Times [Electronic resource]. – 1919. – 10 Nov. – Mode of access : <http://archive.timesonline.co.uk/>. – Date of access : 11.08.2008.

Борьба с должностными преступлениями в Гомельской губернии 1919–1926 гг.

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Анализируется опыт борьбы с должностными преступлениями в Гомельской губернии с 1919 по 1926 г., которая в первое десятилетие советской власти носила типично «кампанейский» и классовый характер. Наибольшее распространение в губернии получили хищения, взяточничество, спекуляция, посредничество, дискредитация власти. Руководством губернии должностные преступления рассматривались не как явление системное, присущее любому государству, а как временное, связанное с начальным этапом строительства нового общества. Использовались различные меры наказания – от воспитательных до расстрела.

Ключевые слова: Гомельская губерния, должностные преступления, хищения, взяточничество, дискредитация власти.

The experience of fight against malfeasances in the Gomel province 1919-1926 is analysed. In the first decade of Soviet power, the struggle was typically «campanian» and class character. The most widespread in the province were thefts, bribery, speculation, mediation, discrediting power. The leadership of the province considered official crimes not as a systematic phenomenon inherent in any state, but as a temporary one, connected with the initial stage of the construction of a new society. Various measures of punishment were used – from educational to execution.

Keywords: Gomel province, malfeasances, thefts, bribery, discredit of power.

Введение. Советский государственный аппарат унаследовал многие далеко не лучшие черты стиля работы, характерные для царской бюрократии. Высшее руководство Советской России пыталось бороться с этими, как им казалось, «пережитками прошлого», полагая, что энтузиазм и революционное творчество народных масс, вовлеченных в процесс управления, позволит быстро их изжить. Одной из проблем старой системы управления, перешедшей в советский аппарат, стало широкое распространение среди госслужащих преступлений по должности.

В первые годы советской власти принималось множество нормативных правовых актов по борьбе с должностными преступлениями. Среди основных следует отметить Декреты СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. и 16 августа 1921 г. «О взяточничестве», Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах», Декрет СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности» [1]. Хотя до 1922 г. состав должностных преступлений четко не был обозначен, однако анализ указанных правовых документов свидетельствует, что к ним прежде всего относились хищения, подлог, спекуляция, взяточничество и дискредитация власти. Статьи 105–118 первого Уголовного Кодекса РСФСР, 1922 г. уже содержали расширенный перечень должностных преступлений: злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, небрежное отношение к службе, дискредитация власти, присвоение средств либо других ценностей, получение взятки, провокация взятки, служебный подлог и др. [2].

В современной российской историографии проблемы борьбы с должностными преступлениями в первое десятилетие советской власти рассматриваются прежде всего в масштабах РСФСР и СССР [3]. Вместе с тем явно недостаточно внимания уделяется региональному аспекту: острота проблемы должностных преступлений на местах, организация работы местных органов власти и управления, методы, средства и эффективность борьбы с этим явлением на местах. В частности, история борьбы с должностными преступлениями в Гомельской губернии (с момента своего образования в мае 1919 г. и до расформирования в 1926 г. входившей в состав РСФСР) ни в российской, ни в белорусской историографии своего отражения вообще не получила. Учитывая это, автором предпринята попытка восполнить этот историографический пробел. Работа подготовлена главным образом на материалах гомельских архивов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Основная часть. Изначальная надежда советской власти на сознательность новых госслужащих из «трудового народа» не оправдалась. Масштаб и размах должностных преступ-

лений не сокращались и в центре, и на местах. По оценке гомельской губернской ЧК (губЧК) в 1920 г. «преступления по должности, а с ними всякие злоупотребления, хищения и спекуляции доходили до колоссальных размеров». Только в июне 1920 г. гомельскими чекистами было заведено 46 таких дел [4, л. 15].

Основная часть преступлений по должности была связана с взяточничеством, хищениями и спекуляцией. Широкое распространение должностные преступления получили при проведении продразверстки, где использовались различные преступные схемы. Так, в Клинцовском уезде заведующим картофельным складом уездного продкомитета Л.В. Письманом была создана фиктивная «заготовительная контора», которая выдавала поддельные квитанции о сдаче крестьянами продналога, а сам продналог свозился крестьянами в частные «ссыпные пункты» сообщников Л.В. Письмана из числа горожан г. Клинцы. Следствием были установлены 224 поддельные квитанции на 5423 пуда разных продуктов в переводе на рожь, причем эта цифра считалась лишь минимально доказанной. По данному делу было передано суду 142 человека [5, л. 71–77].

Среди руководителей губернского масштаба в первые годы советской власти наиболее распространенным видом должностных преступлений было пьянство и использование государственных средств в личных целях. Наиболее «громким» в мае 1920 г. стало «дело Кундо» (М.И. Кундо – губернский военный комиссар, комендант гомельского укрепрайона и председатель губернской топливной комиссии). В вину ему вменялось использование служебного положения в личных целях: организация проверочной поездки по линии топливной комиссии на пароходе «Деловой», в ходе которой он и сопровождавшие его 25 человек (по сведениям сотрудников секретно-оперативного отдела губЧК) «никаких обследований по сплаву леса не делали», а занимались пьянством и картежными играми, израсходовав при этом значительное количество дефицитного продовольствия и товаров ширпотреба. Партийная следственная комиссия при гомельском губкоме РКП(б) признала М.И. Кундо и четырех ответственных работников «виновными в подрыве и дискредитации авторитета Коммунистической партии и Советской власти...» и «в преступлении по должности, выразившемся в допущении организации и совершении фиктивной командировки с целью пьянства и разгула наиболее ответственных руководителей губтопа, губвоенкома, укрепрайона...». Однако дальше это дело развития не получило: на заседании губкома РКП(б) 26 мая 1920 г. ограничились переводом М.И. Кундо в кандидаты в члены РКП(б) (к этому времени М.И. Кундо приказом смоленского окружного военкома был уже снят с должности губернского военкома) [6, л. 129–131об.].

Эти дела остроту проблемы пьянства ответственных работников в губернии не снизили. В январе 1922 г. бюро гомельского губкома РКПБ вынуждено было констатировать целую «эпидемию пирушек и вечеринок, устраиваемых в последнее время работниками хозяйственных и кооперативных органов» [7, л. 181]. Партийные руководители в свою очередь камуфлировали пьянки под видом «банкетов и празднеств, устраиваемых по поводу всякого рода юбилеев партячеек, воинских частей...» [8, л. 287].

Для борьбы с разного рода хозяйственными преступлениями (в том числе и преступлениями по должности) в январе 1921 г. было создано Экономическое управление при Президиуме ВЧК. В свою очередь при губернских ЧК создавались экономические отделения (ЭКО). По сведениям гомельской губЧК с мая по ноябрь 1921 г. из 815 вновь открытых дел 131 дело пришлось на «преступления по должности»: 34 человека переданы суду губревтрибунала, народным судам – 15, освобождены – 37. ЭКО гомельского губЧК был раскрыт ряд крупных преступлений, связанных с хищениями и взяточничеством в продовольственных, лесозаготовительных, кооперативных органах губернии, на Добрушской бумажной фабрике [9, л. 196–198].

Самым крупным стало «дело сенного отдела», по которому проходили сотрудники сенозаготовительных органов губернии. Заготовка сена (прежде всего для нужд армии) имела стратегическое значение, а структуры, занимавшиеся заготовкой сена, находились на военном положении. В начале 1921 г. состоянием сенозаготовок в Гомельской губернии занялась Полевая РКИ Западного фронта, к ревизии подключилась и гомельская губЧК. Предварительное расследование губЧК завершила в декабре 1921 г. По его итогам было решено привлечь к судебной ответственности и передать в губернский Революционный трибунал дела на 32 человека. Среди них – чрезвычайный уполномоченный Опродкомзапфронта М.В. Боришанский, его заместитель К.Г. Кудряшов, заведующий санным отделом губпродкома В.Н. Максимов, его заместитель И.М. Гейман, заведующие санными районами и сен-

ными участками, работники местных отделений РКИ, луговые сторожа. Руководящие работники сенозаготовок обвинялись в сокрытии большого количества лугов госфонда, массовом взяточничестве при раздаче лугов местному населению, систематическом сокрытии заготовленного сена от учета, продаже его частным лицам, укрывательстве от воинской повинности дезертиров, присвоении причитавшихся работникам пайков, жалованья, в бесхозяйственности, умышленном неправильном ведении отчетности, пьянстве. Руководители сенозаготовительных органов разного уровня вымогали взятки (деньгами или продуктами) у своих подчиненных под угрозой снятия последних с работы. В ходе дальнейших разбирательств до губревтрибунала дошло 23 человека (несколько человек скрылись, дела других, в том числе В.Н. Максимова, были прекращены «за недоказанностью их виновности»).

Приговором гомельского Губревтрибунала в мае 1922 г. по «сенному делу» четыре человека были приговорены к расстрелу (двум из них по амнистии расстрел был заменен лишением свободы на 5 лет). Остальные получили различные сроки тюремного заключения (от 1 до 5 лет) с возможностью применения амнистии в связи с четвертой годовщиной Октябрьской революции [10, л. 93–115об., 374].

С переходом к новой экономической политике, реанимацией товарно-денежных отношений, рыночных механизмов и финансовой системы в качестве главной опасности среди должностных преступлений партийно-советское руководство РСФСР выделило взяточничество: «враг коварный, нападающий из-за угла, почти неуловимый...охватило, как будто тисками, все наши хозяйственные учреждения». Для усиления борьбы с этим явлением по инициативе Ф.Э. Держинского решением СТО РСФСР 1 сентября 1922 г. была создана Комиссия СТО по борьбе с взяточничеством во главе с Ф.Э. Держинским [11].

На местах для координации деятельности по борьбе с взяточничеством создавались комиссии при губЭКОСО (губернском экономическом совещании) из представителей ГПУ, губюста, губсовнархоза, которые подчинялись непосредственно Комиссии СТО. Такие комиссии своих специальных аппаратов не создавали, а могли лишь пользоваться уже существовавшими ведомственными структурами. Одновременно создавались специальные местные ведомственные комиссии из трех человек: председатель (он же зав. соответствующим губотделом) и два члена «с безукоризненным прошлым и настоящим».

Задачами губкомиссий определялись проведение широкой кампании по борьбе со взяточничеством, согласование работы губотдела юстиции, губернских РКИ и ГПУ, руководство деятельностью местных ведомственных комиссий и т. п. [12]. В свою очередь местные ведомственные комиссии должны были отвечать за организацию и проведение мероприятий с целью как непосредственной борьбы с взяточничеством, так и искоренения условий, способствовавших и создававших благоприятную почву для взяточничества [13].

В Гомельской губернии комиссия по борьбе с взяточничеством при губЭКОСО была создана лишь 12 ноября 1922 г. Ее возглавил А.В. Дубина (зам. председателя губисполкома) [14, л. 48]. Сама эта кампания оказалась для гомельских органов власти неожиданной – ранее по данному вопросу местная власть специального внимания не уделяла, опыта систематической работы в этом направлении не было, а борьба с взяткой рассматривалась лишь как один из элементов (при этом далеко не самый важный) борьбы с должностными преступлениями, наиболее опасными из которых в то время считались присвоение государственных средств и имущества («казнокрадство») и широко распространенное «посредничество», а также неэффективное использование государственных средств работниками органов управления. В первый месяц своего существования были созданы пять ведомственных комиссий во главе с руководителями этих органов: при губсовнархозе (Шпигель), губисполкоме (И.И. Нейбах), губернском земельном управлении (Ф.К. Михаленок), губотделе управления (И.Ф. Федяев) и губпрофсоюзе (М.И. Залипский). В тех губернских органах и организациях, где ведомственные комиссии не были созданы, ответственность за борьбу с взяточничеством возлагалась на их руководителей. В уездах формировались свои «антивзяточные» уездные комиссии в составе председателя уездного исполкома, прокурора (или его помощника) и секретаря профбюро. В Гомеле заявления о взятках поступали на имя губернского прокурора, который передавал их соответствующим органам для ведения дела. В уездах заявления передавались уполномоченным ГПУ, более крупные – губпрокурору. Для разбора наиболее значимых дел на местах должны были проходить выездные сессии губревтрибунала [15, л. 115].

План работы губкомиссии включал и проведение широкой кампании в прессе, проведение собраний рабочих на предприятиях, крестьянских сходов и волостных конференций по вопросам борьбы с взяточничеством [14, л. 49 об.].

В компетенцию ведомственных комиссий входила проверка личного состава организаций и учреждений «с точки зрения благонадежности ... в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности». Проверке подлежали все сотрудники учреждений. В первую очередь из учреждений предлагалось «удалить» тех работников, которые уже ранее по суду привлекались по должностным преступлениям, а также «неблагонадежных» [14, л. 50].

К концу ноября 1922 г. было заслушано до 70 дел о взяточничестве, однако эти дела велись не по инициативе губкомиссии, а самостоятельно прокуратурой, РКИ и ГПУ. Губкомиссии лишь удалось «сдвинуть с места» рассмотрение дел о взяточничестве – к началу ноября в судебных органах был «залеж дел» по взяткам, из которых за ноябрь 1922 – январь 1923 г. удалось 148 дел «разобрать». Но каких-либо крупных дел по взяточничеству, на что нацеливали Комиссия при СТО РСФСР и губком РКП(б), так и не было выявлено. Работа главным образом свелась к проверкам состояния в целом работы органов государственной власти и хозяйственного управления, «чистки» их аппарата (прежде всего увольнением «социально неблагонадежных») для предупреждения случаев взяточничества и должностных преступлений. В январе – начале февраля 1923 г. комиссия обследовала работу губернских СНХ, финансового и коммунального отделов, выявив ряд мелких недостатков: перерасход средств на оплату сотрудников, на оказание шефской помощи, наличие «подозрительных элементов», большие расходы на содержание аппарата и т. п. По итогам проверок комиссия вносила предложения о сокращении штатов и увольнении работников (к февралю 1923 г. по таким рекомендациям было уволено около 200 сотрудников советских органов) [16, л. 224–225].

Фактически вся эта работа была лишь дополнением начавшейся еще в 1921 г. кампании по сокращению численности управленческого аппарата. Представляется, что новую кампанию местное партийное руководство решило использовать для усиления партийного контроля за работой карательных органов губернии. Руководство гомельского губкома РКП(б) подозрительно относилось к тому, что делами по должностным преступлениям в большинстве своем занимались беспартийные сотрудники РКИ и ГПУ, которыми (по мнению губкома) «зачастую проводится линия подкапывания и подбора недобросовестных материалов против ответственных работников коммунистов». Губкомиссия должна была, по сути, стать органом, проводящим «партийную линию» в делах о коррупции относительно руководящих работников-коммунистов, то есть руководствоваться решениями губкома РКПб, определявшими степень достоверности собранных контрольными и карательными органами доказательств вины этой категории работников, а также целесообразность придания тем или иным делам публичной огласки. Губпрокурор А.М. Берзин на заседании гомельского губкома РКП(б) 5 февраля 1923 г. прямо говорил, что по делам губкоммунхоза, гомпромторга и кожтреста, по которым привлекались ответственные работники губернского масштаба, губкому необходимо «дать директиву, ибо мы иначе слушать дела не можем» [16, л. 225–226].

Губкомиссии так и не удалось стать координирующим органом по борьбе с взяточничеством, которая, как и прежде, велась следственными и судебными органами. Несмотря на громкие заявления о необходимости «беспощадной борьбы с взяткой», эта работа рассматривалась местными органами всего лишь как очередная кампания идеологически-пропагандистского характера. Она должна была показать населению, что советская власть борется с этим явлением серьезно.

Надежды на привлечение к борьбе с взяточничеством широких слоев населения не оправдалась. К февралю 1923 г. поступило лишь около 60 заявлений от населения о случаях взяточничества [16, л. 225]. Такая ситуация была характерна и для других регионов России. В декабре 1922 г. председатель Центральной комиссии по борьбе с взяточничеством Наркомата юстиции РСФСР Зенькович в циркуляре губернским и областным прокурорам отмечал, что «разочаровавшись в обращениях ко «всему населению» ряд комиссий... идет с повторными обращениями к... профессиональным союзам и массам рабочих и служащих...» [17, л. 6]. Население относилось к взяточничеству не как к рудименту прошлого, несовместимому но-

вому строю, а как к явлению, присущему любому государственному аппарату и позволявшему быстро и ставшим уже для многих привычным способом преодолевать существовавшие административно-бюрократические препятствия в решении различных вопросов.

Губкомиссия была ликвидирована решением президиума гомельского губисполкома от 12 июня 1923 г. С этого времени вопросы борьбы с взяточничеством вновь стали делом обычных гражданских судебных органов и органов государственного контроля.

Проведенная «антивзяточная» кампания к сколько-нибудь значительному перелому в борьбе с должностными преступлениями так и не привела. В июле 1924 г. в производстве следственного аппарата губернии находилось 200 дел о должностных преступлениях. В основном это были дела о хищениях, посредничестве при торговых сделках, взяточничестве при выдаче разрешений на вырубку леса, проведении муниципализации домов и землеустройства, распределении жилплощади, начислении налогов и т. п. По этим делам проходили главным образом исполнители низового уровня (лесничие, землеустроители, налоговые инспектора, зав. складами и т. д.). Из сотрудников губернского уровня под следствием в 1924 г. оказался лишь бывший губпродкомиссар, уполномоченный акционерного общества «Хлебопродукт» по Гомельской губернии, член президиума гомельского губисполкома А.А. Моркина. Несмотря на доказанность следствием его участия в преступлениях по должности (нанесение ущерба государству в результате сокрытия преступлений подчиненных ему лиц), дело было прекращено в связи с отсутствием в действиях А.А. Моркина «корыстной цели» и по ходатайствам замнаркома юстиции РСФСР и помощника Прокурора Республики [6, л. 316–316 об.].

В январе 1925 г. на губернском совещании по советскому строительству констатировались «систематические хищения и растраты секретарями и другими работниками волисполкомов сумм из кассы волисполкомов в течение продолжительного времени», «частичное заключение невыгодных договоров, зачастую юридически совершенно не оформленных и хозяйственно нецелесообразных», «продажа имущества без торгов и всякого соблюдения законодательства по этому поводу» [18, л. 38–39].

Заключение. Борьба с должностными преступлениями в первое десятилетие советской власти носило типично «кампанейский» характер. Местные органы власти и управления Гомельской губернии во исполнение решений центра принимали соответствующие постановления, разрабатывали меры по их осуществлению, на время активизировали свою деятельность по минимизации масштабов преступлений по должности. Через некоторое время на первое место выдвигались иные экономические и политические задачи, на которые и переключалось их основное внимание.

Противодействие распространению должностных преступлений носило классовый характер: принадлежность к «бывшим» (дворянам, царским чиновникам, служащим полиции) усугубляло вину и приводило к более суровым наказаниям и, наоборот, рабоче-крестьянское происхождение было основанием для снижения меры наказания. Всегда особняком стояли дела о должностных преступлениях руководителей-коммунистов: здесь фактически степень виновности и меру наказания определял губком партии, а не судебные органы. Еще в июле 1921 г. гомельский губком РКП(б) дал недвусмысленное указание губревтрибуналу: «О делах коммунистов и бывших членов РКП входить в бюро губкома с докладом для получения директив о характере, который должен быть придан делу, и определения приговора» [19, л. 40]. Чаще всего коммунисты-руководители губернского уровня даже при наличии доказанных фактов их преступной деятельности как «особо ценные политические кадры» либо от ответственности освобождались, либо переводились на иные должности, либо несли наказание только по партийной линии без передачи дел в следственные и судебные органы.

Партийно-советское руководство на разных уровнях рассматривало должностные преступления не как явление системное, присущее любому государству, а как временное, связанное с начальным этапом строительства нового общества. Основные причины распространения такого рода преступлений им виделись, во-первых, в низком уровне оплаты труда советских служащих («необеспеченность, ничтожность жалованья, пайка»), во-вторых, в факторе психологическом – неприятии многими советскими служащими (в том числе и из «пролетарских слоев населения») новой коммунистической идеологии, традиционном, еще дореволюционном, восприятии государственной должности как средства решения своих личных

проблем, стремлении «построить свое благополучие за счет ресурсов государства». Представлялось, что с повышением жизненного уровня, чисткой рядов служащих от «бывших элементов старого режима» и ростом коммунистической сознательности всех слоев населения эта проблема в недалеком будущем будет решена сама собой. Как показывает дальнейшая история, этот оптимизм не оправдался. Проблемы коррупции как системного явления, несмотря на официальное его отрицание, в советское время в дальнейшем только обострились.

Литература

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. – № 35. – Ст. 467; СУ РСФСР. 1919. – № 13. – Ст. 132.; СУ РСФСР. 1921. – № 60. – Ст. 421.
2. СУ РСФСР. 1922. – № 15. – Ст. 153.
3. Мозохин, О.Б. ВЧК – ОГПУ – НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы /О.Б. Мозохин. – Москва : Алгоритм, 2016. – 272 с.
4. Государственный архив общественных объединений гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 11. Протоколы пленумов, заседаний президиума и отчеты губисполкома, губернского и уездного военревкома. 1919–1920 гг.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 48. Постановления губпрокурора и заключения следователей по обвинению в контрреволюционных и должностных преступлениях. 1923–1924 гг.
6. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний губкома № 1–54. 1920 г.
7. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 746. Протоколы заседаний губкома № 1–81. 1921–1922 гг.
8. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1240. Протоколы заседаний бюро губкома № 1–55. 1922 г.
9. ГАГО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 15. Отчеты о деятельности отделов губисполкома и губернских учреждений к V губернскому съезду Советов. 1921 г.
10. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 21. Приговоры и протоколы допросов лиц, обвиняемых в должностных преступлениях. 1921–1923 гг.
11. Об образовании Комиссии СТО по борьбе со взяточничеством [Электронный ресурс] : приказ ГПУ № 218 от 16.09.1922 г. – Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1019518>. – Дата доступа : 15.01.2017.
12. Об организации и деятельности комиссий при обэкоосо и губэкоосо по борьбе с взяточничеством [Электронный ресурс]: положение от 5 октября 1922 г. – Режим доступа : <http://scicenter.online/kniga-istoriya-rossii/polojenie-vedomstvennyih-komissiyah-borbe-79245.html>. – Дата доступа : 14.12.2016.
13. О ведомственных Комиссиях по борьбе со взяточничеством : положение от 13 сентября 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ereading.club/chapter.php/1003119/88/Mozohin_-_VChK_OGPU_v_borbe_s_korruptsiy.html. – Дата доступа : 11.01.2017.
14. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 245. Документы о работе губкома и губисполкома. 1922 г.
15. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1244. Протоколы заседаний бюро губкома РКПб № 1–23. 1922 г.
16. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1858. Протоколы заседаний бюро губкома РКПб № 24–25 и документы к ним. 1923 г.
17. ГАГО. – Ф. 158. – Оп. 1. – Д. 97. Дело комиссии по борьбе с взяточничеством. 1922 г.
18. ГАГО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 477. Резолюции губернского совещания по советскому строительству 6–10 мая 1925 г.
19. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 51. Декреты, положения, приказы, циркуляры и инструкции ВЦИК, НКЮ РСФСР, Верховного Трибунала при ВЦИК и губревтрибунала. 1920–1922 гг.

УДК 94:316.728-055.2(476.2)«192»

Женщины Гомельщины в 1920-е годы: мировоззрение и деятельность

А.И. ЗЕЛЕНКОВА

Освещается сущность советской гендерной политики на примере решения «женского вопроса» на Гомельщине в 1920-е годы. На основе архивных документов сделана попытка выявить позиции женщин и показать причины, определявшие их мировоззрение и деятельность в первое послереволюционное десятилетие.

Ключевые слова: женщина, советская власть, мировоззрение, деятельность, делегатка, работница, крестьянка.

The essence of Soviet gender policy on the example of the solution of the «women's issue» in the Gomel region in the 1920s is highlighted. On the basis of archival documents an attempt is made to reveal the positions of women and show the reasons that determined their worldview and activities in the first post-revolutionary decade.

Keywords: woman, Soviet power, world outlook, activity, delegate, worker, peasant woman.

Сочетание культурной истории, истории повседневности, гендерной истории и исторической феминологии сделало возможным обращение к сложному взаимодействию разнообразных аспектов женского существования, связанных с поведенческими реакциями и технологиями, бытовыми принадлежностями, идеями, нормами общества, позволило осмыслить исторический опыт, изучить ментальные представления, стереотипы восприятия, поведения, модели мышления женщин в условиях революций, войн, голода, разрухи.

В послереволюционные годы женский вопрос трактовался как неотъемлемая часть общей борьбы за освобождение рабочего класса. Условием его решения считалось полное равноправие мужчин и женщин. К середине 1930-х гг. советским руководством был сделан вывод о решённости женского вопроса в СССР [1, с. 421].

В 1920-е гг. идут постепенные изменения содержания предписанных и ожидаемых образцов поведения, по-новому дифференцировавших права и обязанности, деятельность женщин, равенство женщин и мужчин перед законом. Собственные представления о роли женщин в обществе без эксплуатации и стремление получить в лице женского трудового населения социальную базу новой власти обусловили выдвижение задачи высвобождения женщин от работы по домоводству, проведение политики их целенаправленного вовлечения в управление государством, в общественное производство, в том числе его управленческие структуры.

Создание государственной системы охраны материнства и детства предполагало обеспечение гарантий социальных и экономических прав женщины-матери и ребёнка, создание материально-технической базы здравоохранения для оказания медицинской помощи женщинам, детям и подготовку кадров для этой системы. В январе 1920 г. на губернском съезде отделов социального обеспечения было принято решение открыть в промышленных городах (Гомеле, Могилёве) все типы учреждений охраны материнства и младенчества, в крупных уездных центрах (Речица, Орша, Новозыбков и т. д.) отдельные учреждения, а в уездах с преобладанием крестьянского населения только детские ясли. К концу 1920 г. в Гомельской губернии действовали 14 домов ребёнка, 9 консультаций, 1 фабричные и 4 деревенских яслей и 1 Дом матери и ребёнка [2, л. 10].

В это же время в Гомеле началась подготовка специальных инструкторов для организации и проведения работы по охране материнства и младенчества на местах. В круг их деятельности входила организация консультаций для беременных и грудных детей, молочных кухонь, домов матери и ребёнка, яслей, патронажа и специальных курсов для подготовки кадров.

Подводя итоги работы за первые годы деятельности, на Гомельском губернском совещании уездных представителей отделов охраны материнства и младенчества отмечалось, что формы охраны материнства находятся ещё в процессе разработки. Многие типы учреждений, например, дома ребёнка, имеют временный характер и их создание вызвано жизненной необходимостью. Хорошо была налажена работа в городах с преобладанием фабричного и ремесленного населения и оказывалась помощь со стороны женотделов [2, л. 11].

В первые послереволюционные годы, рассматривая женщин как потенциального политического союзника, советская власть проводила среди них большую организационную работу. Но осуществить все намеченные планы и сломать устоявшиеся стереотипы было непросто. В начале 1920-х гг. в Гомельской губернии, также как и в других губерниях страны, создаются специальные органы для проведения работы среди женщин – женотделы. Такие же отделы были организованы и при уездных исполнительных комитетах. В начале ноября 1920 г. в Гомеле состоялась первая губернская конференция беспартийных работниц и крестьянок. Губернский женотдел планировал собрать от 300 до 350 женщин (по одной делегатке от каждой волости и несколько мест предоставлялось городам и рабочим районам), которые должны были представлять всё рабочее и крестьянское женское население губернии. Однако на конференцию прибыло только 107 женщин, так как руководство на местах не организовало проведение волостных конференций для выдвижения делегатов. Как отмечалось в отчёте о работе конференции, это было связано с тем, что её подготовка «тормозилась в силу того консерватизма мысли по отношению к работе среди женщин, которым ещё и теперь страдают многие наши товарищи» [3, с. 84]. На конференции отмечалось, что работницы промышленных предприятий постепенно включаются в деятельность советских органов и профсоюзных организаций на разных уровнях, обсуждались вопросы о вовлечении крестьянок в советское строительство, об обязательном участии женщин в общественной жизни. Кроме этого, в повестку конференции были включены вопросы о международном положении, о всеобщем обучении, об охране материнства и младенчества и другие. Острую дискуссию вызвал доклад «О продналоге». Делегатки, особенно представительницы села, резко критиковали политику, проводимую советской властью, которая «берёт мужчин на войну. Пусть воюет тот, кто начал войну, а нам война не нужна. Советская власть, облагая продовольственной повинностью деревню, ничего не даёт ей взамен. Никакой инспекции нет, никто не следит за действиями местных головотяпов, и они разгуливают во всю, опошляя идею Советской власти и настраивая против неё трудовые массы». Многие участницы конференции выступали с критикой системы социального воспитания, защищая традиционные семейные ценности. Они утверждали, что эта система «противоречит чувствам материнства, что нельзя производить детей, если не хочешь сам их воспитывать» [3, с. 84].

Анализируя работу первой губернской конференции беспартийных работниц и крестьянок, в статье, опубликованной в «Известиях Гомельского губернского комитета РКП» отмечалось, что делегатки «разделились на 3 группы. Одна, активно выступавшая в защиту политики Советской власти, другая, выступавшая с жалобами на неё. И третья, наиболее молодая часть конференции, ещё не освободившаяся окончательно от родительской опеки, но стремящаяся к этому освобождению, к новой жизни. Молодые девушки и женщины в своих записках в президиум заявляли, что они не выступают на конференции потому, что боятся своих отцов и мужей, но что они во всём согласны с Советской властью и готовы ей всячески помогать». Кроме того, в статье подчёркивалось, что работницы промышленных предприятий постепенно включаются в деятельность советских органов и профсоюзных организаций на разных уровнях. Однако развернуть активную работу в этом направлении среди женщин-крестьянок будет трудно, потому что изменение сознания зависит от материального уровня жизни. «Если все факты современной жизни неопровержимо доказывают полную зависимость общественного сознания от форм его экономического бытия, то конференция дала самый яркий и разительный пример доказательства истинности этого положения» [3, с. 85].

В начале 1920-х гг. на уездных и волостных конференциях женщины обсуждали социально-экономическую политику советской власти. Так, в октябре 1922 г. на Брагинской волостной беспартийной конференции крестьянок (76 женщин) отмечалось, что в волости «особенно в деревнях на женщин смотрят как на раба, не допускают к общественной работе, ей отводят работу в семье и возле скота. Крестьянка, являясь на сходку, стесняется высказать своё горе, она боится каждого, и поэтому её больше всех обижают. Из этого положения единственный выход в том, чтобы во все государственные, общественные учреждения должны быть избираемы женщины, которые скорее мужчин могут понять её нужды и горе, и могут быть более отзывчивы». Кроме того, мужчины не приветствовали участия женщин даже в собраниях. «В деревне на нас совершенно нет внимания. Если которая и пойдёт когда на сход, то мужики злятся, осмеют, обругают, гадами тех баб называют. Нас всюду гонят, не дают ходу. Вот с этим как бороться». Женщины также говорили о своём бедственном поло-

жении, особенно вдовы: «С меня берут продналог, а в семье 6 человек детей. За продналогом пришли с винтовками. Завели последнюю корову и нечего детям есть. Дети раньше в школе учились, а теперь нет. Я сама попросила чужое пальто и платок, чтобы придти на конференцию». Женщины обращались к руководству волости с просьбой «растолковать, куда обращаться за помощью, за советом, куда жаловаться» [4, л. 131, 131 об].

В протоколе беспартийной конференции крестьян и крестьянок Дудичской волости (25 декабря 1922 г.) подчёркивалось: «В городе работницы уже участвуют в строительстве страны, чего ещё нельзя видеть в деревне. Мы задались целью дать развитие работнице крестьянке, для чего были созданы Отделы Работниц крестьянок. Вся тяжесть работы лежит в деревне. Необходимо организовать комитет взаимопомощи, который должен оказывать помощь действительно нуждающейся крестьянке. В каждый сельсовет и в комитет взаимопомощи должна быть избрана также крестьянка. На уездном съезде советов постановлено, один раз в неделю созывать конференции, на которые должны быть избраны и крестьянки. В ближайшее время будут организованы курсы по сельскому хозяйству, на которые необходимо послать и крестьянок». Однако делегаты мужчины не соглашались с этим, указывая, что «между женщиной города и деревни большая разница. Женщина в деревне целый день работает и некогда ей посещать всякие собрания. Когда изменится самый строй общества, тогда можно будет женщине участвовать в политической жизни страны. Пока Россия не будет электрифицирована, о равноправии женщин нечего и говорить». Однако председатель волисполкома заявил, что «он не будет проводить собраний, пока в них не будут участвовать женщины». Женщин, выступавших на конференции, в первую очередь волновало тяжёлое материальное положение: «трудно живётся, мужей забрали на войну, на нас наложили разные налоги и никак нельзя справиться. ... Здесь собрались самые беднейшие волостные вдовы, которым не в силу выполнить всех государственных налогов». В ответ, мужчины заявляли, что «на конференции нечего каждому выливать своё горе». Заведующая женотделом Речицкого уезда Пятковская указывала, что «некоторые товарищи согласились с тем, что женщина должна принимать участие в советском строительстве, другие указывали, что женщина города свободнее, а потому она может заняться другой работой, а женщине деревни невозможно. Но это неправильно, фактически работницы города более заняты, чем крестьянка, ибо они уже выступили на борьбу. Женщине необходимо наравне с мужчиной принимать деятельное участие во всех областях советской жизни. Положение вдов действительно скверное, но если она будет интересоваться советским строительством, она отметит, что делается справедливо и что – нет». В резолюции, принятой на Дудичской волконференции, отмечалось: «Рабоче-крестьянская власть дала широкие права женщинам-крестьянкам и работницам в области всестороннего участия в советском строительстве, их необходимо вовлечь в работу, путём избрания и выделения крестьянок в соворганы, как то: в волисполком, сельсовет, в комитеты взаимопомощи, в ЕПО, школьные советы и т. д. При созыве волконференции крестьян должно быть обязательным участие крестьянок не менее 20 %. При организации каких-либо курсов, а главным образом по сельскому хозяйству, обязательно посылать крестьянок. Крестьяне со своей стороны должны принимать все меры к тому, чтобы крестьянки посещали все собрания, а также участвовали в жизни строительства волости и деревни» [5, л. 11–12]. В 1923 г. Речицкая уездно-городская конференция крестьянок и работниц подвела итоги работы волостных конференций, обсудила деятельность местных органов власти по вовлечению женщин в общественную жизнь. Женщины-делегатки подчёркивали: «Вы нас потешаете, что нам дали землю, которую отняли от помещиков. Мы до сих пор ещё не получили никакой земли, а приходится работать день и ночь, кушать нечего. У нас требуют непосильные денежные налоги, но у нас денег не имеется и негде их заработать, последний хлеб отдаём в продналог» [6, л. 5].

Несмотря на попытки решения поднятых женщинами проблем, они оставались актуальными. Выступавшие на проводимых встречах представительницы уездов и волостей Гомельщины отмечали: «Почему женщины не ходят на собрания, почему их нет в сельском совете? У деревенской женщины много работы и она очень устаёт, а тут ещё хозяйство надо вести, соломы достать, хлеба у кулака занять... Деловой обстановки в сельсовете для женщины не создано. Она поддержки со стороны сельсовета не имеет, и с этим диктаторским явлением со стороны мужчин должна быть поведена решительная война. В селе мужчины на женщину смотрят отрицательно и зачастую говорят, что в сельсовете ей делать нечего. Насмешки над женщиной, матерщина на заседаниях – этому должен быть положен конец. Если

созывается общее собрание, и нет женщин – значит, оно неполное и это надо запомнить всем мужчинам». Женщины-крестьянки обращались к руководству губженотдела с просьбой оказать помощь в работе в сельсоветах: «Сами мы ещё работать не можем и не умеем и нас нужно к работе в сельсовете, к общественной работе приучать и втягивать» [7, лл. 22, 62, 64, 67].

Сломить сложившиеся в обществе стереотипы было непросто, столкновение силы традиций с силой советского этатизма порождало двойственность культурных практик в процессе их трансформации. Население, особенно в сельской местности, часто просто приспосабливалось к новым условиям существования, не отказываясь от традиционных устоев. Например, корреспондент газеты «Полесская Правда» так рассказывал о предстоящей свадьбе в с. Огородня-Кузьминичная: «По «савецки» в исполкоме Ксюша Фадеева обвенчалась ещё недели за три до свадьбы с Микиткой (сыном зажиточного крестьянина Луки). Лука напервых, было, заартачился: как это так, как это теперь в пост в филипповку, свадьбу сыграть? Но получивши должное внушение от строгой супруги, что всё это делается только для формальностей и захвата невесты, а свадьбу они будут играть после Крещения, как и полагается добрым людям, успокоился. И, узнавши, что без «треклятой» исполкомской бумажки и отец Филат не станет венчать молодых в церкви, почесавши за ухом, Лука крепко выругался на «сполкомовцев», что дорого берут за «легистрацию».

– Вот она, свобода большевистская – отделение церкви от государства, а за «легистрацию» отдай रुपь семьдесят!

Венчались в церкви, праздничным днём. Любопытных посмотреть на молодых собралось много. Всем было интересно, как это Ксюша Фадеева, считавшаяся первой красавицей на селе, крутившая два года любовь с коммунистом Алёшкой Чижиком, ни стога, ни с сего взяла, да и пошла под венец с Микиткой» [8, с. 10].

За первые десять лет советской власти удалось добиться некоторых успехов. Спецификой советской гендерной политики этих лет стало массовое организованное советское женское движение, опора на женское трудовое население. Так, в 1927 г. на Гомельщине были подведены итоги о работе среди женщин в советах и исполкомах. В отчёте отмечалось: «все-го работает женщин в Советах по округу: председателей, заместителей, секретарей сельских советов – 12 чел., членов президиума и секций сельских советов – 95 чел., в райисполкомах и горсоветах – 17 чел. Помимо участия в работе советского аппарата, женщины принимают участие в работе общественных организаций (ККОВ, ОСОАвиахим, МОПР, Красный Крест и др.). Выдвинутые на руководящую работу в советы женщины со своими обязанностями справляются. Все задания выполняют аккуратно, в основном обследуют больницы, школы». В районах созывались совещания, на которых давались указания, «как нужно работать, как проводить обследования». Женщины принимали участие также в общественно-хозяйственной жизни: «организовывали молочные товарищества, указывали на недостатки в работе учреждений общественного характера (бани, столовые), контролировали распределение мануфактуры населению». В отчёте подчёркивалось, что иногда женщины проявляют инициативу в работе, особенно по вопросам улучшения быта, организации детских учреждений, больниц, решения жилищных вопросов. Обращалось внимание в документе и на недостатки в работе среди женщин: «Как в городе, так и в деревне имеется небольшое количество женщин, которых можно выдвинуть на руководящую работу сельского и районного масштаба. В незначительных случаях более развитыми женщинами проводится работа в области создания женского актива. Поручений им даётся мало по той причине, что избранные в Советы женщины в большинстве малограмотные. Были случаи, когда женщины поднимали вопрос о представлении им большей возможности пополнить грамотность. Однако ещё имеется большая часть женщин, которая в силу семейно-бытовых условий уделить внимание повышению своих знаний не могут. В части ликвидации политической и культурной неграмотности, за исключением отдельных случаев, в среде женщин мало заметно изживаются религиозные и мещанские традиции. Некоторая пассивность в работе женщин объясняется в большей части ещё неизжитием до сих пор консерватизма со стороны мужчин» [9, л. 199–202].

В первые десятилетия советской власти сложилась советская гендерная композиция, базовыми, фундаментальными чертами которой стали юридическое равноправие женщин с мужчинами, гражданский брак, свобода разводов, обязанность мужчин после развода мате-

риально обеспечивать несовершеннолетних детей, охрана материнства и младенчества, признание женщин как новых «неиспользованных сил для коммунистической партии», втягивание их в управление государством, широкое вовлечение в общественное производство, в том числе и его управленческие структуры, опора на женское трудовое население, задача высвобождения женщин от работы в домашнем хозяйстве путём создания системы общественного воспитания детей, общественных учреждений (столовых, прачечных и т. д.). Ставилась задача повышения образовательного уровня женщин. Например, в Гомельском педагогическом институте на 1934 г. женщины составляли 42 % от общего числа студентов, при этом среди преподавательского коллектива женщины составляли только 12 % [10, с. 9].

В ряде исследований по данной теме М.И. Мирошниченко отмечает, что 1929–1932 гг. являются рубежом периодом между двумя моделями первой советской гендерной композиции. К отличительным признакам второго этапа (первая половина 1930-х гг.) относятся резкое сокращение государственной поддержки и массовости советского женского движения при внешней множественности новых организационных форм работы среди женщин, массовое вовлечение женщин в тяжёлую промышленность – в «мужские» отрасли и «мужские» профессии, изменение характера выдвигенчества, исключение крестьянок-единоличниц из круга трудящихся женщин, унификация гендерной композиции и свёртывание альтернативных гендерных женских моделей. Трансформация первой модели гендерной композиции во вторую происходила в направлении сокращения массового женского движения, универсализации женских культурных практик.

Важнейшие функции женщин в семье в первое послереволюционное десятилетие осуществлялись в чрезвычайных условиях преодоления разрухи после гражданской войны, частых изменений экономического и политического курсов, ужесточение политического режима. Мировоззренческие позиции женщин и степень осмысления ими политических событий определялись во многом жизненными обстоятельствами, особенностями психологического склада личности. Деятельность женщин в семье как участниц домохозяйства и ведущих субъектов домашнего хозяйства была направлена на обеспечение условий поддержания жизнедеятельности, воспроизводство, первичную социализацию детей. Общие изменения в социальной структуре женского социума шли в нескольких направлениях. Росла численность работниц и женщин-служащих, доля новых слоёв (колхозницы, студентки и др.). Происходили постепенные изменения традиционных механизмов конструирования женской идентичности и вытеснение их новыми.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1985. – Т. 6 : 1933–1937. – 431 с.
2. Отчёт губернского совещания уездных представителей отделов охраны материнства и младенчества // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 306. – Оп. 1. – Д. 18.
3. Прокопцов, М. Первая гомельская губернская конференция беспартийных работниц и крестьянок / М. Прокопцов // Известия Гомельского Губернского Комитета Р.К.П. – 1920. – № 5 – С. 84–85.
4. Протокол первой Брагинской волостной беспартийной конференции крестьянок Речицкого уезда от 29 октября 1922 г. // ГАГО. – Фонд 29. – Оп. 1. – Д. 104.
5. Протокол объединённой беспартийной конференции крестьян и крестьянок Дудичской волости Речицкого уезда от 25 декабря 1922 г. // ГАГО. – Фонд 29. – Оп. 1. – Д. 130.
6. Протокол заседания второй уездно-городской конференции крестьянок и работниц Речицкого уезда 6–8 февраля 1923 г. // ГАГО. – Фонд 685. – Оп. 1. – Д. 160.
7. Протокол заседания XVI Стародубского уездного съезда Советов. 3 марта 1926 г. // ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 640.
8. Ходьков, В. Без венца / В. Ходьков // Литературный, общественно-бытовой и научно-популярный иллюстрированный журнал «Рабочий досуг». – 1926. – № 1. – 15 с.
9. Отчёт о работе женщин в Советах и Исполкомах // ГАГО. – Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 27.
10. Зеленкова, А.И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (1930–2015 гг.) / А.И. Зеленкова, Н.Н. Мезга, М.П. Савинская. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 266 с.

Т.Г. Масарик о причинах и результатах Первой мировой войны

А.Н. КРАВЧУК

Показано восприятие Т.Г. Масариком Первой мировой войны как кризиса европейской цивилизации, оценка и понимание геополитических последствий распада полиэтнических империй и возникновения новых независимых стран в Центрально-Восточной Европе как проявление процессов демократизации, становления Новой Европы – совокупности равноправных государств.

Ключевые слова: Т.Г. Масарик, Первая мировая война, мультинациональные империи, Чехословацкая республика, национальный вопрос.

The T.G. Masaryk's perception of the World War I is described as the crisis of European civilization. The article focuses on his views on geopolitical consequences of the disintegration of multi-ethnic empires and emergence of new independent states in Central and Eastern Europe as a sign of the processes towards democratization and formation of New Europe as a group of equal in rights states.

Keywords: T.G. Masaryk, World War I, multinational empires, Czechoslovak Republic, national question.

Первая мировая война положила начало коренным изменениям политической организации человечества, в частности возникновению новых государств. Среди них была и Чехословакия, первый президент которой Т.Г. Масарик имел собственные представления не только о развитии своей страны, но и о послевоенной реорганизации политической структуры Европы, интеграции континента на демократических принципах (программа гуманной демократии). Его идеи сохраняют актуальность и в наше время.

Указанные аспекты деятельности Т.Г. Масарика в той или иной степени раскрыли в своих работах М. Беднарж [1]–[3], С. Виднянский [4], Д. Ковач [5], А. Карась [6], И. Ковтун [7], О. Малинова [8], М. Нагорняк [9], Я. Недома [10], М. Неудорфлова [11]–[12], Я. Опат [13], К. Пихлик [14], И. Самсон [15], Е. Серапионова [16], А. Субигу [17], Я. Шабата [18], З. Шолле [19]–[20], Р. Шпорлюк [21], [22], Е. Фирсов [23] и другие авторы. Исследователи рассматривали их в контексте борьбы Т.Г. Масарика за создание чехословацкого государства и его места в европейском политическом сообществе. С учетом этого, цель статьи – раскрыть взгляды Т.Г. Масарика на причины и последствия Первой мировой войны для политического развития европейского континента.

Источниками являются произведения Т.Г. Масарика – статья «Война» (1914 г.) [24], труд «Новая Европа. Славянская точка зрения» (1918 г.) [25], воспоминания «Мировая революция. Во время войны и в войне 1914–1918 гг.» (1925 г.) [26], сборник речей и интервью «Путь демократии» [27]–[30]. Также использованы труды литераторов К. Чапека [31] и Э. Людвига [32] о беседах с Масариком.

В 1914 г. Масарик охарактеризовал войну как мировую [24, s. 11], выступил против ее понимания как войны немецко-славянской или «культурных наций против некультурных». Он указал на борьбу между могущественными государствами за мировое первенство, конкуренцию английской и немецкой промышленности и капитала на мировом рынке, соперничество этих стран в приобретении колоний [24, s. 16].

Его анализ потенциала воюющих сторон (численность населения, армии, вооружения и т. п.), указывал на превосходство стран Антанты. По прогнозам Масарика, последствия войны приведут к изменению политической карты Европы и общественного устройства [24, s. 11].

После войны Масарик изложил оценку ее событий и последствий в контексте своего понимания философии истории. К предпосылкам войны Масарик относил «духовный кризис современного человека и цивилизации», как переходную стадию развития общества [26, ss. 286, 291].

Среди проявлений кризиса Масарик выделял агрессивность части людей, приобретающую форму убийства или самоубийства. «Субъективный индивидуализм, преувеличенный солипсизм и титаническое богоравенство невыносимы для человека – в конце концов он совершит насилие над собой или над ближним: самоубийство и убийство являются выходом из этого насилия» [26, s. 286–287].

Масарик оценивал захватнические войны как аморальные, а оборонные считал допустимыми, морально оправданными. Страны Антанты вели оборонную войну против пангерманской программы господства в Европе и вытеснения Англии и Франции с их колониальных владений в Азии и Африке.

В начале войны Масарик по-разному оценивал мировые государства, большинство из которых составляли империи [31, с. 264–267]. Великобритания в его представлении – демократическая страна, образец парламентаризма, политической стабильности и порядка [27, s. 265], Франция – родина прав человека, США – первая великая демократия в которой совмещены политические и религиозные свободы [25, s. 77]. Россия, Германия, Австро-Венгрия, по его мнению, относились к теократическим абсолютистским государствам, которые на протяжении веков, используя насилие, подчинили половину Европы [26, s. 338] и превратились в самые большие полиэтнические страны [25, s. 91].

Представления Германии и Австро-Венгрии о себе как глашатаях божественной воли, что было фикцией, зиждились на основе принципов средневекового теократического монархизма, которые противоречили стремлениям народов. Турция – мусульманская теократия, «антинациональная, антидемократическая, средневековая и к тому же некультурная и варварская» [10, s. 77]. Их Масарик рассматривал как пережиток средневековой теократии. Он выступал против взглядов пангерманистов об отсутствии перспектив исторического развития малых наций [27, ss. 24, 28].

Ответственность за мировую войну Масарик возлагал на Германию и Австро-Венгрию, которым противостояли конституционные и демократические государства, прежде всего Великобритания и Франция, признававшие право больших и малых народов на свободу и независимость.

В годы войны изменилось отношение Масарика к государственности Австро-Венгрии. Из сторонника монархии как противовеса Германии, защитницы малых наций еще с XVI ст., времени борьбы с Османской империей, он превратился в ее противника. Агрессия против небольшой Сербии, окончательное превращение монархии в страну насилия меньшинства (немцев и венгров) над большинством (славянскими народами), утрата перспектив ее федерализации, полная зависимость от Германии привели к потере смысла существования монархии Габсбургов [25, s. 128–129].

Уделяя значительное внимание послевоенному устройству международных отношений, политик предложил Антанте проект политической реорганизации Центрально-Восточной Европы как альтернативу немецкому – Срединной Европы (Mitteleuropa).

Вместо довоенного принципа равновесия мировых государств, Масарик выдвинул национальный принцип, который приобрел политическое содержание с конца XVIII ст. Идеи гуманности, прав человека, положение Й. Гердера о нациях как природных органах человечества, а государствах как искусственных, значительно повлияли на развитие процесса национального возрождения безгосударственных народов Европы, в частности чехов и словаков. Именуя этот процесс национальной индивидуализацией, Масарик отрицал существование избранных наций по расовому признаку [25, s. 89–90].

Национальные проблемы в полиэтнических империях, по мнению Масарика, были анахронизмом, наносившим ущерб всем нациям, поскольку «господствующая нация, угнетая, вредит себе, допуская насилие и заимствуя не лучшие черты угнетенной нации» [25, s. 106].

Исходя из того, что нация – «цель общественных усилий», а государство – только «средство этого», каждая сознательная нация ведет борьбу за собственное государство, политическая независимость «для образованной нации, обладающей самосознанием является жизненной необходимостью, потому что нация политически поработенная, даже в самом культурном государстве чувствует угнетение, эксплуатируется экономически и социально» [25, s. 105].

Учитывая существование в тогдашней Европе 27 государств и 70 наций и языков, стремление многих из них к созданию собственных государств, Масарик отмечал необходимость права на самоопределение [25, s. 91–92]. Решение же стран Антанты весной 1918 г. о необходимости ликвидации Австро-Венгрии на самом деле диктовалось пониманием невозможности разрыва альянса империи Габсбургов и Германии.

Отстаивая, сформулированное им право малых наций на самоопределение, т. е. на политическую независимость, Масарик использовал пример действия демократических принципов в США [25, s. 94].

Жизнеспособность малых государств, Масарик аргументировал экономическими факторами, зрелостью их культурного развития, необходимость их равенства с великими госу-

дарствами. Рассуждая о форме правления Чехословацкого государства, Масарик перешел от идеи конституционной монархии к демократической республике. Окончательное решение было принято после Февральской революции в России в 1917 г.

В завершающий период войны Масарик отмечал важное значение революции в России, которая, по его мнению, ознаменовала начало мировой исторической драмы, финалом которой стали революционные события октября-ноября 1918 г. в Германии, Австро-Венгрии, Турции, изменившие «политическую поверхность Европы и всего мира» [26, ss. 261, 265].

Поражением и распадом этих империй завершилась мирового масштаба революционная «постфеодальная эпоха больших европейских компромиссов с либеральным капитализмом и наоборот» [18, s. 19].

Падение Германии и Австро-Венгрии также означало избавление Европы от абсолютизма, результатом чего будет победа демократии и обеспечение свободы малых наций [26, s. 165].

Мировую войну и эпоху после нее Масарик трактовал как последнюю фазу постепенной организации человечества «в целостность» [31, с. 264–267], как определенный «переходный этап» в истории Европы [33, с. 619].

Масарик полагал, что после Великой французской революции начался процесс революций. Революции, возникшие в ходе мировой войны, свидетельствуют, что мир находится в середине этого развития. Одновременно политик выразил мнение, что «возможно ... мы в мировой войне преодолели не только старый режим, но и переходное революционное состояние» [28, s. 466].

Закономерность распада империй, по его мнению, была вызвана поражением централизма в борьбе с тенденцией автономизации (федерализма) [14, s. 45]. Монархический абсолютизм с присущим ему центризмом свое отжил [26, ss. 338, 178].

Среди задач дальнейшего развития государств-преемников империй, он выделял их секуляризацию [26, s. 291].

С особым вниманием Масарик относился к России. Демократизация России, по мнению Масарика, началась после Февральской революции 1917 г. [25, s. 78]. Он видел ее причины в поверхностном характере царской модернизации, охватившей только элиту страны [26, ss. 113, 114]. Приход большевиков к власти Масарик не одобрял: «Я ... не могу принять коммунизм и, главное, жалею, что в России нет свободы; без свободы невозможно мыслить, а без мышления невозможно реформирование. Кто полагает, что не ошибается и использует насилие, тот действительно ... не способен мыслить. Обязательно дойдет к методам инквизиции. Без свободы нет науки, а без науки невозможно достойное мышление, государство и приличная политика» [29, s. 26].

Масарик рассматривал сильную Россию как противовес Германии, что было необходимым для малых наций Центрально-Восточной Европы. Поэтому он отрицательно относился к ее распаду и выступал за ее поддержку Антантой. Украина должна была оставаться автономной в составе демократической России ибо независимая Украина превратится в германскую или австрийскую провинцию [26, s. 159]. В признании де-юре Берлином весной 1918 г. независимости Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии он видел свидетельство германского «Натиска на Восток» [26, s. 165].

Политик отмечал, что «война освободила от старого режима также Германию», был убежден, что страна «морально преодолет бисмаркизм и возвратится к идеям и идеалам своего Гете, Канта и, прежде всего, Гердера и Бетховена» [26, s. 296].

Масарик передал будущим ведущим участникам Парижской мирной конференции свой труд «Новая Европа. Славянская точка зрения» с изложением программы послевоенной реорганизации Центрально-Восточной Европы. По мнению Масарика, на конференции должно доминировать «стремление облегчить международную организацию наций Европы и сблизить их с нациями Азии и Америки» [23, s. 190].

Политик допускал управление Стамбула и Дарданелл комиссией союзников, подчеркивал справедливость их возвращения Греции как и греческих городов и территории в Малой Азии [25, s. 189].

Страны Запада закрепив господство в колониальных владениях по договоренности с Россией, должны были уделять внимание развитию местного населения и обеспечить ему национальную и политическую автономию [25, s. 188]. Масарик говорил о создании на Востоке новых государств, форм правления, о необходимости заложить там «основы цивилизованной жизни», ничего не конкретизируя [25, s. 186].

Новые государства Европы должны были служить славяно-романским барьером против немецкой, австрийской и венгерской экспансии [12, ss. 204, 25, 165].

На Парижской конференции концепция Масарика была принята в той части, которая согласовывалась с военно-стратегическими интересами ее ведущих участников. Не все воюющие государства принимали участие в конференции, как он предлагал. Победители диктовали свою волю, отстаивая только свои интересы. Вместо всеобщего международного закона о защите национальных меньшинств, ограничились созданием стран Центрально-Восточной Европы на основе принципа самоопределения наций, который был «кодифицированный мирными договорами» [26, s. 340].

Масарик критически относился к действиям Франции, которая из чувства мести, стремилась ограничить позиции Германии, унижить ее. По его мнению, обе страны нуждались в послевоенном экономическом обновлении. В переписке политик утверждал, что страны Антанты «проиграли мир» [19, s. 54–55], указывал на несовершенство отдельных положений мирных соглашений [2]. Однако публично Масарик воздерживался от критики стран Антанты, исходя их интересов новосозданной Чехословакии, границы которой были закреплены договором Парижской конференции. Также он рассматривал Германию как главную опасность для своего государства [10, s. 200].

В целом Масарик положительно оценивал результаты работы конференции: «мирные договора, несмотря на недостатки, создали во всей Европе более справедливые отношения, нежели существовавшие перед войной, и надеемся, что напряжение между государствами и народами уменьшится» [26, s. 290].

Одновременно, видимо учитывая отсутствие равноправных отношений между большим и малыми государствами, он признавал, что «во внешней политике последовательное воплощение демократии только развивается, ведь демократия и внутри [государств – А.К.] теперь только зарождается» [26, s. 295].

Признак положительных изменений в мире в результате войны и революций Масарик видел в демократизации и республиканизации. Количество республик в Европе увеличилось с 4-х в 1914 г. до 18-ти в 1918 г. [26, s. 337–338].

Наибольшие политические изменения война принесла славянским народам. В России утвердилась первая в мире коммунистическая республика, ее территория как и Болгарии, уменьшилась. Среди славян уменьшились русофильские настроения [28, s. 295].

Исчезла как отдельное государство Черногория, но возникли республики в Чехословакии, Польше, а также Королевство сербов, хорватов и словенцев, полунезависимая Советская Украина в составе России. При этом политик подчеркивал, что украинский, белорусский и литовский вопросы окончательно не решены, а лужицкие сербы остались в составе Германии [28, s. 283].

Признавая, что послевоенное устройство Европы оставалось далеким от его идеала самоопределения, Масарик все же утверждал, что «национальные устремления в значительно мере успокоены» [28, s. 295]. Созданные малые государства соответствуют национальному принципу. «Национальные меньшинства повсюду будут обеспечены в своем культурном развитии и все нации сблизятся; противоречивые вопросы везде могут быть разрешены по согласию, без войны. Национальные вопросы и идеи не будут заменены интернациональными, международность возникнет из взаимности наций; но отдельные национальные программы станут более положительными, любовь к своей нации не будет заканчиваться отвращением и, наконец, ненавистью и презрением к другим нациям. Национализм останется, но исчезнет национальная ненависть...» [26, s. 295].

Таким образом, Масарик последовательно выступал за решение проблемы национальных меньшинств на демократических принципах. Об этом свидетельствовало и высказанное в 1918 г. несогласие с переселением меньшинств как методом решения национального вопроса, хотя раньше он допускал его применение. Альтернатива заключалась в предоставлении национальным меньшинствам равных прав с коренной нацией [23, с. 157], [34, s. 13–14].

Завершение политической эмансипации малых наций Масарик относил к необходимой предпосылке интеграции Европы как актуальной политической перспективе. «Несмотря на различные осложнения можно сказать, что уже вырисовывается в своих зачатках свободная федерализация Европы вместо абсолютистского владения Европой одним великим государством или совокупностью великих государств ...», отмечал политик [20, s. 145], [26, s. 340]. Для него идеалом было содружество всех государств континента, его культурное разнообразие в форме Соединенных Штатов Европы, создание которых будет происходить постепенно. Проявление

этого процесса он видел в международных союзах – Большой и Малой Антантах, двусторонних государственных соглашениях, Лиге Наций и т. п. [28, s. 297]. Важное значение политик придавал союзу США с Европой «на базе общей демократической политики» [28, s. 503].

Ценностными принципами создания новой Европы для Масарика были демократия и необходимость творческого подхода в политической деятельности. Демократия как «общее убеждение», как динамический «мировой взгляд» должна была служить определенным комплексным ответом на вызовы кризиса новой эпохи с ее цивилизационными противоречиями и вместе с развитием общей модернизации и секуляризации, превратиться в ее движущую силу [18, s. 27]. Демократия предполагает критику и толерантность, моральность, а не религию, теоретические науки и философию, а не теологию [32, s. 144]. Также «Все нации имеют не только организационную задачу, но прежде всего творческую. Всюду старый режим, также старый человек должны уступить место новому режиму, новому человеку...» [28, s. 298–299].

Цель созидательной деятельности заключалась в гуманитарной программе, сущностью которой были добро человека, «стремление к объединению всего человечества», «вечного мира между нациями» [28, s. 298–299].

Чешский историк Я. Недома в 1980 г. утверждал, что об ошибочности прогнозов Масарика о развитии Европы свидетельствует тот факт, что уничтожение монархий не стало залогом всеобщего прогресса и ряд республик «превратились в диктатуры, по сравнению с которыми царская Россия и габсбургская Австро-Венгрия были либеральными и прогрессивными государствами» [10, s. 200]. На наш взгляд, это не было ошибкой Масарика. Предвидеть мировую войну могли те, кто к ней готовился.

Касательно диктаторских режимов, то Масарик отмечал, что «противники парламентаризма будут ему содействовать примером как не надо действовать» [29, s. 103], а продолжительность существования таких режимов он в 1934 г. определял в 10–15 лет, т. е. незначительным периодом в ходе общественного развития [30, s. 417].

Примером своей деятельности на посту президента Чехословакии, Т.Г. Масарик доказал возможность создания демократического и экономически развитого государства.

Дальнейшее мировое развитие свидетельствует о правильности стратегического прогноза Масарика. Как отметил историк Р. Шпорлюк (США), пророческой оказалась идея политика об освобождении безгосударственных наций, если взглянуть на историю XX ст., особенно на антиколониальные, националистические революции в Азии и Африке, целью которых было создание государства [21, с. 422].

Итак, проявление внешних причин мировой войны Т.Г. Масарик видел в соперничестве великих государств, подлинными же причинами, согласно его концепции философии истории, заключались в борьбе теократии и демократии. На основании суждений Масарика о результатах мировой войны, прежде всего для народов Европы, о перспективах развития международных отношений на европейском континенте, можно сделать вывод, что последствия мировой войны он рассматривал как часть процесса модернизации мира.

Литература

1. Bednař, M. Evropska tyranie. Česká státní idea, Evropská unie a demokratická civilizace / M. Bednař. – Praha : CEP, 2003. – 230 s.
2. Bednář, M. Masarykovo pojetí ČSR a evropské jednoty [Электронный режим] / M. Bednář. – Режим доступа : <http://www.ceskenarodnilisty.cz/clanky/masarykovo-pojeti-csr-a-evropske-jednoty.html>. – Дата доступа : 17.01.2016.
3. Bednař, M. Současný význam Masarykovy koncepce českoslovenství jako středoevropanství a evropanství / M. Bednář // Českoslovenství, středoevropanství, evropanství. Úvahy, svědectví a fakta k 80. výročí k vzniku Československa 1918–1998. – Brno, 1998. – S. 79–85.
4. Захисник малих народів у новій Європі Томаш Гарріг Масарик / С.В. Віднянський, А.Ю. Мартинов // Об'єднана Європа: від мрії до реальності. Історичні нариси про батьків-засновників Європейського Союзу. – К. : Інститут історії України, 2009. – С. 41–70.
5. Kovač, D. Prvá světová vojna: Demokracie, autokracie a revoluce jako inšpirácia a dedičstvo prstvo pre 20. storočie / D. Kovač // První světová válka, moderní demokracie a T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 1995. – S. 76–85.
6. Карась, А. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях: Монографія / А. Карась. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 520 с.
7. Kovtun, I. Masarykův triumf. Příběh konce velké války / I. Kovtun. – Praha : Odeon, 1991. – 542 s.

8. Малинова, О.Ю. Гуманизм и проблема самоопределения наций в творчестве Т.Г. Масарика / О.Ю. Малинова // Общество. Культура. Управление: сб. науч. ст. / Под ред. Ю.Л. Егорова. – М. : МИЭТ, 2001. – С. 33–55.
9. Нагорняк, М.М. Національно-державницька концепція Томаша Масарика: Монографія / М.М. Нагорняк. – К. : Логос, 2009. – 368 с.
10. Nedoma, J. TGM jako prezident Československého státu / J. Nedoma // Masarykův sborník. VII. T.G. Masaryk a naše současnost (1980). – Praha : Academia 1990. – S. 197–217.
11. Neudorfllová, M.L. Přelom v Masarykově pohledu na postoje rakouských Němců k existenci Rakouska–Uherska začátkem 90. let 19. století / M.L. Neudorfllová // Češi a Němci v pojetí a politice T.G. Masaryka. – Praha : Masarykův ústav AV ČR, 2004. – S. 30–44.
12. Neudorfllová, M.L. T.G. Masaryk – politický myslitel / M.L. Neudorfllová. – Praha, 2011. – 256 s.
13. Opat, J. Průvodce životem a dílem T.G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes / J. Opat. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 2003. – 536 s.
14. Pichlík, K. T.G. Masaryk proti německé střední Evropě / K. Pichlík // Masarykova idea československé státnosti v světle kritiky dějin. – Praha, 1993. – S. 43–49.
15. Samson, I.T. G.M. a Nová Evropa – Geopoliticky portrét T.G. Masaryka / I.T. Samson // Masarykova idea československé státnosti ve světle kritiky dějin. – Praha, 1993. – S. 50–55.
16. Серапионова Е.П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик / Е.П. Серапионова // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М. : «Индрик», 2009. – С. 322–339.
17. Soubigou, A. Tomaš Garrigue Masaryk / A. Soubigou. – Praha : Paseka, 2004. – 456 s.
18. Šabata, J. Masarykova Nová Evropa / J. Šabata // Masaryk T.G. Nová Evropa. Stanovisko slovasnské. – Brno : Doplněk, 1994. – S. 15–50.
19. Šolle, Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání / Z. Šolle // Vzajemna neoficiální korespondence T.G. Masaryka s Eduardem Benešem z doby parizských mírových jednání (říjen 1918–prosinec 1919). – Praha, 1994. – S. 1–107.
20. Šolle, Z. Rakousko a Masarykova idea Nové Evropy / Z. Šolle // První světová válka, moderní demokracie a T.G. Masaryk. – Praha: Ústav T.G. Masaryka, 1995. – S. 139–147.
21. Шпорлюк, Р. Комунізм і націоналізм / Р. Шпорлюк ; Пер. з англ. Г. Касьянов. – К., 1998. – 479 с.
22. Szporluk, R. The political thought of Thomas G. Masaryk / R. Szporluk. – Boulder, CO : East European Monographs, 1981. – 248 s.
23. Фирсов, Е.Ф. Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков / Е.Ф. Фирсов. – М. : «Индрик», 2012. – 336 с.
24. Masaryk, T.G. Válka / T.G. Masaryk // Válka a revoluce I. Články – memoranda – přednášky – rozhovory. 1914–1916. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, o. p. s., Masarykův ústav AV ČR, 2005. – S. 11–27.
25. Masaryk, T.G. Nová Evropa. Stanovisko slovasnské / T.G. Masaryk. – Brno : Doplněk, 1994. – 193 s.
26. Masaryk, T.G. Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918 / T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, o. p. s., 2005. – 640 s.
27. Masaryk, T.G. Cesta demokracie I. Projevy – články – rozhovory. 1918–1920 / T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 2003. – 440 s.
28. Masaryk, T.G. Cesta demokracie II. Projevy – články – rozhovory. 1921–1923 / T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 2007. – 574 s.
29. Masaryk, T.G. Cesta demokracie III. Projevy – články – rozhovory. 1924–1928 / T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 1994. – 420 s.
30. Masaryk, T.G. Cesta demokracie IV. Projevy – články – rozhovory. 1929–1937 / T.G. Masaryk. – Praha : Ústav T.G. Masaryka, 1997. – 509 s.
31. Чапек, К. Бесіди з Томашем Масариком / К. Чапек ; Пер. з чесь. Л. Кіцила. – Львів : Астролябія, 2010. – 464 с.
32. Ludwig, E. Duch a čin. Rozmluvy s Masarykem / E. Ludwig. – Praha : RIOPRESS, 1996. – 189 s.
33. Т.Г. Масарик: философия – социология – политика : Избр. тексты / Отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов ; пер. с чешск. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 663 с.
34. Masaryk, T.G. Budoucí Čechy. Přeložil a úvodem opatřil Dr. J. Reichmann / T.G. Masaryk. – Praha : Nakladatel O. Gargal, 1919. – 15 s.

УДК 94:316.647.8(=162.1):7.049.2(470)"18/19":94(476):316.647.8(=162.1)"18/19"

Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX вв. как фактор развития белорусского стереотипа поляка

А.М. КРОТОВ

Рассматривается влияние образа поляка, созданного в российской карикатуре XIX – начала XX в., на генезис белорусского стереотипа поляка. Доказывается, что этот образ способствовал развитию негативного восприятия белорусами поляка и польскости.

Ключевые слова: имагология, образ поляка в российской карикатуре, белорусский стереотип поляка, белорусский менталитет.

The article examines the impact of the image of the Pole, created in Russian caricature of XIX – early XX century, on the genesis of the Belarusian stereotype of the Pole. It is proved that this image contributed to the development of the negative perception of Poles and Polishness in mass consciousness of Belarusians.

Keywords: imagology, image of the Pole in the Russian caricature, Belarusian stereotype of the Pole, Belarusian mentality.

В советской науке национальные образы и стереотипы стали привлекать к себе внимание учёных только в 80-х годах прошлого века. Самым авторитетным специалистом в этой области исследований стал философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев [1]. В скором времени к изучению стереотипов подключились социологи, психологи, историки. Однако именно в рамках литературоведения оформилось новое направление научных исследований, получившее название «имагология» (от лат. *imago* – образ). Главная её задача – выявить истинные и лживые представления одних народов о других народах, изучить характер и типологию стереотипов и предвзятостей, которые существуют в общественном сознании, их происхождение и развитие, общественную роль и эстетическую функцию [2, с. 7]. Возникновение имагологии и её развитие связано с именем известного исследователя польской литературы В.А. Хорева, который изучал характер взаимоотношений русских и поляков [3, с. 99–100]. То, что уже в момент своего возникновения российская имагология оказалась привязанной к проблематике русско-польских отношений, показывает, насколько важной она остаётся и для русских, и для поляков.

Параллельно с литературоведами активное изучение национальных образов и стереотипов вели историки. Возникло ещё одно направление имагологических исследований, проводимых на базе традиционных для исторической науки источников – историческая имагология [4]. Исследования историко-имагологической направленности довольно популярными стали в Беларуси.

Однако с изучением белорусских национальных стереотипов дело обстоит не так просто, как хотелось бы. Дело в том, что на процесс белорусского национально-культурного возрождения, начавшийся в конце XIX в., большое воздействие оказывала русская культура. Иначе и быть не могло – белорусы находились в российском культурном пространстве, и не они определяли алгоритмы его жизни. При невысоком же уровне их этно-национальной самоидентификации, в условиях проводимой царизмом русификаторской политики, великорусского идеологического и пропагандистского доминирования, находящиеся в зародышевом состоянии белорусские этнические стереотипы оказались под мощным воздействием со стороны их русских аналогов. Учитывая более высокий уровень развития русской культуры и высокую степень её пассионарности, не удивительно, что на обыденный уровень сознания белорусов стали проникать свойственные великороссам взгляды на «чужих» и закрепляться в виде стереотипов. Особенно большой вклад в развитие «знаний» белорусов о поляках внесли публицисты. Они вводили в массовый общественный оборот животрепещущий материал, не проявляя особой щепетильности.

С литературной публицистикой было тесно связано развитие карикатуры, которая также сыграла значимую роль в развитии белорусского стереотипа поляка. Однако роль эта на сегодняшний день практически не исследована. Хотя в России и Польше изучение формирования образов поляка и русского в сатирической графике ведётся уже достаточно давно и успешно. Наибольшую известность в этой области приобрели совместные работы А. де Лазари и О.В. Рябова [5], [6].

Временем возникновения оригинальной русской карикатуры считается эпоха правления Александра I. Российская исследовательница Ю.А. Жердева пишет по этому поводу: «В отличие от западноевропейской традиции, в которой карикатура формировалась, прежде всего, как политический жанр, высмеивавший отдельных персонажей или ситуации внутриполитической жизни, в России проникновение карикатуры в общественную жизнь было связано с Отечественной войной 1812 года» [7]. Это даёт ей основание считать, что российская карикатура возникла как карикатура военная. Во время Отечественной войны 1812 г. в российских газетах и журналах действительно стали появляться статьи с сатирическими рисунками, сопровождаемыми пояснительным текстом. Сатирические и юмористические рубрики появлялись во многих популярных общественных периодических изданиях. Затем стали выходить и отдельные рисованные издания. Поскольку царская цензура не допускала никакой свободы в критике власти и её представителей, энергия авторов направлялась целиком на тех, кого можно было изображать в негативном свете без всяких опасений. Прежде всего, это были французы и те, кто им «продался».

Считается, что особую роль в развитии сатирической графики этого периода сыграли работы И. Терebeneва, А. Венецианова, И. Иванова [8]. Однако эти художники не всегда подписывали свои работы. А правильнее сказать, что подписаны были считанные их единицы. Всего же известно более 70 карикатур, четверть часть которых граничит с народными лубочными картинками – и по художественной технике, и по содержанию.

Рисунок 1 – И. Иванов. Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек. 1813 г. [9].

Рисунок 2 – И. Терebeneв. Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России. Фрагмент. 1813 г. [10].

Нельзя не отметить, что, помимо французов, которых можно узнать по изображениям, собственное «национальное лицо» имели только поляки. Их можно легко отличить от прочих воинов наполеоновской армии по конфедераткам и усам на польский манер – деталям внешнего вида, которые и сегодня используются в визуальной спецификации польскости.

Рисунок 4 – Дефиляда польско-русского легиона перед Европой и царём. 1877 г. Надпись на знамени: «За нашу и вашу неволю!»

Царь: «Видите, сударыня, что Польша счастлива. Это всё польские добровольцы...»

Европа: «Поздравляю, искренне поздравляю. Любопытно, а как же выглядят Ваши рабы?» [13].

К 80-м гг. XIX в. полонофобские настроения в российском обществе, казалось бы, начинают уступать место симпатиям и благожелательности. К этому времени относятся открытки русской, татарского происхождения, художницы и силуэтистки Елизаветы Меркурьевны Бём (Эндауровой). Некоторые из них носили познавательный характер, как, например, открытки серии, изображающей представителей различных народов Российской империи в национальных костюмах, в том числе и поляков.

Рисунок 5 – Бём (Эндаурова), Е.М. Народы России. Поляки. В Польше муж жены больше!... [15]

Нельзя не согласиться с Е. Хорватовой, которая пишет, что работы художницы, может быть, и не представляли собой живописные шедевры, но вызывали у людей радость [16]. Она же приводит цитату из журнала «Художественные новости» (1885 г.), характеризующую творчество художницы: «Силуэты Е.М. Бём понятны как взрослым, так и детям. У первых они вызывают отрадную улыбку, вторых заставляют радостно смеяться» [16].

Однако данной позитивной тенденции – пробуждать доброе отношение к полякам – не суждено было закрепиться. В канун Первой мировой войны и в её начале Россию стали охватывать патриотические настроения. Учитывая, что для поляков эта война отнюдь не стала «Отечественной», а многие из них вообще сражались на стороне Германии и Австро-Венгрии, тема польской заносчивости и гонора в творчестве российских карикатуристов воскресла и вновь стала преобладать. Наиболее известны работы Виктора Николаевича Дени (Денисова), который рисовал политические карикатуры и шаржи для многих московских и петербургских журналов, но прежде всего для «Сатирикона», в котором работал с 1913 г.

Рисунок 6 – В. Денисов. Пан Заглоба. 1913 г. Польское коло вызвало на дуэль депутата-трудовика А.Ф. Керенского (Из газет) [13].

Наряду с традициями политической карикатуры на рубеже XIX–XX вв. в России сложилась также своеобразная мода на бытовую карикатуру. В числе героев подобного рода изображений оказался, разумеется, и поляк. В 1899 г. журнал «Стрекоза» публиковал карикатуры из серий «Наши мужчины» и «Наши женщины», изображавшие мужчин и женщин семи крупнейших городов Российской империи, в том числе и Варшавы. В пояснениях к рисункам речь шла лишь об национально-культурном своеобразии персонажей.

Рисунок 7 – Наши мужчины. Варшавянин (в оригинале – «Варшавяк» – А.К.). 1899 г. [5, илл. 9].

Особенно примечательным является описание варшавянина: «Варшавяк – легкомысленный, вертлявый, болтливый, излишне самоуверенный, беспечный, крикливо одетый и недурно сложенный молодой человек. У него хороший цвет лица и пискливый голос. Обладает способностью прекрасно сохраняться в умственном, отношении: каков был в последнем классе гимназии, таким остаётся на всю жизнь. Его конёк – франтовство. Очень занят своим костюмом. О галстуках, о последнем фасоне смокинга может с удовольствием проболтать часа три без передышки. Если молод (молодость продолжается до 55 лет), то страстный спортсмен. В среднем возрасте (стариков в Варшаве не имеется) интересуется политикой, не может жить без “газетки” и кофейни. Молодёжь катается на коньках, на велосипедах, на лодках, играет в лаун-теннис, крокет и другие игры, а, главное, танцует – танцует до умопомрачения. По четвергам варшавяк ест фляки, а в воскресенье идёт в костёл. Он всегда общителен, разговорчив, вежлив. Любит свою Варшаву и гордится ею. Обижается, если необдуманно скажете, что Вена лучше Варшавы. Охотно сочиняет особенные, специально варшавские словечки. С удовольствием посещает оперетку. Человек в достаточной мере остроумный, но, обыкновенно, первый смеётся над собственными остротами и, благодаря этому, за-

ставляет смеяться других. Трудолюбив, хотя службой не увлекается. Работает, только до определённого часа и, если не успел дописать слова в тот миг, когда пробил этот условный час, отложит окончание на завтра. С женой, в присутствии посторонних лиц, вежлив и предупредителен. Наедине менее вежлив, но всё-таки сносен. Чадолубив, однако, сидеть дома, при детях, не любит. Считает своим долгом ухаживать за всякой особой женского пола, какая ни встретится на жизненном пути» [5, илл. 9].

Авторы книги «Русские и поляки глазами друг друга» А. де Лазари и О.В. Рябов, анализируя изображение варшавянина и варшавянки, приходят к выводу, что характеристики носят развлекательный характер и не претендуют на то, чтобы быть интерпретированными в качестве позиции власти или общественного мнения [13].

В карикатурной продукции предвоенного периода популярность стала приобретать открытка. Во время войны она становится, наряду с лубком, фотографией и кинематографом, одним из ведущих средств изобразительной пропаганды. Этому способствовало то обстоятельство, что открытка являлась самым мобильным в распространении форматом печатной продукции, легко доступным каждому и функционально приспособленным для общего употребления и частого использования [7].

В основу цветных юмористических открыток, выпущенных киевским издательством «Рассвет», легли рисунки художника В.Ф. Кадулина, часто подписывавшегося псевдонимом – Наядин. Эти открытки, как правило, издавались сериями: «Типы гимназистов», «Типы курсисток», «Типы студентов», «Пьяная серия». Они получили очень широкую популярность. К примеру, открытки серии «Типы студентов», выпущенной в 1911 г., изображавшие студентов различных национальностей и различных факультетов, к 1915 г. были переизданы ещё несколько раз [15], [16]. Вальжный поляк с папироской, изображённый на одной из них, выглядит как знающий толк в удовольствиях жизнелюб.

Рисунок 8 – Кадулин (Наядин), В.Ф. Типы студентов. Поляк [15, илл. 84].

Таким образом, есть все основания считать, что на процесс формирования белорусского стереотипа поляка в XIX – начале XX в., помимо прочих разных факторов, большое влияние оказывал образ поляка, созданный российскими художниками, графиками, карикатуристами, работавшими в жанре наглядно-изобразительной пропаганды. В целом, несмотря на проявившую себя в 80-х – 90-х гг. XIX в. тенденцию благожелательного отношения к полякам, доминировать стало влияние, способствовавшее развитию негативных черт стереотипа.

Литература

1. Гачев, Г. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония / Г. Гачев. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.
2. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 231 с.

3. Мусиенко, С. Польская литература в имагологической интерпретации В.А. Хорева / С. Мусиенко // Балтийский филологический курьер. – 2013. – Вып. 9. – С. 99–113.
4. Кротаў, А.М. Беларускі стэрэатып паляка як прадмет гісторыка-імалагічнага вывучэння / А.М. Кротаў // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сборник научных статей: в 2 ч. / под ред. В.Ф. Беркова. – Вып. 16. – Мн. : РИВШ, 2016. – Ч. 1. – С. 177–184.
5. Лазари А. де. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика / А. де Лазари, О.В. Рябов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. – 170 с.
6. Лазари, А. де. «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О.В. Рябов // Границы : Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2008. – Вып. 2 : Визуализация нации. – Режим доступа : <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/lazari-riabov-2008.htm>. – Дата доступа : 13.01.2017.
7. Жердева, Ю.А. Смех на войне: милитарная карикатура в политическом и культурном контексте 1914–1918 гг. / Ю.А. Жердева // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2014. – С. 114–118.
8. Карикатуры эпохи Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vv1812.shpl.ru/karikatur.html>. – Дата доступа : 15.02.2017.
9. Иванов, И. Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. Иванов. – Режим доступа : http://ic.pics.livejournal.com/inomoderator/15048310/32097/32097_original.jpg. – Дата доступа : 10.02.2017.
10. Теребенев, И. Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России. Фрагмент. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. Теребенев. – Режим доступа : http://ic.pics.livejournal.com/inomoderator/15048310/31521/31521_original.jpg. – Дата доступа : 05.01.2017.
11. Кротов, А.М. Вклад польских ренегатов – уроженцев Беларуси в создание в российской публицистике XIX в. негативного стереотипа поляка / А.М. Кротов // Аркасіўскі чітаньня: матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канфэрэнцыі, г. Миколаїв, 11–12 квітня 2014 р. / МНУ імені В.О. Сухомлинського. – Миколаїв, 2014. – С. 63–65.
12. Орловский, А.О. Воевода на Пыздрах. 1831 г. [Электронный ресурс] / А.О. Орловский. – Режим доступа : http://ic.pics.livejournal.com/inomoderator/15048310/31182/31182_original.jpg. – Дата доступа : 12.01.2017.
13. Лазари, де А. Угрожающий «лапотный медведь» [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О.В. Рябов. – Режим доступа : <http://inosmi-ru.livejournal.com/111601.html>. – Дата доступа : 23.01.2017.
14. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 490 s.
15. Бём (Эндаурова), Е.М. Народы России. Поляки. В Польше муж жены больше!... [Электронный ресурс] / Е.М. Бём (Эндаурова). – Режим доступа : <https://gallerix.ru/album/Endaurova/pic/glrх-295227050>. – Дата доступа : 13.02.2017.
16. Хорватова, Е. Мир Елизаветы Бём [Электронный ресурс] / Е. Хорватова. – Режим доступа : <http://eho-2013.livejournal.com/114238.html>. – Дата доступа : 19.02.2017.
17. Каталог открыток – Кадулин (Наядин). Типы студентов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.filokartist.net/catalog/showgroup.php?id=1190&pg>. – Дата доступа : 15.02.2017.
18. Каталог открыток – Кадулин (Наядин). Типы студентов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.filokartist.net/catalog/showgroup.php?id=1190&pg=2>. – Дата доступа : 15.02.2017.

Эволюция положения общин Римско-католической церкви на Гомельщине в 1945–1990 гг.

А.Д. ЛЕБЕДЕВ

Процесс восстановления деятельности католических общин на Гомельщине в 1945–1990 гг. происходил в условиях противодействия со стороны местных органов власти. Несмотря на это обстоятельство, в конце 1980-х гг. римско-католические общины возобновляют свою официальную деятельность в регионе.

Ключевые слова: римско-католическая церковь, Гомельская область, костел, община, уполномоченный по делам религиозных культов.

The process of restoring the activity of the Catholic communities in the Gomel region in 1945–1990 occurred in the face of opposition from local authorities. Despite this circumstance, in the late 1980s Roman Catholic communities are renewing their official activities in the region.

Keywords: Roman Catholic church, Gomel region, church, community, commissioner for religious cults.

На протяжении 1920–1930-х гг. римско-католическая церковь, наравне с другими религиозными организациями подвергалась репрессиям и административному давлению со стороны местных партийно-советских органов. Это проявилось в закрытии и сносе костелов, репрессиях в отношении духовенства и верующих, проведении вульгарно-атеистической пропаганды. В результате к концу 1930-х гг. официальная деятельность католических общин прекратилась и религиозная жизнь ушла в подполье.

В годы войны 1941–1945 г. отношение к религии и церкви существенно поменялось. Для взаимодействия советской власти с религиозными организациями были созданы сразу две государственные структуры: Совет по делам религиозных культов и Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР. Религиозные общины различных конфессий получили возможность зарегистрироваться и отправлять религиозные обряды под надзором двух вышеназванных органов. Особенно активно регистрировались общины православных, в меньшей степени староверов и ЕХБ.

Что касается католиков, то на протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг. на Гомельщине не был открыт ни один костел, не была зарегистрирована ни одна община, а ксендз если и приезжал, то изредка и нелегально. Это можно объяснить тем, что местные католики, вероятно, демонстративно игнорировали уполномоченного Совета по делам религиозных культов. В документах уполномоченного по Гомельской области за 1944–1986 гг. присутствуют лишь упоминания о единичных заявлениях верующих в 1979 и 1980 гг., однако сами тексты этих обращений в делах отсутствуют [1, л. 2].

Если сравнивать с другими областями БССР, то Гомельщина – это регион, где с середины 1940-х гг. и до 1989 г. отсутствовали официальные институты римско-католической церкви. Так, в 1969 г. в Гродненской области было зарегистрировано 74 общины католиков, в Минской – 13, в Витебской – 13, в Брестской – 12 [2, с. 526]. Что касается Могилевской области, то с 1941 г. по 1947 г. в Могилеве действовал костел Св. Станислава, а на протяжении второй половины 1940-х–1960-х здесь в перерывах между арестами и задержаниями служил кс. М. Малынич. Кроме того, могилевские католики на протяжении первых послевоенных десятилетий неоднократно обращались с письменными заявлениями в местные и центральные органы власти с просьбами зарегистрировать костел и общину. Несмотря на то, что количество подписей под заявлениями исчислялось сотнями, власти неизменно отвечали отказом [3, с. 319–323].

Что касается Гомельщины, то советские служащие отмечали, что католические общины действуют «явочным порядком», без регистрации, т. е. нелегально. В 1957 г. таких общин по данным Уполномоченного насчитывалось четыре. Одна в Хойниках, две в д. Рудня – Столбунская, Ветковского района и одна в гор. пос. Паричи [4, л. 116]. Следует добавить, что по-

зиция католиков, игнорировавших институт Уполномоченного, существенно отличалась, например, от православных, которые в абсолютном большинстве массово проходили регистрацию и получали в бесплатное пользование церкви и молитвенные дома. При этом положение общин РКЦ в чем-то сходно с положением нелегальных иудейских религиозных организаций. Правда, иудеи, в отличие от католиков буквально засыпали органы власти заявлениями с просьбами о регистрации своих общин и возврате синагог, но в абсолютном большинстве случаев им было отказано [5, лл. 16, 27, 45], [6, лл. 13, 45, 72].

Крайне скудные и зачастую фрагментарные материалы, отложившиеся в документах Уполномоченного, позволяют лишь в общих чертах реконструировать жизнь католических общин на Гомельщине в 1950–1960-х гг. Весьма примечательным является то обстоятельство, что упомянутые группы действовали самостоятельно и почти без всякого руководства со стороны духовенства. Это были небольшие группы верующих по 20–40 человек, состоявшие преимущественно из женщин пожилого возраста [4, л. 116], [7, л. 33].

Сохранились лишь единичные упоминания о редких приездах ксендзов на Гомельщину из других областей. Для сравнения в 1920–1930-х гг., в условиях политических репрессий, на территории региона служили около 10 священников: К. Мустейкис, Ф. Касперович, К. Андrekus, В. Кундо, Ф. Чирский, А. Сак, П. Капуста, Л. Буйновский, К. Лупинович, Б. Волянец и др. [8, с. 22]. Что касается послевоенного периода, то в материалах Уполномоченного есть данные о визите неизвестного ксендза в 1958 г. в Мозырь и о посещениях кс. М. Малыничем Гомеля и Жлобина до 1967 г. [4, лл. 71, 91], [7, л. 33], [9, с. 110], [10, с. 397].

Позиция власти в лице Уполномоченного в таких случаях была четкой и категоричной – они требовали от работников райисполкомов «при появлении ксендзов ... проверять документы на право совершения треб верующих и если таковых не имеется, то предложить никаких треб не совершать и покинуть пределы района» [4, лл. 71, 91].

Ситуация с культовыми сооружениями была также незавидной. Если в 1920-х гг. на территории Гомельского округа насчитывалось 9 костелов и каплиц, то в 1945 г. по данным Уполномоченного находился только 1 костел и тот недействующий. Он был передан властями под «культурно-просветительное учреждение». При этом в документе не указано, в каком именно населенном пункте находилось данное культовое сооружение [11, с. 270], [5, л. 51].

Дальнейшая судьба упомянутых католических общин была вполне предсказуема. В 1958 г. прекратила свою деятельность Хойникская группа. А уже на 1 января 1967 г. по данным Уполномоченного в Гомельской области остались лишь 2 группы католиков, численностью 76 человек. Более того, в том же отчете за 1967 г. указано, что «после прекращения разъездов в Гомельскую область ... ксендза Малыничя» распались и эти две группы верующих. Как результат «сборища католиков как в Гомеле, так и в Жлобине не проводятся» [7, л. 33].

Причины сложившейся ситуации заключаются в следующем. С одной стороны еще были свежи воспоминания о массовых репрессиях конца 1920-х – конца 1930-х гг. Когда костельные советы, имевшиеся при каждом костеле и каплице, состоящие из пяти человек, почти в полном составе отправлялись в сибирскую ссылку или ИТЛ, а члены их семей лишались избирательного права [11, с. 58–59, 208–209]. С другой стороны, даже в конце 1950-х гг., в разгар политической «оттепели», верующие не чувствовали себя комфортно. Наиболее ярко это прослеживается на примере группы католиков в Хойниках, которые до 1958 г. собиравались на квартире у Е.А. Гапоненко. Собрания прекратились, т. к. «кто-то из местных жителей сказал Гапоненко, что если она будет пускать к себе на квартиру верующих для богослужения, то её обложат большим подоходным налогом. Гапоненко этого испугалась и запретила верующим собираться у себя на квартире» [4, лл. 71, 91].

Подобные настроения среди населения были вовсе не безосновательны. Дело в том, что в конце 1950-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева разворачивается очередная антирелигиозная кампания. В 1958 г. были приняты сразу несколько антицерковных законов, среди них: Постановление Совета Министров СССР «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”» [12, с. 344–345].

Такие неблагоприятные условия для существования религиозных организаций продолжали сохраняться вплоть до второй половины 1980-х гг.

Ситуация кардинальным образом меняется благодаря политике перестройки, начатой М.С. Горбачевым. В СССР начинается демократизация общественно-политической жизни, что, несомненно, отразилось и на политике государства в отношении религии и церкви.

В 1987 г. католики Гомельщины после длительного перерыва предприняли попытку зарегистрировать религиозное общество. В органы местной власти было направлено соответствующее заявление, которое подписали 30 человек. Позже письменное заявление было подкреплено и устными просьбами, так одна верующая в беседе с представителем власти сказала следующее: «дайте нам домик для молитв, чтобы мы имели возможность собираться вместе, не боясь преследований».

Рассмотрев заявление, местные власти в феврале 1987 г. ответили отказом, аргументировав это тем, что в «Гомеле костела не существует более 50 лет и сейчас ставить вопрос о регистрации объединения католиков просто нелогично». Кроме того, чиновники выразили опасение, что ходатайствующим не удастся «найти ксендза, который бы приезжал в Гомель ради двух десятков верующих».

Не ограничившись отказом, местные власти решили принять целый ряд мер, чтобы приостановить дальнейшие попытки верующих. Для этого предполагалось «нейтрализовать инициаторов написания заявлений о регистрации костела в Гомеле, используя в этих целях трудовые коллективы, общественность». Также уполномоченному рекомендовалось «совместно с компетентными органами усилить работу по выявлению фактов приезда в Гомель ксендзов и пресечению их попыток проводить нелегальные богослужения и совершать религиозные обряды». Наконец, все тот же уполномоченный должен был разъяснить верующим суть «экуменического движения в мире и возможности верующим-католикам отправлять религиозные потребности в действующих культовых зданиях» [1, л. 2–5].

Неизвестно, были ли все эти меры реализованы на практике, т.к. документальных свидетельств на этот счет выявлено не было. Известно лишь то, что через два года, а именно в марте 1989 г. Гомельский облисполком в очередной раз отказал верующим в регистрации. Однако в июне того же 1989 г. позиция местных властей резко изменилась, в результате давления со стороны Москвы. Совет по делам религий при Совете Министров СССР постановил, что «юридических оснований для отказа в регистрации религиозного общества католиков в г. Гомеле не имеется», а также обязал не только «зарегистрировать религиозное общество римско-католической церкви в г. Гомеле», но и рекомендовал городскому совету депутатов «рассмотреть вопрос об обеспечении нового религиозного общества молитвенным помещением» [1, лл. 87, 90].

Поскольку старый костел в Гомеле был взорван в конце 1930-х гг., то местные власти приняли решение передать верующим под религиозные нужды здание бывшей Церкви Рождества Богородицы, в которой на момент 1989 г. находились производственные мастерские Худфонда БССР. По данным заведующего отделом Гомельского областного краеведческого музея В.А. Литвинова, в 1930-х гг. в этой церкви «происходили службы по римско-католическому обряду» [13, лл. 5, 32].

По воспоминаниям ксендза С. Ляковского в 1990 г. это здание выглядело следующим образом: «Когда зашёл в первый раз, я там нашёл портреты вождей, Ленина, пару лозунгов коммунистических, транспарантов ... смешно конечно. А на первом этаже был кабинет директора, бухгалтерия, туалет и складские помещения. А в задней части была мастерская по обработке дерева, гончарная мастерская и печка». После передачи верующим этого помещения началась его масштабная реконструкция и перестройка [14].

В Мозыре процедура регистрации религиозного общества также не обошлась без сложностей. В начале 1989 г. в Совет по делам религий при Совете Министров БССР стали поступать заявления от верующих католиков, проживающих в Мозыре, а также из д. Грушевка Наровлянского р-на, д. Усов и Лохница Лельчицкого р-на и д. Поташня Хойникского р-на. В них заявители просили зарегистрировать «межрайонную римско-католическую общину» и вернуть костел, построенный в Мозыре еще в 1745 г. [15, лл. 1, 4, 7, 12, 16, 27]. Особенность ситуации заключалась в том, что Мозырский костел был одним из немногих культовых сооружений католической церкви на Гомельщине, которое уцелело и сохранилось в удовлетво-

рительном состоянии. Так, костелы в Гомеле, Чечерске, Светлогорске, Лельчицах и др. населенных пунктах были уничтожены, а, например, костел в Рогачеве представлял собою в то время руины.

Руководство Мозырского горисполкома рассмотрело заявление и 17 мая 1989 г. вполне предсказуемо ответило отказом. Решение было мотивировано тем, что с 1984 г. в здании бывшего костела находится объединенный центр по гребле на байдарках и каноэ, а также детская юношеская спортивная школа. Но самое главное то, что на ремонт и благоустройство учебного центра было потрачено 400 тысяч рублей [15, л. 5]. Однако, уже 30 июля 1990 г. Мозырский горисполком кардинально поменял свою позицию в данном вопросе и принял следующее решение: «произвести техническое обследование здания детской юношеской спортивной школы и в месячный срок ... внести предложения по передаче данного здания на баланс католической общины» [15, л. 32].

Сама община была зарегистрирована постановлением Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 13 сентября 1990 г. В том же году в Мозыре начал службу кс. Ю. Дзеконьский [15, лл. 35, 36].

Верующие д. Грушевка Наровлянского р-на не ограничились регистрацией религиозного общества в Мозыре и в том же 1989 г. ходатайствовали о создании собственного объединения и передаче им здания старого ФАПa под молитвенное помещение. При этом, по данным уполномоченного, подобные заявления исходили от населения Грушевки уже начиная с 1980 г. Результатом подобной активности было то, что в 1988 году Наровлянский райисполком дал согласие на разовый приезд католического священнослужителя из Пинска. Символично, что окончательное решение о регистрации религиозного общества католиков в Грушевке было принято в день католического рождества, 25 декабря 1989 г., на заседании Совета по делам религий при Совете Министров СССР [16, лл. 2, 4, 5].

Примеру жителей д. Грушевка последовали и католики из Лельчицкого района. В своем заявлении от 14 ноября 1989 г. они указали, что костел в Лельчицах «сожгли немцы» в годы войны и им приходится ездить в Пинск или Житомир, поэтому просили у местных властей зарегистрировать религиозное общество. Предполагалось, что район деятельности объединения будет распространяться на г.п. Лельчицы, дер. Лохница, Дубницкое, Забродье, Усов, Жмурное, Марковское. 10 мая 1990 г. ходатайство местных католиков было удовлетворено на заседании Совета по делам религий при Совете Министров СССР, кроме того им было разрешено приступить к строительству нового костела. 12 ноября 1990 г. в Лельчицах был зарегистрирован и новый служитель религиозного культа уроженец Белостотчины З. Бояр [17, лл. 1, 12, 16, 23, 29].

Несколько позже с инициативой о регистрации религиозного общества обратились жители Светлогорска (бывш. Шатилки). 22 апреля 1990 г. они провели собрание местных католиков, на котором присутствовало 374 человека. На нем были подняты стандартные вопросы о регистрации и об обеспечении общины молитвенным помещением. Последнее было особенно актуально, т.к. костел в Шатилках местные власти разобрали в 1939 г., а из материалов построили клуб, в котором на момент 1990 г. располагалась школа ДОСААФ. 2 августа 1990 г. решением совета по делам религий при Совете Министров СССР религиозное общество католиков в Светлогорске было зарегистрировано. В том же году у местных верующих появился кс. Я. Саламон [18, лл. 1–3, 6, 18, 21, 22].

К 1990 г. на территории Гомельской области действовали 5 зарегистрированных общин: в Гомеле, Мозыре, Грушевке, Светлогорске и Лельчицах. Кроме того, вне регистрации существовали 2 общины в Жлобине и Петрикове [19, л. 9]. Если исходить из числа зарегистрированных обществ, то римско-католическая церковь занимала 4 место по численности общин. На первом месте были православные – 64 общины, на втором ЕХБ – 13 общин, на третьем ХВЕ – 9 общин и, наконец, на четвертом католики – 5 общин [19, л. 9].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода в жизни общин римо-католиков четко прослеживается два этапа: 1) середина 1940-х – середина 1980-х, когда общины вели подпольный образ существования вне официальной регистрации; 2) вторая половина 1980-х гг. – это период, когда после почти полувекового перерыва римско-католические общины возоб-

новляют свою официальную деятельность на Гомельщине. При этом местные власти частично обеспечили верующих молитвенными помещениями, что позволило в какой-то мере компенсировать потерю костелов в 1930-х гг. По сравнению с довоенным периодом существенно изменилась и структура размещения основной массы верующих. Если в 1920–1930-х гг. подавляющее большинство католиков это жители сельской местности, то в конце 1980-х это преимущественно обитатели городов. Последнее объясняется процессами урбанизации, а также последствиями аварии на ЧАЭС, когда многие католические деревни (Острогляды, Рудня-Шлягино и др.) были отселены.

Литература

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 159. Дело на религиозное общество Римско-католической церкви в г. Гомеле. 1987–1994 гг.
2. Ярмусик, Э.С. Католический Костёл в Беларуси в 1945–1990 гг. / Э.С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 567 с.
3. Прачакова, Н. Стан Рымска-каталіцкага касцела у г. Магілеве ў пасляваенны час (40–60 гг.) / Н. Прачакова // Мінулая і сучасная гісторыя Магілева : зборнік навуковых прац уздальнікаў Другой Міжнароднай канферэнцыі «Гісторыя Магілева: мінулае і сучаснасць» / Укладальнік І.А. Пушкін. – Магілёў, 2001. – С. 319–324.
4. Государственный архив общественных объединений гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. – Оп. 60. – Д. 250. Отчеты, информации, докладные записки и работе уполномоченного Совета по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области. 1958 г.
5. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 1. – Д. 5. Решение Гомельского облисполкома, переписка с верующим гражданами и заявления верующих граждан г. Гомеля и Гомельской области. 1945 г.
6. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 1. – Д. 20. Переписка, отчеты, списки, анкеты. 1946 г.
7. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 89. Отчет о работе аппарата Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Гомельской области за 1967 г.
8. Конфессии на Гомельщине (20–30-е гг. XX в.) : документы и материалы / сост. М.А. Алейникова, З.А. Александрович, А.Д. Лебедев, В.П. Пичуков [и др.] ; под ред. В.П. Пичукова. – Минск : НАРБ, 2013. – 388 с.
9. Васьюкоў, У.І. Католікі на абшарах Панізюў і Севершчыны : Гісторыя Гомельскага дэканата / У. Васьюкоў ; навук. рэд. : А.В. Белы, В.С. Пазынякоў. – Мінск : Про Хрысто, 2011. – 360 с.
10. Dzwonkowski, R. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939–1988 / R. Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 851 s.
11. Костел и власть на Гомельщине (20–30-е гг. XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, С. Ляковски. – Варшава–Люблин–Гомель : IPN-IESW, 2009. – 470 с.
12. Навіцкі, У. Працяг канфрантацыі з рэлігіяй / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. калегія М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск : Современная школа, Эксперспектива, 2011. – Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. – С. 344–357.
13. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 163. Документы о передаче здания Петропавловского собора в городе Гомеле. 1981–1991 гг.
14. Ляковский Славомир, 1959 г.р., г. Гомель. Опросил А. Лебедев. 2016 г.
15. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 200. Дело на религиозное общество Римско-католической церкви в г. Мозыре. 1990–1991 гг.
16. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 188. Дело на религиозное общество Римско-католической церкви в д. Грушевка Наровлянского района. 1989–1990 гг.
17. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 189. Дело на религиозное общество Римско-католической церкви в г.п. Лельчицы. 1989–1991 гг.
18. ГАГО. – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 201. Дело на религиозное общество Римско-католической церкви в г. Светлогорске. 1990–1992 гг.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 111. Докладные записки, информации, справки Уполномоченного совета по делам религий. 1991 г.

Музейная деятельность Е.Ю. Спасской

Т.В. ЛУГОВИК

Представлены основные этапы музейной деятельности Е.Ю. Спасской, дана характеристика ее роли в памяткоохранном и подвижническом деле конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: музейная деятельность, культурное наследие, экспонаты, орнаментика.

The main stages of museological activity of E.Yu. Spasskaya are considered characterizing her role in academic and ascetic matter in the late XIX – early XXth century.

Keywords: museum activity, heritage, exhibits, ornamentation.

Значительный вклад в становление музейного дела в Украине осуществила Евгения Юрьевна Спасская – известный исследователь и знаток народного искусства. Еще при жизни ее считали одним из наиболее квалифицированных экспертов в области этнографии и музееведения. Судьба не была благосклонна к этой хрупкой женщине: ее жизненный путь соткан из боли, потери и неожиданных переломов судьбы.

Евгения Юрьевна Спасская родилась 20 декабря 1891 г. в г. Нежин на Черниговщине в семье местного священника Георгия Спасского, что положительно отобразилось на ее воспитании. Окончив Нежинскую женскую гимназию (1910), Евгения Юрьевна поступила на историко-филологический факультет Московских Высших женских курсов профессора Герье. Диплом историка будущая исследовательница получила в день начала Первой Мировой войны (1 августа 1914 г.). Голод, холод и военное лихолетье не сломали в ней веру в светлое будущее, а наоборот – укрепили мнение о необходимости помощи своему народу.

Е.Ю. Спасская окончила курсы сестер милосердия при Нежинской частной фельдшерско-акушерской школе и отправилась на Западную Украину, в эпицентр боевых действий. Изнурительная, почти круглосуточная работа в прифронтовых госпиталях Подволочинска и Тернополя совсем не оставляла свободного времени, однако многообразие культурно-этнографической палитры края и состояние, в котором находились памятники культуры, не оставили Евгению Юрьевну в стороне. Именно в таких трудных условиях Спасская обрела первичный опыт музееведческой деятельности. Как член Всероссийского земского союза по оказанию помощи населению Галиции и Буковины, пострадавшего от военных действий, она активно подключилась к собирательской работе: находила уцелевшие предметы народного искусства, образцы орнамента, фотографировала, проводила беседы с населением и старательно все записывала. Оригинальные экспонаты, записи, рисунки члены Всероссийского земского союза отправляли в Киевский исторический музей. Руководил процессом «спасения» памятников истории и культуры известный ученый, археолог, этнограф и музейщик, директор Киевского исторического музея Николай Федотович Биляшівский. После окончания войны он вместе с членами союза помощи населению организовал выставку в Киеве и Москве собранных экспонатов. В том же году, как логический итог подвижнических усилий ученых, историков и музейщиков, была подготовлена коллективная работа «Народное искусство Галиции и Буковины».

Полученный в военных условиях бесценный опыт этнографических исследований творчески вдохновил Евгению Юрьевну и подтолкнул к продолжению образования. В 1923 г. Спасская становится вольной слушательницей, а с 1924 г. – студенткой Киевского археологического института. Во время учебы в Киевском археологическом институте в ее жизни появился человек, который не только определил направление ее дальнейшей деятельности, но и стал наставником, верным советчиком и помощником – преподаватель народного искусства, профессор Даниил Михайлович Щербаковский. Под его руководством Евгения Юрьевна объездила все известные гончарные центры Черниговщины, собирала экспонаты для Киевского и Черниговского исторических музеев. Собранные образцы, а также услышанная и записанная информация оглашались в ее докладах на музейных семинарах Даниила Михайловича. Учитель высоко ценил Евгению Юрьевну как исследователя и музейщика.

В отчетах о проведенных занятиях Д.М. Щербаковский писал: «матеріал вміє відчувати, вміє збирати свіжий, ілюструє добре, інтерес до роботи має, а також швидкість і упертість!», «...три риси, потрібні збирачеві: і любов до праці, і уміння працювати під час подорожі, і використовувати їхній матеріал» [1, с. 276–277].

В дальнейшем Евгения Юрьевна успешно совмещала научную работу с музейной: работала заведующей архивами военного времени в Киеве (1920–1921), инструктором в местных художественно-промышленных мастерских, принимала активное участие в работе Инспекции по восстановлению художественных промыслов (1922–1923). В 1925 г. в Киеве, в Мариинском дворце, открылся Сельскохозяйственный (этнографический) музей, куда Спасскую пригласили на должность научного сотрудника кустарного отдела. Главным заданием отдела было выявление этнографических особенностей в деревообрабатывающем и текстильном промыслах, лозоплетении и росписях крестьянских домов. Спасская продолжала вести активную собирательскую работу, составляла собственные альбомы рисунков и фотографий из истории вышивки, гончарства и производства изразцов, кролевцевого ткачества, традиционного жилья украинцев. Впоследствии альбомы стали основой первичных каталожных фондов музея. Кроме этого, ученая принимала непосредственное участие в организации работы Постоянной промышленной выставки в названном музее.

В 20–30-е гг. XX в. широко практиковалось изъятие особо ценных предметов из фондов провинциальных музеев для столичных музейных учреждений. Как опытный и бесконечно преданный любимому делу музеевед, Спасская тяжело переживала изъятие экспонатов с Нежинского исторического музея: «...довідалася, що з Харкова до Ніжена прислано людину, яка для Соціального харківського музею нашвидку, за описами хапає все підряд, що бачить, вилучає, пакує і наспіх вивозить до Харкова. Увесь цей наїзд я відчула як справжній грабунок і переживала дуже боляче... Зроду не терплю усіх музейщиків, зокрема з центральних музеїв, для яких головне – напхати ненажерливі музейні скрині та грабувати життя... не хочу і не можу працювати для київського музею». Тогда, вспоминала ученая, «...я зрозуміла, скільки енергії і віри потребує і забирає музейна робота, скільки і суму, і болю може спричинити» [1, с. 279].

В то же время, стоит отметить, что 20-е гг. были наиболее плодотворными для Евгении Юрьевны. Постоянные экспедиции в составе Этнографической комиссии ВУАН на Волынь, Подолье, Киевщину и Черниговщину для пополнения музейных фондов образцами народного искусства, выход фундаментальной работы по методологии обработки массового материала народного искусства – далеко не весь список, который свидетельствует о ее последовательной работе в музейнической отрасли.

Для эффективной работы с экспонатами Спасская разработала статистически-описательный метод, которым впоследствии пользовалось не одно поколение ученых. Чтобы успешно работать с массовым материалом, она предложила использовать специальный вопросник, который позволял выяснить определенные характеристики предметов: «1) історія речі, 2) її зовнішній вигляд (об'єктивні дані) і 3) суб'єктивні дані – аналогії тощо. Може не бути відомостей, міркувала вона, для першої групи, може нічого сказати в «примітках», але третю групу необхідно розробити докладно» [2, с. 66]. Используя разработанный метод, ученая проанализировала и систематизировала более 700 образцов посуды села Бубновка на Подолье. В дальнейшем они дополнили коллекции подольских музеев, а предложенная Спасской методология обработки музейных материалов стала незаменимым пособием для изучения и сохранения образцов народного искусства.

За значительные успехи в музейной отрасли ученую рекомендовали на должность заведующего историко-бытового отдела Всеукраинского исторического музея им. Т. Шевченко. Характеризуя научную и музейническую деятельность исследовательницы, известный ученый, заведующий художественным отделом вышеупомянутого музея Федор Людвигович Ернст писал: «...Є. Спаська має прекрасний теоретичний і практичний досвід як збирач і організатор збирання музейного матеріалу, його експонуванню, влаштуванню виставок, опису, дослідженню і публікації. Вона дуже добре обізнана з працею ленінградських, московських та багатьох українських музеїв, особливо в галузях народного мистецтва, історичного побуту і художньої промисловості. Її енергія в справі збирання музейного матеріалу, й, одночасно з тим, обережність і тактовність в методах збирання, не залишають бажати нічого кращого» [3, с. 430].

Как ученый, музейщик и исследователь Спасская заявила о себе большим количеством рукописных и печатных работ, докладов на семинарах научно-исследовательской кафедры искусствоведения, музейнических конференциях, заседаниях научных обществ. О значимости ее роли в становлении музейной отрасли красноречиво говорил тот факт, что Д.М. Щербаковский не раз высказывал желание о включении Спасской в состав научных сотрудников Всеукраинского исторического музея им. Т. Шевченко: «З наведених причин я вважаю кандидатуру Є.Ю. Спаської на посаду завідувача історико-побутовим відділом у вищій мірі бажаною» [3, с. 430].

В это время наладились научные контакты Евгении Юрьевны с известным советским этнографом, фольклористом и диалектологом Дмитрием Константиновичем Зелениным. В личном архивном фонде Д.К. Зеленина (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук) сохранилось восемь писем Е.Ю. Спасской, адресованных ученому за 1929–1930 гг. В одном из них (21 апреля 1929 г.) Спасская писала Зеленину: «Охотно сообщу Вам о себе: Сельскохозяйственный музей я оставила из-за неприятностей, которые мне чинил, по моему мнению, очень злобный и неумный заведующий отделом, лентяй, которому я казалась слишком беспокойным подчиненным. Сейчас он продолжает вредить мне, подняв вопрос о запрещении мне опубликовать работу о гончарах с иллюстрациями – экспонатами музея. Предлог то, что он в 1925 г. приобрел эту коллекцию для музея и сам ее когда-то обработал. <...> В Историческом музее после назначения меня на место Д.М. (Даниила Михайловича – авт.), кандидатура моя была отведена. Если не ошибаюсь, официальный предлог, что я только аспирант, а не научный сотрудник. Настоящая моя служба на долгий срок оттянет возможность окончить аспирантуру, т. к. берет все время, не оставляя ничего для занятий. Я инструктор-организатор кустарных экспортных вышивальных мастерских в Киевском округе. <...> Отношение ко мне пока что тоже неплохое, но я уже вижу, что в этом мире надо непременно уметь пускать пыль в глаза, чего я не умею и не люблю» [5, с. 130]. Заведующей историко-бытовым отделом она так и не стала. В скором времени (1934) Спасская была репрессирована и выслана в Казахстан, в г. Уральск.

Получив клеймо «неблагонадежной», Евгения Юрьевна долго не могла устроиться на работу, часто увольнялась под давлением руководства. Тем не менее, казахский период жизни для Спасской был плодотворным. Ученая работала в педагогическом институте имени Абая: сначала – секретарем истфака (с 1948 г.), старшим лаборантом кафедры всемирной истории (с 1949 г.), а с 1958 г. – заведующей аспирантуры. Она вспоминала: «...в 1948 році, коли в Алма-Аті зустрів мене на вулиці випадково професор С.І. Руденко і примусив опрацювати тему про велику і занедбану збірку «мідяних» скифських котлів Центрального Музею, з якого напередодні цієї зустрічі було звільнено за «власним бажанням», – як я не відмовлялася, що це тема суто археологічна, що я ніякий археолог, він привів мене до Музею і заявив директору, що я мушу виконати роботу під його керівництвом... Доповідь про котли робила декілька разів, і цю роботу опублікувала у виданнях Державного педагогічного інституту ім. Абая» [6, с. 36]. Таким образом, благодаря содействию профессора Руденко Спасская проанализировала и систематизировала одну из лучших археологических коллекций скифских медных котлов Казахстана. С результатами собственных исследований Евгения Юрьевна выступала на XIII и XV институтских научных конференциях. В 1956 и 1958 гг. в «Известиях Алма-атинского пединститута им. Абая» были напечатаны две ее статьи, посвященные алма-атинским медным котлам [7], [8]. Кроме активной научно-исследовательской работы, Евгения Юрьевна приводила в порядок свой частный архив: переписала этнографические дневники 1921–1929 гг., упорядочила собранные в 1920-х – начале 1930-х гг. материалы полевых этнографических исследований, доработала неопубликованные студии, созданные еще в Украине. С некоторых материалов она сделала несколько авторских копий, отправила их в научно-исследовательские и музейные учреждения Киева, Чернигова, Нежина и Опошны. Часть доработанных рукописей были напечатаны на рубеже 1950-1960-х гг. в научной периодике УССР.

После выхода на пенсию (1961), Е.Ю. Спасская продолжала сотрудничать с учреждениями АН Казахской ССР – помогала систематизировать (каталогизировать) фонды Картинной галереи и Ботанического сада; вела систематическую переписку с музеями Нежина, Кие-

ва, Ленинграда. Кроме этого, исследовательница консультировалась с ведущими специалистами в области вышивки, гончарства и керамики (С.А. Тарашушенко, П.Н. Жолтовский, Г.Н. Логвин, С.И. Руденко), обменивалась с ними материалами собственных исследований и научных наработок. Также Евгения Юрьевна поддерживала связь с подругами молодости – коллегами-искусствоведами К.И. Белоцерковской, М.И. Вязьмитиной, Н.В. Линко. В письме к Вязьмитиной от 8 января 1967 г. Спасская доверила им пользоваться и распоряжаться ее архивным собранием В ИМФЕ НАНУ: «Тебе [М. Вязьмитиній – авт.], Наде Л[инке] и Катюше я доверяю больше чем себе!» [9, с. 26].

Евгения Юрьевна Спасская умерла 29 сентября 1980 г. в Алма-Ате, где и похоронена. Реабилитирована посмертно в 1989 г.

Музейная деятельность Евгении Юрьевны Спасской составляет значительную часть ее общенаучного наследия. В связи с этим сложно переоценить заслуги ученой в области охраны памятников истории и культуры. Первичный опыт музееведческой деятельности молодая исследовательница получала в нечеловеческих условиях боевых действий, холода и голода, бесконечного потока раненых. Это не помешало Евгении Юрьевне заниматься поистине любимым делом: собирать изрзцы народного искусства, делать зарисовки, старательно записывать все услышанное и увиденное. Кроме того, развитие современного музееведения невозможно представить без статистическо-описательного метода, разработанного исследовательницей для систематизации собранных музейных материалов. Солидный стаж Е.Ю. Спасской в музееведческой отрасли, подвижнический труд во имя сохранения материальных памятников заслуживает уважения и достойной оценки ее деятельности со стороны научного сообщества. К сожалению, большая часть научных трудов, семинарских докладов и методологических разработок Спасской еще ждет своего исследователя и публикатора.

Литература

1. Спаська, Є. Спогади про мого найсுவорішого вчителя Данила Щербаківського / Є. Спаська // Наука і культура. – Україна, 1990. – С. 272–286.
2. Білокінь, С. Мистецтвознавча діяльність Є.Ю. Спаської / С. Білокінь // Народна творчість та етнографія. – 1983. – № 6. – С. 64–67.
3. Відзив, Ф.Л. Ернста про наукову і музейну роботу Є.Ю. Спаської / Ф.Л. Відзив // Репресоване краєзнавство (20–30-і роки). – К.-Хмельницький, 1991. – С. 429–430.
4. Анохіна, Н. Життя Євгенії Юріївни Спаської в Казахстані за спогадами рідних і листуванням ученої / Н. Анохіна // Ніжинська старовина. – 2011. – Вип. 11(14). – С. 51–56.
5. Непомнящий, А. Кримські сторінки біографії Євгенії Спаської / А. Непомнящий // Ніжинська старовина. – 2011. – № 11(14). – С. 125–136.
6. Луговик, Т. «Постарайтесь жить так, как будто этого не было!» (за матеріалами щоденникових записів Є.Ю. Спаської про заслання в Казахстані) / Т. Луговик // Ніжинська старовина : збірник регіональної історії та пам'яткознавства. – К. : Центр пам'яткознавства НАН України, 2016. – С. 32–38.
7. Спасская, Е. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии / Е. Спасская // Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического университета имени Абая. Серия гум. наук. – 1956. – Т. XI (1). – С. 155–169.
8. Спасская, Е. Находки медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии / Е. Спасская // Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического университета имени Абая. Серия гум. наук. – 1958. – Т. XV (3). – С. 178–193.
9. Бузько, О. «Любила и люблю тебя больше всех, друг ненаглядный и бесценный!» (з матеріалів Євгенії Спаської у фонді Марії Вязьмитиної) / О. Бузько // Ніжинська старовина : збірник регіональної історії та пам'яткознавства. – 2017. – Вип. 23 (26). – С. 32–38.

Узнікненне польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Беларусь

М.М. МЯЗГА

Устаноўлена, што як аднавіўшая у 1918 г. незалежнасць Польшча, так і Савецкая Расія вылучылі прытэнзіі на землі Беларусі, лічачы іх сваёй складовай часткай і даказваючы законнасць сваіх правоў на іх. Тэрытарыяльная спрэчка, у тым ліку і за валоданне беларускімі абшарамі, з'явілася важнейшай прычынай польска-савецкага ваеннага канфлікту. Яго ўзнікненню спрыяла і тое, што валоданне Беларуссю давала магчымасць савецкаму ўраду выкарыстаць яе тэрыторыю як плацдарм для распальвання рэвалюцыі ў Еўропе, а польскаму ўраду – стварыць бар'ер супраць бальшавізму. Спроба ўрада РСФСР выкарыстаць БССР для таго, каб пазбегнуць на мяжы 1918–1919 гг. ваеннага канфлікту з Польшчай, была асуджана на няўдачу, бо польскі ўрад не жадаў прызнаваць Беларускую і Літоўскую савецкія рэспублікі ў якасці суверэнных дзяржаў.

Ключавыя словы: Беларусь, Польшча, Савецкая Расія, польска-савецкая вайна, прычыны вайны, інкарпарацыя, федэрацыя, тэрытарыяльнае пытанне, нацыянальнае самавызначэнне.

It is stated in the article that both Poland, who recently renewed its independency in 1918, and Soviet Russia had claimed that the territory of Belarus belongs to them. Both countries considered Belarus as their part and tried to prove their right to it. Territorial disputes, including previously mentioned one, became one of the biggest reasons of the Polish-Soviet war conflict. Additionally, having Belarus as Soviet Russia's territory would have allowed Soviet government to use it as a start point of revolutions in Europe. Similarly, Poland could use it as a barrier against Bolshevism. Soviet Russia tried to use Belarus' territory to avoid war conflict with Poland in 1918-1919, but it was obvious that this attempt would be unsuccessful, because Polish government didn't acknowledge Belarusian and Lithuanian soviet republics as sovereign countries.

Keywords: Belarus, Poland, Soviet Russia, Polish-Soviet war, causes of war, incorporation, federation, territorial dispute, national self-determination.

Польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. аказалася адной з найбольш трагічных старонак у гісторыі беларускага народа, прывяла да чарговага падзелу яго тэрыторыі суседзямі. У дадзеным артыкуле мы паспрабуем высветліць, якую ролю адыгралі праблемы, звязаныя з Беларуссю, у фарміраванні супярэчнасцей паміж Савецкай Расіяй і Польшчай, якія выклікалі вайну паміж гэтымі краінамі.

Аднаўленне незалежнасці Польскай дзяржавы восенню 1918 г. паставіла пытанне аб яе граніцах, якое непасрэдна закранала інтарэсы Беларусі. Яшчэ ў час Першай сусветнай вайны польская кіроўная эліта сфармулявала свае падыходы да вырашэння гэтага пытання. Р. Дмоўскі ў дэкларацыі да міністра замежных спраў Вялікабрытаніі А. Бальфура ад 30 сакавіка 1917 г. прапанаваў правесці ўсходнюю граніцу Польшчы па лініі Вільня, Дзвінск, Мінск, Пінск, Роўна, Камянец-Падольскі [1, ss. 54, 56]. Польскі палітык лічыў прапанаваны ім варыянт граніцы кампрамісным, бо частка «гістарычнай Польшчы» павінна была застацца за межамі Польскай дзяржавы, але пры гэтым яна павінна была ўключыць тыя правінцыі, дзе, згодна яго меркаванню, заходняя (польская) цывілізацыя пусціла глыбокія карані [2, s. 57]. На думку Р. Дмоўскага, стварэнне Польшчы ў граніцах 1772 г. адпавядала б інтарэсам усіх народаў Усходняй Еўропы, бо абараняла б іх ад нямецкай экспансіі. Але Расія павінна захаваць прыкладна тыя тэрыторыі, якія яна атрымала па раздзелах Рэчы Паспалітай у 1772 і 1793 гг., а ў склад Польшчы павінны былі ўвайсці губерні Ковенская, Віленская, Гродзенская, большая частка Мінскай, Валынь, два паветы Падольскай губерні. Пры гэтым Р. Дмоўскі ў якасці аргумента на карысць уключэння беларускіх тэрыторый у склад Польшчы спасылаўся на нізкі ўзровень асветы беларусаў і адсутнасць у іх «выразна акрэсленых нацыянальных памкненняў» [3, с. 36].

27 мая 1918 г. на пасяджэнні Польскага нацыянальнага камітэта (ПНК) абмяркоўвалася пытанне аб тэрыторыі будучай адроджанай польшчы. Р. Дмоўскі выказаўся за падзел Беларусі з Расіяй. Па яго словах, калі Польшча захопіць усю беларусь, то ўсё роўна не зможа яе асвоіць, і пры гэтым сапсуе адносіны з Расіяй. Але аддаць ўсе беларускія тэрыторыі Расіі таксама немагчыма з пункту гледжання польскіх інтарэсаў. У той жа час ён адзначыў, што, «калі мы возьмем толькі частку яе, то трывала і з карысцю для сябе на ёй абаснуемся».

Стварэнне самастойнай Беларускай дзяржавы лічылася нявыгадным для Польшчы, бо яна хучэй за ўсё трапіла б пад чужы ўплыў, ці, калі б стала саюзнікам Польшчы, стварыла б для апошняй складаную знешнепалітычную сітуацыю [3, с. 128]. Больш дэтальна да пытання аб граніцы Польшчы на ўсходзе ПНК звярнуўся на сваіх пасяджэннях 1–10 кастрычніка 1918 г. Асноўным дакладчыкам выступаў С. Грабскі. Ён прапанаваў пры вызначэнні ўсходняй мяжы Польшчы кіравацца прынцыпам, згодна з ім палякі павінны складаць большасць сярод насельніцтва адроджанай Польшчы не менш чым 57 %. Што датычыцца Беларусі, то С. Грабскі заявіў аб неабходнасці адстойваць прынцып, згодна з ім Беларусь у адносінах да Польшчы знаходзіцца «ў тых жа адносінах, што славакі да чэхай» [3, с. 158]. Рашэнні ПНК па тэрытарыяльным пытанні 8 кастрычніка 1918 г. былі даведзены да ведама прэзідэнта ЗША В. Вільсана ў спецыяльным мемарыяле. У ім адзначалася, што Польшчы неабходна быць «моцнай дзяржавай», пры гэтым мець дастаткова аднароднае насельніцтва, каб забяспечыць «унутраную злітнасць». Тэрыторыя будачай Польшчы павінна была ўключаць на ўсход ад Каралеўства польскага большую частку Віленскай губерні, Гродзенскую губерню, «дзе палякі ў большасці, або нязначнай меншасці», большую частку Мінскай губерні, «якая ахоплівае Мінск, Слуцк, Пінск». Астатнія беларускія землі «павінны былі вярнуцца да Расіі». Каб апраўдаць адмову ад стварэння беларускай дзяржавы, у мемарыяле заяўлялася, што «беларусы ўяўляюць цалкам пасіўны расавы элемент. Сярод іх няма ніякага нацыяльнага руху...» [3, с. 161–163].

Лагер Ю. Пілсудскага па пытанні польскай усходняй граніцы на пачатку польска-савецкай вайны быў блізкі да пазіцыі эндэцыі, як гэта паказалі перамовы прадстаўніка ПНК С. Грабскага з Ю. Пілсудскім у Варшаве ў снежні 1918 г. 16 снежня С. Грабскі паведаміў ПНК, што начальнік дзяржавы выказаўся за граніцу, якая павінна праходзіць па лініі Ула, Бярэзіна, Случ, Гарынь. Гэта было блізка да «лініі Дмоўскага» і азначала непасрэднае ўключэнне асноўнай часткі Беларусі ў склад Польшчы [3, с. 185]. Л. Васілеўскі адзначаў, што «ў адносінах усходняй граніцы Пілсудскі ў цэлым пагаджаўся з лініяй, прапанаванай Дмоўскім» [4, s. 172]. Гэтую лінію Р. Дмоўскі як кіраўнік польскай дэлегацыі адстойваў на Парыжскай канферэнцыі. У выступленні перад Саветам дзесяці 29 студзеня 1919 г. ён адзначыў слабасць беларускага нацыянальнага руху і, указавшы на магчымасць стварэння Літоўскай і Украінскай дзяржаў, нічога не сказаў пра такую перспектыву для беларусаў. Ён адстойваў ідэю падзелу беларускіх зямель паміж Польшчай і Расіяй. Пры гэтым Украінскую дзяржаву ён лічыў абсалютна штучным утварэннем, якое не трэба прызнаваць за самастойную і незалежную дзяржаву. Літву прапаноўвалася аб'яднаць з Польшчай на правах аўтаноміі [3, с. 215–216]. Далей Р. Дмоўскі заявіў, што «ў 1772 г. Польшча на ўсходзе распасціралася да Дняпра і Дзвіны». На гэтай тэрыторыі «асноўная частка вясковага насельніцтва няпольская па нацыянальнасці, і яго ўключэнне ў склад Польшчы выклікала б значныя цяжкасці». Таму яе ўсходняя мяжа павінна прайсці так, «каб пакінуць Расіі няпольскае насельніцтва», і Польшча «не без шкадавання» гатова адмовіцца ад «часткі сваіх тэрыторый, якія калісьці належалі ёй» [3, сс. 215, 216].

25 лютага Р. Дмоўскі накіраваў ноту ў камісію Ж. Камбона, у якой зноў выклаў пазіцыю польскай дэлегацыі па пытанні граніц Польшчы. Ён заявіў, што зыходным пунктам сваіх патрабаванняў польска прымае граніцу 1772 г. і «лічыць сваім свяцейшым правам вярнуць тое, што сілай забралі дзяржавы, якія цяпер ляжаць у руінах». Але далей Р. Дмоўскі адзначаў, што Польшча не збіраецца цалкам выкарыстаць гэтакія права, бо ўсведамляе, што на працягу «мінулых 150 гадоў з моманту падзелу Польшчы на нашых усходніх межах адбыліся змены, з якімі мы павінны лічыцца». Матывуе сваю пазіцыю Р. Дмоўскі тым, што ўключэнне вялікіх тэрыторый на ўсходзе «не прынесла б карысці будучай Польшчы. Мы зусім не хочам уключаць у склад нашай дзяржавы элементы, якія немагчыма асіміляваць». У сувязі з гэтым да польшчы трэба далучыць толькі тыя землі, дзе высокі працэнт польскага насельніцтва. Адпаведна, яна «адмаўлялася» ад усёй Кіеўскай, амаль усёй Падольскай, большай часткі Валынскай, ад усёй Магілёўскай, большай часткі Віцебскай, двух паведаў Віленскай губерні. Літве прапаноўвалася ўнія з Польшчай [3, с. 228]. З сакавіка польская дэлегацыя накіравала яшчэ адну ноту ўдзельнікам Парыжскай канферэнцыі, у якой адзначалася, што граніца Польшчы павінна прайсці на захад ад Віцебска і Магілёва і на ўсход ад мінска і Мазыра. Пры гэтым адзначалася, што ў выніку Люблінскай уніі землі ВКЛ былі інтэграваны менавіта ў польскую дзяржаву і ўспрынялі польскую культуру [3, с. 252]. Р. Дмоўскі тлумачыць палітыку эндэцыі па пытанні ўсходняй граніцы ў той час у лісце С. Грабскаму ад 19 мая

1919 г. На яго думку, гэтая палітыка не павінна рабіць немагчымым пагадненне з расіяй. Таму не трэба гаварыць пра ВКЛ у граніцах 1772 г., звязваць сябе палітыкай падтрымкі Украіны, а неабходна стаяць на пазіцыі падзелу «ўсходніх крэсаў» з Расіяй [5, s. 145–146].

Такім чынам, польская дэлегацыя, адлюстроўваючы пазіцыю правіцы, заявіла перад саюзнымі дзяржавамі, што новая Польшча не мае намеру дабівацца вяртання да тых граніц, якія Рэч паспалітая мела да падзелаў, хоць і мае гістарычныя правы на гэтыя граніцы. У той жа час яна не прызнавала магчымасці стварэння Беларускай дзяржавы і лічыла мэтазгодным ажыццявіць падзел беларускіх зямель з Расіяй на аснове кампрамісу. Але, улічваючы, што «лінія Дмоўскага» павінна была прайсці на ўсход ад Мінска, дасягненне такога кампрамісу было малаверагодным.

Ю. Пілсудскі ў Віленскай адозве 22 красавіка 1919 г. заявіў аб праве народаў былога ВКЛ самастойна вырашаць свой лёс і фактычна выказаў спадзяванне на ўтварэнне федэрацыі гэтых зямель з Польшчай [6, s. 84]. 4 мая ён пісаў Л. Васілеўскаму аб недапушчальнасці падзелу Беларусі паміж Польшчай з Расіяй [6, s. 75–76]. Гэта зноў жа азначала рэалізацыю ідэі федэрацыі ў дачыненні да беларускіх зямель. Але пры гэтым заходнюю і цэнтральную частку беларусі намячалася ўключыць у склад польшчы непасрэдна, аб чым Ю. Пілсудскі гаварыў яшчэ ў час перамоў з С. Грабскім ў снежні 1918 г. У інструкцыі Л. Васілеўскаму, які ад'язджаў на Парыжскую канферэнцыю, кіраўнік дзяржавы ўказваў, што «ўсходняя граніца павінна забяспечыць польскаму боку чыгунку Драгобыч–Львоў–Ковель–Пінск–Лунінец–Баранавічы–Вільня і яе прыкрыццё ў выглядзе пояса лясоў і балот Прыпяці» [7, с. 56]. Як бачым, і пазіцыя Ю. Пілсудскага прадугледжвала ўключэнне ў склад Польшчы значных беларускіх тэрыторый непасрэдна. Што датычыцца стварэння федэрацыі, то сваю пазіцыю па гэтым пытанні Ю. Пілсудскі красамоўна растлумачыў у лісце Л. Васілеўскаму яшчэ да захопу Вільні 4 красавіка 1919 г. Начальнік дзяржавы пісаў, што паколькі ў свеце «перамагае балбатня пра братэрства людзей і амерыканскія дактрыны, я схіляюся ў бок федэралістаў» [3, с. 266]. Фактычна ідэя федэрацыі была прызначана для знешняга ўжытку і павінна была маскіраваць перад Антантай імперыялістычную палітыку Польшчы ва ўсходнім напрамку. Ужо праз некалькі дзён пасля заняцця Вільні ў лісце прэм'ер-міністра І. Падарэўскаму Ю. Пілсудскі выказаў сумненні адносна рэалізацыі плана федэрацыі [3, с. 293–294].

Асноўныя напрамкі сваёй палітыкі па нацыянальным пытанні большавікі абнародавалі ў «Дэкларацыі правоў народаў Расіі» 2 (15 лістапада) 1917 г. Яны абвясцілі права ўсіх народаў на самавызначэнне, але гэтае права разглядалася аўтарамі Дэкларацыі толькі як інструмент заваявання даверу працоўных розных нацыянальнасцей для дасягнення іх адзінства ў граніцах Расійскай дзяржавы. У Дэкларацыі гаварылася, што палітыка царызму па нацыянальным пытанні «павінна быць заменена палітыкай добраахвотнага і чэснага саюза народаў Расіі». Стварэнне такога саюза дазволіць спаяць рабочых і сялян народаў Расіі «ў адну рэвалюцыйную сілу, здольную ўстаяць супраць ўсялякіх замахў з боку імперыялістычна-анексіянісцкай буржуазіі» [8, с. 40]. Змест Дэкларацыі дазваляе зрабіць выснову, што савецкі расійскі ўрад праз рэалізацыю права нацый на самавызначэнне зусім не збіраўся дапусціць распаду былой Расійскай імперыі на нацыянальныя дзяржавы. Права на самавызначэнне большавікі прызнавалі толькі за працоўнымі, і то толькі тэарэтычна. На III з'ездзе саветаў было заяўлена, што самавызначэнне трэба разумець у духу самавызначэння працоўных мас усіх народаў Расіі [5, ss. 38, 39]. Наркам па справах нацыянальнасцей І.В. Сталін падкрэсліваў, што савецкі ўрад прызнае права нацый на аддзяленне ад Расіі, але пры яго ажыццяўленні трэба ўлічваць інтарэсы «народных мас як цэнтра так і ўскраін». А з пункту гледжання гэтых інтарэсаў «патрабаванне аддзялення ўскраін на дадзенай стадыі рэвалюцыйнай глыбока контррэвалюцыйнае» [9, с. 353–354]. У артыкуле ў «Известиях» ад 9 лютага 1919 г. І.В. Сталін тлумачыў права народаў на самавызначэнне ў разуменні большавікоў як «добраахвотны саюз працоўных усіх незалежных савецкіх рэспублік» праз устанаўленне федэратыўнай сувязі з Савецкай Расіяй [9, с. 228]. Відавочна, што большавікі імкнуліся захаваць тэрытарыяльную цэласнасць былой Расійскай імперыі, падначаліць сваёй уладзе яе ўскраіны, у тым ліку і Беларусь.

Для вырашэння пытання аб польска-савецкай спрэчцы адносна граніцы важнае значэнне мае дэкрэт СНК РСФСР ад 29 жніўня 1918 г. Ён абвясчаў: «Усе дагаворы і акты, якія былі заключаныя ўрадамі Расійскай імперыі з урадамі каралеўства Прускага і Аўстра-Венгерскай імперыі, якія датычыліся падзелаў Польшчы, у сувязі з іх прырэчэннем прыняццю самавызначэння нацый і рэвалюцыйнай самасвядомасці рускага народа, які прызнаў за

польскім народам неад’емнае права на самастойнае адзінства, адмяняюцца гэтым беззваротна» [3, с. 151]. Тым самым юрыдычна неабгрунтаваным абвяшчалася далучэнне да Расіі зямель Рэчы Паспалітай, у тым ліку і беларускіх, а ў Польшчы з’яўляліся дадатковыя падставы для абгрунтавання прэтэнзій на граніцы 1772 г.

Пачатак рэвалюцыі ў Германіі, імклівы рух Чырвонай Арміі на захад услед за адыходзячымі германскімі войскамі нарадзілі ў савецкага кіраўніцтва надзею на хуткую перамогу сусветнай рэвалюцыі, у тым ліку і ў Польшчы. У ноч савецкага ўрада міністру замежных спраў Польшчы арышт персанала місіі Рэгенцкага савета ў Расіі тлумачыўся прыйшоўшымі з Польшчы чуткамі аб фарміраванні там сацыялістычнага ўрада [10, с. 21]. Наступленне Чырвонай Арміі на захад успрымалася ў польскіх правячых колах як імкненне на штыках прынесці сацыялістычную рэвалюцыю, ў тым ліку і ў Польшчу. 18 лістапада Л. Троцкі заявіў: «Праз Кіеў вядзе прамая дарога да злучэння з аўстра-венгерскай рэвалюцыяй, гэтак жа як праз Пскоў і Вільню праходзіць дарога да яднання з германскай рэвалюцыяй. Наступленне на ўсіх франтах» [11, с. 56]. Польскія палітыкі бачылі гэтую пагрозу. 20 лютага 1919 г. прэм’ер-міністр Польшчы І. Падарэўскі казаў у сейме, што на Польшчу рухаецца крывавая хваля расійскага большавізму [12, с. 71]. У склаўшайся сітуацыі Беларусь павінна была стаць для Савецкай Расіі плацдармам для экспарту на захад сацыялістычнай рэвалюцыі, а для Польшчы – бар’ерам супраць распаўсюджвання большавізму на польскія землі. Расійскі даследчык Г.Ф. Матвееў справядліва адзначае, што страта заходніх ускраін Расіі рабіла для большавікоў праблематычным ажыццяўленне планаў сусветнай рэвалюцыі [13, с. 48]. Многія польскія палітыкі бачылі ў барацьбе з большавізмам адну з важнейшых задач Польшчы. Выступаючы 27 сакавіка 1919 г. у сейме, С. Грабскі гаварыў: «Кожны, хто сёння змагаецца супраць большавізму, калі не наш саюзнік, то, па меншай меры, – кандыдат у нашы саюзнікі» [3, с. 260].

Пры гэтым як савецкі бок, так і польскі лічылі, што яны маюць правы на тэрыторыю Беларусі. У сувязі з рухам Чырвонай Арміі праз Беларусь і Літву адбыўся абмен нотамі паміж польскім і савецкім урадамі. 22 снежня 1918 г. міністр замежных спраў Польшчы Л. Васілеўскі пісаў савецкаму калегу Г. Чычэрыну: «Польскі ўрад энергічна пратэстуе супраць руху савецкіх войскаў да польскай граніцы». Дзеянні гэтых войскаў ацэньваліся як варожыя ў дачыненні да Польшчы [10, с. 28]. 23 снежня 1918 г. савецкі ўрад накіраваў ноту ў адказ, у якой адзначалася: «... народны камісарыят можа супакоіць Урад Польскай Рэспублікі, што ніякая небяспека яму не пагражае з боку Расіі, і што войскі Расійскай Савецкай Рэспублікі не толькі знаходзяцца на значнай адлегласці ад польскіх граніц, але аддзелены ад яе Літвой і суседняй часткай Украіны» [10, с. 29]. Характэрна, што Беларусь савецкім наркамам не прыгадваецца ўвогуле. Савецкае кіраўніцтва лічыла сябе спадчынапераймальнікам царскай Расіі і рух Чырвонай Арміі па беларускіх землях разглядала як вызваленне расійскай тэрыторыі ад германскай акупацыі. Польскія ж улады лічылі, што Польшча пасля аднаўлення незалежнасці аднавіла і свае правы на ўсе землі Рэчы Паспалітай, асабліва з улікам савецкага дэкрэта ад 29 жніўня 1918 г. Таму ўступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Беларусі разглядалася ў Варшаве як знешняя экспансія з боку РСФСР, якая да таго ж несла пагрозу большавізацыі для Польшчы. 30 снежня Л. Васілеўскі накіраваў новую ноту савецкаму ўраду. У ёй сцвярджалася, што частка тэрыторыі Літвы і Беларусі, на якую ўступіла Чырвоная Армія, бясспрэчна польская. Таму прысутнасць Чырвонай Арміі на беларуска-літоўскіх землях непасрэдна закранае жыццёвыя інтарэсы польскай нацыі. Далей у ноч указвалася на прысутнасць у складзе савецкіх войскаў гэтак званых «польскіх палкоў», мэта якіх заключалася ў тым, каб выклікаць у Польшчы сацыялістычную рэвалюцыю [12, с. 72].

У 20-х чыслах снежня 1918 г. савецкае кіраўніцтва прыйшло да высновы, што спадзяванні на блізкую сусветную рэвалюцыю не спраўдзіліся. 8 лютага 1919 г. Г. Чычэрын указаў прадстаўнікам НКЗС у Мінску на неабходнасць утрымліваць польскіх добраахвотнікаў Чырвонай Арміі ад уступлення ў польскія вобласці [14, с. 19–20]. Г.Ф. Матвееў у сваіх даследаваннях абгрунтоўвае тэзіс, згодна з якім у савецкага ваеннага і палітычнага кіраўніцтва ў канцы 1918 – пачатку 1919 г. не было планаў ажыццявіць пранікненне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Польшчы. Ён спасылалася на тое, што пасля таго, як Заходняя армія савецкіх войскаў дасягнула рубяжа Панявежыс, Вільня, Ліда, Баранавічы, Пінск, начальнік яе штаба Касцяеў звярнуўся да Г. Чычэрына з лістом, у якім адзначыў нявызначанасць сітуацыі ў дачыненні да Польшчы і прасіў указаць, да якіх пунктаў можа рухацца Чырвоная Армія, каб не парушыць палітычныя адносіны з Польшчай [15, с. 147]. У студзені савецкае кіраўніцтва

імкнулася да замірэння з Польшчай, і таму ўварванне Чырвонай Арміі непасрэдна на этнічныя польскія землі было непажданым. Пра гэта ад імя ЦК бальшавіцкай партыі пісаў Я. Свядлоў Л. Троцкаму 22 студзеня. Гэтую пазіцыю адстойваў і наркамат па замежных справах [16, с. 7].

Названыя перамены істотна паўплывалі на палітыку савецкага ўрада па беларускім пытанні. Як вядома, 24 снежня 1918 г. у Маскве было прынята рашэнне аб стварэнні ССРБ. Цяпер Беларусь ужо разглядалася не як плацдарм для сусветнай рэвалюцыі, а як поле для магчымага кампрамісу з Польшчай, які б даў магчымасць савецкаму ўраду сканцэнтраваць свае сілы на больш важных на той момант франтах грамадзянскай вайны. Прадстаўнік ЦК РКП(б) у Беларусі А. Іофе тлумачыў утварэнне ССРБ наступным чынам: «Каб не паўтараць памылак, калі нам прыйшлося весці непасрэдную барацьбу з германскім імперыялізмам, мы вырашылі ў ЦК Савецкую Расію аддзяліць буферамі ад Еўропы. Але каб гэты буфер не быў буферам, які аддзяляе нас. Ён павінен стрымліваць імперыялістычны націск, ... каб гэты націск ... аслабляў сваю сілу». Неспрыяльныя знешнія ўмовы, перш за ўсё падрыхтоўка Польшчай інтэрвенцыі ў Расію, падштурхнулі Маскву да стварэння ССРБ [12, сс. 106, 107]. Аб тым, што стварэнне Беларускай, як і Літоўскай савецкіх рэспублік было выклікана неабходнасцю пошуку кампрамісу з Польшчай, А. Іофе прама заявіў на пасяджэнні Цэнтральнага Бюро КПБ 22 студзеня 1919 г. Ён адзначыў, што прэтэнзіі польскага імперыялізму могуць быць вырашаны дыпламатычным шляхам, для чаго было неабходна, каб Польшча сутыкнулася з буферамі і для чаго стваралася Беларуская ССР [16, с. 5]. На гэтым жа пасяджэнні А. Іофе заявіў, што «неадкладнае ўключэнне Беларускай рэспублікі ў Савецкую Расію на правах федэрацыі знішчае ўсе выгоды ад стварэння буфераў-рэспублік, бо тады ўсе перамавы вядзе цэнтральны ўрад, г. з. самой Расіі прыйдзеца непасрэдна прымаць у іх удзел» [3, с. 205]. Тым самым расійскі савецкі ўрад, як справядліва адзначае беларускі даследчык Р.Р. Лазько, імкнуўся не прымаць непасрэднага ўдзелу ў перамовах аб урэгуляванні канфлікту з Польшчай, якія маглі прывесці да значных тэрытарыяльных саступак на карысць апошняй і выклікаць у Расіі палітычны крызіс, аналагічны таму, які адбыўся пры заключэнні Брэсцкага міру [16, с. 5]. Зыходзячы з названых меркаванняў, лагічным прадстаўляецца рашэнне ЦК РКП(б) пакінуць у складзе ССРБ толькі тыя губерні, якія непасрэдна гранічылі з Польшчай, а ўсходнія, якія не маглі быць прадметам саступак Польшчы, перадаць у склад РСФСР [3, с. 207]. У.І. Ленін прама гаварыў, што Беларуская рэспубліка патрэбна пастолькі, паколькі яна гранічыць з іншымі краінамі. Паколькі Смаленск, Віцебск і Магілёў не гранічаць, то іх можна выключыць са складу ССРБ. Ён паставіў перад савецкім беларускім урадам задачу ўвайсці ў адносіны з Польшчай, выкарыстоўваючы для гэтага А. Іофе [3, с. 209]. Пры гэтым расійскі савецкі ўрад гатовы быў да вялікіх тэрытарыяльных саступак за кошт савецкіх буферных рэспублік. Гэта пацвярджае заява А. Іофе, зробленая на пасяджэнні ЦК КП(б)ЛіБ 5 красавіка 1919 г.: «... за мір з Антантай можна аддаць Літву і Беларусь» [3, с. 265].

Літаральна адразу пасля стварэння ССРБ урад Леніна стаў вылучаць яе як партнёра Польшчы на мірных перамовах. 10 лютага Г. Чычэрын накіраваў ноту польскаму ўраду, у якой прама прапанаваў палякам для ўрэгулявання тэрытарыяльнага пытання звяртацца да савецкіх рэспублік Літвы і Беларусі, «якіх яно датычыцца непасрэдна і да якіх мы маем намер звярнуцца з прапаною нашых паслуг з мэтай дапамагчы ў вырашэнні адносячыхся да іх пытанняў» [10, с. 40]. Рабоча-сялянскі ўрад Літвы і ЦВК ССРБ 16 лютага прапанаваў польскаму боку «вырашыць палюбоўна ўсе спрэчныя тэрытарыяльныя пытанні». Для гэтага прыслаць сваіх прадстаўнікоў у змешаную камісію, якая «павінна будзе ўстанавіць дзяржаўную граніцу паміж стварыўшайся Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікай Літвы і Беларусі – з аднаго боку, і Польскай Рэспублікай – з другога» [10, с. 41–43]. Вылучаючы на першы план для перамоў з Польшчай ЛітБел, урад Леніна імкнуўся стварыць уражанне, што ў стане вайны з Польшчай знаходзіцца менавіта гэтая рэспубліка, а не РСФСР. У паведамленні маскоўскага радыё ад 6 мая 1919 г. гаварылася пра напад польскіх рэгулярных войскаў на «брацкую Савецкую рэспубліку Літвы і Беларусі» [10, с. 57]. Самастойнасць ЛітБел павінна была дэманстраваць і тое, што войскі Чырвонай Арміі, якія дзейнічалі на яе тэрыторыі, з 13 сакавіка па 9 чэрвеня 1919 г. называліся Літоўска-Беларускай арміяй.

Правячыя колы Польшчы зыходзілі з таго, што ЛітБел не з'яўляецца самастойным суб'ектам міжнародных адносін. 4 красавіка 1919 г. сейм Польшчы адмовіўся прызнаць незалежнасць Літоўска-Беларускай ССР. Асноўным дакладчыкам па гэтым пытанні быў С. Грабскі, які заявіў, што Польшча не прызнае літоўска-беларускі ўрад, «бо гэта не самастойны ўрад, а абавязаны сваім існаваннем расійскім бальшавікам. Мы павінны ісці ў

Літву і Беларусь, каб вызваліць польскае насельніцтва ад бальшавікоў» [3, с. 289]. Як бачым, ідэя аб дасягненні кампрамісу з Польшчай з дапамогай буферных савецкіх рэспублік, вылучаная ўрадам Леніна, не была рэалізавана з-за адмоўнага стаўлення да яе польскага боку.

Па сведчанні Л. Васілеўскага, Ю. Пілсудскі прапаноўваў правядзенне плебісцыту на землях былога ВКЛ, каб вызначыць іх лёс [4, с. 215]. Г. Чычэрын у ночце ад 24 сакавіка згаджаўся на правядзенне плебісцыту, але ў форме «галасавання працоўных». Ён абяцаў адстойваць гэты пункт гледжання перад урадам ЛітБел і выказаў меркаванне, што гэты план не сустрэне цяжкасцей з боку гэтай рэспублікі [10, с. 51]. Зразумела, што правядзенне галасавання, у якім удзельнічае не ўсё насельніцтва, а толькі «працоўныя», забяспечвала бальшавікам патрэбны вынік, і пагадзіцца на такую форму плебісцыту польскі бок не мог. 8 красавіка намеснік міністра замежных спраў Польшчы В. Врублеўскі заявіў, што польскі ўрад не будзе весці перамовы з савецкім урадам [12, с. 74].

Такім чынам, у аснове канфлікту паміж Польшчай і савецкімі рэспублікамі аказалася тэрытарыяльнае пытанне. У тым ліку і беларускія землі сталі арэнай супрацьстаяння паміж дзвюма дзяржавамі. Пры гэтым як Польшча, так і Савецкая Расія ў сваёй палітыцы зыходзілі з таго, што беларускія землі з'яўляюцца часткай іх тэрыторыі. Гэта рабіла польска-савецкі кампраміс практычна немагчымым. Спраба савецкага ўрада дасягнуць урэгулявання наспяваўшага канфлікта з Польшчай праз тэрытарыяльныя саступкі з боку Беларускай і Літоўскай савецкіх рэспублік не мелі шансаў на поспех, бо польскі ўрад не разглядаў названыя рэспублікі як суверэнныя дзяржавы. Абвастранню канфлікта садзейнічала і тое, што Беларусь для Савецкай Расіі магла стаць плацдармам для распаўсюджвання рэвалюцыі ў Еўропу, а Польшча імкнулася ператварыць Беларусь у бар'ер супраць рэвалюцыйнай хвалі. Названыя абставіны павялічвалі важнасць валодання беларускімі тэрыторыямі для Расіі і Польшчы.

Літаратура

1. Wskreszenie Państwa Polskiego. Szkic historyczny : w 2 t. – Krakow : Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925. – Т. 2. – 300 s.
2. Dmowski, R. Polityka Polska i odbudowanie Państwa. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa : Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.
3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 1. – 540 с.
4. Wasilewski, L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. “Rój”, 1935. – 235 s.
5. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 444 s.
6. Piłsudski, J. Pisma zbiorne : w 8 t. / J. Piłsudski. – Warszawa : Instytut J. Piłsudskiego, 1922. – Т. 5. – 297 s.
7. Даркович, А.Л. Западнобелорусские земли в политике польского государства в 1919–1926 гг. (на примере городского самоуправления белорусского Полесья) / А.Л. Даркович // Славяноведение. – 2010. – № 4. – С. 55–66.
8. Декреты Советской власти : в 18 т. – М. : Изд-во полит, лит-ры, 1957. – Т. 1. – 625 с.
9. Сталин, И.В. Сочинения : в 18 т. / И.В. Сталин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 4. – 488 с.
10. «Красная книга». Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918–1920 гг. – М. : Государственное издательство, 1920. – 112 с.
11. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 823 с.
12. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : «Современная школа», «эксперспектива», 2007. – Т. 5. – 616 с.
13. Матвеев, Г.Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 гг. / Г.Ф. Матвеев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 3. – С. 47–56.
14. Мельтюхов, М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М. : «Вече», 2009. – 624 с.
15. Матвеев, Г.Ф. Юзеф Пилсудский и польская государственность (1892–1921) / Г.Ф. Матвеев // Российские и славянские исследования. – Минск : БГУ, 2010. – Вып. 5. – С. 131–158.
16. Лазько, Р.Р. Беларуская буферная рэспубліка ў палітыцы савецкай Расіі ў пачатку 1919 г. / Р.Р. Лазько // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 3–10.

УДК 94(47+57)«1941/45»(476.2)

Становление и развитие партизанского движения на Гомельщине в отражении документальной публицистики (июнь 1941 – август 1943 гг.)

Л.С. СКРЯБИНА

Предпринята попытка на основе анализа документов и материалов сборников «Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г.», «Гомельщина партизанская. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г.» выявить основные тенденции становления и развития партизанского движения на Гомельщине в указанный период. Акцент делается на проблемах всенародного характера партизанского движения, централизации руководства борьбой в тылу врага, снабжения партизан оружием и боеприпасами, диверсионно-боевой деятельности партизан, взаимоотношения партизан с населением.

Ключевые слова: Гомельщина, Гомельская и Полесская области, Гомельский подпольный обком КП(б)Б, Полесский обком КП(б)Б, партизанский отряд, диверсионная группа, партизанская борьба, партизанское движение, партизанская зона, партизанское соединение Гомельской области, партизанское соединение Полесской области, Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), Белорусский штаб партизанского движения (БШПД), диверсионно-боевая деятельность, «рельсовая война», оружие, взаимоотношение с населением.

The documents and papers of the books «Partisan Gomel'shchina. The Beginning. From June, 1941, until May, 1942» and «Partisan Gomel'shchina. The development. From June, 1942, until August, 1943» are analysed in order to reveal the main tendencies of the beginning and development of the partisan movement on the territory of the Gomel Region within the mentioned period. The following problems are emphasized, such as: the nationwide character of the partisan movement, centralization of the leadership of the struggle in the enemy's rear, supply with arms and ammunition for the partisans, subversive partisan activity, relationships between partisans and local population.

Keywords: Gomel'shchina, Gomel and Poles'e region, Gomelskiy underground regional committee of the Communist party of bolsheviks of Byelorussia, Poles'e regional committee of the Communist party of bolsheviks of Byelorussia, partisan brigade, raiding party, partisan struggle, partisan movement, partisan area, partisan formation of Gomel region, partisan formation of Poles'e region, Central Headquarters of partisan movement, Byelorussian Headquarters of partisan movement, subversive activity, railway war, arms, relationships with local population.

Проблема партизанского движения на оккупированной немецкими войсками территории Беларуси в 1941–1944 гг. остается весьма актуальной для современной Беларуси. В последние годы «партизанская проблема» все чаще становится предметом не только научного, но и общественного обсуждения. Ей посвящено большое количество научных и научно-популярных публикаций. Однако, как правильно утверждает белорусский исследователь А.М. Литвин, «далеко не все факты и события, особенно относящиеся к наиболее трудному периоду лета-осени-зимы 1941–1942 гг., нашли исчерпывающее отражение в отечественной историографии» [1, с. 3]. Восполнить данный пробел в определенной мере помогут вышедшие в 2010, 2015 гг. сборники документов и материалов «Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г.», «Гомельщина партизанская. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г.». В сборники включено 354 документа, в т. ч. – 350 из Национального архива Республики Беларусь, 1 – из Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, 3 – из Центрального государственного архива общественных объединений Украины. Основная масса документов публикуется впервые. Данные оригинальные материалы могут быть основой для объективного и обстоятельного исследования становления и развития партизанского движения в Беларуси и в частности на Гомельщине.

Как известно, в середине 1930-х гг. подготовка к возможной партизанской войне, которая до этого времени проводилась в СССР, была приостановлена, прежде всего из-за того, что советская доктрина не предусматривала возможности ведения партизанской борьбы на своей территории. Однако очень быстро, после поражения Красной Армии в приграничных сражениях, советское руководство вынуждено было сделать ставку на активизацию сопротивления в тылу врага. Уже через неделю после начала немецкого наступления директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад требовала «в занятых врагом районах

создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде...» [1, с. 23]. Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. еще раз подтвердило названную директиву и определило, что этой борьбе следует придать «самый широкий размах и боевую активность». Местным партийным и советским руководителям предписывалось сразу же взяться за организацию сопротивления, «лично возглавить это дело» [1, с. 41].

В Беларуси начало организации партизанской и подпольной борьбы связано с принятием Директивы ЦК КП(б)Б № 1 «О переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом» от 30 июня 1941 г. и Директивы ЦК КП(б)Б № 2 партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага от 1 июля 1941 г.

Большая организаторская работа по созданию партизанских отрядов и групп на территории Гомельщины была проведена партийными органами и органами НКВД – НКГБ БССР. Так, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. Полесский обком КП(б)Б 23 июля 1941 г. утвердил областную тройку по руководству подпольно коммунистическими ячейками и партизанским движением во главе с секретарем обкома Ф.М. Языковичем, а также состав районных троек и командование партизанскими отрядами. Кроме того, была создана областная комиссия в составе 5-ти человек во главе с секретарем обкома КП(б)Б П.А. Левицким [1, с. 45–46].

В то же время с самого начала войны Гомельским ОКП(б)Б была проведена значительная организаторская работа по формированию партизанских отрядов и групп. 19 августа 1941 г. создан Гомельский подпольный обком КП(б)Б. Секретарь обкома И.П. Кожар возглавил руководство борьбой в южных районах, а А.А. Куцак – в северных. Позже, с объединением всех партизанских отрядов в областное партизанское соединение, ими командовал И.П. Кожар [1, с. 6].

В силу сложившейся обстановки территория Гомельщины в начале войны находилась в более благоприятных условиях для создания партизанских формирований. Об этом свидетельствует командир соединения партизанских отрядов Гомельской области, секретарь Гомельского подпольного обкома КП(б)Б И.П. Кожар: «Поскольку Гомельская область нашими войсками была оставлена последней в Беларуси, мы имели возможность провести некоторую подготовку к созданию подполья и организации партизанских отрядов и сделать в этом отношении больше, чем в других областях Беларуси, захваченных противником раньше». Далее И.П. Кожар констатирует, что в области «подготавливалась материальная база для партизанских отрядов – продукты, боеприпасы, обмундирование и организация хранения всего этого в лесах, где предполагалось базирование партизанских отрядов...» [1, с. 181]. По данным И.П. Кожара на 4 августа 1941 г. на территории 15 районов области действовало 58 партизанских отрядов численностью 1779 человек [1, с. 58].

В Полесской, также как и в Гомельской области, многие отряды и группы создавались заблаговременно, еще до отхода частей Красной Армии. Обратимся к одному из документов сборника, в котором говорится, что «еще до оккупации немцами Полесской области по решению ЦК КП(б)Б во многих районах этой области началась подготовка по организации диверсионных групп и партизанских отрядов для действия в тылу противника» [1, с. 203]. По информации Полесского обкома КП(б)Б на 4 августа 1941 г. на территории области действовало 18 партизанских отрядов, насчитывавших 1124 человека [1, с. 58–59].

В организации в прифронтовых районах и тылу врага большую роль играли спецгруппы, создаваемые ЦК и обкомами КП(б)Б. Всего в 1941 г. ЦК КП(б)Б было направлено в оккупированные Гомельскую и Полесскую области 177 отрядов и спецгрупп [1, с. 197–203]. Однако не все эти группы дошли до места своего назначения, некоторые вернулись назад, часть влилась в действующие отряды, некоторые выросли в более-менее серьезную силу.

Что касается роли органов НКВД–НКГБ в организации партизанского движения в регионе, то этой проблеме посвящено множество различных документов сборников и прежде всего рапортов сотрудников спецгрупп этих органов [1, сс. 89–93, 95–97, 103–109, 118–119, 127–134]. Из их содержания становится очевидным, что, несомненно, весомый вклад в развитие партизанского движения внесли спецгруппы, посланные в тыл врага, возглавляемые работниками органов внутренних дел и госбезопасности. Вместе с тем, нельзя не отметить, что главная роль в организации партизанского движения отводилась партийным и советским органам. В качестве подтверждающего примера приведем выдержку из рапорта командира спецгруппы НКВД БССР

В.А. Засухина: «Работа по организации партизанского движения нами до конца не доведена вследствие того, что ЦК ВКП(б) эту работу возложил на партийные и советские органы. Однако мы не были в стороне и систематически помогали райкому в организации отрядов» [1, с. 105].

Партизаны и бойцы диверсионных групп с первых дней войны вели активную борьбу с захватчиками. На страницах документальных публикаций можно найти множество примеров героической борьбы партизан Гомельщины. В этой связи уместно подчеркнуть, что уже 28 июля 1941 г. командование Центрального фронта и ЦК КП(б)Б представило к правительственным наградам 45 белорусских партизан, особо отличившихся в боях с немецкими агрессорами, 30 из которых являлись участниками партизанского движения Гомельской и Полесской областей, их них 2 – Т.П. Бумажков и Ф.И. Павловский стали первыми партизанами – Героями Советского Союза [1, с. 47–51].

Анализ проблематики заявленной темы, нашедшей отражение в документальных публикациях, убеждает в том, что не все созданные в 1941 г. партизанские отряды и группы продолжили борьбу. Причин тому несколько. Во-первых, немецкие карательные экспедиции и зверский террор оккупационных властей приводили к значительным потерям партизан. Во-вторых, неподготовленные, плохо вооруженные, не имея связи, достаточно медикаментов, одежды, продовольствия, партизаны часто гибли, не нанося врагу значительных потерь. Эти трудности еще больше усложнились суровой зимой 1941/1942 гг. Очевидно, что в такой ситуации часть формирований самораспустились либо, уйдя за линию фронта, перешли в расположение Красной Армии, либо разбившись на мелкие группы, ушли в подполье [1, сс. 138, 146, 148, 151, 153, 159, 165, 167].

Особой темой, нашедшей отражение в документальной публицистике, является централизация руководства борьбой в тылу врага. Анализ документальных источников свидетельствует о том, что на начальном этапе становления и развития партизанского движения на Гомельщине руководство первыми отрядами и группами еще не было централизованным. Приведем некоторые факты, зафиксированные в архивных документах. К примеру, комиссар Лельчицкого партизанского отряда Я.Ш. Эрлах констатирует в своем письме о том, что «... отряд не имел никаких связей с ЦК и ОК. Никакого руководства не получали. Действовали сами по своему революционному соображению. Допускались ошибки, однако никто не мог нам оказать помощь и совет» [1, с. 172]. Эта же проблема беспокоила командование Петриковского партизанского отряда. В частности в рапорте сотрудников опергруппы НКВД БССР М.А. Головкина и Я.Я. Гуткина прямо указывается на полное отсутствие руководства со стороны областной тройки Полесской области, особенно по координации действий партизанских отрядов в смежных районах [1, с. 134].

Отсутствие руководства со стороны вышестоящих организаций по координации деятельности отрядов и групп, ограничение их деятельности пределами одного района зачастую приводило к их бездействию. Как иллюстрация к сказанному небезынтересна следующая выдержка из рапорта М.А. Головкина и Я.Я. Гуткина: «Районная тройка проявила вредную тенденцию – ограничить деятельность партизанского отряда пределами Петриковского района. Это местничество при отсутствии каких-либо коммуникаций противника в пределах района привело к тому, что партизанский отряд больше отсиживался на базе и не выносил своей деятельности в те районы, где имели место передвижения войск и обозов врага. При таком положении маневренность отряда была скована, бойцы от бездействия разлагались, и рейдовые возможности отряда не реализовывались» [1, с. 134]. В письме Я.Ш. Эрлаха также описывается подобная картина: «Наш отряд оперировал в глухом, отдаленном от коммуникаций районе... Отряд не знал, что делать, ожидал противника, а не искал его» [1, с. 172]. Учитывая последнее, автор письма предлагает: «сделать так, чтобы каждый отряд был связан с центральным руководством». Это дало бы, по его мнению, «возможность координировать действия многих отрядов, если потребуется их совместное выступление, а также возможность своевременно исправлять допускаемые ошибки» [1, с. 172]. О нетерпимости выжидательной тактики, положения, когда «десятки людей отряда (Паричского – Л.С.) неделями бездействуют в такой ответственный момент», говорится и в докладной записке секретаря ЦК ЛКСМБ М.В. Зимянина [1, с. 60].

Лишь со второй половины 1942 г., когда при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), а на местах – республиканские и областные штабы партизанского движения, стало возможным планирование и координация боевой деятельности партизанских формирований. С сентября 1942 г.

планированием боевой деятельности белорусских партизан занимался белорусский штаб партизанского движения (БШПД). Примером тому являются планы развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой-летом 1942/1943 гг. в БССР, которые вносили изменения по дислокации отдельных партизанских формирований Гомельской и Полесской областей. Кроме того, ставились задачи по созданию новых отрядов и восстановлению утраченной связи с отрядами. Каждому из действующих отрядов были определены конкретные задания по их боевой, диверсионной и разведывательной деятельности [2, сс. 36–40, 192–195, 262–265].

Во второй половине 1942 г. – первой половине 1943 г. процесс централизации руководства партизанским движением был завершен. В 1943 г. подавляющее большинство партизанских формирований Гомельской и Полесской областей подчинялось БШПД и входило в областные партизанские соединения, которыми командовали И.П. Кожар и Ф.М. Языкович, а после его гибели К.М. Бакун, с августа 1943 г. – И.Д. Ветров. 19 мая 1943 г. решением командования соединения партизанских отрядов Полесской области создана объединенная группа партизанских отрядов Заприпятской зоны, в состав которой вошли Ельский, Мозырский, Наровлянский, Лельчицкий и Туровский партизанские отряды. Командиром объединенных отрядов был утвержден Н.С. Дьяченко, комиссаром – А.М. Беленчик, начальником штаба – Г.С. Авдейчук.

В советской историографии утвердилось мнение о том, что партизанское движение с самых первых дней войны приобрело всенародный характер. Документы и материалы сборников вносят определенный вклад в осветление этой проблемы. Так о чем же свидетельствуют архивные документы? Отвечая на этот вопрос, обратимся к проблеме контингента партизанских отрядов. Анализ документальных материалов показывает, что на первом этапе войны небольшие партизанские отряды и группы преимущественно состояли из бывших красноармейцев, бывших партийных, советских и комсомольских работников, сотрудников органов внутренних дел. Проиллюстрируем это на ряде примеров. Так, М.А. Головкин и Я.Я. Гуткин сообщают в НКВД СССР о том, что «в сентябре партизанский отряд (Петриковский под командованием В.И. Гордиенко – Л.С.) укрепился за счет приема в него бойцов, а главным образом командиров РККА, выходящих из окружения» [1, с. 130]. Сделаем ссылку в этой связи и на докладную записку Я.Ш. Эрлаха: «В соответствии с решением ЦК КП(б)Б в начале июля 1941 г. мы создали партизанский отряд из числа партийного, комсомольского и колхозного актива... Затем в отряд влилась группа бойцов из штаба 5-й армии и группа работников Борисовского отделения НКВД» [1, с. 156]. Что же касается местного населения, то на первых порах оно придерживалось нейтральных позиций по отношению к партизанскому движению. Об этом, в частности, сообщает М.А. Головкин в своем рапорте от 21 декабря 1941 г. «Основная масса населения в районе (Петриковском – Л.С.) стояла в стороне от партизан, в лучшем случае держалось нейтрально и необходимой помощи не оказывало. В ряде же случаев население некоторых деревень района (Лясковичи, Макаричи) было настроено к партизанам открыто враждебно и рассматривало их с точки зрения немецких версий» [1, с. 133].

Нам представляется, что приведенные выше факты четко отражают неуверенность и пассивность в настроениях и поведении местного населения. И действительно, на первой стадии многие люди заняли позицию, направленную на выживание, стремились избежать столкновения с оккупантами. При дальнейшем развитии военных событий, установлении и поддержании оккупационного режима средствами террора, насилия и грабежа выразилось желание широких масс населения освободиться от немецко-фашистских захватчиков, в том числе и путем вооруженной борьбы. Нельзя не признать, что это обусловило приток местного населения в партизанские отряды. Подтверждением тому является донесение секретаря Гомельского обкома ЛКСМБ Б.А. Рудака, в котором отмечается, что «население теперь (декабрь 1942 г. – Л.С.) совершенно иначе смотрит на партизан. В партизанские отряды начался очень большой прилив, каждый день прибывают группами и в одиночку все новые и новые люди. Остановка за оружием, было бы только оно, так здесь можно было бы сформировать целые части» [2, с. 72]. Об этом же телеграфирует начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко командир партизанских отрядов южной группы Гомельской области А.М. Беленчик: «В течение двух дней в партизанские отряды вступило 84 человека, ожидаем прибытия еще 130» [2, с. 62]. Следовательно, важным источником создания и пополнения партизанских отрядов становится местное население. Партизанская борьба на Гомельщине перерастает во всенародную войну. Намного увеличился численный состав партизанских сил. Так, если по состоянию

на 15 декабря 1942 г. в Гомельской области действовали 33 партизанских отряда общей численностью 2268 человек, в Полесской области – 25 партизанских отрядов, в которых насчитывалось 5077 человек, то уже в августе 1943 г. в Гомельской области действовал 41 партизанский отряд, насчитывающий 7437 человек, в Полесской области – 41 партизанский отряд численностью 6266 человек [2, сс. 78, 194–195, 297–299].

Уже в середине 1943 г. партизанские отряды контролировали полностью или частично ряд районов. Общей характерной чертой этих освобожденных от оккупантов зон явилось возобновление деятельности органов советской власти, колхозов, совхозов. В этой связи сделаем ссылку на докладную записку М.В. Зимянина: «Большая, свыше 18 тыс. кв. километров территория ... представляет сейчас (июнь 1943 г. – Л.С.) по существу единый мощный узел партизанского движения. Здесь оперируют свыше 100 партизанских отрядов, контролируя полностью или частично ряд районов...». Продолжая далее, В.М. Зимянин констатирует: «В подавляющем же большинстве населенных пунктов, и партизанских зонах – на территории целых районов (в числе перечисленных называются Октябрьский, Петриковский, Житковичский, Копаткевичский и др. – Л.С.), восстановлена советская власть, представляемая партизанскими отрядами... Партийные организации и партизанское командование организуют массово-политическую работу среди населения, решают вопросы хозяйственной, в особенности земельной, административной политики...» [2, с. 229–230]. Для более полного анализа приведем выдержку из донесения генерального комиссара округа «Житомир». Характеризуя обстановку в генеральном округе в марте–апреле 1943 г., он отмечает: «Примерно 15000 кв. км в северной части моего генерального округа, в частности, большая часть бывших районов боевых действий Лельчиц и Ельска, а также района Брагина, большая часть Речицкого, Петриковского, Охевского и Овручского районов практически больше не находятся под немецким управлением, в них господствуют бандиты (партизаны – Л.С.) и в настоящее время они полностью управляются Советами... В лесах и деревнях западнее и севернее Словечно располагается около 1500 человек хорошо вооруженных станковыми пулеметами и орудиями. Они чувствуют себя в этом районе так уверенно, что в западной части района Словечно восстановили советский режим, назначили новых старост и председателей колхозов...» [2, с. 195–196].

Одной из главных задач, стоящих перед партизанами Гомельщины, была дезорганизация транспортных коммуникаций, срыв перевозки вражеских войск, нарушение снабжения их боеприпасами, оружием и техникой. Затрагивая эту проблему, необходимо отметить, что только с весны–лета 1942 г. партизанские формирования Гомельщины стали придавать важное значение диверсионной работе на железнодорожных коммуникациях. Об этом свидетельствует И.П. Кожар: «Наряду с ростом партизанских отрядов весной и летом 1942 г. партизаны приучались к ведению диверсионной работы... Уже в июле месяце первые диверсионные группы, состоящие только из партизан, направились на железную дорогу...» [1, с. 184]. Особую важность приобрела эта задача после того, как летом 1943 г. ЦШПД принял решение об осуществлении операции по массовому одновременному разрушению железнодорожных рельсов. 23 июня 1943 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом «рельсовой войны». Итоги диверсионной деятельности партизан Гомельщины нашли широкое отражение в документальных публикациях. В частности, одним из примеров являются цифровые данные справки БШПД об итогах боевых действий партизанских отрядов Гомельской области за период с 01.01.43 г. по 01.05.43 г. За указанный период ими было «произведено 76 крушений эшелонов, уничтожено 26 паровозов, 216 вагонов, 31 автомашина, 24 предприятия, 3 склада с продовольствием, 50 тонн горючего..., 554 тонны продовольствия..., разрушено 3,3 км железнодорожного полотна... Взорвано 3 железнодорожных моста и 33 моста на шоссейных и грунтовых дорогах» [2, с. 192].

В документах немецкого происхождения также не замалчивается тот факт, что боевые действия партизан являлись для германских оккупантов довольно значительной проблемой. В этой связи сделаем ссылку на донесение генерального комиссара округа «Житомир». В нем отмечается, что «за отчетный период (март–апрель 1943 г. – Л.С.) совершено 617 нападений, 139 диверсий на железнодорожных линиях и нападений на поезда, 69 диверсий и налетов на мосты и здания, 48 поджогов. Кроме того, зарегистрировано 176 случаев грабежа скота и 142 случая грабежа продовольствия, одежды и других предметов быта...» [2, с. 195–199].

В то же время, критический анализ документов показывает, что данные руководителей партизанских формирований о своих успехах по выведению из строя эшелонов преувеличены. Такое заключение напрашивается после изучения стенограммы беседы с И.П. Кожаром. В частности, он говорит о том, что «за 1943 г. нами было подорвано 717 вражеских эшелонов» [1, с. 87]. Вернемся к справке БШПД об итогах боевых действий партизанских отрядов Гомельской области за период с 0.01.43 г. по 0.05.43 г., в которой указывается 76 крушений эшелонов. В своей шифрограмме секретарь Минского подпольного обкома КП(б) В.И. Козлов начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко также ставит под сомнение количественные данные о крушении военных эшелонов. «Даваемые сведения о крушениях эшелонов (Полесская область – Л.С.) требуют вмешательства в их точность» [2, с. 277]. На наш взгляд, внести ясность в эту проблему можно путем проведения сравнительного анализа, основу которого должны составлять различные документальные материалы, в т. ч. и немецкого происхождения.

Внимательный анализ результативности диверсионной деятельности партизан свидетельствует о том, что диверсионные операции на железнодорожных коммуникациях во второй половине 1942 г. – первой половине 1943 г. и в период 1-го этапа «рельсовой войны» не нанесли врагу катастрофического ущерба по источникам его снабжения. Свидетельством тому является приказ командования соединения партизанских отрядов Гомельской области от 14 марта 1943 г. Из него следует, что вблизи железной дороги (Калинковичи-Речица – Л.С.) 20 дней дислоцировались 4 отряда. Они имели «все необходимое, чтобы подрывать эшелоны противника и тем самым, если не прервать, то затормозить переброску на фронт техники и живой силы противника. Однако эшелоны десятками беспрепятственно следуют к фронту днем и ночью. Несмотря на подходы к дороге многих диверсионных групп партизанских отрядов, ни один из вражеских эшелонов не потерпел за этот период времени крушения» [2, с. 145].

Нельзя не признать, что подобного рода недостатки были характерны и для партизанских отрядов Полесской области. Так в постановлении Полесского обкома КП(б)Б отмечается, что «решение ЦК КП(б)Б о рельсовой войне выполняется явно неудовлетворительно, особенно в бригадах Жигаря, Путятю, Маханько и отрядах Ульяшева и Игуменова. Командование этих бригад, отрядов и руководство Полесским соединением не поняли основного замысла в рельсовой войне, плохо подготовились к первому удару, он не был массовым, единовременным и поэтому не дал требуемого результата... Вместо принятия мер к исправлению допущенных тактических ошибок при выполнении задания рельсовой войны на действующих коммуникациях, командование соединения, бригад и отрядов успокаивало себя приведением в негодность 22 км железнодорожного пути недействующей коммуникации Старушки-Бобруйск» [2, с. 326]. Вместе с тем, приведенные факты вовсе не умаляют реального вклада народных мстителей Гомельщины в разгром врага.

Среди многочисленных проблем развития партизанского движения на Гомельщине нельзя не выделить вопрос о снабжении партизан оружием и боеприпасами. Различного рода информационные документы, особенно за 1943 г., когда наблюдался массовый прилив населения в отряды, пестрят указаниями на наличие до 40 % невооруженных партизан и постоянными просьбами о поставках оружия, боеприпасов и мин [2, с. 246]. В качестве подтверждающего примера приведем также выдержку из письма И.П. Кожара «... в настоящее время (февраль 1943 г. – Л.С.) вооружение прибывающих в отряды людей – узкое место в нашей работе. Число вооруженных почти не превышает число безоружных людей, и это очень затрудняет действия отрядов» [2, с. 116]. Из содержания многих других документальных источников становится очевидным, что, также как и в первый период войны, когда происходило зарождение и становление партизанского движения, на следующей стадии его развития партизанские формирования Гомельщины не были обеспечены в необходимых объемах оружием и боеприпасами, минно-подрывными средствами, радиоимуществом. Это снижало их боевую активность [1, сс. 105, 134, 176], [2, сс. 22, 76–77, 97–98, 153, 163, 211, 246, 238, 241, 252, 265, 285].

Документальные источники дают представление о существовавших в отдельных партизанских отрядах проблемах, связанных с дисциплиной, взаимоотношением с населением, пьянством [1, сс. 71, 109, 130], [2, сс. 68, 138, 201, 249, 250]. В директивных указаниях секретаря Гомельского ОК КП(б)Б Ф.Ф. Жиженкова И.П. Кожару указывается на решительное пресечение «всякого рода неправильное отношение к населению, факты мародерства, незаконных обысков, изъятия имущества, самогонокурения в отрядах..., факты неправильного отношения к женщинам и девушкам, принимающими иногда форму прямого принуждения к сожительству» [2, с. 138].

Несанкционированные изъятия продовольствия, грабеж имущества, граждан, насилие над женщинами подрывало авторитет партизан и угрожало потери поддержки их со стороны населения. Поэтому не случайно командование партизанского соединения Гомельской области 16 июня 1943 г. издало приказ, в котором говорится: «Отдельные люди... допускают самочинное изъятие домашних вещей у населения, нередко присваивая себе эти вещи. При этом допускается грубость, угроза оружием, хулиганство. Все это порочит партизан, наносит нам непоправимый вред». В целях решительного пресечения произвола, грабежа и насилия было приказано все заготовки (хозяйственные операции) производить только по заданию командира и комиссара. Приказом предусматривалось строгое наказание за присвоение любой вещи кем бы то ни было из партизан, а также разрешалось командирам и комиссарам отрядов расстреливать на месте за преступления лиц, совершающих мародерство, произвол и насилие по отношению к мирным гражданам [2, с. 249–250]. Как видим, борьба с этими пороками хотя и проводилась, но была далека от того, чтобы их искоренить.

Таким образом, представленный в документальных публикациях широкий круг источников, как по количеству, так и по видовому разнообразию, позволяет наиболее объективно и обстоятельно исследовать становление и развитие партизанского движения на Гомельщине в указанный период.

Литература

1. Гомельщина партизанская : сб. док. и материалов / Деп. по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост. : В.Д. Селеменев, И.А. Валаханович, П.Л. Жданович. – Минск : НАРБ, 2010. – Вып. 1. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г. – 260 с.
2. Гомельщина партизанская : сб. док. и материалов / Деп. по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост. : В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2015. – Вып. 2. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г. – 423 с.

Белорусский государственный
университет транспорта

Поступила в редакцию 22.04.2017

УДК 94:314. 1 (476+470+477) «192/193»

Население белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы: историко-сравнительный анализ прогрессивной возрастной структуры

М.И. СТАРОВОЙТОВ

Впервые в отечественной и зарубежной историографии проведен сравнительно-сопоставительный анализ количественных и качественных изменений в составе возрастной группы населения белорусско-российско-украинского пограничного региона от 0 до 14 лет. Обоснован выбор этой возрастной группы, которая является показателем прогрессивности возрастной структуры населения. Привлечение новых оригинальных архивных материалов, которые вводятся в научный оборот впервые, позволило представить реальную картину социокультурных изменений в составе детей, как всего населения, так и основных социальных и национальных групп населения пограничного региона к концу 1930-х гг., обусловленных советской мобилизационной модернизацией общества. Установлено, что титульные нации, и прежде всего белорусы, в своих этнических территориях имели значительную прогрессивную возрастную структуру населения, особенно, в сельской местности.

Ключевые слова: население белорусско-российско-украинского пограничья, прогрессивная возрастная структура, социальные группы, уровень грамотности.

In the article for the first in domestic and foreign historiography a comparative analysis of quantitative and qualitative changes in the composition of the age group of the Belarusian-Russian-Ukrainian border region population from 0 to 14 years is presented. The choice of this age group, which is an indicator of the progressiveness of the age structure of the population, is substantiated. The usage of new and original archival materials introduced into scientific circulation for the first time, allowed presenting the real picture of socio-cultural change in the composition of children as of a whole population and of the major social and ethnic groups of the border region by the end of the 1930s, conditioned by the Soviet mobilization modernization of society. It is established that the titular nations and, above all Belarusians in their ethnic territories had a significant progressive age structure of the population, especially in rural areas.

Keywords: population of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland, progressive age structure, social groups, level of literacy.

Исследование демографических процессов с учетом региональных, национальных, гендерных особенностей, позволяет дать адекватную оценку изменениям и установить общее и особенное в этносоциокультурном облике полиэтнического населения БССР и соседних приграничных территорий, произошедшим в результате форсированной советской модернизации всех сфер жизни общества в 1920–1930-е гг.

Ни в общеполитическом, ни в межрегиональном плане в таком контексте данная проблема в отечественной историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Используя оригинальные архивные материалы переписи 1939 г., нами предпринята попытка, исходя из возможного объема публикации, восполнить образовавшийся пробел (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Компаративистская характеристика возрастной структуры населения позволяет установить общие тенденции и особенности в демографических и социально-экономических процессах, определить демографический, а значит и экономический потенциал региона или страны в целом. В демографии для оценки возрастной структуры населения его распределяют на три группы: 0–14 лет, 15–59 лет и 60 лет и старше. Не вдаваясь в демографические дискуссии о возрастной классификации населения, отметим также три типа возрастной структуры населения, которые еще в начале XX в. выделил шведский демограф Г. Сундберг. Это прогрессивный тип, когда большая доля детей в общей численности населения, которой соответствует высокий показатель естественного прироста, стационарный – уравновешенные доли детей и старческих возрастных групп, когда прирост населения невелик или находится на неизменном (стационарном) уровне и регрессивный – сравнительно большая доля пожилых и старых людей и суженное воспроизводство населения [1, с. 67–68].

Выделяя годовую возрастную структуру детей в возрасте 0–14 лет, мы ставим целью данной статьи определить тип населения белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП), и прежде всего населения БССР. Изучение переписей населения 1926 и 1939 гг. в обозначенном нами аспекте имеет важное научное и практическое значение для понимания общих тенденций и особенностей демографического развития БССР в межвоенный период и последующие годы.

Для более адекватной оценки изменения динамики численности и доли в населении возрастной группы 0–14 лет нами взяты показатели по признаку пола и по месту проживания в городской или сельской местности. Приведенные в таблице 1 [2, с. 22–23], [3, с. 70–72, 74–76], [4, с. 100–102, 104–106] данные переписи 1926 г. свидетельствуют, что доля возрастной группы 0–14 лет среди всех мужчин и женщин в составе городского населения пограничья существенной разницы не имела и составляла примерно 30 %. Только в городских поселениях Полесского подрайона этот показатель в мужской группе был выше на 2 %. В сельской местности доля этой возрастной группы в составе и мужчин, и женщин оказалась одинаковой, кроме превышения на 2 % показателя по мужскому населению в Западном районе. В целом это возрастная группа детей в сельской местности региона составляла примерно 40 %. Из всего количества детей этого возраста абсолютное большинство детей проживало в сельской местности. В БССР на селе проживало 86,4 %, в Западном районе – 90,9 %, в Полесском – 88,2 % детей в возрасте 0–14 лет.

Таблица 1 – Население в возрасте 0–14 лет по регионам БРУП в 1926 г. (абс. и %)

Возраст	БССР				Западная район РСФСР				Полесский район УССР			
	Городское		Сельское		Городское		Сельское		Городское		Сельское	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0–1	11,5	11,1	74,5	72,5	6,7	6,6	72,9	70,5	5,5	5,3	44,9	43,2
1	10,4	9,8	67,8	66,3	6,0	5,9	65,7	64,3	5,1	5,1	40,8	39,2
2	10,4	10,2	63,5	62,8	6,5	6,2	60,6	61,4	5,1	5,0	39,1	38,9
3	10,9	10,6	65,8	65,8	6,6	6,4	63,5	63,7	5,5	5,4	41,3	40,5
4	9,5	9,6	64,1	63,6	5,8	5,8	60,5	61,9	4,9	4,7	38,8	38,5
5	8,9	8,6	58,7	57,0	5,6	5,4	56,7	54,9	4,8	4,6	37,7	36,4
6	7,2	7,1	51,7	51,7	4,2	4,0	45,4	46,5	3,3	3,2	29,9	30,3
7	6,4	6,4	47,3	49,0	3,6	3,6	43,1	45,1	3,5	3,4	29,9	30,7
8	7,0	7,0	47,6	47,8	3,9	4,2	44,5	44,4	3,9	3,9	30,5	30,4
9	5,5	5,3	33,2	33,1	3,4	3,3	31,4	32,0	2,9	2,9	20,2	19,8
10	6,6	6,7	40,6	41,9	4,0	4,0	37,4	38,2	3,7	3,8	24,4	24,3
11	6,5	6,5	35,0	34,1	4,0	4,0	35,3	34,6	3,6	3,6	22,6	21,0
12	9,5	9,7	63,2	59,2	5,9	5,8	57,0	54,8	5,4	5,5	38,7	35,7
13	9,1	9,2	55,2	52,2	5,6	5,7	49,0	47,8	5,0	5,0	33,3	31,4
14	8,9	9,7	53,1	52,2	5,6	5,8	46,4	46,3	4,9	5,3	32,1	31,8
Итог	128,4	127,2	821,2	809,1	77,4	76,7	769,3	766,4	67,3	66,7	504,4	492,0
%	30,0	30,3	40,8	38,1	30,4	29,8	42,9	38,5	32,1	30,4	40,8	38,0
Всего	428,7	419,2	2011,1	2124,3	254,5	257,4	1794,9	1992,5	209,7	219,3	1235,5	1293,4

Из таблицы 2 [5, л. 1–2], [6, л. 1–2], [7, л. 1–2], [8, л. 1–2], [9, л. 1–2], [10, л. 1–2.] видно, что общее количество детей в городах в возрасте 0–14 лет в абсолютных показателях по гендерному признаку практически существенных различий не имело. Несколько большей численность мальчиков была в сельской местности в белорусских областях, Смоленской и Черниговской. Только в Житомирской области было меньше, в которой уменьшение их численности началось с 5-летнего возраста. Данные переписи 1939 г. по региону в областном разрезе не позволяет провести корректное сравнение с данными переписи 1926 г, т. к. областного деления в то время не существовало. Тем не менее, тенденцию установить можно. По сравнению с 1926 г. относительная численность девочек в составе всего городского женского населения уменьшилась во всех областях, кроме Полесской. В сельской местности такое уменьшение наметилось в Витебской, Смоленской, Житомирской и Черниговской областях. Доля мальчиков уменьшилась среди городского и сельского населения в Черниговской области и увеличилась соответственно в Полесской. В конце 1930-х гг. в сельской местности по-прежнему проживала абсолютно большая часть детей, что видно из таблицы 2. Это следует связывать с разными уровнями индустриального развития и урбанизации областей и большей численностью детей в семьях в сельской местности.

Таблица 2– Население в возрасте 0–14 лет по отдельным областям БРУП в 1939 г.

Возраст	Витебская область				Смоленская область			
	Городское		Сельское		Городское		Сельское	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 1 г.	5 462	5 383	14 093	13 487	6 107	6 126	34 075	33 109
1	5 251	5 037	13 263	13 056	5 982	5 720	31 651	31 060
2	3 467	3 515	11 950	11 239	4 093	3 990	28 391	27 803

Окончание таблицы 2

3	2 978	2 863	10 313	10 102	3 214	3 178	23 734	23 188
4	2 158	2 154	8 031	7 794	2 413	2 341	18 023	17 833
5	2 024	2 033	8 771	8 583	2 539	2 531	21 885	21 427
6	2 793	2 612	11 168	11 159	3 204	3 253	25 708	25 915
7	3 005	2 905	13 229	13 082	3 762	3 739	32 027	32 113
8	3 205	3 061	13 909	13 543	3 978	4 070	35 600	35 605
9	2 658	2 699	10 146	10 038	3 632	3 627	27 786	28 301
10	3 052	3 123	13 005	12 950	4 191	4 134	31 985	32 946
11	3 154	3 132	12 805	12 932	4 476	4 602	33 588	33 951
12	3 775	3 596	15 684	15 349	5 363	5 338	40 577	40 328
13	3 292	3 492	13 893	13 698	5 136	5 252	35 718	36 332
14	3 099	3 446	12 022	11 871	4 777	5 145	30 761	30 808
Итого	49 373	49 051	182 282	178 883	62 867	63 046	451 509	450 719
%*	30,21	27,20	40,15	37,00	29,96	26,46	44,09	37,13
Всего**	163 453	180 358	453 958	483 469	209 812	238 232	1024094	1213891
Гомельская область					Черниговская область			
До 1 г.	3 830	3 541	11 076	10 465	3 746	3 553	22 252	21 224
1	3 504	3 310	9 211	8 911	3 732	3 647	20 427	19 667
2	2 708	2 524	9 044	8 954	2 814	2 697	17 970	17 523
3	2 318	2 190	8 232	8 070	2 409	2 345	15 141	14 708
4	1 724	1 583	6 965	6 916	1 649	1 616	10 174	9 818
5	1 544	1 478	6 580	6 527	1 305	1 266	8 395	8 715
6	1 997	1 889	7 953	7 824	1 680	1 643	11 361	11 589
7	2 115	2 096	9 388	9 457	2 108	2 055	15 296	15 154
8	2 308	2 452	9 985	9 874	2 378	2 378	17 962	18 129
9	2 185	2 178	7 645	7 700	2 281	2 284	15 283	15 825
10	2 464	2 506	9 509	9 309	2 698	2 657	19 120	19 305
11	2 644	2 532	8 863	8 809	2 816	2 772	18 092	18 350
12	2 927	2 953	10 799	10 493	3 293	3 249	22 274	22 196
13	2 841	2 904	9 898	9 918	3 203	3 248	20 718	20 690
14	2 712	2 855	8 812	8 688	3 033	3 301	19 036	19 570
Итого	37 821	36 991	133 960	131 915	39 145	38 711	253 501	252 463
%*	30,51	28,59	42,42	38,88	29,80	25,65	35,09	32,46
Всего**	123 970	129 395	315 768	339 316	131 381	150 893	722 417	777 688
Полесская область					Житомирская область			
До 1 г.	1 271	1 177	10 263	9 728	5 626	5 352	23 514	22 455
1	1 147	1 099	8 666	8 357	5 366	5 228	21 893	21 126
2	893	827	8 195	7 927	4 283	4 045	20 255	19 890
3	886	792	7 832	7 650	3 363	3 282	16 076	16 002
4	668	580	6 620	6 692	2 591	2 521	12 391	12 211
5	565	526	5 786	5 688	1 855	1 868	8 890	8 932
6	657	641	6 948	6 784	2 323	2 268	11 476	11 966
7	690	729	8 108	8 259	2 886	2 835	16 017	16 354
8	821	768	9 058	8 934	3 172	3 352	19 207	19 478
9	721	713	7 154	7 318	2 989	2 964	15 016	15 601
10	871	836	8 615	8 546	3 372	3 619	17 799	18 434
11	828	832	8 160	7 898	3 367	3 542	16 746	17 583
12	1 007	987	9 660	9 527	3 959	4 180	20 891	21 056
13	892	914	8 546	8 496	3 764	3 864	18 098	18 298
14	825	935	7 866	7 920	3 774	3 810	17 240	17 874
Итого	12 742	12 356	121 477	119 724	52 690	52 730	255 509	257 260
%*	34,40	32,35	41,56	39,28	33,16	28,07	39,43	36,98
Всего**	37 042	38 199	292 320	304 789	158 916	187 877	647 987	695 709

Примечание: *) – % детей от всех данного пола; **) – всего населения данного пола.

На показатели доли возрастной группы 0–14 лет в составе всего мужского и женского населения городских и сельских поселений влияние оказывала общая численность населения по гендерному признаку. Общая численность мужчин и в 1926 г., и в 1939 г. была меньше, чем женщин, особенно в сельской местности. Это хорошо видно в таблицах 1 и 2 по строке всего населения по полу. Исключение составили городские поселения БССР, в которых в 1926 г. за счет военнотружущих мужчин оказалось больше, чем женщин. Поскольку абсолютная численность мальчиков и девочек до 14 лет бала примерно одинаковой, то при меньшей общей численности мужчин доля мальчиков возрастала, а девочек в общей численности женщин уменьшалась.

Из таблицы 1 мы видим, что наименьшее количество детей 9-летнего возраста. Их рождение приходится на 1917 г., революционные события которого обусловили спад рождаемости и детскую смертность. Также видно, что меньше детей родилось в 1915–1920 гг. После резкой компенсаторной рождаемости середины 1920-х гг. с 1927 г. намечается тенденция к ее уменьшению. Наибольший спад рождаемости приходится на 1933–1934 гг. Уровень рождаемости в конце 1930-х так и не достиг показателей рождаемости конца 1920-х гг. Нами установлено, что рождаемость в сельской местности во второй половине 1930-х гг. начала снижаться, а в городах стала увеличиваться. Высокая смертность оставалась у детей. Она приходилась на детей до года и от 1 года до 4-х лет (более подробно см. 11). В таблице 2 детей в возрасте 4–5 лет меньше количество, что подтверждает установленный нами ранее спад рождаемости, который приходится на 1933, 1934 и даже 1935 гг. Представленная в таблицах 1 и 2 годовая численность детей, дает основание считать, что рождаемость менялась волнообразно под влиянием различных экзогенных и эндогенных факторов. Тяжелые последствия военных и революционных событий, гибель мужского населения в войнах и конфликтах, миграционные процессы, последствия репрессий, в которых больше пострадали мужчины, последствия принудительной и репрессивной коллективизации для части сельского населения, мобилизационная индустриализация, ускорение урбанизационного процесса, перемещение мужского населения в связи со службой в РККА, перемещение молодежи в города на заводы, фабрики, стройки, учебу. Эти и другие факторы существенно повлияли на соотношения в составе населения по половозрастному признаку. Все это в свою очередь влияло на семейно-брачные отношения (заключение количества браков, нахождение в браке в разных возрастах, на рождаемость, количество детей в семье) и др. Некоторый рост рождаемости в конце 1930-х гг. был обусловлен запрещением абортов. Это общая для БРУП и страны в целом тенденция.

Анализ данных за межпереписной период о возрастной группе 0–14 лет по национальному признаку дал следующие результаты. В 1926 г. в белорусском регионе пограничья доля детей титульного этноса в городском населении составляла 41 %, а в сельской местности – 90 %. В российской части – соответственно 85 % и 95 %, а в украинской – 55 % и 86 % [2, сс. 26, 28, 32, 34, 36], [3, с. 70–72, 74–76], [4, с. 100–102, 104–106]. Приток сельского населения в города и рост рождаемости значительно повысил долю титульного этноса в составе городского населения. Несмотря на снижение, достаточно высокой продолжала оставаться рождаемость в сельской местности, где в абсолютном большинстве проживало титульное население. Это сказалось и на росте численности детей возрастной группы 0–14 лет. Практически не было большой разницы как в абсолютных, так и в относительных показателях между мальчиками и девочками в областном разрезе по городскому населению отдельно и по сельскому населению отдельно.

В 1939 г. дети белорусов в возрастной группе 0–14 лет в составе городского населения составляли 56–59 % в Гомельской и Полесской областях и 60–62 % – в Витебской и Могилевской областях. В сельской местности в указанных областях на долю детей белорусов в этой возрастной группе приходилось 93–96 % [12, л. 6], [8, л. 29], [13, л. 6], [9, л. 29], [14, л. 6], [15, л. 29], [16, л. 6], [10, л. 29]. В соседних российских областях к концу 1930-х гг. сложилась более гомогенная национальная структура, в которой русские в городах составляли 89–90 %, а в сельской местности – 98–99 % [17, л. 6], [18, л. 8]. Самой высокой полиэтничность населения оставалась в Житомирской области, поэтому на долю украинских детей приходилось 54 % в городах и 88 % в сельской местности. В Черниговской области эти показатели оказались значительно выше и составили соответственно 82 % и 99 % [19, л. 6], [6, л. 29], [20, л. 6], [7, л. 29]. Более низкие показатели по детям-белорусам в четырех белорусских областях являются белорусской спецификой, что объясняется высокой полиэтничностью населения, особенно белорусских городов, в которых доля белорусов в составе всего городского населения была примерно такой же, как и доля их детей [21, л. 13].

Аграрный характер жизнедеятельности и слабая степень урбанизированности титульных этносов дает основание считать, что они в конце 1930-х гг. только вступали в демографический переход. Большое количество детей в возрасте 0–14 лет было именно у титульных этносов, хотя имели место и исключения. Например, в Гомельской области в 1939 г. среди белорусов дети составляли 40,3 %, евреев – 31,0, русских – 24,8, поляков – 24,1, немцев – 18,3, украинцев – 17,7, латышей – 13,8, татар – 9,9 и литовцев – 7,9 %. Исключение составляли цыгане. По общей численности они были на 6 месте среди населения области, а по количеству детей на первом – 47,9 % [22, л. 71–80].

Таблица – 3 Охват детей Гомельской области 8–14 лет школьным обучением в 1939 г. (%)

Национальность	Возраст						
	8 лет	9 лет	10 лет	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет
Белорусы	76,13	94,13	96,34	96,24	92,33	85,19	73,60
Русские	81,71	96,16	97,28	96,79	94,65	88,85	81,11
Украинцы	75,17	95,16	95,80	96,96	92,26	88,80	79,32
Поляки	78,57	98,55	98,51	98,84	95,10	79,80	75,32
Евреи	93,03	99,10	99,28	99,04	99,03	98,78	96,79
Немцы	25,00	100	71,43	87,50	90,0	100	100
Латыши	100	100	100	100	100	100	100
Литовцы	100	100	–	–	100	100	75,0
Татары	80,0	100	100	100	100	100	100
Цыгане	22,86	33,33	22,73	30,43	21,88	29,17	31,82

Советская национально-культурная политика обеспечивала детям всех национальностей равные возможности для получения школьного, среднего специального и высшего образования. Принятые ЦК ВКП (б) 25 июля, а ЦИК и СНК СССР 14 августа 1930 г. постановления о введении с 1930/1931 учебного года всеобщего обязательного начального обучения детей в возрасте 8–10 лет повсеместно, а в городах и рабочих поселках – всеобщего обязательного 7-летнего обучения дали значительные положительные результаты. Это подтверждается данными на примере Гомельской области, что отражено в таблице 3 [22, л. 71–80]. В возрастных группах от 8 до 14 лет охват школьным обучением достиг высоких показателей среди всех наиболее многочисленных национальностей Гомельской области, кроме детей цыган, которые по известным причинам не все посещали школу. Дети национальных меньшинств, за исключением отдельных случаев, имели более высокий охват всеобучем, чем дети белорусов. Это является белорусской спецификой и требует более скрупулезного анализа данного явления. На наш взгляд, не следует преувеличивать репрессивные меры против национальных меньшинств в области национально-культурного их развития.

Как видно из таблиц 1 и 2, значительную часть населения составляли дети в возрасте 0–14 лет. Абсолютное большинство из них было иждивенцами и обучалось в школе. Незначительная часть детей, по многим причинам, вынуждена была трудиться с раннего детства. Они занимались не просто домашним подсобным хозяйством, а трудовой деятельностью, особенно в сельском хозяйстве. В основном это дети крестьян и единоличников.

Во второй половине 1930-х гг. в СССР была установлена/сложилась социально-классовая структура. Эта общепринятая социальная классификация населения в документах переписи представлена как общественные группы, т. Е. социально-классовые группы, существовавшие в обществе. Важное значение для характеристики населения имеет и социальная классификация детей, что и отражено в таблице 4 [8, л. 12], [9, л. 12], [6, л. 12], [15, л. 12], [10, л. 12], [23, л. 12], [5 л. 12], [7, л. 12].

Таблица 4 – Распределение детей 0–14 лет по общественным группам в 1939 г. (абс. и %)

Общественные группы	До 7 лет		8–11 лет		12–14 лет		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.*	%**
Витебская область								
Рабочие	53 468	16,76	24 308	7,62	19 185	6,01	96 961	30,39
Служащие	38 058	20,37	12 893	6,90	9 082	4,86	60 033	32,14
Колхозники	129 024	18,54	76 448	10,98	59 238	8,51	264 710	38,03
Кооп. Кустари	4 224	15,92	2 434	9,17	2 129	8,02	8 787	33,12
Некооп. кустари	1 942	16,93	1 245	10,85	1 020	8,89	4 207	36,67
Единоличники	5 417	14,25	4 353	11,45	3 749	9,86	13 519	35,56
Гомельская область								
Рабочие	42 366	18,06	19 976	8,51	15 843	6,75	78 185	33,32
Служащие	27 513	19,71	11 137	7,98	8 437	6,04	47 087	33,73
Колхозники	88 033	20,10	47 966	10,95	35 327	8,07	171 326	39,12
Кооп. Кустари	3 277	17,45	1 796	9,56	1 584	8,43	6 657	35,45
Некооп. кустари	1 143	16,15	775	10,95	606	8,56	2 524	35,67
Единоличники	10 980	16,00	8 206	11,96	6 756	9,85	25 942	37,81

Окончание таблицы 4

Могилевская область								
Рабочие	49 563	18,13	21 860	7,99	17 169	6,28	88 592	32,40
Служащие	38 197	21,15	14 366	7,96	10 117	5,60	62 680	34,71
Колхозники	166 363	20,37	91 500	11,21	68 939	8,44	326 802	40,02
Кооп.кустари	4 859	17,09	2 691	9,46	2 279	8,01	9 829	34,56
Некооп.кустари	2 557	18,02	1 530	10,78	1 343	9,47	5 430	38,27
Единоличники	14 060	16,63	10 512	12,44	9 010	10,66	33 582	39,73
Полесская область								
Рабочие	18 503	19,25	8 352	8,69	6 089	6,34	32 945	34,28
Служащие	15 317	21,62	5 307	7,49	3 698	5,22	24 322	34,34
Колхозники	89 892	21,01	48 473	11,33	33 656	7,87	172 021	40,21
Кооп. кустари	2 260	18,71	1 212	10,04	1 041	8,62	4 513	37,36
Некооп.кустари	938	16,15	622	10,71	537	9,24	2 097	36,10
Единоличники	9 571	16,27	7 366	12,59	6 069	10,31	23 006	39,10
Орловская область								
Рабочие	154 249	19,76	77 080	9,88	59 004	7,56	290 333	37,20
Служащие	88 120	19,94	40 647	9,20	30 565	6,92	159 332	36,06
Колхозники	436 618	20,38	262 711	12,26	189 682	8,85	889 011	41,49
Кооп. кустари	8 295	16,26	4 801	9,41	4 142	8,12	17 238	33,79
Некооп.кустари	4 757	18,04	3 044	11,54	2 473	9,38	10 274	38,96
Единоличники	12 169	14,66	9 466	11,40	8 092	9,75	29 727	35,81
Смоленская область								
Рабочие	95 326	14,89	49 983	7,81	40 704	6,36	186 013	29,06
Служащие	67 789	19,74	29 858	8,69	22 795	6,64	120 442	35,06
Колхозники	308 979	18,38	197 477	11,75	157 402	9,36	663 858	39,49
Кооп. кустари	5 606	15,78	3 357	9,45	2 985	8,40	11 948	33,63
Некооп.кустари	2 645	14,53	1 767	9,71	1 516	8,33	5 928	32,56
Единоличники	8 007	13,22	6 564	10,84	5 877	9,70	20 448	33,80
Житомирская область								
Рабочие	63 205	17,43	29 119	8,03	22 814	6,29	115 138	31,75
Служащие	47 289	20,61	16 125	7,03	11 947	5,21	75 361	32,85
Колхозники	194 410	19,20	111 486	11,01	83 211	8,23	389 107	38,43
Кооп. кустари	5 039	16,35	3 069	9,96	2 773	9,00	10 881	35,30
Некооп.кустари	1 743	14,99	1 168	10,04	1 100	9,45	4 011	34,47
Единоличники	1 678	13,63	1 420	11,54	1 245	10,12	4 343	35,29
Черниговская область								
Рабочие	44 928	15,55	23 605	8,17	20 410	7,07	88 943	30,79
Служащие	32 945	18,04	14 307	7,83	11 623	6,36	58 875	32,23
Колхозники	185 866	16,12	112 110	9,72	89 618	7,77	387 594	33,61
Кооп. кустари	6 340	16,26	3 608	9,25	3 136	8,04	13 084	33,55
Некооп.кустари	2 336	13,62	1 667	9,72	1 611	9,39	5 614	32,73
Единоличники	4 541	11,15	4 277	10,50	3 934	9,67	12 752	31,31

Примечание: *) – всего в возрасте 0–14 лет; **) – доля в социальной группе.

Дети в возрасте 0–14 лет составляли самую высокую долю иждивенцев во всех общественных группах населения всех областей БССР и Орловской области. Несколько ниже эти показатели были у населения Смоленской области и украинских областях БРУП.

Из таблицы 4 видно, что наибольшая доля детей во всем пограничье была у колхозников, которые и в составе населения имели преобладающую численность. В этой общественной группе и доля детей была самой высокой. Белорусской спецификой является то, что во всех областях доля детей у кустарей и крестьян-единоличников была преобладающей, чем в других областях БРУП. Это связано со значительно более высокой долей этих социальных групп во всем населении БССР, о чем автор уже писал. Из данных таблицы 4 видно, что у единоличников доля детей в возрастных группах 12–14 и 8–11 лет больше, чем в остальных общественных группах, особенно в БССР. Доля детей единоличников до 7 лет была самой низкой во всех общественных группах БРУП. Есть основание считать, что это общая тенденция, т.к. среди единоличников в БРУП преобладали лица старше 40 лет, что сказывалось на росте рождаемости. С одной стороны, единоличники имели уже меньше детей, т.к. постарели, а с другой стороны, и сами дети и сами родители старались дать образование детям, чтобы они социализировались в других отраслях экономики, а не продолжали традиции тяжелого по тем временам и отупляющего крестьянского труда.

Таким образом, проведенный компаративистский анализ количественных и качественных изменений в составе возрастной группы населения белорусско-российско-украинского пограничья от 0 до

14 лет позволил представить реальную картину к концу 1930-х гг. социокультурных изменений в составе детей как всего населения, так и основных его социальных и национальных групп, обусловленных советской мобилизационной модернизацией общества. Анализ данных годовых показателей численности детей в возрасте от 0 до 14 лет позволил выявить волнообразность роста и спада рождаемости с 1912 по 1939 гг., обусловленные различными экзогенными и эндогенными факторами.

Рассчитанные нами показатели свидетельствуют о высоком демографическом потенциале всего населения БРУП, и прежде всего его титульных этносов, абсолютное большинство которого проживало в сельской местности. Фундаментальную основу демографической пирамиды в БРУП составляли сельские дети в возрасте 0–14 лет. В результате целенаправленной государственной политики дети школьного возраста в абсолютном большинстве обучались в школе.

В целом население БРУП, и прежде всего белорусской его части, имело значительный демографический потенциал в связи с высокой долей детей в возрасте 0–14 лет. Белорусская специфика связана с социальным статусом, культурно-образовательным уровнем и степенью урбанизированности белорусов.

Установлено, что титульные нации, и прежде всего белорусы, в своих этнических территориях имели значительную прогрессивную возрастную структуру населения, особенно в сельской местности. Этот большой демографический потенциал БРУП, состоящий из представителей различных этносов, значительно уменьшился в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. Пирожков, С.И. Возрастная структура населения / С.И. Пирожков // Демографический энциклопедический словарь / Редкол. : Д.И. Валентей (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1985. – С. 67–68.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. / Центр. статист. упр. СССР. Отд. переписи. – М : ЦСУ СССР, 1928. – Т. II. – 156 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. / Центр. статист. упр. СССР. Отд. переписи. – М : ЦСУ СССР, 1928. – Т. X. – 290 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. / Центр. статист. упр. СССР. Отд. переписи. – М : ЦСУ СССР, 1929. – Т. XI. – 204 с.
5. Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 417.
6. Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
7. Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
8. Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
9. Гомельская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
10. Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
11. Старовойтов, М.И. Естественное движение населения белорусско-российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х–1930-х гг. / М.И. Старовойтов // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 182–192.
12. Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
13. Гомельская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 376.
14. Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
15. Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
16. Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
17. Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 317.
18. Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 325.
19. Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 358.
20. Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 373.
21. Белорусская ССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
22. Грамотность, образование и обучение по возрастным группам, число состоящих в браке (по выделенным национальностям). БССР по областям / РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 744.
23. Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 489.

94:314.151-054.73(476)«1939-1941»

Материально-техническая и продовольственная помощь БССР западным областям республики (сентябрь 1939–1941 гг.).

Д.М. Толочко

Рассматривается роль БССР в материально-техническом обеспечении объединения республики. Автор приходит к выводу, что материально-техническая помощь региону оказывалась в форме завоза промышленных и продовольственных товаров первой необходимости, сельскохозяйственного инвентаря, машин и др., значительных инвестиций в народное хозяйство. Несмотря на имевшие место недостатки, указанная помощь в значительной мере способствовала скорейшей «советизации» экономики западного региона.

Ключевые слова: БССР, объединение, материально-техническое, товары, инвестиции, сельскохозяйственные машины, техника.

The role of the BSSR in the material and technical assistance of the Republic is discussed. The author comes to the conclusion that logistical assistance for the region was in the form of delivery of industrial and food commodities, agricultural implements, machines, etc., a considerable investment in the national economy. In spite of the shortcomings, the assistance largely contributed to the speedy «Sovietization» of the economy of the Western region.

Keywords: Byelorussian SSR, union, logistics, commodities, investment, agricultural machines, machinery.

В сентябре 1939 г. произошло одно из наиболее значимых событий в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Это событие стало важным шагом на пути укрепления белорусской национальной государственности [1, с. 126]. В настоящей работе мы попытаемся раскрыть вопрос, касающийся материально-технической и продовольственной помощи, которую оказала БССР западным областям республики с октября 1939 по 1941 гг.

Уже с конца сентября 1939 г. в Западной Беларуси начал ощущаться дефицит товаров первой необходимости. Не хватало самого необходимого: хлеба, соли, промышленных товаров. По этому поводу органы НКВД БССР сообщали руководству республики, в частности, следующее: «В Пограничных волостях и уездах Вилейской, Барановичской, Белостокской, Брест-Литовской областей, жизненно-необходимые продукты и товары: соль, сахар, керосин, мыло, дешевые ткани (ситец и т. п.) на рынках и в открытой продаже отсутствуют...» [2, л. 191]. Значительные размеры приобрела спекуляция.

Дефицит продовольственных товаров вызывал нездоровые настроения среди жителей региона. Среди них органы НКВД БССР отмечали высказывания такого рода: «При Советской власти ничего нет, все голодные, раздетые и забирают только от нас, скорей бы прожить это время, пока придет польская власть и все будет хорошо». «Дожили казаки, что ни хлеба, ни табаки». Как отмечали органы НКВД, этим они стремились настроить против советской власти лояльные к ней слои населения.

Указанная ситуация была вызвана целым рядом объективных причин: развалом польской экономической системы, наличием в Западной Беларуси значительного количества беженцев (порядка 126 тыс. человек), открытым саботажем производства, торговли со стороны владельцев предприятий, магазинов. Отмечались также отдельные случаи, когда строительные материалы, сырье без всяких на то нарядов вывозились из региона различными организациями БССР [3, л. 52].

Временные управления пытались исправить создавшееся положение за счет установления фиксированных цен на товары первой необходимости, нормирования их выдачи населению и т. д. Однако эти мероприятия не принесли желаемых успехов. Кардинально исправить ситуацию могло только вмешательство на уровне руководства республики и страны. Так, уже в начале октября 1939 г. по решению Экономического совета при СНК СССР в Западную Беларусь было направлено 6 тыс. т. соли, 700 т. керосина, 5 тыс. ящиков спичек, 7150 ящиков махорки 11 ноября 1939 г. П.К. Пономоренко направил в ЦК ВКП(б), лично И.В. Сталину и А.И. Микояну, докладную записку, где просил дополнительно отпустить региону 6–7 тыс. т. муки [4, л. 280].

К 5 декабря 1939 г. в Западную Беларусь было завезено 2100 т. муки, 1650 т. круп. К концу декабря 1939 г. в регион было отправлено 14 811 т. соли, 20 тыс. ящиков спичек, 3727 т. керосина, 2755 т. сахара, мыла хозяйственного на 600,9 тыс. руб., папирос на 6372,1 тыс. руб. культтоваров

на 289,5 тыс. руб., галантереи на 277,9 тыс. руб. и т. д. Дополнительно на распорядительном заседании СНК БССР от 25 декабря 1939 г. было решено направить в Западную Беларусь галантереи на сумму 500 тыс. руб., на такую же сумму культтоваров, на 350 тыс. руб. чая, кофе и т. д. [5, л. 255].

Завоз продовольственных и промышленных товаров в регион продолжал осуществляться и в дальнейшем. Наряду с этим следует отметить, что отгрузка указанных товаров в западные области Беларуси происходила с отставанием. Об этих фактах сигнализировали в высшие партийные инстанции руководство обкомов и райкомов западных областей БССР, органы НКВД республики. Так, 20 декабря 1939 г. бюро Белостокского обкома приняло резолюцию следующего содержания: «Довести до сведения ЦК КП(б)Б о совершенно неудовлетворительном состоянии завоза в г. Белосток товаров, особенно первой необходимости. Из занаряженных Наркомторгом товаров для гор. Белостока на 4-й квартал 1939 г. до сих пор почти ничего не получено...». 18 января 1940 г. с аналогичной просьбой руководству республики обратилось бюро Барановичского обкома [6, лл. 2, 11, 15–17]. Заместитель председателя СНК БССР В.Г. Ванеев в докладной на имя заведующего особым сектором ЦК КП(б)Б Каминского охарактеризовал ситуацию с завозом в регион на протяжении декабря месяца товаров, как «крайне неудовлетворительную».

Это было неудивительным. Так, в частности, из запланированных на декабрь 1939 г. к отправке западным областям БССР 15 тыс. т. соли и 3000 т. сахара, к 7 декабря сахара не поступило вовсе, соли – 3740 т. В этой связи, выступая 9 декабря 1939 г. на заседании в ЦК КП(б)Б, Н.Г. Грекова заявила: «Почему такое положение? Неужели в республике соли мало? Неужели в Советском Союзе нет возможности и средств для того, чтобы не было такого положения?» [7, л. 1].

Указанные выше факты объяснялись в первую очередь неудовлетворительной работой со стороны некоторых руководителей отделений железных дорог западного региона Беларуси. В результате чего, вагоны с продукцией иногда простаивали на станциях от нескольких суток до месяца. Кроме того, на станциях, где производилась перегрузка продукции (Барановичи, Микашевичи, Молодечно), со стороны ответственных лиц эта работа была организована не достаточно четко. Так, из города Одессы на адрес Вилейского облпотребсоюза был отправлен состав с керосином. Однако разгрузка своевременно произведена не была, в результате состав простоял долгое время в Молодечно, а затем был отправлен обратно в Одессу [8, л. 104]. Можно привести и другие примеры. Кроме того, отдельные сбытовые организации БССР и других республик нередко медлили с отправкой в западные области необходимых товаров. Отмеченная выше ситуация с несвоевременной отправкой западным областям товаров наблюдалась на протяжении всего 1940 г.

Отмечались факты, когда вместо необходимых товаров в регион направлялась продукция, в которой особой нужды не было. Так, выступая в апреле 1940 г. на Вилейской областной конференции, секретарь Вилейского горкома отметил: «В городе не найдете пуговиц, зубного порошка и т. д. Я позвонил в Наркоторг... что нет товаров. Они говорят, что отправлено на 30 тыс. рублей галантереи. Начали распаковывать, а там оказывается 85 ящиков щеток сапожных» [9, л. 255]. Вместе с тем имели место факты, когда отдельные районы западных областей получали товары по количеству значительно превышавшие потребности, в то время как в другие они не поступали. Например, в начале 1940 г. 14 районам Вилейской области было направлено 750 т. керосина. Для указанного количества топлива в населенных пунктах не хватало даже цистерн, вместе с тем имелись районы области, которые не получили его вовсе.

Наряду с этим следует отметить, что, несмотря на значительный объем завозимых в западные области товаров, они не могли в полной мере удовлетворить спрос на них со стороны населения региона. В первую очередь это относилось к таким продовольственным и промышленным товарам, как сахар, соль, спички, обувь, предметы одежды. Например, Пинской области на первое полугодие 1940 г. было выделено 308 т. сахара, что составляло менее 1 кг на человека. В Барановичскую область на первый квартал 1940 г. было запланировано завезти 200 т. сахара, в то время как минимальная потребность области составляла 400 т. [10, л. 219].

Первоначально распределением продукции в Западной Беларуси занимались непосредственно продовольственные отделы Временных управлений, крестьянские комитеты, частная торговля. Позднее эту функцию взяла на себя кооперативная и государственная торговля. Промышленные и продовольственные товары отпускались населению региона по сниженным ценам.

В этой связи особо следует подчеркнуть следующее: руководство республики направляло в Западную Беларусь продовольственные и промышленные товары в течение октября 1939–февраля 1940 гг. даже за счет БССР. Так, 9 декабря 1939 г. на указанном нами выше

совещании у Н.Г. Грековой было отмечено следующее: «Главтабак стал на неправильный путь, он буквально провалил обеспечение восточных областей Белоруссии. Без махорки и папирос оставили население восточных областей... Такое же положение с мылом – 44 % выполнения, сахаром – 8 %. Всю республику оставили без сахара на 4-й квартал... И по другим товарам не лучше. Неправильно стали на путь и сейчас привезенные вагоны товаров для восточных областей перебрасываем в западные области» [11, л. 18].

Неудивительно, что в декабре 1939–январе 1940 гг. в населенных пунктах БССР, особенно в сельской местности, наблюдался дефицит продовольственных и промышленных товаров. «Фонды хлеба, предназначенные для реализации в декабре месяце уменьшены, против фондов, отпущенных в ноябре 1939 г... Наркомторг БССР запланировал в декабре месяце реализовать в сельской местности 11 тыс. тонн хлеба или на 50 % меньше, чем было реализовано в сельской торговой сети за ноябрь месяц. Наличие больших очередей приводит к тому, что в магазинах выбивают стекла, ломают прилавки и двери», – отмечалось в докладных органах НКВД БССР [12, л. 244–245]. Более того, в январе 1940 г. фонды продовольственных и промышленных товаров, отпущенных для восточных областей республики, по сравнению с декабрем были уменьшены еще на 50 %. 17 января 1940 г. состоялось даже специальное заседание бюро ЦК КП(б)Б, на котором обсуждался вопрос с нехваткой хлеба в республике.

Значительная помощь региону была оказана и в мероприятиях, связанных с развитием промышленности, сельского хозяйства, жилищно-коммунального строительства, образования, культуры и т. д. Так, уже в начале октября 1939 г. руководством БССР для шерстяной и кожевенной отраслей промышленности было запланировано завести в Западную Беларусь 480 т. шерсти, 700 т. хлопка, 25 т. красителей, 100 т. хлопчатобумажной пряжи, 40 т. кровельного железа, 30 т. серной кислоты и др. сырья. В декабря 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление «О народно-хозяйственном плане и бюджете по западным областям». Объем продукции по всей промышленности устанавливался в размере 475 млн. руб., объем товарооборота – в 2136 млн. руб. Учитывая большие расходы на новое строительство, объем капиталовложений был определен в 163 100 тыс. руб. Из них на промышленность предусматривалось выделить 94 430 тыс. руб., на сельское хозяйство – 9 213, коммунальное хозяйство – 29 760, государственную торговлю – 29 760, автотранспорт – 4 904, дорожное хозяйство – 13 110, прочие отрасли – 4 556 тыс. руб. План капитальных внелимитных затрат определялся в размере 64 082 тыс. руб.

Вместе с тем следует отметить, что завоз в регион на протяжении 1940 г. сырья, необходимого для работы местной промышленности, проходил не совсем организованно. Это объяснялось плохой работой железнодорожного транспорта, союзных и республиканских наркоматов. Кроме того, не всегда средства, направленные на развитие промышленности западных областей, своевременно использовались руководством региона. Например, в докладной секретаря Гродненского горкома КП(б)Б Позднякова отмечалось, что из отпущенных на восстановление и реконструкцию промышленности города было выделено в 1940 г. 500 тыс. рублей, в первом полугодии было использовано только 33 % [9, л. 222]. Подобные случаи наблюдались и с расходованием средств на капитальное строительство областных и районных центров западных областей Беларуси. Так, в постановлении бюро Вилейского обкома «О строительстве в городе Вилейка» от 18 ноября 1940 г., отмечалось: «Выполнение программы строительства и освоение средств 1940 года находится под угрозой срыва. Из отпущенных средств в размере 2606 тыс. руб., на 1 – е ноября 1940 г. выполнено работ на 1131,9 тыс. руб., что составляет 40 % плана.

Осенью 1939 г. началось осуществление земельной реформы, в ходе которой проводилась конфискация земель помещиков, крупных чиновников, монастырей, ликвидация малоземелья и безземелья, наделения земель бедняков и батраков.

По состоянию на 9 сентября 1940 г. батракам и малоземельным крестьянам было передано 430 982 га пахотной земли бывших помещичьих и осаднических земель. Уже осенью 1939 г. 20 000 батрацких и малоземельных крестьянских хозяйств западных областей Беларуси впервые посеяли рожь на земле, которую они получили от советской власти.

Крестьянские хозяйства Западной Беларуси нуждались в семенном материале, удобрениях, сельскохозяйственном инвентаре, ощущалась нехватка скота. По решению правительства к концу 1939 г. в Западную Беларусь было завезено 2000 конных плугов, 1600 культиваторов и других сель-

хозмашин. 1–2 декабря Белкоопсоюз организовал во всех областях уездах и волостях торговлю сельхозинвентарем и материалами, необходимыми для нужд сельского хозяйства. Белсельхозснаб передал западным областям сельхозинвентарь, имеющийся в наличии на складах восточных областей. Весной 1940 г. советское правительство предоставило крестьянам льготную семенную ссуду в размере 10 тыс. тонн зерновых и свыше 10 тыс. тонн картофеля. 2256 малоземельных крестьянина получили от государства безвозвратную семенную ссуду – 800 тонн зерна и 1500 тонн картофеля.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующий факт. Помощь, которую оказывала республика сельскому хозяйству западных областей трудно переоценить: семенной материал, которого нередко не хватало в самой республике, направлялся в западные области. Например, секретарь Ветковского райкома Шараев в докладной записке сельхозотделу ЦК КП(б)Б отмечал, что на 1 января 1940 г. колхозам Ветковского района не хватало для посева 20 цент. пшеницы, 17 цент. ячменя, 166 цент. овса, 194 цент. гречихи [13, л. 154–155].

Колхозы, хозяйственные организации БССР на протяжении 1940 г. направляли в Западную Беларусь крупный рогатый скот. Так, только Лепельская контора «Заготскот» отправила в регион 240 голов крупного рогатого скота [2, л. 24].

Значительную помощь получили колхозы западных областей Беларуси. Государство увеличивало их посевные площади за счет государственного земельного фонда, передавало постройки, скот, машины, сельскохозяйственный инвентарь конфискованных хозяйств. Например, с марта по май 1940 г. в Брестской области возникло 59 колхозов. Весной 1940 г. колхозы области получили 1011 лошадей, 3091 голову крупного рогатого скота, 1,5 тыс. свиней, 2 тыс. овец, 257 т. семян зерновых культур, 4,5 т. клевера, 105 т. минеральных удобрений. На строительство животноводческих помещений в колхозах западных областей государство отпустило кредит в сумме 3,7 млн. руб., а также лес и другие строительные материалы. В начале 1941 г. колхозы Западной Беларуси получили 7,590 центн. семян зерновых культур, 1112 льносемян, а так же семена конопли и других культур.

Особенно остро стоял вопрос с обеспечением колхозов западных областей сельскохозяйственной техникой. Так, до 1939 г. на весь Лидский повет имелось только два трактора. Они принадлежали графу Жавцовскому, который владел имением в 3 тыс. га и графу Пшездецкому, владевшему 2 тыс. га земли. О нехватке техники сигнализировало в ЦК КП(б)Б руководство областей и районов Западной Беларуси. Так, 3 февраля 1940 г. бюро Вилейского обкома приняло решение «просить ЦК КП(б)Б обязать Наркомзем и Белкоопсоюз завезти до 1 марта 1940 г. сельхозмашины, инвентарь...».

В этой связи в феврале 1940 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1940 г., в западных областях БССР начато создание 101 МТС. Необходимо отметить, что первоначально Экономический совет при Совнаркоме СССР планировал организовать в Западной Беларуси 50 МТС, позднее эта цифра была пересмотрена в сторону увеличения. Для обеспечения региона сельскохозяйственной техникой, согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 10 февраля 1940 г., МТС БССР должны были не позднее 15 марта 1940 г. направить западным областям 500 тракторов и сельхозмашин, передать запчасти к ним. Кроме того, в этом постановлении содержалась просьба к руководству страны направить для МТС Западной Беларуси 400 тракторных плугов.

Секретарь ЦК КП(б)Б М.В. Кулагин специально направил руководству райкомов КП(б)Б инструкцию, в которой указывалось на необходимость «разъяснить директорам МТС, что всякая попытка отобрать и отправить плохо отремонтированные трактора и сельхозмашины будет рассматриваться как антигосударственное дело...». Однако, несмотря на это, некоторые МТС республики направили в Западную Беларусь неисправную технику (около 160 недоброкачественно отремонтированных тракторов), кроме того, некоторые сельхозмашины отправлялись без соответствующих запасных частей [14, л. 84]. В этой связи 3 июня 1940 г. ЦК КП(б)Б даже принял постановление, где указал «привлечь к ответственности работников, виновных в отправке негодных тракторов».

Аналогичная ситуация наблюдалась и с поставкой региону кос, серпов и другого сельхозинвентаря. Так, завезенные в Брестскую область 8000 серпов и 5300 кос оказались совершенно неудовлетворительного качества. Причем дефекты были настолько значительны, что работать ими было совершенно невозможно.

Эти факты объяснялись как объективными, так и субъективными причинами. Некоторые руководители МТС не оценили в полной мере всю важность этого мероприятия. Так, Шацкая МТС Минской области должна была отправить в Западную Беларусь 3 трактора, 2 плуга, дисковую борону. Как отмечали органы НКВД по Минской области, «...когда происходила погрузка тракторов на станции Пуховичи, то в одном из тракторов ХТЗ был поврежден радиатор. В это время тракторист Пилипчик со станции Пуховичи позвонил в МТС, чтобы приехали исправить поврежденный трактор, на что зам. директора Гришкевич ответил: «Побитую сердцевину радиатора перевернуть поврежденной стороной во внутрь и как-либо сплавить, а там – черт с ней».

Вместе с тем необходимо отметить, что в самих колхозах БССР также наблюдался острый дефицит сельскохозяйственной техники, запасных частей к ней. Например, заведующий сельхозотделом ЦК КП(б)Б Гласов в докладной в ЦК ВКП(б) отметил, что по состоянию на 25 мая 1940 г. «349 тракторов МТС Белорусской ССР не вышли из ремонта и не участвуют в полевых работах» [19, л. 126]. 24 января 1940 г. органы НКВД БССР сообщали руководству республики, что правительственное задание по БССР о капитальном ремонте тракторов на 1939 г. к 1 января 1940 г. выполнено всего лишь на 38,6 %.

На 5 мая 1940 г. МТС западных областей располагали 525 тракторами. К 9 сентября 1940 г. МТС Западной Беларуси уже насчитывали 951 трактор, 193 автомашины, 843 тракторных плуга, 438 культиваторов, 228 дисковых борон 300 сложных и полусложных сеялок.

Следует отметить, что посильную помощь Западной Беларуси осуществляли предприятия, школы республики. Например, партийная и комсомольская организация Кричевского цементного завода взяла шефство над Волковыским заводом «Рос», оказывала ему помощь в модернизации, переподготовке кадров. Школьники БССР собрали для детей Западной Беларуси более 300 тыс. подарков. Только одна Гомельская область направила в регион около 60 тыс. подарков. Это книги, письменные принадлежности, фотоаппараты и т. д.

Таким образом, материально-техническая помощь региону оказывалась в форме завоза промышленных и продовольственных товаров первой необходимости, сельскохозяйственного инвентаря, машин, сырья для промышленных предприятий и др., значительных инвестиций в народное хозяйство. В процессе проведения этих мероприятий имели место недостатки, которые выражались в том, что товары направлялись в регион нередко со значительным опозданием, качество завозимой продукции не всегда было высоким, местное руководство западных областей Беларуси зачастую не проявляло должной оперативности в деле расходования выделенных средств и т.д. Вместе с тем указанная помощь в значительной мере способствовала скорейшей «советизации» экономики западного региона.

Литература

1. Ладысеў, У.Ф. Падзеі верасня–кастрычніка 1939 г. у лесе беларускага народа / У.Ф. Ладысеў // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР : Гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, г. Мінск, 17–18 верасня 1999 г. – Мн., 2000. – С. 119–127.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1682. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (сентябрь 1939 – октябрь 1939 г.).
3. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1516. Докладные записки и сведения обкомов и райкомов КП(б)Б западных областей Белоруссии (сентябрь 1939 – декабрь 1939 г.).
4. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1521. Протоколы и распоряжения СНК БССР и материалы к ним.
5. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1630. Протоколы распорядительных заседаний СНК БССР (август 1939 – декабрь 1939 г.).
6. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1773. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.
7. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1562. Докладные записки и сведения обкомов и райкомов КП(б)Б западных областей Белоруссии.
8. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 2080. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.

9. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1941. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам (май 1940 г. – сентябрь 1940 г.).

10. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1940. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам (январь 1940 г. – апрель 1940 г.).

11. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1562. Стенограмма совещания, проведённого секретарём ЦК КП(б)Б Грековой в г. Белостоке.

12. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1771. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.

13. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1937. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам.

14. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1713. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.01.2017

Войска Вялікага Княства Літоўскага напярэдадні казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг.: структура і арганізацыя

С.А. ЧАРОПКА

Даследуецца сістэма і арганізацыя войска Вялікага Княства Літоўскага ў напярэдадні казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. У выніку праведзенага даследавання устаноўлена, што сістэма абароны ВКЛ у сярэдзіне XVII ст. мела архаічны характар, што не дазволіла цэнтральнай ўладзе дасягнуць поўнага поспеху ў віры ўнутранай барацьбы і знешняй агрэсіі з боку суседніх краін. У выніку у 1652 г. была арганізавана новая сістэма арганізацыі войска – кампUTOвае войска.

Ключавыя словы: Вялікае княства Літоўскае, войска, паспалітае рушанне, кавалерыя, гусары, рэйтары, пяхоты, драгуны, пяхота, кватэрае войска.

The system and organization of the troops of the Grand Duchy of Lithuania in the run-up to the Cossack-Peasant War 1648–1651 are examined. It was determined that the protection system of Lithuania in the middle of the XVII century was of archaic character, which did not allow the central government to achieve full success in the maelstrom of internal strife and foreign aggression from neighboring countries. As a result, in 1652 a new system of organization of the army was introduced – wojsko komputerowe.

Keywords: Great Duchy of Lithuania, army, pospolite ruszenie, cavalry, hussars, reiters, petyhorcy, Cossacks, infantry, dragoons, musketeers, wojsko kwarciane.

Цяжка перабольшыць значэнне арміі для развіцця і нармальнага існавання любой краіны. Менавіта гэты інструмент дапамагае стварыць спрыяльныя ўмовы для вядзення знешняй палітыкі, а таксама абароны цэласнасці і незалежнасці краіны ў выпадку знешняй агрэсіі. У гісторыі Беларусі другая палова XVII – першая чвэрць XVIII ст. стала часам сур'ёзных выпрабаванняў, першым з якіх стала казацка-сялянская вайна 1648–1651 гг. У сувязі з гэтым цікавым прадстаўляецца вывучэнне ваеннага аспекту, які павінен быў забяспечыць умовы для працягу нармальнага функцыянавання дзяржавы. Нягледзячы на наяўнасць грунтоўнай гістарыяграфічнай спадчыны па абазначанай тэме, патэнцыял для разгляду асобных яе аспектаў прысутнічае да сённяшняга дня [1]–[6].

Сістэма функцыянавання літоўскага войска, як і войска кароннага, была ў сярэдзіне XVII ст. даволі архаічнай. Калі ў Заходняй Еўропе ўжо ў сярэдзіне XVI ст. асновай арміі было наёмнае войска, менавіта яно вырашала зыход бітваў, то ў ВКЛ, як і ў Кароне, працягвала існаваць старая феадальная сістэма функцыянавання арміі [7, с. 19]. Літоўскія ўзброеныя сілы можна падзяліць на пяць асноўных элементаў.

Першым элементам з'яўлялася ўласна дзяржаўнае войска, якое, у сваю чаргу, таксама складалася з некалькіх частак, якія будуць разгледжаны ніжэй.

Другім элементам з'яўлялася павятовае войска, якое збіралася мясцовымі соймамі ў выпадку патрэбы. Павятовае войска магло налічваць адну і больш харугваў, якія складаліся з мясцовай шляхты або наёмных жаўнераў. На чале такой харугвы стаяў ротмістр, які меў у падпарадкаванні паручніка, харунжага і пэўную колькасць таварышоў з почтамі, у залежнасці ад вызначанай соймай сумы. Часцей за ўсё ротмістрамі выбіралі кагосьці са знатных зямлян павета. Наймалі звычайна кавалерыю – казакаў або гусараў, значна радзей – рэйтараў і практычна ніколі – пяхоту або драгунаў. Базавым тэрмінам набору павятовай харугвы былі тры месяцы, якія адлічваліся з моманту попісу. Тым не менш, прафесійныя ваяры неахвотна ішлі на службу ў павятовыя харугвы, што тлумачылася кароткім тэрмінам службы, а таксама цяжкасцю атрымання за службу ўзнагароды ад гетмана або караля ў выглядзе матэрыяльных даброт.

Трэцім элементам з'яўляліся дапаможныя атрады леннікаў Рэчы Паспалітай – Прусіі і Курляндцы, якія звычайна выкарыстоўваліся падчас баявых дзеянняў у Прыбалтыцы. Колькасць гэтых войскаў была нязначнай і галоўнай іх функцыяй з'яўлялася ахова прыбалтыйскіх крэпасцей.

У якасці чацвёртага элемента можна вылучыць прыватныя войскі асобных магнатаў. Яны адыгрывалі пэўную ролю ў сістэме абароны ВКЛ, аднак яны пакуль што не былі шматлікімі, таму што іх утрыманне каштавала вялікіх грошаў. Напрыклад у 1640 г. вялікі гетман літоўскі Крыштаф Радзівіл меў у сваім распараджэнні 100 татароў і 60 драгуноў, яго сын, польны гетман літоўскі Я. Радзівіл, у 1648 г. меў 200 драгуноў і 100 гайдукоў [8, с. 79]. Асноўным элементам прыватных войскаў з’яўляліся надворныя харугвы, якія маглі быць як пешымі, так і коннымі. Склад харугвы быў тыповым – на чале стаяў ротмістр, які меў у падпарадкаванні паручніка, харунжага, дзясятнікаў, але колькасць жаўнераў была адносна невялікай. Так, у пяхотнай харугве К. Радзівіла ў 1631 г. налічвалася ўсяго 59 чалавек [9, с. 116]. Спробы асобных магнатаў стымуляваць да вайскавай службы сялян асаблівага поспеху ў цэлым не мелі. Хаця ў Слуцкім княстве Радзівілаў у шэрагу вёсак пражывалі панцёрныя і путныя баяры, рэальнай баявой сілы ў XVII ст. яны ўжо не ўяўлялі. Іх месца занялі выбранцы, колькасць якіх таксама была нязначнай. Прыватныя войскі маглі адыгрываць пэўную ролю ў палітычным жыцці краіны, але абараніць яе аб’ектыўна не маглі.

Апошнім, пятым элементам узброеных сіл можна лічыць атрады добраахвотнікаў, якія маглі дзейнічаць самастойна. Такія атрады валанцёраў арганізаваліся на кароткі час і сур’ёзнага значэння ў сістэме абароны краіны, натуральна, не адыгрывалі.

Трэба адзначыць, што з пералічаных элементаў узброеных сіл службовай асобе – вялікаму гетману літоўскаму, які адказваў за бяспеку дзяржавы, падпарадкоўваўся толькі першы элемент – дзяржаўная армія Вялікага княства. Выстаўленне на вайну іншых элементаў залежала ад рашэння канкрэтных уласнікаў гэтых войскаў – павятовага сойма, пэўнага магната і г. д. [9, с. 63].

Дзяржаўнае войска Вялікага Княства Літоўскага, якое з’яўлялася асновай ўзброеных сіл уключала ў сябе два асноўныя кампаненты – паспалітае рушанне і кварцянае войска. Аснову літоўскага войска тэарэтычна складала паспалітае рушанне – шляхецкае апалчэнне, якое склікалася ў выпадку пільнай неабходнасці. Паводле артыкула 1 раздзела 2 Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г., усе землеўласнікі дзяржавы, а гэта перш за ўсё шляхта, абавязаны былі прымаць удзел у абароне краіны [10]. Права збору паспалітага рушання належала вальнаму сойму, таму апэратыўна сабрацца шляхецкае апалчэнне проста не магло. Сама сістэма мабілізацыі шляхты таксама патрабавала часу. Пасля становага рашэння сойму вялікі гетман выдаваў адпаведны ўніверсал, які дастаўляўся ў рэгіёны. На павятовым узроўні зборам войска займаліся харунжыя, якія прыводзілі свае харугвы пад уладу мясцовага ваяводы. Пасля гэтага харугвы ад кожнага ваяводства, разам з асобнымі почтамі тых або іншых магнатаў збіраліся ў вызначаным месцы, дзе праводзіўся попіс войска, пасля якога яно лічылася сабраным і перадавалася пад уладу гетмана.

Для падтрымкі баяздольнасці паспалітага рушання час ад часу павінны былі праводзіцца агляды, на якія павінны былі з’язджацца ўсе шляхціцы. На павятовым ўзроўні за збор шляхты на агляд адказваў маршалак, харунжы або войскі, на ваяводскім – ваявода, кашталян або харунжы. Аднак, нягледзячы на шматлікія рашэнні сойма, агляды праводзіліся вельмі рэдка [9, с. 90]. На працягу першай паловы XVII ст. у шляхецкім грамадстве Літвы, як дарэчы і ў Заходняй Еўропе, назіраецца тэндэнцыя да зніжэння цікавасці да вайскавай службы. Занятая гаспадаркай шляхта імкнулася пазбавіцца неабходнасці часта пакідаць свой дом для ўдзелу ў непатрэбных для яе войнах. У выпадку, калі была магчымасць адкупіцца ад пачэснай справы абароны Радзімы, частка шляхты гэтай магчымасцю карысталася, што адкрывала шлях да фарміравання сапраўды прафесійных ваяроў з тых шляхціцаў, што свядома наймаліся на вайсковую службу. Аднак заканадаўчая база была недасканалая, таму што ў выпадку збору паспалітага або павятовага рушання такія прафесіяналы мусіў пакінуць сваю службу і з’явіцца на службе земскай. У сувязі з гэтым прафесійныя жаўнеры дамагаліся, каб іх не прыцягвалі да земскай службы [11, с. 383].

Мабілізацыйныя здольнасці літоўскага паспалітага рушання ў сярэдзіне XVII ст. складалі 23 тыс. чалавек, але нават у такіх крызісных умовах, у якіх апынулася ВКЛ ў 1648–1651 гг., мабілізацыйныя магчымасці вычарпаны не былі [9, с. 96]. Выдатнымі баявымі якасцямі паспалітае рушанне таксама не адрознівалася ў сувязі з некалькімі прычынамі. Першай сур’ёзнай праблемай паспалітага рушання была слабасць людскога матэрыялу. Многія шляхціцы, якія былі заняты сваёй гаспадаркай, доўгі час не мелі дачынення да вайскавай службы, былі непадрыхтаванымі да сучасных умоў нясення службы, мелі нізкі ўзровень фізічнай і ваеннай падрыхтоўкі, адрозніваліся нізкай дысцыплінай і баявым духам.

Другой праблемай з'яўляўся дрэнны ўзровень узбраення і рыштунку паспалітага рушання. Колькасць і якасць зброі ваяра залежала ад матэрыяльнага ўзроўню кожнага канкрэтнага шляхціца або магната, у пачаце якога ён знаходзіўся, хаця існавалі і пэўныя правілы. У прыватнасці артыкул 1 раздзела 2 Статута 1566 г. прадугледжваў, што кожны шляхціц павінен быў з'явіцца «з усім на добрым кані, каб конь каштаваў не менш за 8 коп грошай літоўскіх, а на ім каляровая сукня, панцыр, прылбіца, меч, павеза, дрэва з прапарцам каляровым» [12]. Тым не менш, у рэальнасці шляхта з'яўлялася на попіс з тым, што мела. Такім чынам, у адной павятовай харугве маглі знаходзіцца і казакі, і гусары, і пяцігорцы, што значна аслабляла баяздольнасць шляхецкага апалчэння. лепш выглядала татарская кавалерыя, але яе было адносна няшмат.

Сапраўды баяздольнай часткай узброеных сіл Рэчы Паспалітай у першай палове XVII ст. усё ж з'яўлялася наёмная армія. Спробы стварэння рэгулярнай наёмнай арміі адносяцца да часу праўлення Жыгімонта Аўгуста ў сярэдзіне XVI ст. Гэтае войска, якое атрымала назву «кварцьянае», фінансавалася з гаспадарскіх зямель і падпарадкоўвалася непасрэдна каралю. Кварцьянае войска складалася з рот на чале з ротмістрамі, якія падзяляліся на дзясяткі (на чале з дзясятнікамі ў пяхоте) і пачты (на чале з таварышамі ў кавалерыі). У мірны час наёмныя жаўнеры прыцягваліся да нясення гарнізоннай службы, выконвалі інжынерна-сапёрныя, паліцэйскія функцыі. Як адзначае Ю.М. Бохан, «высокія баявыя якасці “служэбных” ужо напрыканцы XVI ст. вылучаюць іх на першае месца ў сістэме арганізацыі ўзброеных сілаў Вялікага княства» [13, с. 90]. Аднак кошт утрымання наёмнай арміі быў даволі высокім, а калі ўлічваць, што кварцьянае войска ўтрымлівалася толькі з гаспадарскіх зямель, зразумелым становіцца малалікасць наёмнага войска як у Кароне, так і ў Літве.

У канцы XVI – першай палове XVII ст. былі праведзены вайсковыя рэформы, якія дакладна вызначылі роды войскаў і іх узбраенне. Літоўскае войска складалася з кавалерыі, пяхоты і артылерыі. Аснова войска – кавалерыя была падзелена на цяжкую, сярэдняю і лёгкую. Да цяжкай кавалерыі, якая мела засцерагальнае ўзбраенне ў выглядзе паўдаспеха або кірасы, адносіліся гусары, ўзброеныя кап'ём, рэйтары, ўзброеныя пісталетамі або аркебузай. Асноўным арганізацыйным элементам кавалерыі з'яўлялася харугва, якая набіралася ротмістрам на падставе прыпаветнага ліста. Кола ротмістраў, у прынцыпе, было абмежаваным, таму што гэтую функцыю давяралі асобам, якія ўжо адзначыліся на полі боя і праявілі пэўныя арганізацыйныя здольнасці. Ротмістры, у сваю чаргу, ведалі тых ваяроў, якіх яны хацелі б прыцягнуць да службы ў сваёй харугве, таму на яе фарміраванне было б дастаткова некалькі тыдняў. Асноўнай тактычнай адзінкай харугвы з'яўляўся пачат, які складаўся з таварыша і пачтовых – шараговых шляхціцаў. Колькасць ваяроў у пачаце залежала ад фінансавых магчымасцей таварыша. Пачат ротмістра мог налічваць тузін коней, паручніка або харунжага – 5–6, таварышоў – ад 1 да 4. Ад велічыні пачату залежала месца канкрэтнага шляхціца ў харугве, ды і ў шляхецкай супольнасці ў цэлым. У гусарскіх харугвах ротмістрамі звычайна былі магнаты, таму фактычным кіраўніком харугвы з'яўляўся паручнік.

Гусарыя з'яўлялася асноўнай ударнай сілай літоўскага войска. Яе галоўнай наступальнай зброяй з'яўлялася дзіда, даўжыня якой дасягала 5 метраў. Удар дзідай на поўнай хадзе быў даволі моцным, ён прабіваў чалавека ў даспехах, але сама дзіда пры гэтым звычайна ламалася, таму далейшы бой гусар працягваў шабляй або палашом. Імклівая атака гусар разрывала шыхты варожага войска. Аднак у забалочанай, лясістай, горнай мясцовасці, снежным полі яны былі практычна бездапаможнымі, таму што не маглі набраць неабходны разгон.

Больш функцыянальнымі ў гэтым плане былі рэйтары, якія ішлі ў атаку на конях з агнястрэльнай зброяй, а далей працягвалі бой шаблямі і палашамі. Рэйтарскія харугвы або палкі падзяляліся на кампаніі, якія складаліся з трох капральстваў па некалькі пачатаў у кожным. На чале палка стаяў оберштэр, кампаніяй кіраваў капітан. Рэйтарскія харугвы, у якіх служылі немцы з Інфлянтаў, Курляндыі і Прусіі, былі больш дысцыплінаванымі, чым гусары, але набраць кампанію рэйтараў было справай нялёгкай, асабліва ва ўмовах Трыццацігадовай вайны, калі адпаведна падрыхтаваныя жаўнеры «мелі працу» у Заходняй Еўропе. У 1617 г. каралеўскі ротмістр Я. Шверын атрымаў прыпаведны ліст на набор 100 рэйтараў, а з'явіўся з сотняй гусараў. У Рэчы Паспалітай найбольш цаніліся рэйтарскія падраздзяленні, якія складаліся з немцаў, найменш – літоўскія, што было звязана з лепшай баявой падрыхтоўкай, дысцыплінай і ўзбраеннем. Як адзначалі сучаснікі «сам па сабе рэйтар без убрання нямецкага нічога не варты» [14, с. 4].

Сярэдняя кавалерыя была прадстаўлена пяцігорцамі, якія былі абаронены круглымі шчытамі, кальчужнымі панцырамі і місюркамі. У якасці наступальнага ўзбраення пяцігорцы выкарыстоўвалі

кароткія дзіды (рагаціны), шаблі, пісталеты або ручніцы. У бою пяцігорцы часцей за ўсё выкарыстоўваліся як падтрымка гусараў для пераследу разбітага ворага або абыходу яго з флангаў. Для пяцігорцаў, як і для гусар быў характэрны таварыска-пачатавы прынцып арганізацыі харугвы.

Лёгкая кавалерыя была прадстаўлена казакамі. Прычым пад казкамі разумеецца як шляхецкая кавалерыя ўзброеная па-казакску, так і гарадвыя казакі, якія неслі гарнізонную службу ў памежных гарадах. Татарская кавалерыя, будучыя ўланы, таксама адносіліся да казакаў, адрозніваючыся толькі сваім этнічным і рэлігійным складам, а таксама знешнім выглядам. Лёгкая кавалерыя мела падобнае да пяцігорцаў наступальнае ўзбраенне, але практычна не мела ўзбраення засцерагальнага.

Нягледзячы на тое, што ў еўрапейскай ваеннай справе першае месца ўжо даўно адводзілася пяхоте, усведамленне гэтага ў Рэч Паспалітую яшчэ не прыйшло. У Літве пяхота ў колькасным плане істотна саступала кавалерыі і складалася з дзвюх частак: пяхоты польскай і нямецкай.

Нямецкая пяхота фарміравалася з замежнікаў, пераважна немцаў, таму афіцыйнай мовай там была нямецкая. Арганізацыйнымі адзінкамі з'яўляліся рэгіменты (палкі), фрайкампаніі (асобныя роты) і кампаніі (роты). На чале палка, які налічваў да 1 тыс. жаўнераў, стаяў оберштэр (палкоўнік), яго намеснікам з'яўляўся оберштлэйтнант. Фрайкампаніі і кампаніі, якія налічвалі ад 90 да 120 чалавек, знаходзіліся пад камандаваннем капітана. Кампаніі на 2/3 складаліся з мушкетёраў, якія былі ўзброеныя апрача мушкета яшчэ шабляй, 1/3 складалі пікінеры, узброеныя 3–5 метравай пікай або алебардай і таксама шабляй. Нямецкая пяхота адрознівалася выдатнымі баявымі якасцямі, але была вельмі дарагой. Кошт яе пераўзыходзіў нават гусарыю.

Гэтак званая польская пяхота набіралася з рускага, літоўскага і замежнага мяшчанства і дробнай шляхты, прычым афіцэрамі маглі быць нават не шляхціцы. Асноўным тактычным падраздзяленнем польскай пяхоты з'яўлялася рота, падзеленая на дзясяткі. Падчас бою рота шыхтавалася у некалькі шарэнг. У першай стаялі жаўнеры, ўзброеныя павезамі, у другой – дзясятнікі, далей пікінеры. У наступных шарэнгах стаялі стралкі з ручніцамі, а замыкалі іх пікінеры. Для залпу ўся рота, акрамя апошняй шарэнгі стралкоў прысядала на адно калена, затым падымалася наступная шарэнга, пакуль яна страляла, апошняя шарэнга рыхтавалася да новага залпу [7, с. 37].

Спроба Стэфана Баторыя ўвесці ў Рэчы Паспалітай рэкруцкую сістэму і прыцягнуць да службы ў войску сялянства аказалася не вельмі ўдалай. Хаця кароль спадзяваўся збіраць каля 15 тыс. выбранцаў, на практыцы з усёй Рэчы Паспалітай рэдка ўдавалася сабраць больш за 2 тыс., а канкрэтна з ВКЛ – некалькі соцень [7, с. 26]. У Польшчы стварэнне выбранецкай пяхоты пачалося ў 1578 г., у Літве соймавая канстытуцыя аб наборы па 1 выбранцу з кожных 20 валок гаспадарскіх зямель выйшла толькі ў 1595 г. [9, с. 83]. Асноўнай арганізацыйнай адзінкай выбранцаў з'яўлялася харугва колькасцю ад 100 да 200 чалавек, але на практыцы гэтая лічба заўсёды была меншай. На чале якой стаяў ротмістр і падначаленыя яму паручнік, харунжы і дзясятнікі. Узбраенне выбранцаў складалася з рушніцы (пазней мушкета), шаблі і сякеры. Выбранцы мелі права весці сваю гаспадарку, былі вызвалены ад павіннасцей, але ў выпадку вайны, яны па першым загаде павінны былі з'явіцца ў азначаным месцы з узбраеннем і ў блакітнай форме адпаведнага крою. Польшы гетман Крыштаф Радзівіл у 1621 г. адзначаў, што «выбранцы, людзі не навучаныя» у вайсковым сэнсе [9, с. 84]. Гэта было звязана з імкненнем саміх выбранцаў, захаваўшы свае правы, пазбегнуць небяспечнай вайскавай службы. У сувязі з гэтым выбранецкую пяхоту выкарыстоўвалі пераважна для гарнізоннай службы і фартыфікацыйных работ.

Дарэчы, у сувязі з тым, што ўтрыманне пастаянных гарнізонаў у замках таксама патрабавала грошай, а іх у скарбе не было, у мірны час у замках і гарадах не было і гарнізонаў, а абавязкі па абароне гарадскіх умацаванняў ускладаліся на мяшчан. Становішча саміх замкаў да сярэдзіны XVII ст. было далёка не лепшым. «Вялікая колькасць замкаў была пазбаўлена сучасных умацаванняў, былі драўлянымі або драўняна-зямельнымі», – адзначае Г. Віснер [15, с. 14]. Многія ўмацаванні патрабавалі рамонт, але сродкаў на гэта як заўсёды не хапала.

У першай палове XVII ст. у войсках Рэчы Паспалітай з'явіўся своеасаблівы сімбіёз пяхоты і кавалерыі – драгуны. Яны маглі ваяваць і на конях, але ўсё ж часцей ваявалі ў пешым шыхце, выкарыстоўваючы коней як сродак для хуткага перамяшчэння ў прасторы. Драгуны, як і ўсе пехацінцы, практычна не мелі абарончага ўзбраення, а ў якасці наступальнага выкарыстоўвалі аркебузы, пісталеты, палашы або рапіры. Галоўным недахопам драгунаў з'яўлялася тое, што да траціны падраздзялення актыўна ў пешым баі не ўдзельнічала, даглядаючы коней. «З сотні толькі семдзесят б'юцца, а коней трымаюць», –

адзначае ў 1648 г. берасцейскі ваявода на сойме, хвалячы пры гэтым больш пяхоту [16, s. 234]. Тым не менш, улічваючы агульны трэнд да павелічэння ролі пяхоты ў ваеннай справе колькасць драгунаў у кароннай і літоўскай арміях паступова ўзрастала.

Артилерыя ў ВКЛ падзялялася на дзяржаўную і прыватную, а паводле функцыянальнага прызначэння – палявую і фартыфікацыйную. У выніку вайсковых рэформ Уладзіслава IV артилерыя была выведзена ў асобны корпус на чале з генералам артилерыі. Для забеспячэння арміі гарматамі ў Вільні была створана людвісарня. Аднак, нягледзячы на станоўчыя зрухі, недахоп сродкаў трымаў літоўскую артилерыю ў гаротным стане. Хранічнай праблемай было своєчасовае забеспячэнне порахам, ядрамі, цяглавай жывёлай. Лепш выглядалі справы ў прыватнай артилерыі. Прыватныя гарады такія, як Слуцк, Быхаў, былі добра ўмацаваны гарматамі, нанятая за магнацкія грошы пушкары былі больш дасведчанымі ў сваёй справе, што ў наступным праявілася падчас баявых дзеянняў.

Казацка-сялянская вайна выявіла ўсе недахопы сістэмы абароны ВКЛ і спрыяла правядзенню шэрагу рэформ у гэтай сферы. У прыватнасці прыйшло разуменне неабходнасці перанясення апоры ў сістэме абароны з паспалітага рушання на рэгулярнае войска. У 1652 г. на змену кварцянаму войску прыйшло войска кампутовае, якое, хаця і залежала ад сойма, але аплатавалася не толькі з гаспадарскіх зямель, а таксама існавала ў мірны час. Такім чынам, у Рэчы Паспалітай узнікла рэгулярнае войска, колькасць якога, пры гэтым дакладна не была вызначана. У 1649 г. быў ўведзены спецыяльны падатак – падымнае, які даў магчымасць утрымліваць кампутовае войска ў Вялікім княстве. Колькасць жаўнераў у кампутовым войску была большай, але ўсё роўна недастатковай ва ўмовах геапалітычных зменаў, якія адбываліся ва Ўсходняй Еўропе ў другой палове XVII ст. Так, у перыяд вайны Расійскай дзяржавы з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. войска ВКЛ складала 10–12 тыс. чал., што было аб'ектыўна мала, каб супрацьстаяць агрэсіі з боку Расійскай дзяржавы і Швецыі.

Літаратура

1. Górski, K. *Historia piechoty polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1893. – 274 s.
2. Górski, K. *Historia jazdy polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. – 366 s.
3. Kukiel, M. *Zarys historii wojskowości w Polsce* / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1929. – 356 s.
4. Rostafiński, N. *Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce (992–1792)* / N. Rostafiński. – Poznań : Nakł. księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. – 164 s.
5. Nowak, T.M. *Historia oręża Polskiego 963–1795* / T.M. Nowak, J. Wimmer. – Warszawa, 1981. – 700 s.
6. Wimmer, J. *Historia piechoty polskiej do roku 1864* / J. Wimmer. – Warszawa : MON, 1978. – 615 s.
7. Сагановіч, Г.М. Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / Г.М. Сагановіч ; пад рэд. Г.В. Штыхава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 79 с.
8. Бярнацкі, В. Паўстаньне Хмяльніцкага: Ваенныя дзеньні ў Літве ў 1648–1649 гг. / В. Бярнацкі // *ARCHE* = Пачатак. – 2008. – № 3. – С. 45–222.
9. Wisner, H. *Wojsko litewskie 1 połowy XVII wieku* / H. Wisner // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1973. – T. XIX, Cz. I. – S. 61–138.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=11631>. – Дата доступу : 05.08.2016.
11. Rachuba, A. *Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku* // A. Rachuba // *Przegląd Wschodni*. – 1994. – T. 3. – Zeszyt 3(11). – S. 379–410.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://litopys.org.ua/statut2/st1566_03.htm. – Дата доступу : 05.08.2016.
13. Бохан, Ю.М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI ст. / Ю.М. Бохан. – Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.
14. Raczkiewicz, D. *Udział rajtarii litewskiej w wojnie Inflanckiej ze Szwecją w latach 1621–1622* / D. Raczkiewicz // *Studia historiczne*. – 2015. – Z. 1. – S. 3–24.
15. Wisner, H. *Wojsko litewskie 1 połowy XVII wieku* / H. Wisner // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1973. – T. XX, Cz. II. – S. 5–26.
16. Jakuba Michałowskiego, *wojskiego lubelskiego, a później kasztelana bieckiego, Księga pamiętnicza*. – Kraków : w drukarni C.K. Uniwersytetu, 1864. – 838 s.

Филология

УДК 821.161.3-1Стральцоў.06

Паэзія М. Стральцова: стратэгіі перадолення маргінальнасці

А.В. БРАДЗІХІНА

Паэтычная спадчына М. Стральцова разглядаецца ў артыкуле праз прызму тэорыі маргінальнасці. Аўтар акрэслівае асноўныя спосабы пераадолення героем свайго «ўскараіннага асяроддзя» і прыходзіць да высновы пра экзистэнцыйны характар адзіноты і дыхатамічнасць натуры лірычнага суб'екта, што, нягледзячы на мноства стратэгій, не дазваляе яму пазбавіцца ад свайго маргінальнага статусу.

Ключавыя словы: лірыка, маргінальнасць, вобраз двойніка, інтымная лірыка, лірычны суб'ект, вобраз, матыў, мастацкая сістэма.

The poetic heritage of M. Straltsou is considered through the prism of the theory of marginality. The author outlines the main ways to overcome the «marginal environment» by the main character and arrives at a conclusion about existentiality as a distinctive feature of loneliness, as well as dichotomous nature of the lyrical subject that, despite a bunch of strategies, do not allow him to escape from his marginal status.

Keywords: lyrics, marginality, image of the double, intimate lyrics, lyrical subject, image, motive, art system.

Яркая, самабытная лірыка Міхася Стральцова (1937–1987) выглядае і сёння надзіва сучаснай, нібыта створанай у ХХІ стагоддзі, бо ў сваім часе яна была з'явай хутчэй маргінальнай – адарванай ад літаратурнага мейнстрыму праз прынцыповую апалітычнасць, «неграмадзянскасць», «несавецкасць». Уласцівыя вершам паэта сцішанасць інтанацый, максімальная вобразная шчыльнасць радка, паглыбленая рэфлексія, нават эгацэнтрызм, «напаўмістычнасць» (І. Запрудскі) [1, с. 87] ніяк не суадносіліся з патрабаваннямі партыйнасці-народнасці, сфармуляванымі сацрэалістычнымі канонамі. Гэта ў пэўным сэнсе вытлумачвае агульную няўвагу тагачаснай крытыкі да лірыкі М. Стральцова. Больш за тое, і пост-асэнсаванне яго вершаваных набыткаў нашымі сучаснікамі нярэдка спараджала дыяметральна супрацьлеглыя характарыстыкі. Да прыкладу, даследчыкі так і не сышліся ў пытаннях празрыстасці (Р. Станкевіч, А. Сідарэвіч, І. Запрудскі) або цыянасці, «ускладнёнай метафарычнасці» (Б. Бур'ян, І. Гоўзіч) лірыкі паэта, традыцыяналізму (А. Макмілін) ці эксперыментальнасці (І. Запрудскі, А. Гурская) прыроды яго вершатворчасці, яе «дзённікавасці» (І. Запрудскі, А. Макмілін, Ю. Залоска) альбо «неаўтабіяграфічнасці» (Л. Дранько-Майсюк), аптымістычнай скіраванасці (П. Васючэнка, А. Макмілін) ці песімістычнай безнадзейнасці гучання (В. Акудовіч, І. Запрудскі, Р. Станкевіч) і інш. Такі роскід ацэнак, не ўтрымлівае, аднак, парадокса, бо ўсе пералічаныя палярныя адметнасці насамрэч уласцівыя *асобным* старонкам ці этапам творчасці паэта. Іншымі словамі, у кожным сваім арыгінальным зборніку – «Ядлоўцавы куст» (1973), «Цень ад вясла» (1979) і «Свецце мой ясны» (1986) – перад намі прадстае абсалютна *новы* М. Стральцоў. Аб'ядноўвае гэтую размаітую гаму настрояў, пачуццяў і паэтычных прыёмаў у цэласную сістэму ўзгаданая вышэй **ідэя маргінальнасці**. Стварыўшы ў прозе красамоўны сімвал – сена на асфальце, у лірыцы творца – свядома ці не – рэалізаваў яго паслядоўна як на суб'ектным узроўні, так і пры мадэляванні мастацкага свету ў цэлым.

Тэрмін «маргінальнасць», уведзены амерыканскім сацыёлагам Р.Э. Паркам (эсэ «Чалавечая міграцыя і маргінальны чалавек»), замацаваўся ў навуцы яшчэ ў 1928 г. і з цягам часу стаў запатрабаваным у філасофіі, псіхалогіі, культуралогіі і літаратуразнаўстве. Паводле Л. Кемалавай, «маргінальная асоба ўбірае ў сябе спецыфіку маргінальнасці як дуальнай,

паводле сваёй прыроды, з’явы. Вымалёўваецца сацыяльна-псіхалагічны партрэт асобы, што характарызуецца наступнымі рысамі: адзінота, прыгнечанасць, пачуццё ізаляванасці, няпэўнасці, разгубленасці. <...> Пры гэтым маргінальныя паводзіны маюць не толькі дэструктыўныя формы праяў у выглядзе дэвіяцыі, але і канструктыўныя, што дазваляе разглядаць іх не як анамалію, а як іншую норму» [2, с. 97]. Калі дадаць сюды падкрэсленыя паслядоўнікам Р. Парка Э. Стоўнквістам дезарганізаванасць, ашаломленасць, трывожнасць, адчуванне «непераадольнай сцяны» і няўдачлівасць, унутраную напружанасць, адчужанасць, распач, эгацэнтрызм, дуальнасць свядомасці, то мы атрымаем ледзьве не поўны спіс скразных, уласцівых усім тром паэтычным зборнікам М. Стральцова, матываў.

Прычым вызначальнай катэгорыяй, першавытокаю, які спараджае комплекс іншых настрояў і пачуццяў, у лірыцы паэта выступае адзінота. М. Стральцоў, паводле ўспамінаў сучаснікаў, «быў дужа нестандартны чалавек. Вельмі ўжо НЕПРАНУМАРАВАНЫ» (А. Асташонак) [3, с. 19]; «не такі ва ўсім, і гэтага яму не маглі дараваць» (А. Кудравец) [4, с. 236]. Паэт проста не ўпісваўся ў сучаснае яму грамадства, што ў спалучэнні з інтравертнасцю, абвостранай чуйнасцю да кожнай праявы жыцця і ў пэўным сэнсе неабароненасцю перад яго нягодамі сведчыць пра экзістэнцыйны характар яго самоты, якая, у сваю чаргу, фарміруе «ўскраіннае асяроддзе». У кантэксце тэорыі маргінальнасці апошняя абазначае сферу процістаяння ўсяму, што прыгнятае свабоду асобы і вызначае спосабы функцыянавання сацыякультурнага жыцця. Думаецца, М. Стральцоў ясна ўсведамляў першаснасць сваёй адзіноты, пішучы ў адрасаваных Але Сямёнавай лістах пра схільнасць уласнай натуры да «splendid isolation» [5, с. 66] (бліскучай адзіноты) і адсутнасць «талентаў “общительности”» [5, с. 73], а таму і ў сваёй аўтапсіхалагічнай лірыцы паслядоўна ствараў вобраз «выгнанага патрыцыя».

Усёахопны, татальны стан стральцоўскай самоты распаўсюджваецца на любую праяву рэчаіснасці, надзеленую душой. Гэтай якасцю ў паэта валодае кожная прыродная з’ява (і мы тут маем справу не з прыёмам метафарычнага ўвасаблення, а менавіта з канцэптуальным антрапамарфізмам). Асаблівай увагі заслугоўвае вобраз адзінокай зоркі на фоне начнога неба, у шэрагу сабе падобных (вершы «Ноччу, тым часам, як спаў...», «Лета. Ноч»), што, відавочна, суадносіцца са станам, іманентна ўласцівым лірычнаму герою:

І днём між людзей ты ходзіш
нейкім далёкім рэхам
і цыгарэт выкурваеш болей,
чым прамаўляеш слоў [6, с. 100].

(«Аднойчы ноччу...»)

Шматразовы зварот да хвалючай тэмы, пільны і ўважлівы, як праз павелічальнае шкло, разгляд стану адзіноты дазволіў паэту вылучыць самыя нечаканыя яго ракурсы: згаданая вышэй самота сярод людзей, мітуслівая адзінота сяброў, якія доўга не бачыліся («Прыехаў сябра»), бязлюддзе як фізічная адсутнасць («Надыходзіць пара...»), бадзёрая адзінота восені («Яшчэ не ўсчаліся вятры...»), сляпая адзінота іншага, нетутэйшага свету («Акварэлі»). Урэшце, самота персаніфікуецца і набывае пачварнае аблічча, узмоцненае начным трызненнем лірычнага суб’екта: «Ты з адзінотай твар у твар – // Хвіліна гэткая благая!» [6, с. 118]. У выніку герой асуджаны на бясконцую рэфлексію, перагляд сваёй «душэўнай гаспадаркі» [6, с. 118] і вынясенне самапрысуду («сябе карай // За дзень, за сваркі і за чаркі» [6, с. 118]). Такі карпатлівы мастацкі аналіз М. Стральцовым катэгорыі самоты не зводзіцца, аднак, да спробы яе тыпалогіі, а абумоўлены хутчэй імкненнем да пазбаўлення маргінальнага статусу.

Ад зборніка да зборніка асэнсаванне стральцоўскім homo solus феномена адзіноты паглыбляецца. Калі ў кнізе «Ядлоўцавы куст» паэт абмяжоўваецца канстатацыяй самотнасці разнастайных праяў свету, то ўжо ў другім зборніку – «Цень ад вясла» – яго лірычны герой пачынае шукаць спосабы пераадолення мяжы «ўскраіннага асяроддзя», хаця выбудаваная ім стратэгія пакуль суадносіцца з эскапізмам – уцёкамі ад праблемы ў «пакутны рай» [6, с. 84], у вершы. Тут, ва ўласна прыдуманай рэчаіснасці, герой адчувае сябе далучаным да супольнасці, найперш прыроднага свету, бо, па словах самога паэта, «чалавек, у якога ёсць свой свет, не адзінокі ўсё ж» [5, с. 76]. Нарэшце, у апошняй прыжыццёвай кнізе «Свеце мой ясны» ранейшая глыбока прыхаваная бравада сваёй самотнасцю як адзнакай абранасці (адзін вобраз «выгнанага патрыцыя» чаго варты!) саступае ўсведамленню катастрафічнасці і разбуральнасці ізаляцыі, бо пазбаўляе асобу руху – магчымасці самаразвіцця і

самаўдасканалвання. І тады свабода ад чалавечых сувязяў абарочваецца турмой, а душа, застылая ад бяздзеіснасці («ні развітання, ні спаткання» [6, с. 138]), пакутуе ад вусцішнасці свайго «ўскараінага асяроддзя»:

І што ні болю, ні шкоды
Не наканована яму
Калі бывае даспадобы
Няславіць волю, як турму, –

Ні развітання, ні спаткання,
А толькі вусцішнасць быцця:
Нібы пра згубнае каханне
Пяе няўцямнае дзіця [6, с. 138].

(верш «За вёскаю, на адзіноце...»)

Асэнсаванне наяўнасці мяжы, пасля якой працэс адчужэння набудзе якасці незваротнасці («Аж скаланецца раптам сэрца, // Ліхой збаяўшыся мяжы» [6, с. 138]), прыводзіць лірычнага героя да высновы, што пераадоленне сваёй адзіноты выступае адзіным шляхам выратавання і захавання цэласнасці асобы, што менавіта ў чалавечай еднасці і эмпатыі заключаецца сэнс жыцця: «Ды толькі ты, з людзьмі святая еднасць, // Мяне і далей па жыцці насі» [6, с. 106] (вершы «Жыццё, жыццё... Не першы, не апошні...», «Разам з людзьмі» і інш.).

Таму выгнаны патрыцый вымушаны шукаць падтрымку найперш у сяброўстве («Два подступы да верша») ці каханні («Без парывання, без жадання...»). Ён прагне распознаць роднасную асобу сярод мноства абязлічаных чалавечых твараў, але, на жаль, поўнага паразумення, зліцця дзвюх душ не адбываецца. Максімум, на што можа разлічваць лірычны герой ад акаляючых людзей, – на ўніканне пустаслоўя, ветліва-абіяжавых парадаў, словаў фальшывай спагады, якія адбіваюцца болей у сэрцы і выклікаюць нечакана рэзкую яго рэакцыю («Нервы», «Трымайся!» – і розныя словы...). Па сутнасці, ён можа прэтэндаваць хіба на шчырае чалавечае маўчанне, ці, кажучы перыфразаі самога М. Стральцова, на тое, каб «пастаяць / пагрэцца ля чыёсці душы», і такім чынам кола замыкаецца. Патлумачым.

Маўчанне (немата, цішыня, здранцвенне), як і холад, у мастацкай сістэме паэта выступаюць вобразамі з трывалай негатыўнай семантыкай і неадменна карэлююць з адзінотай, забыццём, незапатрабаванасцю, адчужэннем. У выніку апісаная вышэй стратэгія аказваецца бясплённай, і лірычны герой мусіць шукаць іншыя спосабы камунікацыі. Спрабуючы вырашыць балючыя праблемы ўласнай экзістэнцыі, ён уступае ў дыялог з часам, ноччу, лёсам, хача ў гэтых размовах больш пытанняў, чым адказаў («Летняя ноччу пад зорным небам», «Размова з часам», «Вечаровы ўспамін пра Сож» і інш.). Урэшце стральцоўскі homo solus знаходзіць ідэальнага суразмоўцу – сябе, што выклікае характэрны для маргінальнай асобы эффект раздвоенасці: «І так захацца пагрэцца // Ля ўласнай цёплае душы» [6, с. 138].

Дыхатамічнасць натуры лірычнага героя, «яго раздвоенасць, несупадзенне з самім сабой» [7, с. 68] адзначала яшчэ Л. Турбіна. Такая адметнасць светаўспрымання натуральным чынам спарадзіла наяўнасць шматлікіх вобразаў двойнікоў, і з кожным зборнікам іх колькасць павялічвалася. Размовы з унутраным голасам – матыў, досыць распаўсюджаны ў паэтычнай творчасці ўвогуле, – у М. Стральцова набывае форму спрэчкі паміж довадамі сэрца і розуму, бо «Зусім не тое тэцца ў сэрцы, // Што часам трызніць галава» [6, с. 72] (вершы «Прайшло, мінулася, як дым...», «Непагодлівы дзень у гарах», «Выпадкова падслуханая размова», «І рытмы тыя, ды ўжо лад...» і інш.). Іншымі словамі, у галаве героя гучаць два галасы, і спробы іх прымірэння, тоесныя імкненню ўз'яднання з самім сабой праз стратэгію travesty (узаемапераходу), аказваюцца марнымі. У выніку аддзеленасць, адстароненасць лірычнага суб'екта ад сябе ўзрастае, і ён не можа пазбавіцца ад цмянага адчування, што пражывае чужое, паралельнае жыццё, з'яўляецца «з другога свету прыбышом», і набывае рэдкую здольнасць, трапна сфармуляваную наступнымі радкамі: «Нібы сябе ты з боку разглядаеш, // Нібы сябе ты слухаеш знутры» [6, с. 144] (вершы «Бяда знянацку налучыла...», «Пад шоргат кропель дажджавых», «Усхапіўся агонь. Дым курыць...» і інш.). З'яўленне ў вершах фізічных, матэрыяльных ўвасобленых двойнікоў не азначае, аднак, з'яўлення ролевых герояў, нягледзячы на тое, што збліжэння арыгінала і яго копіі так і не адбываецца:

І ў гэтай будцы пад дажджом,
 У нейкай распачы вялікай,
 Сябе за даўнім рубяжом
 Ubачыў ён – і не паклікаў.

Не мог, а мо не захацеў.
 Не абазваўся нейкім знакам.
 А той у дзіўнай віднаце
 Ці то ўсміхаўся, ці то плакаў [6, с. 137–138].

(«Пад шоргат кропель дажджавых...»)

Зрэшты, і лёсы ролевых герояў дзякуючы згаданай вышэй здольнасці аўтапсіхалагічнага персанажа да эмпатыі («Умей сябе ўбачыць праз другога, // Смяяцца шчыра, плакаць без слязы» [6, с. 106]), да бясконцай спагады і спачування прымерваюцца ім на сваё жыццё, праўда, ужо з іншай мэтай – спазнання ўласнай душы. Такая стратэгія *masking* (пераапраананне) спрацоўвае, да прыкладу, у вершы «На аўтобуснай станцыі», дзе ўзнікае вобраз маргінала (у абыходкавым, будзённым сэнсе гэтага слова) з авоськай у руцэ, шнарам на твары і татуіроўкай «Не забуду матку родну» (тут, дарэчы, паўстае яшчэ адна скразная праблема лірыкі М. Стральцова – моц і лёсавызначальнасць слова, якое набывае значэнне таўра, але гэта тэма асобнай гаворкі). І нават з такім дзіўным выпадковым персанажам стральцоўскі герой знаходзіць кропкі судакранання, якія зводзяцца да агульнага болю, душэўнай неўладкаванасці і непрыкаянасці: «І стаіць. Блукаюць думкі, // Твар у ранніх змаршчаках. // Ну і я стаю. Ні сумкі, // Ні авоські у руках» [6, с. 46]. Гэтае таўро, якое пакінула жыццё, не дазваляе асобе быць саматоеснай, а таму «Магчымасць на волі вольна // Шчэ раз быць самім сабой» [6, с. 103] – заповітная мара і адначасова недазваляльная раскоша для стральцоўскага героя.

Спасціжэнне «я-сапраўднага» магчымае толькі пры ўмове пазбаўлення ад «шалупіння» дарослага жыцця, праз незаплямленую душу дзіцяці. Матывы бясконцага вяртання ў мінулае, у бесклапотныя часы маленства, імкнення ператварыцца ў сябе-хлапчука з наіўным сінім паглядам грунтоўна на стратэгіі *morphing* (трансфармацыі) і падпаракоўваюцца яшчэ адной мэце – «адчуць сябе абароненым» [1, с. 88] (вершы «Такая жоўтая вада...», «Хачу я з тым, з маленства хлапчуком...», «Два вершы» і інш.). М. Стральцоў тут дэманструе максімальную набліжанасць аўтара да свайго героя, інакш кажучы, той самы аўтабіяграфізм. Узгадаем адзін з лістоў паэта: «Я не такі ўжо капрызлівы і эгаіст. Толькі мне цяпер так хочацца, каб нехта, як малога, пагладзіў па галоўцы, каб першай парой я не баяўся за той ці іншы душэўны рух, каб адвучыўся трохі ад душэўнай зацятасці...» [5, с. 72]. Здавалася б, гэты тып двойніцтва павінен быць самым плённым для дасягнення жаданага, але катарсіс у М. Стральцова заўсёды надзвычай балючы. Спробы самапазнання праз успамін больш нагадваюць бясконцы працэс жорсткага катавання безабароннай душы:

Лёг, маленькі-маленькі,
 На шамоткім плашчы
 І падціснуў каленкі
 Перад мечам начы.

«Хто ты? Што ты?» – пытае,
 Ды адказу майго
 Не чакае, карае:
 «Хто ты? Што? Да чаго?»

Безадхланна, бясконца
 Ноч пытанні прадзе.
 О, хутчэй бы ўжо сонца
 Новы вывела дзень! [6, с. 47]

(«Летняй ноччу пад зорным небам»)

Аднак сонца не можа пазбавіць героя ад самага страшнага яго двойніка – Чорнага Чалавека, які працягвае пераследаваць яго днём. Гэта вобраз, пра які М. Стральцоў вельмі любіў разважаць у жыцці, але ў вершы ўвёў толькі аднойчы – у верлібр «Аднойчы ноччу...». Адзін з самых загадкавых, містычных і страшных твораў паэта ўяўляе сабой трызненне наяве, сустрэчу з падсвядомым. Чорны Чалавек адначасова нагадвае нябожчыка, д'ябла і зрынутага анёла і з'яўляецца персаніфікаваным увасабленнем экзістэнцыйнага жаху героя, выціснутым з падсвядомасці яго спараджэннем, з існаваннем якога арыгінал мірыцца не згодны, пазнаць адзін з бакоў сваёй душы ў гэтым неадчэпным ценю не жадае і таму зноў застаецца чужым самому сабе.

Такім чынам, дыхатамічнасць і супярэчлівасць натуры, яе экзістэнцыйная адзінота – якасці, што ўсведамляюцца лірычным героем М. Стральцова і інспіруюць яго спробы пераадолення свайго «ўскраіннага асяроддзя». Аднак ні эскапізм, ні спробы камунікацыі з чалавечым светам, ні разнастайныя стратэгіі ўз'яднання двойнікоў (travesty, masking, morphing) не становяцца эфектыўнымі, не пазбаўляюць асобу свайго маргінальнага статусу, што абумоўлівае скразны матыў самапазнання і агульную інтанацыю «нетутэйшай тугі», якая аб'ядноўвае ўсе тры зборнікі паэта ў адзінае мастацкае цэлае.

Літаратура

1. Запрудскі, І. «Міг нетутэйшае лагоды»: паэтычныя сны-неспадзевы Міхася Стральцова / І. Запрудскі // Маладосць. – 2012. – № 2. – С. 83–90.
2. Кемалова, Л.И. Маргинальная личность: социально-психологический портрет / Л.И. Кемалова // Вісник СевДТУ. – Севастополь : Вид-во СевНТУ, 2008. – Вип. 86 : Філософія : зб. наук. пр. – С. 94–97.
3. Асташонак, А. За мяжою звычайнага / А. Асташонак // Крыніца. – 1994. – № 9. – С. 19.
4. Кудравец, А. «Як лісцё на голлі аддрыжым»: 3 нагоды 75-годдзя Міхася Стральцова / А. Кудравец // Дзеяслоў. – 2012. – № 1. – С. 231–240.
5. Сямёнава, А. Бэзавы попел / А. Сямёнава // Крыніца. – 1994. – № 9. – С. 35–86.
6. Стральцоў, М.Л. Выбраныя творы / М.Л. Стральцоў ; уклад. і камент. М. Скоблы; прадм. А. Сідарэвіча. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 652 с.
7. Турбина, Л. Будто кто-то за его спиной / Л. Турбина // Першацвет. – 1990. – № 12. – С. 68–69.

Речевые акты воздействия на эмоциональную сферу партнера

Л.В. ВИТЧЕНКО

Рассматриваются особенности воздействия на эмоциональную сферу личности, при этом основным средством такого воздействия выступает директивный речевой акт. В работе также описываются виды эмоций, задействованных в подобных речевых действиях. Материалом практического исследования послужили диалогические фрагменты, отобранные из художественных произведений современных британских, итальянских и русских авторов.

Ключевые слова: директивный речевой акт, воздействие на эмоциональную сферу адресата, семантический тип глагола, виды эмоций.

The peculiarities of the impact made by the speaker on interlocutor's emotional sphere are described. Directive speech acts are regarded as the main means of such influence. The author also analyses types of emotions involved in such speech actions. Speech extracts for the research were taken from the texts written by contemporary British, Italian and Russian authors.

Keywords: directive speech act, impact on interlocutor's emotional sphere, semantic type of a verb, types of emotions.

Каждый участник коммуникации вступает в общение, преследуя свои цели и руководствуясь своими мотивами. Утверждая, спрашивая, обещая или побуждая к разного рода действиям, субъекты стремятся вызвать ответную реакцию партнера, модифицировать его поведение, оказать на него влияние. Иными словами, «сложный, многофункциональный механизм речевого воздействия работает в процессе любого акта вербальной коммуникации» [1, с. 52]. При этом наиболее очевидным (прямым и эксплицитным) способом воздействия на собеседника является использование директивного речевого акта (далее ДРА). С помощью подобного рода речевых действий говорящий осуществляет влияние на разные сферы адресата: поведенческую (*уходи, принеси, открой*, и др.), ментальную (*подумай, решай, поверь, представь* и др.), речевую (*скажи, помолчи, повтори, уточни* и др.). При этом особое место среди всех типов воздействия на адресата занимает влияние на эмоциональную сферу партнера.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей директивных речевых актов, посредством которых говорящий осуществляет воздействие на эмоциональную сферу собеседника (далее ЭДРА). Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) определить семантические типы глаголов (шире – предикатов), представленных в директивных речевых актах, посредством которых говорящий оказывает влияние на эмоциональную сферу адресата;
- 2) выявить виды эмоций, которые задействованы в подобных речевых действиях;
- 3) установить специфику функционирования директивов данного типа в обиходно-бытовых диалогах, извлеченных из англоязычных, италияязычных и русскоязычных текстов.

Материалом исследования послужили 600 диалогических фрагментов (в английском языке – 200, в итальянском языке – 194, в русском языке – 206 контекстов), отобранных из художественных произведений современных британских, итальянских и российских авторов.

Семантические характеристики глаголов/предикатов чувств и эмоциональных состояний уже не раз подвергались тщательному анализу (см., например, диссертационные исследования Ф.Т. Михасенко (1984), А.А. Зализняк (1985), Е.Ф. Жуковой (1993), Л.С. Коршуновой (2002), Н.А. Михеевой (2007) и др.). В настоящее время в лингвистической литературе представлен целый ряд классификаций глагольной лексики. Теоретическим базисом нашего исследования послужили: 1) таксономия глаголов, предложенная Л.М. Васильевым в работе «Семантика русского глагола» [2], и 2) работа Л.Г. Бабенко «Обозначение эмоций в языке и речи» [3].

Л.В. Васильев разделяет все глаголы психической деятельности на десять семантических классов, три из которых связаны с эмоциями и чувствами: глаголы эмоционального состояния, глаголы эмоционального переживания и глаголы эмоционального отношения [2, с. 75–108]. Л.Г. Бабенко включает в данный класс глагольной лексики слова с общей катего-

риально-лексической семой 'чувствовать, испытывать определенное эмоциональное состояние, направленное или ненаправленное на кого-, что-либо' и выделяет пять семантических подгрупп, обозначающих различные аспекты эмоционального состояния коммуниканта, затрагивающие его отношение к предмету речи или собеседнику и характеризующие типы эмоционального воздействия и разновидности внешнего проявления эмоций [подробнее см. 3, с. 25–26]. Для решения первой задачи нашего исследования было необходимо определить, какие из выделенных глагольных подгрупп представлены в ЭДРА.

По нашим наблюдениям, среди ЭДРА доминируют высказывания с глаголами **эмоционального состояния**, обладающие общей семой 'испытывать/чувствовать определенное эмоциональное состояние'¹. На их долю в английском языке приходится 80 %, в итальянском языке – 79 %, в русском языке – 80 %. Прочие разновидности ЭДРА существенно уступают по частотности эмоциональным директивным речевым актам, характеризующим эмоциональное состояние коммуниканта.

ЭДРА, в состав которых входят глаголы **становления эмоционального состояния** с общим значением 'прийти в определенное эмоциональное состояние', в английском языке составляют 10 %, в итальянском языке – 5 %, в русском языке – 4 % от общего числа контекстов в каждом из анализируемых языков.

ЭДРА, включающие глаголы **внешнего проявления эмоций** с семой 'вызывать во внешности, жесте эмоциональное состояние, отношение', характеризуются следующими количественными показателями: в английском языке – 6 %, в итальянском языке – 7 %, в русском языке – 8 %.

Распространенность ЭДРА, фиксирующих глаголы **эмоционального воздействия** со значением 'вызывать определенное эмоциональное состояние', составляет 3 %, 8 % и 6 % в англоязычном, италияязычном и русскоязычном корпусах соответственно.

Наименьшую употребительность, продемонстрировали ЭДРА, включающие императивы глаголов **эмоционального отношения** с общей семой 'чувствовать определенное эмоциональное отношение к кому-, чему-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо'. Анализ практического материала выявил лишь спорадические случаи функционирования директивов *наслаждайся* и *радуйся* в русскоязычном (2 %), *enjoy, be glad/pleased* в англоязычном (1 %) и *goditi, trova piacere* в италияязычном (1 %) корпусах.

Исследуемые ЭДРА различаются не только по семантическим характеристикам глагола, императивная форма которого выражает соответствующее побуждение, но и по диапазону представленных в них эмоций. Иными словами, для анализируемых ЭДРА характерно наличие определенных корреляций между семантическим типом глагола и типом эмоционального состояния, на которое пытается воздействовать (либо которое пытается каузировать) говорящий. В анализируемых ЭДРА манифестируется достаточно широкий круг эмоций, которые, на наш взгляд, удобно анализировать, опираясь на классификацию эмоций, разработанную Е.П. Ильиным. Выделенные исследователем эмоции можно представить в следующей таблице.

Таблица – 1 Виды эмоций

Ожидания и прогноза	Удовлетворения и радости	Виды эмоций		
		Фрустрационные	Коммуникативные	Интеллектуальные
волнение тревога страх отчаяние и др.	удовлетворение радость и др.	обида разочарование досада гнев исступление и др.	веселье смущение смятение стыд вина презрение и др.	удивление интерес чувство юмора эмоции догадки «чувство уверенности-неуверенности» и др.

Как показал наш анализ, максимально широкий круг эмоций задействован в ЭДРА с императивами глаголов, называющими эмоциональные состояния. В данной разновидности ЭДРА наблюдаются:

¹Толкования приводятся по названной работе Л.Г. Бабенко [3, с. 26].

- а) эмоции ожидания и прогноза;
- б) фрустрационные эмоции;
- в) коммуникативные эмоции.

Эмоции ожидания и прогноза, выявленные в исследуемом материале, представлены такими чувствами, как:

– **волнение, беспокойство и тревога**, ср.:

(1) – *I don't think I can afford four years of study.*

– **Don't you worry** about that just now. Really, Look how well Treena's managing (J. Moyes «Me Before You»);

(2) – *Amore, ma come hai fatto, è un regalo bellissimo! Ma è troppo. Chissà quanto ti è costata...*

– **Ma non ti preoccupare**, più che un creative mi sembri un contabile! Ma che ti frega! (F. Moccia. «Scusa ma ti chiamo amore»);

(3) **САША. Гуо. Ты что не понимаешь? Это настоящее оружие. Все же будут пьяные.**

ГИО. Ты не переживай. Я что, по-твоему, не понимаю? (Е. Гришковец «Сатисфакция»);

– **опасение, страх и боязнь**, ср.:

(4) – *Don't you panic now, Louisa. You hear me?* (J. Moyes «Me Before You»);

(5) **SANDRO. La prego, si calmi.**

RODOLFO. Non abbia paura. Mi lasci andare e le spiegherò com'è andata (R. Skerl «I refusi»);

(6) – **Юра, проснись... Там кто-то ходит, ты слышишь?**

– **Ты не бойся** только, – обняв ее за плечи, прошептал он ей в самое ухо. – **Не бойся, Женечка, милая, ничего страшного. Это скорее всего медведь, но он сюда не войдет** (А. Берсенева «Возраст третьей любви»).

В контекстах такого типа говорящий чаще всего призывает собеседника контролировать свое эмоциональное состояние и стремится заблокировать у него дальнейшее развитие любого негативного чувства.

В исследуемых ЭДРА из всего спектра **фрустрационных эмоций** зафиксированы чувства:

– **раздражения, возмущения, злости и гнева**, ср.:

(7) **JIM. Why should that surprise you? What are you insinuating?**

KERRY. Oh, don't get angry. Sorry, I just meant being on the road and all that (D. Muncaster «The Beginners Guide to Murdering Your Husband»);

(8) – **OK, siamo usciti ma non siamo usciti, così dobbiamo ancora fare la nostra uscita, ok? Meglio, no?**

– **Se lo dici tu...**

– **Dai, non ti arrabbiare** (F. Moccia «Scusa ma ti chiamo amore»);

(9) – **Ну, что ж, если тебя не убила русская мафия, вполне возможно, что убьет сербская, – улыбнулась в ответ англичанка.**

– **Ты на редкость доброжелательна.**

– **Не злись, – осекла его Люси. – Одному тебе действительно не справится** (П. Галицкий «Цена Шагала»);

– **обиды**², ср.:

(10) – **Ну что ты такое говоришь? Как скажешь иногда, хоть стой, хоть падай, – обиделась Надя. – Я просто хочу ей помочь.**

– **Ладно, Надюш, не обижайся** (М. Трауб «Бочка»);

– **грусти, уныния, печали и разочарования**, ср.:

(11) **FRANK. What's the point in leaving her if you don't want me?**

HELEN. Frank, don't get upset (D. Muncaster «Life Begins at Seventy»);

(12) **E non essere così pessimista! Ricordati che tutto si aggiusta** (V. di Piramo «Regalo di nozze»);

(13) – **Так несправедливо... Я же старался, и столько друзей. Неужели никто из них не... как несправедливо.**

– **Не расстраивайся, не надо** (Е. Гришковец «Дом»).

²В английском и итальянском языках побуждение такого вида чаще всего выражается с помощью конструкций типа *no offense* (англ.); *senza offesa/nessuna offesa* (итал.).

В большинстве случаев функционирование эмоциональных директивных речевых актов, эксплицирующих описанные выше эмоции, следует рассматривать как попытку говорящего успокоить партнера. Кроме того, довольно часто их употребление способствует предотвращению возможного конфликтного развития коммуникативного взаимодействия.

Задействованные в анализируемых ЭДРА **коммуникативные эмоции** представлены чувствами:

– **смущения**, см., например, следующий диалогический фрагмент из русскоязычного корпуса:

(14) – *Ну, давай помогу. – Юра протянул руку к сумке. – Давай, давай, не смущайся, – повторил он, заметив, что Оля даже отступила на шаг.* (А. Берсенева «Возраст третьей любви»);

– **вины**, см.:

(15) – *Папа ночью умер от инсульта, я во всем виновата!*

– *Что ты милая! Раньше времени не вини себя.* (В. Черкасов «Черный ящик»).

ЭДРА, включающие императивы глаголов становления эмоционального состояния, а также ЭДРА с императивами глаголов эмоционального воздействия, не только уступают проанализированной разновидности ЭДРА по употребительности, но и предполагают манифестацию существенно менее широкого круга эмоций: по сути, в этих разновидностях ДРА зафиксированы только фрустрационные эмоции.

Различия же между ЭДРА с императивами глаголов становления эмоционального состояния, с одной стороны, и ЭДРА с императивами глаголов эмоционального воздействия, с другой, состоит в такой их характеристике, как субъект переживаемого эмоционального состояния: в первой из названных разновидностей директивов говорящий осуществляет воздействие на эмоциональную сферу партнера, призывая его к более позитивному переживанию ситуации, ср.:

(16) *HELEN. What's the matter with you Frank? Lighten up! I've taken the afternoon off work to be with you, like you asked.*

FRANK. I'm very grateful (D. Muncaster «Life Begins at Seventy»);

(17) *E dai, papa, cerca di vedere positive* (V. di Piramo. «Natale al basilica»)³;

(18) – *Вот и хорошо. И мне спокойней. Да ты взбодрись, все будет хорошо. Переберемся на другой конец города, никакой Труня нас сто лет не найдет. А через год-другой и вовсе про нас забудет* (В. Мясников «Водка»),

в то время как во второй – призывает собеседника прекратить негативное воздействие на его (говорящего) собственную эмоциональную сферу:

(19) – *Don't make me nervous. I'm not great with scissors* (J. Moyes «Me Before You»);

(20) – *L'ho chiamato, le ho telefonato e quando posso ci andrò! Per piacere? Non mi stressare anche tu!* (R. Skerl. «Questi figli amatissimi»);

(21) – *Уходи, Сфинкс, не трепи мне нервы. Ты достаточно сказал, ничего не сказав* (М. Петросян «Дом, в котором...»).

Что же касается ЭДРА с императивами глаголов внешнего проявления эмоций, то их семантическое своеобразие (а именно совмещение в их значении эмоционального компонента значения с поведенческим) не позволяет зафиксировать качественную специфику манифестированных в них эмоций. Здесь скорее целесообразно говорить об тех особенностях поведения, которые отмечает говорящий, осуществляя воздействие на партнера, и дополнительных прагматических смыслах, которые имплицитно присутствуют в подобных контекстах.

Так, например, в русском языке побудительные формы типа *не смейся/хватит ржать/не ржи* обычно используются говорящим в том случае, когда он стремится преодолеть недоверие или ироничное отношение собеседника, заверить своего партнера в серьезности и важности того, что сообщает:

(22) *ИГОРЬ. И ты мне еще не хочешь денег давать.*

МИХАИЛ. Мое желание тут не при чем. Я о тебе забочусь! Не смейся! Я не издеваюсь! (Е. Гришковец «Дом»).

³ Следует, однако, отметить, что в итальянском языке в подобного рода контекстах в функции приободрения чаще всего выступают не директивы (выраженные императивами), а междометные и именные конструкции типа *dai, sù; coraggio; forza; su col morale/con la vita* и др.

С помощью ЭДРА, включающих императивы *не реви/не ной/не плачь*, говорящий чаще всего либо выражает неодобрительное отношение к проявляемой собеседником слабости, либо хочет успокоить собеседника:

(23) *СОНЕЧКА. Ну нет, нет у меня гордости. Я про гордость и не думала даже. Хорошо тебе говорить! А что? Что мне было делать?*

ВИТЯ. Да не плачь ты, слушай... (Л. Улицкая «Мой внук Вениамин»).

(Отметим, что в англо- и италоязычном корпусе аналоги императивов *не плачь/не смейся* не обнаружены, что не дает нам – в силу неизбежной ограниченности выборки – утверждать, что они в принципе не употребляются в данных коммуникативных культурах, но позволяет предположить, что они обладают в них крайне низкой употребительностью).

Кроме того, говорящий может пытаться повлиять на поведение собеседника, если оно представляется ему слишком агрессивным и экзальтированным (например, *не скандаль, прекрати истерику, не устраивай сцен*) или инфантильным (*не веди себя как ребенок, не капризничай*), ср.:

(24) – *Немедленно прекрати истерику, или я...*

– *Что – ты? Ну что – ты?* (Т. Тронина «Никогда не говори «навсегда»).

Таким образом, в процессе межличностного общения главным средством воздействия на эмоциональную сферу коммуниканта являются ЭДРА, включающие императивы глаголов эмоционального состояния: в русскоязычном корпусе их функционирование составляет 80 % от общего количества русскоязычных контекстов, в англоязычном – 80 %, в италоязычном – 79 %. Подобный результат можно объяснить тем, что в ходе развития диалогического взаимодействия говорящий чаще всего стремится оказать эмоциональное влияние на партнера тогда, когда последний уже пребывает в определенном эмоциональном состоянии. Остальные подгруппы ЭДРА занимают второстепенное положение в контекстах эмоционального воздействия на партнера. Доминирующим типом эмоций в ЭДРА исследуемых типов являются фрустрационные эмоции, представленные в трех разновидностях ДРА, а именно директивах, включающих императивы глаголов а) эмоционального состояния, б) становления эмоционального состояния, в) эмоционального воздействия. Эмоции ожидания и прогноза и коммуникативные эмоции представлены только в ЭДРА с глаголами, характеризующими эмоциональное состояние, а интеллектуальные виды эмоций, а также эмоции, связанные с чувством удовлетворения и радости, оказываются не задействованными в ДРА эмоционального типа. При этом исследуемые ЭДРА способны выражать целый ряд прагматических смыслов: успокоить, утешить, развеять страхи, дать (негативную) оценку эмоциональному поведению партнера, предупредить возникновение негативного эмоционального состояния и под. Общие тенденции использования различных типов эмоциональных глаголов в трех анализируемых языках совпадают. Некоторые различия отмечаются лишь в способе реализации побуждения (в ряде случаев побудительным конструкциям, выраженным в русском языке императивными формами глаголов, соответствуют междометные и именные конструкции в английском и итальянском языках).

Литература

1. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
2. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации / Л.М. Васильев. – М. : Высш. школа, 1981. – 184 с.
3. Бабенко, Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи / Л.Г. Бабенко. – Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск : УрГУ, 1986. – 98, [1]с.
4. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.

Особенности моделирования диалога автора с читателем в прозе А. Платонова (на примере рассказа «В прекрасном и яростном мире»)

Н.П. КАПШАЙ, Е.А. КАЗАКОВА

Раскрыты механизмы конструирования модели отношений между автором и читателем, основу которой составляет полисемия слова-концепта, позволяющая выстроить многоадресный диалог с читателем разного уровня подготовки и понимания.

Ключевые слова: художественная коммуникация, автор, читатель, концепты, полисемия, диалог, модель.

The article deals with the mechanisms of model constructing of the relationship between the author and the reader, which is based on polysemy of the word-concept, which allows building a multicast dialogue with readers of different levels of training and understanding.

Keywords: artistic communication, author, reader, concepts, polysemy, dialogue, model.

Проза А.П. Платонова создавалась в условиях социальной несвободы. Писатель после неопубликованных «Котлована», «Чевенгура», «Ювенильного моря» был поставлен в ситуацию выживания, во многом определившую особенность его стиля. В творчестве 30–50-х гг. упрощается творческая манера прозаика, приоритет отдается жанру рассказа, в полной мере используется возможность публикации в детских изданиях. Рассказ «В прекрасном и яростном мире» сначала под заглавием «Воображаемый свет», затем «Александр Мальцев» напечатан в журнале «Детское чтение» в 1941 г.

Соответственно нашей гипотезе, рассказ, адресованный юному читателю, но принадлежащий перу писателя-философа, рассчитан на понимание более широкой читательской аудитории. Цель данной статьи – на основе исследования семантики ключевых слов-образов раскрыть особенности художественной коммуникации и специфику моделирования диалога автора с читателем, отличающимся разной степенью культурной компетентности.

Перспектива многоадресной направленности произведения заложена уже в заглавии рассказа, в окончательном и полном варианте оформившемся как «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев». Автор открыто ориентируется на детскую и юношескую публику и скрыто на более просвещенного взрослого читателя. Первая категория читателя в меньшей степени, чем вторая, способна проникнуть в глубинные смыслы произведения. Подзаголовок «Машинист Мальцев» мог появиться как упрощающий понимание вариант, корректирующий восприятие юного читателя.

Условно, по принципу компетентности мы выделяем массового, юного и высококвалифицированного читателя. К разряду последнего отнесем «инакомыслящего» читателя. Его рецепция обусловлена условиями репрессивных 30-х гг., он предрасположен к критическому осмыслению исторической действительности, склонен к объективной оценке происходящего и не избегает запретных во «взрослой» литературе тем. Текст, сохраняя инвариантность смысла, по-разному прочитывается разными читателями. Юный читатель, доверчивый и неопытный, в процессе актуализации содержания на основе ключевых концептов воссоздает картину интенсивного развития страны, проникается оптимистическим пафосом произведения и времени, в которое на энтузиазме народа строится социализм. «Инакомыслящий» читатель реконструирует смыслы, не содержащиеся в поверхностном слое текста и фабуле повествования, проникает в глубины несказанного.

Семантика заголовка «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев» дает ключ к проникновению в коды авторского языка. Два предложения, составляющие заголовок, указывают на наличие двух смысловых центров. Первый смысловой центр разворачивается на основе слова-образа *мир*, второй – *машинист*. *Мир* – это универсальное понятие, концепт, образ-топос. Значения топоса *мир* сформировались давно, узнаваемы, информативны и активны в сознании читателя. Мир воспринимается читателем в устоявшихся представлениях, содержащихся в субтопосах *мир природы*, *социум*, *внутренний мир*.

Природное пространство можно разграничить на ближнее, в котором проложен железнодорожный путь, и небесное, космическое. В окружающей природе даже «воробей привлекал внимание Мальцева». Дальнее пространство – это сфера действия природных стихий. В понимании образов *солнце, ветер, молния, гроза* важна архетипическая и символическая составляющая. Мифопоэтика отображает архаическое представление о властвующей, карающей силе природы.

Социальный мир имеет четкие исторические координаты. Словоряд *паровоз, тяжелый состав, первоклассный механик* – знаковый в изображении эпохи индустриализации, прогрессивного развития советской страны. Особое место в описании эпохи отведено научному дискурсу, характеризующему технический прогресс и включающему специальную лексику: *установка Тесла, реверс, турбодинамо, крейцкопф*. Функцию маркеров социальных ролей и знаковых фигур истории, за которыми стоит фактография времени, выполняют слова *машинист первого класса, помощник, следователь, судья*.

Еще одна значимая составляющая огромного мирового пространства – это внутренний мир человека, раскрывающийся через описание сознания, интеллекта, духовности, душевности и человечности персонажей.

Все стороны огромного и единого мира автономны и взаимодействуют, составляют оппозицию и преподносятся в единстве авторской концепции. Принцип антитетичности порождает те новые смыслы, что позволяют художнику выказать свое особое слово о прекрасном и яростном мире текущей реальности.

Значимо то, что в заглавии «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев» образ мира изначально охарактеризован как прекрасный и яростный и в этом заключается авторская интенция в программировании читательской рецепции. Прилагательные *прекрасный и яростный* имеют широкое словарное толкование, фиксирующее общеязыковой опыт. Словарь С.И. Ожегова дает следующие значения слов. Прекрасный. – Очень красивый. 2. Очень хороший. 3. То, что воплощает красоту, соответствует ее идеалу [1, с. 517]. Яростный. – Полный ярости, гнева. 2. Ничем не сдерживаемый, неукротимый [1, с. 814].

Но ассоциативная память высококвалифицированного читателя включает эпитеты *прекрасный и яростный* в широкое культурное поле, в котором важнейшее место занимает поэзия, где слово-образ имеет бесконечный код толкования (М. Гаспаров). Поэтизмы, обладая богатой образностью и повышенной ассоциативностью, создают оксюморонный, амбивалентный образ. Одно из его подтекстовых смыслов касается категории прекрасного, несущей емкую культурную семантику. Приведем только один пример: культ прекрасного в декадансе распространился даже на зоны таких наслаждений, как забвение в опиумном опьянении и т. п.

«Горизонт ожидания» читателя, формируемый заглавием, таким образом дает установку на реконструкцию смысла семантически разветвленной структуры слова-образа. Надо отметить, что отношение к слову как носителю богатой культурной информации органично для прозаика, поэта и публициста А.А. Платонова. Оно могло вырасти из опытов автора поэтического сборника «Голубая глубина», чувства великой любви к слову. Платонов писал: «Единственная слава, единственная и истинная честь для всякого большого художника заключается в том, чтобы завещанное им слово не убывало, не утрачивалось в своей глубине, а возрастало, умноженное на понимание миллионов читателей» [2, с. 111].

Семантическая многовариантность смысловых доминант, выраженных эпитетами *прекрасный и яростный*, создает представление об особенностях стиля писателя, органичных для его поэтики. Для автора рассказа «В прекрасном и яростном мире» слово не только фактоцентрично, но и логоцентрично. Он рассчитывает на вызываемое словесной образностью множество ассоциаций, которые позволят читателю воссоздать скрытые пласты текста. В них имплицитно присутствует собственно авторское отношение к миру. Согласно логике стиля читатель ждет активизации широкого диапазона сем других слов-образов, что подтверждает дальнейший разбор текста.

Второй смысловой центр заглавия обозначен намеренно кратко: «Машинист Мальцев». По поэтическим законам смысл этого образа многомерно прочитывается в сцеплении всех структурных компонентов текста, раскрываемых в глубоком проникновении в структурное целое произведения.

Отношение к слову, работа со словом обуславливает дифференцированное восприятие, отличающее разных по эрудиции читателей. Слово-концепт несет информацию общезначимого культурно-нравственного плана, доступную пониманию массового читателя. Новые подтекстовые смыслы, возникающие во взаимодействии слов-образов и художественных приемов, способен обнаружить не всякий читатель. Подтекст скрывает смысловые пласты разной сложности декодирования.

В структуре заглавного комплекса заложена и начинает действовать избранная автором стратегия художественной коммуникации. В семантике эпитетов, как в структурном «гене», отображается способ познания текущей действительности и концептуализации собственно авторской мысли: познание идет на разных уровнях и в разных смысловых плоскостях и сводится к единой концепции. В декодировании смысла слова-образа формируется определенный «диалогический угол» (М. Бахтин), под которым происходит общение автора с разным читателем. Массовый и юный читатель готов к диалогическому разговору, так как опорные представления созданы базисными концептами. Но одновременно в глубинах текста формируются скрытое содержание, что подразумевает участие в декодировании смысла читателя высокого уровня компетенции. Многомерность подтекста обуславливает многовариантность прочтения произведения и преднамеренно рассчитана на многоадресного читателя.

Избранная автором стратегия художественной коммуникации распространяется на весь текст. Семантическая структура слова-образа *паровоз* подтверждает это. Паровоз в сознании массового читателя ассоциируется с символом прогресса, воспринимается как символ динамичного общечеловеческого движения вперед. Платонов, отталкиваясь от стереотипов мышления, достоверно воссоздает эпохальную картину ускоренной индустриализации. Появление новой марки скоростных поездов ИС свидетельствует об успешном развитии техники и науки в советском государстве. Отношение персонажей к машине демонстрирует изменения в сознании народа: для Мальцева и Кости в механизме машины уже нет тайны. Сложившееся стереотипное представление о паровозе как о непостижимом «чуде» «расщепляется» технически точным описанием устройства машины.

Но у Платонова символу революционного прогресса паровозу сообщено и новое содержание, позволившее выразить собственно авторскую рефлексию на историческое время. В сюжете о «первоклассном механике» Мальцеве машина предстает как зона повышенной опасности. Скоростной поезд становится местом испытания техники, человека, общества. В кульминационном событии на паровоз обрушиваются природные стихии. Сила ветра, грома, молнии способна поразить машину, остановить ее ход, погубить людей. Метафорическая структура актуализирует мифологическую семантику. Совсем не в духе атеистического времени стихиям возвращается древний смысл, они выступают как «враждебные роковые силы» природы.

Многозначна следующая интенция автора: стихия действует избирательно. Обходя других, она прицельно попадает в высококлассного машиниста Александра Васильевича Мальцева: был «тайный, неуловимый расчет этих сил – в том, что губили именно Мальцева» [3, с. 187]. Существует некая тайна, которая даже на уровне причинно-следственных связей трудно постигаема и объясняется на разных уровнях понимания.

На уровне причинно-следственных отношений посылом для действия карающей силы природы являются недостатки мастера. Они прямо названы: «относился отчужденно» и был «постоянно равнодушен» к людям. Концепты *равнодушие*, *безразличие* имеют однозначно негативный смысл. Они эксплицированы, и юный читатель справедливо находит причину конфликта в нравственной глухоте Мальцева.

Примечательно, что автор даже в установлении контакта с юным читателем не приукрашивает и не упрощает ситуацию. Последнему предлагается в процессе конституирования смысла проделать серьезную аналитическую работу в понимании амбивалентного образа заглавного персонажа. В личности Мальцева недостаткам противопоставлен исключительный профессионализм: только Александр Васильевич умеет «сократить опоздание поезда», идти в нужном режиме, «нагнать время». На основе таких качеств, как высокий профессионализм, самоуверенность, чувство превосходства перед другими, эгоцентризм, создается, фактически, настоящий культ личности Мальцева.

Этому во многом способствует и форма повествования, доверенного юноше, помощнику машиниста Косте: «Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним [3, с. 178]. Юношеский максимализм и романтизм естественно преувеличивают роль Мальцева. Возрастная идентификация юного читателя с Костей придает истории большую правдивость. Отзывчивость, вера в идеалы, чувство взаимопомощи – нравственные нормы, не только соответствующие духу эпохи и пропагандируемые советской идеологией, но и типичные для поры юности.

Однако в понимании образа Мальцева есть стороны, выходящие за рамки причинно-следственного истолкования. Определяющую роль в характеристике героя играют образы-концепты *воображение, слепота, скука*. В них закодированы смыслы, лежащие в глубинах культуры и истории. Акцентуализация через приём повтора концепта *воображение* возводит машиниста в ранг творческой личности. Культ воображения, выдвинутый романтиками, сыграл прогрессивную роль в общечеловеческом познании потаенных сторон мира. Надо принять во внимание и то, что первоначально рассказ имел название «Воображаемый свет».

В сюжетном развитии рассказа «В прекрасном и яростном мире» в эпизоде внезапно наступившей и незамеченной машинистом слепоты в семантике слова-образа *воображение* возникает отрицательная коннотация: состав скоростного поезда ведется рискованно и вслепую, воображаемое принимается за реальность, со всей вероятностью может произойти катастрофа. Симптоматично то, что механик, ощущающий перебои в работе двигателя и механизмов, больше доверяет воображению и не замечает, что машину «забрасывает», а скорость доходит то «до ста с лишним километров», то снижается до сорока. В сближении и сочетании концептов *воображение и слепота*, фактически, воображение приравнивается к слепоте.

Концепт *слепота* также раскрывается в разных смысловых планах: физическом, духовном, этическом, мировоззренческом. Мотив слепоты разворачивается широко и охватывает несколько образов: Мальцева, Кости, судей и следственный комитет. Неоднократно в тексте противопоставлена физическая и духовная слепота человека. Слепой случай решает судьбу человека.

Извлеченная из глубинного подтекста в процессе декодирования семантики слова-образа информация, акцентируя отрицательное, еще более усложняет образ Мальцева. Благодаря подтексту меняется представление о персонаже. Он вырисовывается противоречивой личностью: одиночкой, вынужденной жить в коллективе, недюжинной личностью, которая может искусно вести машину и может обмануться, погубив людей.

Читатель, углубившийся в полисемию слова-образа, обнаруживает мощное подтекстовое пространство. Для «инакомыслящего» читателя «главное» разъясняющее содержание происходящего оказывается упрятанным в подтекст, открывающий неожиданные смыслы в соотношении художественных и исторических реалий. Ключевая деталь рассказа *машина серии ИС* взята из исторической действительности: 4 октября 1932 г. выпущена серии паровозов, названных рабочими ИС (Иосиф Сталин). В 1937 г. они были представлены на Всемирной выставке в Париже, где получила гран-при, обойдя при этом польский паровоз, считающийся в то время лучшим.

Конструирование смысла образа заглавного персонажа позволяет сделать наблюдение о том, что «главное» разъясняющее содержание упрятано в подтекст. Глубину и смысловую емкость произведения полно может расшифровать только квалифицированный читатель. Сильный импульс в реконструкции подтекста – намёк на явное сходство художественного персонажа и исторической личности. Аналогия между первоклассным машинистом и лидером советского государства очевидна. Они, единственные, умеют искусно управлять локомотивом истории, ведут состав через испытания вперед, пробиваясь сквозь противодействие враждебных сил и преодолевая крутые повороты пути.

Автор умело управляет читательской рефлексией: в последней композиционной части произведения интенционально вводится концепт *прозрение*, выделенный многократным повтором слова. Событие прозрения происходит дважды: после ослепления молнией и экспертизы следственного комитета. На малом пространстве рассказа события тесно взаимодей-

вуют. Вследствие «дистанционных переключек эпизодов» [4, с. 56] второй из них вызывает много вопросов у читателя: почему следователи решились на рискованный эксперимент? почему понадобилось проводить эксперимент в темноте? Двойное ослепление Мальцева – природой и следственным экспериментом – приводит к мысли о жестокости и природной и социальной «губительной» силы.

Вопрошающий стиль также побуждает углубиться в подтекст. Работа следственного комитета, подвергнутого Мальцева второй раз ослеплению, вследствие реконструкции подтекста освещается с новой точки зрения. Лексические маркеры *следователь, суд, прокурор, тюрьма, следственный эксперимент* точно указывают на хорошо слаженную судебную систему, сознательно или помимо воли автора актуализирующие суровые реалии репрессивных 30–40-х гг. Работа следователей, доказательство виновности и невиновности, через которые проходит Мальцев, типичны для государственной системы и узнаваемы «инакомыслящим» читателем. Судьи нравственно и фактически слепы в расследовании дела Мальцева. Собственная слепота компенсируется экспертизой «на установке Тесла для получения искусственной молнии». Достаточно одной аллюзии (следственная экспертиза/эксперимент проводится в *темноте*), чтобы ожила в сознании просвещенного читателя жесткая система следственных дознаний. Биографический контекст (потеря самим Андреем Платоновичем Платоновым сына) только подтверждает предсказуемость читательской рефлексии.

Прозрение, физическое и духовное, – завершающий эпизод в развитии сюжета, главный результат пройденного пути. Писателем найдена итожащая формула, выведенная юношей: «...ты видишь теперь весь свет» [3, с. 189]. Смысл метафорически выраженной мысли выходит далеко за границы текста. В ней прочитывается идея произведения и потаенная мысль автора, вытекающие из анализа: всем необходимо духовное и мировоззренческое прозрение, чтобы жить в прекрасном и яростном мире современности. Прозрение наступает в единении сильной личности с другими людьми. Подтекст напрямую соотносит авторскую мысль с реальной действительностью сталинской эпохи.

Таким образом, произведение, относящееся к детской литературе, явно подразумевает многоадресную аудиторию. Двойное дно, многомерность подтекста во многом скрыты от юного читателя, массового читателя и даже цензуры, но открываются квалифицированному читателю, единомышленнику автора, способному в сотворческом процессе понять тайный смысл не сказанного открыто, но выраженного словом. Полисемия художественного слова – одно из главных средств в конструкции Платоновым модели диалога с многоадресным читателем.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1983. – 816 с.
2. Платонов, А. Размышления читателя: Лит.-крит. статьи и рецензии / А. Платонов. – М. : Современник, 1980. – 287 с.
3. Платонов, А.П. Избранные произведения : в 2-х т. / А.П. Платонов. – М. : Худ лит., 1978. – Т. 2. Рассказы (1934–1950). – 198 с.
4. Кубасов, А.В. Рассказы Чехова: поэтика жанра: учебное пособие / А.В. Кубасов. – Свердловск : Свердл. гос. пед. ин-т, 1990. – 71 с.

О переносе событийного содержания высказывания из предметной в непередметную область

А.А. КИРЮШКИНА

Анализируются высказывания, специфической чертой которых является наличие предикативного комплекса с переносным значением. Предикативный комплекс (ядро ситуации) как эмоционально-оценочный компонент обозначает несуществующую в момент речи, отсутствующую или не соответствующую реальности ситуацию, которая представлена в тексте. Такое обозначение ситуации оказывается нереферентным в момент речи к реальной действительности в силу переносного значения предикативного комплекса, которое переводит высказывание в область выражения отношения. Экстралингвистическая ситуация «исчезает», и появляется речевая ситуация.

Ключевые слова: языковая и речевая событийная номинация, эмоционально-оценочный компонент, перенос значения.

Specific statements, the characteristic feature of which is the presence of a predicative complex with a figurative meaning are analyzed. The predicative complex (the core of the situation) as an emotionally-evaluative component denotes a situation that does not exist at the moment of speaking, a situation that is absent or does not correspond to the reality, which is presented in the text. Such a presentation of the situation is non-referential to the reality at the moment of speaking due to the figurative meaning of the predicative complex, which makes the statement belong to the domain of the expression of the relation. The extralinguistic situation «disappears», and a speech situation appears.

Keywords: language and speech event nomination, emotionally-evaluative component, transfer of meaning.

В современном языкознании номинативная функция присуща не только отдельной лексеме, но и предложению. Распространяя акт номинации на предложение, под его денотатом лингвисты понимают образ не отдельного предмета, а целой ситуации [1, с. 365], [2, с. 9]. В отличие от номинативной природы слова ее называют событийной [3, с. 248]: языковая событийная номинация базируется на «семантической основе номинации предложения» [4, с. 51]. Высказывание как «информативная единица коммуникации» [5, с. 127] основывается на конкретной ситуации. Поэтому следует различать языковую и речевую событийную номинацию: языковая номинация реализуется семантической моделью предложения и используется как основа для речевой.

Содержательной основой любого высказывания является интерпретация экстралингвистической действительности говорящим, который использует языковые элементы, находящиеся в определённых семантико-грамматических отношениях и связях друг с другом: их соотносённость с предметным миром реализуется через референциальную функцию. Сущность референции высказывания состоит в возможности его как лингвистического знака соотноситься с конкретной речевой/экстралингвистической ситуацией.

Высказывание, объективно отражающее действительность, осуществляет референцию к «конкретной экстралингвистической ситуации» [3, с. 260], которая представляет предметы и явления в их взаимных связях и опосредованиях. Например, *Elle se recoucha, referma les yeux et redevint immobile*. Лексико-семантическое построение высказывания соответствует нормам языка: предикативный комплекс лежит в основе репрезентации экстралингвистической ситуации. Ср. «le noeud verbal, que l'on trouve au centre de la plupart de nos langues européennes (...) exprime tout un petit drame le plus souvent des acteurs et des circonstances [6, p. 102].

В силу субъективного фактора высказывание может иметь различные сдвиги в плане своего обозначения [7, с. 121]. Так, обусловить семантический сдвиг, трансформирующий номинативную структуру высказывания, может наличие эмоционально-оценочного компонента. При этом утрачивается референция к событийности реальной ситуации. Так, вышеприведенное высказывание обозначает ситуацию смены конкретных действий «вновь легла, вновь закрыла глаза, вновь застыла в неподвижности»). Однако добавление в высказывание эмоционально-оценочного компонента *Elle se recoucha, referma les yeux et redevint un mannequin de*

plaisir et de stupidité [Н, р. 162] делает последнее нерелевантным по отношению к обозначению простой смены физических действий: на самом деле ситуация представлена «глазами» тучного зрелого человека, которому пребывание на морском курорте в тягость (*Philippe s'abandonnait à une torpeur animale qui, peu à peu, tournait à l'écaurement*). Он страдает от скуки и безделья (... *cette vie était accablante de monotonie et d'ennui*), после дня, проведенного на солнце, он плохо спит. Жене же доставляет наслаждение часами неподвижно лежать под палящим солнцем (*Carole, presque nue, cuisait, immobile, sur un étroit matelas recouvert d'une serviette éponge blanche... Elle paraissait heureuse de ses vacances*). Реальное положение дел заключается в раздражении и непонимании удовольствия от неподвижного лежания. У говорящего такое времяпрепровождение вызывает весьма негативное отношение: Кароль, живое существо, представляет собой по мнению мужа одновременно *plaisir* (ее видение процесса принятия солнечных ванн) и *stupidité* (восприятие процесса загорания мужем), т. е. имеет место «la représentation d'une idée abstraite et générale sous la forme, le plus souvent, d'un être animé qu'on pare des traits qui caractérisent l'idée en question» [8, р. 68]. Подобная «конкретизация» абстрактного понятия делает его как бы «осоздаваемым» и оттого более ярким, что и является целью говорящего. При этом наличие эмотивно-оценочного компонента, выраженного к тому же переносным значением существительного (*un mannequin* реализует не свое первичное значение *figure à membres articulés, à l'usage des peintres, des sculpteurs* [9, р. 608], на уровне структуры *un mannequin de plaisir et de stupidité* имеет место явное перераспределение сем компонентов) указывает на перенос референции событийной линии ситуации в область оценочного отношения говорящего. Переход событийности в нерелевантную область – «область неперечетной референции» [10, с. 19] – это смещение направленности референции высказывания к аутореференции (с реальной действительности на говорящего субъекта).

В высказывании *Elle ne reconnaît pas tout de suite la silhouette qui monte avec lenteur les marches du commissariat. Par contre, dès que le vieil homme entre, tourne son visage vers le sien, la salue, un feu d'artifice de souvenirs lui explose à la figure* [В, р. 812], речь также не идет о ситуации взрыва фейерверка. Предикативный комплекс *explose à la figure* не обозначает «взорваться в лицо». Речь идет о восприятии говорящим мимики, отражающей внезапное узнавание. Говорящему выражение лица, отражающее душевное состояние радости и оживления от неожиданной встречи с давно уволившимся сотрудником, чье появление вызвало множество воспоминаний, видится как яркое свечение пиротехнических ракет, сопутствующее праздничным, радостным событиям (*feu d'artifice – suite organisée de tirs d'artifices à effets lumineux et sonores, pour une fête en plein air* [9, р. 326]). Переносное значение предикативного комплекса *explose à la figure* передает оценку говорящим способа проявления и интенсивности положительного отношения. В отличие от предикативного комплекса с эмотивно-оценочной лексикой (*se réjouir, jubiler, éprouver de la joie, ressentir de la joie*) используемый предикативный комплекс с нейтральной лексикой оказывается более изобразительным и наглядным. Картина «фейерверк воспоминаний» впечатляет намного сильнее, чем «нахлынувшие воспоминания».

Специфической чертой анализируемых высказываний является, прежде всего, наличие предикативного комплекса с переносным значением. Предикативный комплекс (ядро ситуации) как эмотивно-оценочный компонент обозначает несуществующую в момент речи, отсутствующую или не соответствующую реальности ситуацию, которая представлена в тексте. Такое обозначение ситуации оказывается нерелевантным в момент речи к реальной действительности в силу переносного значения предикативного комплекса, которое переводит высказывание в нерелевантную область – выражение отношения. При смещении референции с обозначения реального положения дел высказывание становится референтным к говорящему субъекту, т. е. аутореференциальным. Экстралингвистическая ситуация «исчезает» и появляется речевая ситуация.

Аутореференциальное высказывание передает отношение, оценку говорящего, значимость которых эффективна только в момент речи.

В высказывании *Christmas approchait. Une fièvre de plaisirs agitaît à l'avance mes compagnes* [Т, р. 20]/186, с. 20/ речь идет не о физическом самочувствии девушек, не о констатации того, что их бьет лихорадка. В действительности говорящий оценивает состояние ожидания его друзьями череды балов, приемов, вечеринок, организуемых для молодежи накануне Рож-

дества. Данное душевное состояние воспринимается и оценивается говорящим весьма субъективно, он не разделяет и даже в некоторой мере осуждает чрезмерное волнение своих друзей, сравнивая их возбуждение с лихорадкой (*fièvre – élévation pathologique de la température centrale du corps des animaux supérieurs et de l'homme ... ensemble des troubles qui accompagnent cet état (sudation, accélération du pouls et de la respiration, sensation de chaleur et de malaise* [9, p. 413]) – учащение пульса и дыхания, ощущение жара и прочие отклонения от нормы (*pathologique, troubles, malaise*).

Эмотивно-оценочный компонент *Une fièvre de plaisirs* изменяет семантическую структуру высказывания, и оно становится неспособным осуществлять референцию к фактической ситуации и передает негативное отношение говорящего: недовольство чрезмерным возбуждением, охватившем его друзей накануне праздника, нездоровым ажиотажем, предшествующим Рождеству.

Основу оценочного отношения составляют этико-эстетические параметры, представления говорящего о хорошем и плохом; иными словами, его оценочно-дифференцированное отношение к реальной действительности [11, p. 63].

В высказывании *Si Philippe, loin de moi, pouvait découvrir que j'étais le sel de sa vie* [М., p. 199] жена мечтает о том, чтобы вдали от нее муж смог осознать, что именно она была «солью его жизни».

По мнению Г. Гийома, наличие имени в предикативе при утверждении (приписывании, выделении) признака в связочных предложениях предполагает сравнение как проецирование образа, который сравнивается (подлежащее), на образ, с которым сравнивают. Первый образ (*image comparée*) как бы накладывается на второй (*image comparante*), служащий ему фоном/основой/сущностью (*servant de fond*). При сравнении объемы образов (подлежащего и предикатива) могут оказаться неравными или равными, что проявляется в двух типах отношений – определить (*définir*) и уравнивать (*égaler*): *un/une* перед предикативом передает неравенство как отношение определить, *le/la* – равенство как отношение уравнивать [12].

В данном случае сравнение, естественно, предполагает условное равенство, в отличие от идентификации, при которой «субъект и предикат выражают понятия равного объема и могут меняться местами без ущерба для смысла» [13, с. 89].

Равенство в анализируемом высказывании передается как «моральное впечатление» (*une impression morale*), выходящее за пределы понимания обобщенности семантики имени.

При этом следует отметить возможность квалифицировать модель *le sel de sa vie* как символ, в случае, когда на первый план выходят ассоциируемые с именем соль энциклопедические знания. Подтверждением тому является и обычай встречать дорогих гостей хлебом-солью и пословицы «Без соли, без хлеба худая беседа», «Без соли стол кривой», «Без хлеба несытно, без соли несладко», «За хлебом-солью всякая шутка хороша», «Соли нету, так и слова нету». Можно предположить, что жена считает себя «солью жизни мужа», т. е. символом, придающим смысл его жизни. Эмотивно-оценочный компонент *le sel de sa vie* передает личностное мнение говорящего (в данном случае говорящей) о ее оценке той роли, что она играет в жизни партнера.

В качестве примера для отношения определить (*égaler*) можно привести следующее высказывание *La gorge serrée par l'émotion, Madame Euterpe considérait cet homme, qu'elle avait soupçonnait d'être un criminel et qui était un poète de la famille* [Т., p. 112].

Модель *un poète de la famille* в связочном высказывании типа «Человек – поэт семьи» может быть квалифицирована как свободное словосочетание, а само высказывание как объективно отражающее экстралингвистическую ситуацию. Однако в особом семантическом контексте высказывания возникает сдвиг в плане обозначения, изменяющий номинативную структуру высказывания.

Поэтом (*Poète – écrivain qui pratique la poésie* [9, p. 778], в свою очередь *poésie – art d'évoquer et de suggérer les sensations, les émotions, les idées par un emploi particulier de la langue qui joue sur les sonorités, les rythmes, les images* [9, p. 778] говорящий, роль которого исполняет мадам Ётерп, называет человека совершенно одинокого, знающего о своей скорой кончине, обеспокоенного тем, что некому будет убрать его катафалк должным образом. Чтобы избежать пугающей его ситуации и отправиться в последний путь окруженному соболезнованиями несуществующих родных, он заранее скупает венки с траурными лентами, подписанными от имен всевозможных вымышленных родных.

Мадам Ётерп дает свое восприятие ситуации. Она как бы видит в человеке, которого считала преступником, поэта, воспевающего семью как родство душ (*famille – ensemble des individus, vivants ou morts, qui sont liés par un lien de parenté* [9, p. 495]), утверждающего культ, важность для него семьи. Иными словами, имеет место перенос событийного содержания описываемой ситуации в область субъективного впечатления/ восприятия/ оценки действий этого человека госпожой Ётерп.

Сложившиеся к моменту речи ситуативные условия экстралингвистического характера задают особую мыслительно-психологическую установку говорящему субъекту, что и предопределяет целевое использование его высказывания: выразить свое исключительно позитивное или негативное отношение к действиям, свойствам, качествам другого человека (второго, третьего, третьих лиц). При этом выбор ассоциативных признаков, равно как и подбор компонентов модели зависит от говорящего.

Основная проблема в данном случае, как было показано, связана с противоречием между прямым (буквальным) содержанием высказывания и его целевой установкой. Поскольку наличие эмотивно-оценочного компонента предполагает прямую речь, то противоречие (расхождение) возникает между словами, которые произносит говорящий, т. е. буквальным смыслом (локуцией, компонентом речевого акта), и тем, что он имеет в виду (иллокуцией).

В рассмотренных нами примерах высказываний говорящий субъект не описывает ситуацию как «положение дел», а передает своё отношение. В связи с этим меняется констатация высказываний: утверждение наличия конкретной ситуации уступает место выражению в момент речи отношения говорящего к субъекту (к деятельностной или качественной формам его проявления) – собеседнику (собеседникам), другим лицам, самому себе.

Таким образом, высказывание с эмотивно-оценочным компонентом является косвенным речевым актом, который в силу наличия переносного значения теряет референцию к реальной ситуации (дескрипция реального «положения дел» становится нерелевантной) и смещается в область «неперечетной референции» – область ярко выраженного позитивного или негативного отношения говорящего.

Косвенный характер анализируемых высказываний обусловлен, прежде всего, тем, что в них доминирует личностный аспект – сугубо индивидуальное отношение говорящего, цель которого состоит в том, чтобы сказать одно, а передать другое (рассогласованность локутивного и иллокутивного планов): «*quand dire, c'est faire une chose sous les apparences d'une autre*» [14, p. 33]. При этом эмотивно-оценочный компонент является основой переноса событийного содержания высказывания из предметной в неперечетную область.

Литература

1. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1972. – С. 349–372.
2. Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса / О.И. Москальская. – М. : Академия, 2004. – 155 с.
3. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.
4. Лихтарникова, Н.А. Еще раз к вопросу о денотативной и референтной структурах предложения / Н.А. Лихтарникова, А.Н. Степанова // Проблемы структуры предложения: сб. науч. тр. – Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 49–54.
5. Колшанский, Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г.В. Колшанский // Языковая номинация. Общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – С. 99–146.
6. Tesnière, L. Elements de syntaxe strukturale. 5-ème éd. rev. et cor. / L. Tesnière. – P. : Librairie C. Klincksiek, 2005. – 670 p.
7. Соловьева, И.Д. Лексико-семантическая дифференциация высказываний, связанных с описанием природных явлений, в региональной речи Франции : дис ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.Д. Соловьева. – Минск, 2003. – 153 с.
8. Bacry P. Les figures de style et autres procédés stylistiques / P. Bacry. – P. : Édition Belin, 1992. – 156 p.
9. Le petit Larousse illustré / Collectif Larousse. – P. : Larousse, 2013. – 1932 p.

10. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж : изд-во Воронежского университета, 2007. – 192 с.
11. Процко, М.А. Эмоции говорящего и эмотивный компонент высказывания / М.А. Процко // Прагматический и социокультурный аспекты единиц французского языка : сб. научн. ст. / МГЛУ ; под ред. А.Н. Степановой. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 60–65.
12. Гийом, Г. Принципы структурной лингвистики / Г. Гийом. – М. : Просвещение, 1992. – 224 с.
13. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. 832 с.
14. Kerbrat-Orecchioni, C. Les actes de langage dans le discours. Théorie et fonctionnement / C. Kerbrat-Orecchioni. – P. : Éditions Nathan, 2001. – 200 p.

Источники примеров

- Н. – Hériat, P. Les enfants gâtés / P. Hériat. – P. : Gallimard, 1992. – 150 p.
В. – Bussi, M. Maman a tort / M. Bussi. – P. : Les presses de la cité, 2015. – 1328 p.
М. – Maurois, A. Climats / A. Maurois. – P. : Grasset, 2002. – 250 p.
Т. – Troyat, H. Le carnet vert / H. Troyat. – M. : Éd. Du Progrès, 1974. – 187 p.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.04.2017

УДК 811.161.3'373.23:398.92:811.111'373.23:398.92

Да пытання аб сутнасці паняцця «саматызм» (на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў)

Л.У. Кулік

Удакладняецца сутнасць паняцця «саматызм» у адносінах да кампанентаў фразеалагічных адзінак; устанаўліваюцца саматычныя кампаненты беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў; абгрунтоўваецца лагічнасць уключэння ў лік саматычных кампанентаў пэўных слоў.

Ключавыя словы: саматызм, саматычны кампанент, фразеалагізмы беларускай і англійскай моў.

In the article the essence of the term «somatizm» is determined; the somatic components in the Belarusian and English phraseological units are established; the logic of the insertion in the somatic components the certain words is substantiated.

Keywords: somatizm, somatic component, phraseological units of the Belarusian and English languages.

Важнае месца ў фарміраванні лексіка-семантычнай сістэмы кожнай мовы займаюць найменні частак цела чалавека. Менавіта яны адносяцца да высокаўжывальнай лексікі і шырока задзейнічаны пры ўтварэнні фразеалагічных адзінак (далей – ФА). На высокае задзейнічанне саматызмаў у фразеаўтварэнні ўказваюць многія даследчыкі, адзначаючы, што «ўтварэнне саматычных фразеалагізмаў на аснове метафарычнага ці метанімічнага пераносу з'яўляецца найбольш прадуктыўным фактарам іх утварэння» [1, с. 50].

Мэтай нашага артыкула з'яўляецца ўдакладненне сутнасці паняцця «саматызм» у адносінах да кампанентаў беларускіх і англійскіх ФА.

Тэрмін *саматычны* шырока выкарыстоўваецца ў біялогіі і медыцыне і мае значэнне «які звязаны з цэлам чалавека, цялесны» [2, с. 746]. У адносінах да лінгвістыкі тэрмін *саматычны* ўпершыню быў ужыты Ф. Вакам [3]. У сваёй працы «О соматической фразеологии в современном эстонском языке» даследчык адносіць саматызмы да аднаго з самых старажытных пластоў лексікі, а фразеалагічныя адзінкі з кампанентамі-саматызмамі – да старажытнага пласта фразеалогіі.

Пытанне пра аб'ём корпуса саматычных кампанентаў (далей – СК) у складзе ФА ў розных мовах з'яўляецца не да канца вырашаным. Адны даследчыкі (Р.М. Вайнтрауб, А.А. Кармышакоў, А. Назараў, С.Э. Саідава) вузка разумеюць саматычную фразеалогію і адносяць да ліку саматычных тыя фразеалагізмы, у кампанентны склад якіх уваходзяць толькі найменні частак цела чалавека. Другія (Ф. Вак, Ю.А. Даўгаполаў, І.С. Козыраў) пад саматычнымі разумеюць назвы частак цела і органаў жывого арганізма, тым самым пашыраючы аб'ём СК за кошт кампанентаў тыпу *жабры/gills*, *крыло/wing*, *хвосць/tail*.

Па-рознаму даследчыкі выяўляюць сутнасць кампанентаў ФА *nom/sweat*, *сліна/slobber*, *сляза/tear*. Адны (напрыклад, А.А. Кармышакоў) лічаць, што «фразеалагізмы з такімі словамі, як “слёзы”, “пот”, “сліна” і інш. ... нельга ўключыць у саматычную фразеалогію, паколькі тут няма той функцыянальнай аблігаторнасці, якая ўласціва лексемам-саматызмам» [4, с. 29]. Другія (напрыклад, Г.Я. Аксянчук, У.М. Глухаў) уключаюць іх у корпус саматызмаў, паколькі яны «назваюць неабходныя для жыцця элементы» [5, с. 138].

У працах апошняга часу аб'ём саматычных лексем яшчэ больш пашыраецца. Так, даследчык рускай саматычнай фразеалогіі Д.С. Скарроў далучае да саматычных кампаненты, якія «абазначаюць жыццёва важныя элементы матэрыяльнай субстанцыі, без якіх жывы арганізм не можа існаваць» [6], а даследчыца моўнай карціны свету А.У. Урысон яшчэ больш пашырае корпус саматызмаў за кошт лексем, якія называюць розныя «адхіленні ад нормы» цела чалавека або жывёлы, але з'яўляюцца ім уласцівыя (*бэльмо*, *горб*, *мазоль*, *плеш*, *скула*) [7].

У залежнасці ад характару аб'екта намінацыі Р.Ю. Мугу размяркоўвае саматызмы па некалькіх разрадах, вылучаючы лексіку: 1) саманімічную (назвае часткі цела чалавека); 2) астэанімічную (назвае косці чалавечага цела і іх злучэнні); 3) спланхнанімічную (назвае ўнутраныя органы чалавечага арганізма); 4) ангіанімічную (назвае крывяносную сістэму чалавечага арганізма); 5) сенсанімічную (назвае органы пачуцця чалавечага арганізма); 6) якая называе хваробы і праявы чалавечага арганізма [8].

У беларускай і англійскай мовах менавіта саматычныя ФА з'яўляюцца каштоўнай крыніцай ведаў аб беларусах і англічанам як іх стваральніках і носьбітах і характарызуюцца высокай антрапацэнтрычнасцю, што абумоўліваецца імкненнем чалавека пазнаць акаляючы свет праз часткі свайго цела (СК).

Даследаванне фразеалагізмаў дзвюх моў сведчыць аб тым, што ва ўтварэнні саматычных ФА прымае ўдзел прыкладна аднолькавая колькасць СК. Так, у складзе беларускіх і англійскіх ФА вылучана адпаведна 113 і 107 саматычных і семантычна далучаных да іх лексем.

Паколькі найменні органаў, частак цела, вадкасцей у цэле і іншых элементаў будовы цела выступаюць структурнымі кампанентамі ФА, менавіта яны з'яўляюцца асновай падзелу саматычных ФА беларускай і англійскай моў на 9 груп:

1) ФА з кампанентамі-найменнямі *галавы* і яе частак: 19 беларускіх СК (*вока*, *вусны*, *вуха*, *галава*, *гаўкала* 'рот', *губа*, *зрэнка*, *зуб*, *кацялок* 'галава', *лоб*, *нос*, *рот*, *твар*, *хайло* 'рот', *халява* 'рот', *цемя*, *чало*, *шчака*, *язык*) і 22 англійскія СК (*cheek* 'шчака', *chin* 'падбародак', *chor* 'сківіца', *ear* 'вуха', *eye* 'вока', *eyeball* 'вочны яблык', *eyelid* 'павека', *face* 'твар', *fang* 'корань зуба', 'ікол', *front* 'твар', *head* 'галава', *jaw* 'сківіца' (у множным ліку 'рот', 'пашча'), *jowl* 'шчака', 'сківіца', *lip* 'губа', *mouth* 'рот', *nose* 'нос', *nostrils* 'ноздры', *pate* 'галава', *snook* 'нос', *tongue* 'язык', *tooth* 'зуб', *top* 'галава');

2) ФА з кампанентамі-найменнямі *цела* і яго частак (у асобныя мікрагрупы аб'ядноўваюцца ФА з кампанентамі *рука/hand*, *arm* і яе часткі, *нага/leg* і яе часткі): 35 беларускіх СК (*бок*, *грудзі*, *далонь*, *жменя*, *жывот*, *зад*, *калена*, *карак*, *карызнь*, *кулак*, *лапатка*, *локаць*, *лыткі*, *нага*, *палец*, *патыліца*, *пах*, *паясніца*, *перст*, *плоць*, *плячо*, *поршні* 'ногі', *пояс* 'паясніца', *прыгаршчы*, *пуза*, *пуп*, *пята*, *рука*, *сіся*, *скура/шкура*, *спіна*, *цела*, *цыцкі*, *шоры* 'ногі', *шыя*) і 36 англійскія СК (*arm* 'рука (ад кісці да пляча)', *arse* 'зад', *back* 'спіна', *bacon* 'скура', *belly* 'жывот', 'пуза', *body* 'цела', *bosom* 'грудзі', 'улонне', *bottom* 'зад', *breast* 'грудзі', *chest* 'грудная клетка', *elbow* 'локаць', *finger* 'палец', *fist* 'кулак', *flesh* 'плоць', *foot* 'ступня', *hand* 'рука (кісць рукі)', *heel* 'пята', *hide* 'скура', *hip* 'бярэня', *knee* 'калена', *lap* 'частка нагі над каленам у сядзячага чалавека', 'калена', *leg* 'нага', *limb* 'канечнасць', *loins* 'паясніца', *navel* 'пуп', *neck* 'шыя', *palm* 'далонь', *pins* 'ногі', *shoulder* 'плячо', *side* 'бок', *skin* 'скура', *stomach* 'жывот', 'страўнік', *thigh* 'сцягно', *thumb* 'вялікі палец', *toe* 'палец на назе', *wrist* 'запясць');

3) ФА з кампанентамі-найменнямі ўнутраных органаў (да гэтай групы далучаюцца ФА з кампанентамі *душа/soul* і *дых*): 16 беларускіх СК (*вантробы*, *вена*, *глотка*, *горла*, *душа*, *дых*, *жыла*, *завароткі*, *кішка*, *нутро*, *паджылкі*, *паднябенне*, *печань*, *пачонка*, *сэрца*, *трыбухі*) і 13 англійскіх СК (*gizzard* 'горла', 'глотка', *gut* 'кішка' (у множным ліку 'вантробы'), *heart* 'сэрца', *kidney* 'нырка', *liver* 'пачонка', *lung* 'лёгкае', *muscle* 'мускул', *sinew* 'сухажылле', *soul* 'душа', *spleen* 'селязёнка', *throat* 'горла', *vein* 'вена', *whistle* 'горла', 'гартань', 'глотка');

4) ФА з кампанентамі-найменнямі *шкілета* і яго частак: 4 беларускія СК (*косць*, *рабро*, *хрыбет*, *хрыбетнік*) і 6 англійскія СК (*backbone* 'спінны хрыбет', 'пазваночнік', *bone* 'косць', *knuckle* 'сустаў', *rib* 'рабро', *skeleton* 'шкілет', *spine* 'спінны хрыбет', 'пазваночнік');

5) ФА з кампанентамі-найменнямі *мозга* і *нерваў*: 2 беларускія СК (*мозг*, *нерв*) і 3 англійскія СК (*brain* 'мозг', *marrow* 'касцявы мозг', *nerve* 'нерв');

6) ФА з кампанентамі-найменнямі *вадкацей* у цэле чалавека: 7 беларускіх СК (*кроў*, *мача*, *нюні*, *пот*, *сліна*, *сляза*, *сопля*) і 5 англійскіх СК (*blood* 'кроў', *gall* 'жоўць', *slobber* 'сліна', *sweat* 'пот', *tear* 'сляза');

7) ФА з кампанентамі-найменнямі *рагавых утварэнняў* на цэле, якія падзяляюцца на дзве мікрагрупы: а) 'рагавыя ніткападобныя ўтварэнні на скуры': 6 беларускіх СК (*барада*,

брыво, волас, вус, хахлы, чуб) і 7 англійскіх СК (*beard* ‘барада’, *brow/eyebrow* ‘брыво’, *eyelash* ‘вейка’, *forelock* ‘чуб’, *hair* ‘волас/валасы’, *moustache* ‘вусы’, *whiskers* ‘бакенбарды’, ‘вусы жывёл’); б) ‘рагавыя покрывы на канцах пальцаў чалавека’: 2 беларускія СК (*ногаць, пазногаць*) і 1 англійскі СК (*nail* ‘ногаць’);

8) ФА з кампанентамі-найменнямі анамальных утварэнняў на целе: 6 беларускіх СК (*бляльмо, горб, мазоль, плеш, скула, ціпун*) і 1 англійскі СК (*corn* ‘мазоль’);

9) ФА з кампанентамі-найменнямі частак цела жывёл (звяроў, птушак, рыб, паўзуноў, насякомых): 16 беларускіх СК (*азадак, грыва, жабры, капыт, кіпець, кіпцюр, крыло, лапа, морда, пух, пяро, рог, рыла, хвост, шчэлены, шэрсць*) і 13 англійскіх СК (*claw* ‘кіпець’, *clutche* ‘лапа’, *crop* ‘валляк’, *feather* ‘пяро’, *gills* ‘жабры’, *hoof* ‘капыт’, *horn* ‘рог’, *pecker* ‘дзюба’, *snout* ‘морда’, ‘рыла’, ‘нос’, *sting* ‘джала’, *tail* ‘хвост’, *wing* ‘крыло’, *wool* ‘шэрсць’).

Пры даследаванні беларускіх і англійскіх ФА выяўлена, што 73 СК беларускіх ФА адпавядае 75 эквівалентных СК англійскіх ФА, напрыклад, *вока* – *eye*, *кроў* – *blood*, *пята* – *heel*. На аснове гэтага можна меркаваць пра тоеснасць фразеаўтваральнай ролі лексічных абазначэнняў частак цела, органаў, вадкасцей у целе і г. д., падабенства асацыятыўна-вобразнага мыслення прадстаўнікоў двух народаў і фрагментаў моўнай карціны свету, што выяўляецца «ў наяўнасці агульных логіка-фразеалагічных ідэй» [9, с. 35].

Абгрунтуем лагічнасць уключэння ў лік саматычных слова *душа/soul*. У сувязі з тым, што мадэль свету, якая існуе ў славянскіх мовах, падзяляе ўсе аб’екты на «бачныя/тактыльныя» і «нябачныя», як заўважае А.У. Урысон, «унутры чалавечага цела таксама існуюць сутнасці двух відаў – звычайныя, “рэальныя” органы і субстанцыі (напрыклад, сэрца, печань, кроў, жоўць) і сутнасці нябачныя» (душа) [7, с. 19]. Кожны чалавек абавязкова павінен валодаць як пэўным наборам унутраных органаў, так і душой. У адпаведнасці з міфалагічнымі ўяўленнямі беларусаў падчас жыцця чалавека душа выглядае, як «цела ў целе» [10, с. 157]. У сувязі з гэтым да ліку саматычных кампанентаў фразеалагізмаў далучаецца «аніматызм», па тэрміналогіі Г.Я. Аксянчук [11], ці «ўмоўна саматычны кампанент», па тэрміналогіі Ю.П. Саладуба, *душа* [12, с. 139–145], што матывуецца сэнсам паняцця «душа» як сутнасці, якую стварыў Бог. Душой валодае кожны чалавек, як і пэўным наборам унутраных органаў. Увогуле, для славян, у тым ліку беларусаў, душа ў сістэме ўнутранага свету чалавека займае цэнтральнае месца. Як адзначаюць аўтары манаграфіі «Языковая концептуалізацыя міра (на матэрыяле русскай граматыкі)» Т.В. Булыгіна і А.Д. Шмялёў: «Душа аб’ядноўвае ў сабе ўласцівасці матэрыяльнага і ідэальнага, а гэта дазваляе ёй выступаць у якасці прадстаўніка чалавека ўвогуле» [13].

Уключэнне ў лік саматычных слоў *кулак, прыгарицы, жменя, fist* ‘кулак’ тлумачыцца тым, што пералічаныя лексемы імпліцытна ўключаюцца ў склад паняцця «рука». Падмацаванне нашаму меркаванню знаходзім у працах многіх даследчыкаў, напрыклад, Т.Ю. Залавінай [14], К.М. Гюлумянц [15], М.У. Юнаш [16].

Што тычыцца лексем *кацялок* ‘галава’, *поршні* ‘ногі’, *халява* ‘рот’, *шоры* ‘ногі’, *bason* ‘скура’, *bottom* ‘зад’, *front* ‘твар’, *pins* ‘ногі’, *top* ‘галава’, то ўжыванне іх у якасці саматычных, матывуецца сутнасцю гэтых паняццяў. Напрыклад, бел. *кацялок* – ‘тое, што і галава’ (3-е значэнне) [17, с. 286], а англ. *pins* – ‘ногі’ (5-е значэнне) [18, с. 548].

Такім чынам, пад саматычнымі лексэмамі разумеем не толькі найменні частак цела і органаў чалавека, але і лексемы *кроў/blood, мача, нюні, nom/sweat, сліна/slobber, сляза/tear, сонля, gall* ‘жоўць’, найменні частак цела звяроў, рыб, паўзуноў, насякомых (*крыло/wing, рог/horn* і інш.) з прычыны ўжывання такіх лексем у адносінах да чалавека, таксама словы, якія «абазначаюць жыццёва важныя элементы матэрыяльнай субстанцыі, без якіх жывы арганізм не можа існаваць» [6, с. 7], найменні розных «адхіленняў ад нормы» цела чалавека або жывёлы (*бляльмо, горб, мазоль/corn, плеш, скула*), якія, аднак, з’яўляюцца ім уласцівымі [7, с. 20], так званыя «патэнцыяльныя назвы частак цела» [19, с. 5] (*кацялок* ‘галава’, *поршні* ‘ногі’, *халява* ‘рот’, *шоры* ‘ногі’, *bason* ‘скура’, *bottom* ‘зад’, *front* ‘твар’, *pins* ‘ногі’, *top* ‘галава’), якія, валодаючы зусім іншым несаматычным першасным значэннем, з улікам пэўных знешніх сувязей паміж прадметамі выкарыстоўваюцца ў якасці найменняў частак цела.

Літаратура

1. Куницкая, Н.В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н.В. Куницкая, В.Ф. Мельник, Б.С. Данилов // *Дериватология и динамика в романских и германских языках : романо-германская филология : межвуз. сб. / Кишинев. гос. ун-т ; ред. Г.С. Чинчлей. – Кишинев, 1989. – С. 48–55.*
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
3. Вакк, Ф. О соматической фразеологии в современной эстонском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ф. Вакк ; Акад. наук Эст. ССР, Ин-т яз. и лит. – Таллин, 1964. – 29 с.
4. Кармышаков, А.О. Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / А.О. Кармышаков. – Бишкек, 1992. – 243 с.
5. Глухов, В.М. Фразеологические единицы со словом рука в славянских языках / В.М. Глухов // *Проблемы русской фразеологии : респ. сб. / Тул. гос. пед. ин-т ; редкол. : В.Л. Архангельский, Т.С. Розанова (отв. ред.) [и др.]. – Тула, 1978. – С. 137–146.*
6. Скарнев, Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами : проблемы семантики и прагматики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д.С. Скарнев ; Челябинск. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 24 с.
7. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия и семантика / Е.В. Урысон ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 244 с.
8. Мугу, Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.20 / Р.Ю. Мугу ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2003. – 24 с.
9. Сакаева, Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, татарского и таджикского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л.Р. Сакаева ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2008. – 40 с.
10. Лобач, У. Душа / У. Лобач, Л. Салавей // *Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік ; рэдкал. : С. Санько [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 157–158.*
11. Оксенчук, А.Е. Образ человека в русской языковой картине мира (на материале соматической фразеологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А.Е. Оксенчук ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1998. – 20 с.
12. Солодуб, Ю.П. Фразеологическая образность и способы её параметризации / Ю.П. Солодуб // *Фразеогрфия в Машинном фонде русского языка / Э.И. Астахова [и др.] ; отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1990. – С. 139–145.*
13. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Школа «Яз. русской культуры», 1997. – 576 с.
14. Залавина, Т.Ю. Соматизмы как универсальные образы фразеологических единиц со значением «порицание» (на материале французского языка) / Т.Ю. Залавина // *Язык и культура. – 2013. – Вып. № 9. – С. 54–58.*
15. Гюлумянц, К.М. Некоторые наблюдения над соматическими фразеологизмами восточнославянских языков / К.М. Гюлумянц // *Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 1985. – № 2. – С. 48–52.*
16. Юнаш, М.У. Саматычныя фразеалагізмы ў мастацкім маўленні: семантычны і функцыянальна-стылістычны аспекты (на матэрыяле беларускай драматургіі) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / М.У. Юнаш ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 21 с.
17. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук, Ін-т мовазнаўства ; І.М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – 784 с.
18. *The Penguin concise English dictionary / compiled by G.N. Garmonsway with Jacqueline Simpson. – London : Claremont Books, 1995. – 842 p.*
19. Сендровиц, Е.М. Названия частей человеческого тела в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.207 / Е.М. Сендровиц ; Моск. гос. ун-т. – М., 1970. – 20 с.

Фразеалагізмы з кампанентам *кішэня* – рэпрэзентанты касцюмна-рэчавага кода культуры беларусаў

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

У артыкуле на матэрыяле фразалагічных адзінак беларускай мовы з кампанентам-найменнем дэталь, часткі адзення чалавека – кішэня выяўляюцца ўласцівыя ім сімвальныя прачытанні, характэрныя культурныя канатацыі праз вобразы, унутраную форму, адбор слоў-кампанентаў пры іх утварэнні і перадачу ўстойлівага, рэгулярнага каштоўнаснага зместу культуры народа, яе катэгорый і сэнсаў. Устанаўліваецца ўзаемадзеянне мовы і культуры народа праз абраныя фразеалагічныя адзінкі, што часткова рэпрэзентуюць канцэпт «адзенне-абутак» як адзін са складнікаў фразеалагічнай карціны свету беларусаў у дыяпазоне культурна-нацыянальнай самасвядомасці і яго фразеалагічнай рэпрэзэнтацыі.

Ключавыя словы: канцэпт, фразеалагізм, кампанент, дэталі адзення, карман, культурная інфармацыя, сімвал, эталон, стэрэатып.

The inherent combination of reading the symbols characteristic cultural connotation through the images, the internal form, the selection of word components in their education and transfer of sustainable, regular value content of people's culture, its categories and meanings are manifested on the material of phraseological units of the Belarusian language with the details of the component-name, of the human clothing – «*кішэня*». The author identifies interaction between the language and national culture through creation of phraseological units, which partially represent the concept «clothes-footwear» as one of the components of phraseological world view of the Belarusians in the scope of cultural and national self-awareness and its phraseological representation.

Keywords: concept, phraseological unit, component «*кішэня*», dress code of the culture, cultural information, stereotype, reference sample, symbol.

Фразеалагічныя адзінкі (ФА) кожнай мовы з'яўляюцца самымі яркімі, культурна значымі скарбамі мовы, здольнымі канцэнтравана выразіць адметнасці не толькі мовы, але і яе носьбітаў, іх светаадчуванне, склад розуму, менталітэт. Недарма іх называюць «мікрафальклорам», «мікратэкстамі», паколькі яны захоўваюць і ўзнаўляюць менталітэт і культуру народа – іх стваральніка. Пры гэтым, ФА як «моўныя і культурныя знакі другаснай намінацыі» [1, с. 19] не прама называюць прадмет, а характарызуюць яго з дапамогай пэўнага вобраза, які ўспрымаецца носьбітамі мовы ў адпаведнасці з іх ведамі сваёй культуры, з іх кампетэнцыяй. А ў аснове вобразнасці ФА ляжыць не адзінкавая рэч ці элемент рэчаіснасці, а пэўны фрагмент свету.

Зразумела, што ў гэтых адносінах цікавасць уяўляюць тыя ФА, у якіх фіксуецца, адлюстроўваецца, характарызуецца і ацэньваецца сам чалавек, і тыя знакі культуры, якія такім чынам «уплечены» і перадаюцца ад пакалення да пакалення ў гэтых знаках, якія адыгрываюць ролю кодаў культуры ці могуць выступаць у ролі знакаў «мовы» культуры. Гэта вызначаецца праз наяўнасць хаця б аднаго кампанента фразеалагічнай адзінкі, што страчвае сваё ўласнае значэнне, а ўспрымаецца праз найменне жывых істот, прыродных з'яў, рэчаў, артэфактаў і да т. п. як архетып, міфалагема, сімвал, эталон, стэрэатып і ўдзельнічае ў стварэнні культурнай семантыкі фразеалагізма. Гэтаму спрыяе выкарыстанне лінгвакультуралагічнага аналізу, які праводзіцца з улікам вобразнай асновы фразеалагічных адзінак, дазваляе выявіць фон «акультуранага» ўсведамлення чалавекам самога сябе, праясніць матываванасць культурна значных сэнсаў у семантыцы выдзеленых фразеалагізмаў і тую ролю, якую яны здольны выконваць як знакі «мовы» культуры – эталоны, стэрэатыпы ці сімвалы.

Паставіўшы мэтай вывучэнне касцюмна-рэчавага кода культуры беларусаў, рэпрэзэнтаванага ФА, ці тымі адзінкамі, у складзе якіх маюцца кампаненты-найменні відаў адзення, абутку, галаўных убораў ці іх дэталаў, у межах прапанаванага артыкула аб'ектам даследавання абраны ФА толькі з кампанентам *кішэня*. Крыніцай збору ФА з кампанентам *кішэня/кішэнь/карман* паслужылі слоўнікі фразеалагізмаў беларускай літаратурнай і дыялектнай мовы (гл. *Спіс скарачэнняў*).

Цікавасць да фразеалогіі беларускай мовы ўвогуле і выдзеленай сукупнасці ФА як сродкаў рэпрэзентацыі аднаго з канцэптаў карціны свету з пункту гледжання лінгвакультуралогіі абумоўлена агульнай мэтай спасціжэння і рэканструкцыі фразеалагічнай карціны свету беларусаў і ўстанаўлення таго культурна-нацыянальнага крытэрыя ацэнкі і культурнай інфармацыі, якімі валодаюць ФА касцюмна-рэчавага кода культуры, а ў межах выдзеленых – устанаўлення крытэрыяў ацэнкі і характэрнай беларусам культурнай інфармацыі, якую захоўваюць ФА з кампанентам *кішэня/кішэнь/карман*.

Выдзяленне ФА з кампанентам *кішэня/кішэнь/карман* абавязана найперш частотнасці яго ўжывання, што сведчыць аб высокай ступені актуальнасці і шырокай сімвалізацыі кішэні як наймення дэталі адзення, якая выступае «ў форме прышытага або ўшытага мяшочка для дробных рэчаў і грошай» [ТСБМ-2, с. 691]. Галоўная ж прычына выкарыстання лексемы *кішэня* і стварэння вобразаў ФА – гэта ўстарэлае сэннае яе значэнне ‘кашалёк, мяшок’ і замацаваная за гэтай лексмай сімволіка, пра што і сведчаць шматлікія ФА.

Так, для ўсіх ФА з кампанентам *кішэня/кішэнь/карман* характэрна выкарыстанне агульнай метафары «кішэня», якая выкарыстоўваецца для апісання розных з’яў на аснове семантычнай прыкметы, што ўласціва гэтай дэталі адзення чалавека, прыпісана ёй ва ўяўленні чалавека і можа паводле пэўнай сваёй якасці ці ўласцівасці прыпадабняцца.

У выніку метафарызацыі створаны вобразы празрыста матываваных ФА, якія ўтвораны для наймення вялікай колькасці грошай як паказчыка багацця ці на аснове метаніміі (карман-кішэня/нь як частка адзення чалавека → цэлае – чалавек) багатага чалавека (*тоўстая/поўная кішэнь/-я* ‘вельмі вялікі капітал, багацце’ (Л.-1-2008, с. 479); *тугая кішэнь/-я* ‘хто-н. мае вельмі многа грошай, багацця’ (Л.-1-2008, с. 579); *кішэня вялікая* 1) ‘хто-н. вельмі багаты, мае многа грошай’ і 2) ‘вельмі многа грошай’ (Л.-1-2008, с. 579) альбо, наадварот, для абазначэння малой, нязначнай колькасці грошай, іх адсутнасці ці беднага чалавека, які не мае грошай (*пустыя кішэні* ‘хто-н. вельмі бедны, зусім не мае грошай’ (Л.-1-2008, с. 578); *кішэня малая* 1) ‘хто-н. бедны, мала мае грошай’ і 2) ‘мала, не хапае грошай’ (Л.-1-2008, с. 579); з *пустымі/парожнімі кішэнямі//з пустой/парожняй кішэняй/-яю* ‘без грошай, не маючы грошай (быць, прыходзіць, вяртацца і пад.)’ (Л.-1-2008, с. 579); з *пустым/-і карманам/-і /карманом* ‘бедны, без грошай’ (Ю.-1972, с. 271).

Праз кампанент *кішэня* вобразы прыведзеных ФА суадносяцца з касцюмна-рэчавым кодам культуры, а праз кампаненты *тоўстая/поўная, тугая, вялікая* ці супрацьлеглыя ім *пустыя, малая, пустымі/парожнімі* – з прасторавым, дзе кампаненты-прыметнікі абазначаюць члянэнне «прасторы» кішэні, яе параметры і паводле сумежнасці выражаюць адносіны да іх чалавека. У аснове метафарычнага выкарыстання лексемы *кішэня* ляжыць такая адметнасць ці прыкмета, як ‘грошы’, а ў аснове вобразаў ФА ляжыць метанімія, паводле якой кішэня прыпадабняецца да яе зместу, да таго, чым яна напоўнена, і на аснове гэтага ўяўлення аб багатым ці бедным на грошы чалавеку. Акрамя таго, кішэня звязана з уяўленнем аб уласнасці пэўнай асобы: наяўнасць ці адсутнасць грошай у пэўнага чалавека.

Усе названыя ФА ўзыходзяць да старажытнай апазіцыі «вялікі – малы», «многа – мала», «багаты – бедны» і выступаюць у ролі эталанізаванага ўяўлення пра наяўнасць вялікай (*тоўстая/поўная кішэнь; тугая кішэнь; кішэня вялікая*) ці малой (*кішэня малая*) колькасці грошай у чалавека альбо нават іх адсутнасці (*пустыя кішэні; з пустымі/парожнімі кішэнямі*).

Блізкімі да папярэдніх паводле семантычнай прыкметы, прыпісанай і ўласцівай кішэні – ‘наяўнасць ці адсутнасць грошай, грашовых сродкаў, ці кашалёк з яго зместам’, выступаюць яшчэ некалькі ФА, якія адметныя сваім вобразам і фразеалагічным значэннем. І найбольш часта гэта ФА, вобразы якіх па-рознаму і семантычна разнастайна даводзяць аб адсутнасці ці недахопе грашовых сродкаў.

У прыватнасці, гэта дыялектная ФА *хварэць на кішэнь/-ю* ‘не мець грошай, быць на безграшоў’ (Я.-1968, с. 390), якая скарыстоўваецца як іранічны ці жартоўны выраз для абазначэння адсутнасці грошай у пэўны час. ФА ўтворана па агульнавядомым узору словазлучэнняў пра захворванні чалавека (параўн. *хварэць на адзёр, хварэць на шкарлятыну, хварэць на запаленне* і інш.). У яе аснове ляжыць метафара, паводле якой адсутнасць у пэўны

час грошай прыпадабняецца да часу хваробы, якая вобразна абазначаецца *на кішэнь*. І тут кішэні прыпісваецца яшчэ адна семантычная прыкмета ‘быць пустой’, што прыпадабняецца да хваробы. ФА перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра часовую адсутнасць грошай.

Набліжаецца да папярэдняй паводле значэння і эталанізаванага ўспрымання, але з адметным адценнем значэння пра адсутнасць грошай ФА *вецер гуляе/-ў <свішча/-стаў> у кішэнях* ‘у каго-н. няма грошай’ (Л.-1-2008-1, с. 190) і *вецер гуляць у/на карманах* ‘пра адсутнасць грошай’ (Ю.-1972, с. 92), дзе кампанент *кішэня/карман* суадносіць ФА з касцюмна-рэчавым кодам культуры паводле характэрнай сваёй сімволікі, якая склалася на аснове прызначэння гэтай дэталі адзення чалавека і ўстарэлага сэнна значэння гэтай лексемы ‘кашалёк, мяшок’. А яшчэ ФА суадносіцца з прыродным (праз кампанент *вецер*) і антропным (праз кампанент *гуляе/гуляць*) кодамі культуры. Вобраз ФА ўтрымлівае метафару на аснове ўвасаблення ветру і метанімію, паводле якой карман прыпадабняецца да яго зместу – грошай. ФА скарыстоўваюцца для жартоўнага выказвання аб адсутнасці грошай у каго-небудзь і ўвогуле ўспрымаюцца як эталоны безграшоўя, ці выступаюць як другасныя імёны, акультураны сэнс якіх замяшчае саму з’яву – адсутнасць грошай у чалавека.

Іншы «грашовы» аспект даводзяць ФА *біць/удараць па кішэні* ‘прычыняць грашовую страту’ (Л.-1-2008-1, с. 108); *біць па карману* ‘наносіць страты’ (Ю.-1972, с. 63). Маецца на ўвазе, што ў выніку пэўных абставін якой-небудзь асобе прыходзіцца выплаціць грошы, ці хто-небудзь мог, але па нейкай прычыне не атрымаў, недапалучыў пэўную суму, страціў магчымасць мець грошы, што дакладна ілюструе прыклад ужывання ФА: *Адны адкруціліся вымовамі, а некаторых балюча ўдарылі па кішэні* («Звязда»). У аснове ФА ляжыць антропна-прасторавая метафара, пагодле якой вымушаная выплата грошай, іх страта, немагчымасць атрымаць, мець іх прыпадабняецца да актыўнага дзеяння ў адносінах да кішэні-кашалёка. Вобраз нанесенай страты, адлюстраванай у ФА, успрымаецца як удар па кішэні, як шкода, што наносіцца кішэні, за якой выступае ўяўленне аб уласнасці пэўнай асобы. ФА перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне аб незапланаванай і значнай страце, нанесенай у выніку пэўных абставін чалавеку.

Гэта і ФА *не па кішэні* ‘занадта дорага для каго-н., не ў адпаведнасці са сродкамі’ (Л.-1-2008-1, с. 578), сутнасць якой заключаецца ў тым, што кошт таго, што хочацца ці што нагледзеў, упадабаў і хацеў бы набыць чалавек, не адпавядае яго магчымасцям, грашовым сродкам, альбо цана тавара занадта высокая ў параўнанні з даходамі, якія не суадносяцца з такой затратай. Тут метафара «кішэня» выкарыстоўваецца для апісання неадпаведнасці сродкаў чалавека яго пакупніцкім здольнасцям з апорай на такую семантычную прыкмету, што прыпісана кішэні, як ‘малыя памеры’ і на аснове метаніміі – ‘малыя даходы’. Вобаз ФА створаны метафарай, паводле якой высокі памер кошту чаго-небудзь прыпадабняецца да невялікіх памераў кішэні, метанімічна да колькасці наяўных грошай у кішэні (параўн. у рускай мове ФА *жить по карману*). ФА *не па кішэні* набывае ролю эталона выбару і куплі тавару ў адпаведнасці з магчымасцямі, са сродкамі (жыць па сродках).

А яшчэ гэта дыялектная ФА *трэсці кішэні/-ю* ‘выдаткоўвацца, выдаткоўваць на штосьці грошы’ (Я.-1968, с. 368), якая выкарыстоўваецца як жарт над сабой ці кім-небудзь іншым, каму прыходзіцца выдзеліць пэўную суму, несці расходы на што-небудзь, якія не цяжкія для яго. У аснове ФА ляжыць антропная метафара, якая прыпадабняе трату грошай да трасення кішэняў (параўн. руск. *тряхнуть мошной*), і такі вобраз, такое дзеяслоўнае словазлучэнне з апорным *трэсці* і выкарыстаннем формы множнага ліку кампанента-назоўніка *кішэня* дакладна перадае дадатковую інфармацыю: не паскупіцца з выдаткаваннем, не шкадаваць грошай. ФА выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення аб выдаткаванні грашэй без шкадавання.

Асобныя ФА паводле наяўнасці вялікіх ці малых грашовых сродкаў у чалавека нават уступаюць уу антанімічныя адносіны: *карман пазваляець* ‘пра наяўнасць значных грашовых сродкаў’ (Ю.-1974, с. 34) і *карман не пазваляець* ‘пра абмежаванасць грашовых сродкаў’ (Ю.-1974, с. 34). У аснове вобразаў гэтых ФА скарыстана метафара «карман», паводле якой вялікія грошы ці, наадварот, абмежаваныя сродкі прыпадабняюцца да кармана-кашалёка як уласнасці пэўнай асобы, а на аснове сумежнасці карман – тое, што ў ім, грошы, грашовыя сродкі ў пэўнай колькасці. Пры гэтым карман як частка метанімічна выступае

замышчальнікам чалавека. Абедзве ФА носяць яўна перыфразаваны характар і перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра магчымасці ці немагчымасці траты ў залежнасці ад наяўнасці ці адсутнасці грошай у чалавека.

І ўрэшце рыфмаваная ФА ў *кожнай кішэні па жмені* (Л.-1-2008-1, с. 58) служыць для жартоўнага выказвання пра вялікую колькасць, праўда, не толькі грошай, але і іншых, як правіла, дробных рэчаў і выразнай ацэнкі са знакам «плюс», што і замацавана ў значэнні – ‘вельмі многа’. ФА суадносіцца не толькі з касцюмна-рэчавым, але і з іншымі кодамі культуры: з прасторавым, паколькі ідзе вымярэнне прасторы кішэні – у *кішэні*, з прасторавым і саматычным праз кампаненты *па жмені*, дзе *жменя* – ‘далонь і пальцы рукі, складзеныя так, каб імі можна было зачэрпнуць або ўтрымаць што-н.’ [ТСБМ-2, с. 257], і з колькасным праз кампаненты *кожнай і жмені*. У прыватнасці, кампанент-займеннік *кожнай* захоўвае раздзяляльнае значэнне, служыць выдзяленню прадмета з ліку падобных (дзве рукі – дзве аднолькавыя жмені), а кампанент-назоўнік *жменя* ўспрымаецца з уласцівым яму значэннем ‘колькасць чаго-н., што змяшчаецца ў далоні са спіснутымі пальцамі’ [ТСБМ-2, с. 257]. ФА адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне жартоўнага характару аб вялікай колькасці грошай і пад.

Семантычная прыкмета метафары «кішэня» – ‘месца захоўвання грошай, золата’ пакладзена ў аснову вобразаў ФА *класці ў <сваю> кішэнь/-ю/-і* ‘прысвойваць (грошы, золата і пад.)’ (Л.-1-2008-1: 583); *набіваць <сабе, сваю> кішэнь/-ю/-і* ‘нажывацца (звычайна несумленным шляхам)’ (Л.-2-2008-2:65); *напхаць/напыхаць карман* ‘нажыцца несумленным шляхам’ (Ю.-1974: 132); *набіваць карман* ‘нажывацца несумленным шляхам’ (Ю.-1974, с. 105); *у кішэню палажыць* ‘прысвойць (грошы), нажыцца’ (М.-К.-1972, с. 272). Факультатыўны кампанент *сваю*, які зафіксаваны ў ФА *класці ў <сваю> кішэнь*, выразна даводзіць аб сувязі прыведзеных ФА са старажытнай архетыповай апазіцыяй «сваё – чужое». Маецца на ўвазе, што адна асоба прысвойвае грашовыя сродкі другой асобы, чужыя сродкі, пры гэтым без усякіх законных правоў на гэта, завалодвае імі несумленным спосабам, тайна, скрытна, што вызначае гэты спосаб як незаконны.

Усе ФА суадносяцца з касцюмна-рэчавым, прасторавым, асабліва ФА са спалучэннем ў *кішэню*, і з антропна-дзеясным кодам культуры праз кампаненты-дзеясловы, якія не толькі называюць дзеянне несумлення чалавека (*класці, палажыць*), але і даводзяць, як *набіваць, напхаць*, пра інтэнсіўнасць праяўлення ці яго вынікаў (параўн. *набіць* ‘напоўніць, напхаць’ і *напхаць* ‘запіхваючы ўнутр чаго-н., напоўніць’). Гэта служыць асновай выкарыстання ФА для выражэння неадабральных адносін да чалавека, які такім чынам нажываецца, і вобразы ФА выступаюць у ролі стэрэатыпнага ўяўлення аб скрытым і несумленным спосабе нажывы, аб прысваенні чужога шляхам парушэння нормаў і правілаў.

Празрыстасць метафары выяўляе і яшчэ адна група дзеяслоўных ФА – *залазіць у кішэнь* ‘незаконнае карыстанне чужым дабром, абкрадваць каго-н.’ (Л.-1-2008-1, с. 453); *залазіць/залазяць у карман* ‘браць без дазволу або падманам чужое, красці’ (Ю.-1972, с. 239); *залезці ў кішэню* ‘незаконна карыстацца чым дабром, ашукваць, абкрадаць каго’ (М.-К.-1972, с. 96); *запускаць рукі/лапы ў чужэй/чужы карман* ‘нажывацца; красці, прысвойваць’ (Ю.-1972, с. 245), якія ілюструюць бытавое ўяўленне аб незаконнасці карыстання чужым дабром, нажывы за кошт чужога, падмане і ашуканстве з мэтай нажывы праз дзеянні злодзея-карманніка. Асаблівую ролю тут адыгрываюць дзеяслоўныя кампаненты *залазіць, запускаць*, якія поўнасьцю не страчваюць сваё значэнне як ізаляваных слоў і праз якія гэтыя ФА суадносяцца з антропна-дзеясным кодам культуры, які ў названых ФА прадстаўлены такімі дзеяславнымі чалавека, што парушаюць устаноўленыя правілы (параўн., напрыклад, дзеяслоў *залезці* – ‘пранікнуць, прабрацца куды-н. употай’ [ТСБМ-2, с. 337]). А спалучэнне ў *карман* – гэта ўказанне на суаднесенасць ФА з прасторавым і касцюмна-рэчавым кодамі, і ў вобразе ФА *карман* – гэта прыпадабненне да яго зместу – грашэй, маёмасці і ўказанне на чыпосці ўласнасць гэтых грошай, маёмасці і пад. Менавіта гэта і з’яўляецца асновай негатыўнай ацэнкі і ўжывання ФА для выражэння неадабрэння, асуджэння такіх дзеянняў і самога чалавека. Асабліва выразна даводзіць негатыўную канатацыю ФА *запускаць рукі/лапы ў чужэй/чужы карман*, у аснове вобраза якой ляжыць выразнае старажытнае супрацьпастаўленне «сваё – чужое» і ў складзе якой ужыты кампанент-азначэнне *чужэй/чужы*. А праз варыянтныя кампаненты *рукі/лапы* ФА не толькі суадносіцца яшчэ з

саматычным/заонімным кодам культуры, але вызначаецца, у чый карман залазяць і як прысвойваецца чужое праз прыпадабненне з дзеяннем кішэннага злодзея. Усе ФА гэтай групы перадаюць стэрэатыпнае ўяўлення аб асуджэнні незаконных спосабаў нажывы, выкарыстання чужога як свайго з мэтай нажывы, абагачэння за чыйсьці кошт.

Яшчэ адна семантычная прыкмета метафары «кішэня» – ‘ёмкасць-схова’, напаўненне якой можа быць розным. Так, пры ўтварэнні ФА *фіга/кукіш у кішэні* ‘баязлівае, скрытнае праяўленне незадавальнення чым-н., неадабрэнне чаго-н., пагрозы каму-, чаму-н.’ (Л.-2-2008, с. 586), якая, акрамя касцюмна-рэчавага, суадносіцца яшчэ з саматычным (праз кампанент *фіга/кукіш*) і прасторавым (праз спалучэнне кампанентаў у *кішэні*) кодамі культуры, як і ФА *паказваць дулю/фігу/кукіш у кішэні* ‘спадцішка пагражаць каму-н., асуджваць каго-н.’ (Л.-2-2008, с. 160); *паказываць кукіш у кармане* ‘асуджаць спадцішка, тоячыся’ (Ю.-1974, с. 219); *кукіш у кармане насіць* ‘асуджаць скрытна, таёмна’ (Ю.-1974, с. 62), дзе дадаткова яшчэ выяўляецца сувязь з антропна-дзеясным кодам праз дзеяслоўныя кампаненты *паказваць, насіць, кішэня* – гэта схова, месца фігі/кукіша/дулі.

У аснове вобраза назоўнікавай ФА *фіга/кукіш у кішэні* ляжыць метафара, паводле якой скрытае незадавальненне ці неадабрэнне чаго-небудзь альбо баязлівая пагроза каму-н. прыпадабняецца да фігі ў кішэні. А скрытае выражэнне гэтых пачуццяў, як у вобразах дзеяслоўных ФА *паказываць кукіш у кармане; паказваць дулю/фігу/кукіш у кішэні; кукіш у кармане насіць*, прыпадабняецца да нашэння ці паказвання ў кішэні гэтай фігуры з трох пальцаў. Зразумела, што такая з’ява, як і яе выражэнне, не можа выклікаць адабрэння з прычыны тайнага, скрытага характару свайго праяўлення, што сведчыць аб боязі, двудушнасці, няшчырасці ў адносінах адной ці некалькіх асоб да другой ці некалькіх іншых асоб. І гэта выдатна ілюструе прыклад з мовы К. Крапівы: *Кампліменты яны гаварылі з фігай у кішэні*. Менавіта гэта служыць асновай суаднясення ФА з духоўным кодам культуры, з сукупнасцю тых маральных установак і правілаў, паводле якіх крывадушнасць, прытворства, ашуканства аднаго чалавека ў адносінах да другога (думаю так, а выгляд раблю іншы) не могуць быць узорам і ацэньваюцца негатыўна. ФА выступаюць у ролі стэрэатыпнага ўяўлення няшчырасці, двудушнасці і «схаваных» у кішэню асуджэння, пагрозы каму-небудзь.

Яшчэ адно «напаўненне» кішэні – словы выяўляецца ў вобразе ФА *не лезе/лазіў/не палезе па слова ў кішэню/кішэнь* ‘ведае, што сказаць, як адказаць, знаходлівы, дасціпны ў размове’ (Л.-1-2008-1, с. 641). Маецца на ўвазе, што хтосьці лёгка і да месца выказваецца, адказвае, вызначаецца знаходлівасцю і дасціпнасцю як моўца ці суразмоўнік. Вобраз ФА ўзыходзіць да прадметнага адгалінавання культуры, дзе словам на аснове падабенства прыпісваюцца ўласцівасці цвёрдых рэчаў, па якія можна *лезці* і якія можна браць, як грошы з кішэні. А яшчэ словы на аснове метаніміі, па сумежнасці, атаясамліваюцца з выказваннем. Аднак сапраўднага майстра маўлення якраз і вызначае адмаўленне ад абазначанага ў ФА дзеяння: ён не лезе, не палезе па словы-выказванні, не карыстаецца тымі словамі, што ў кішэні, бо асновай адабрэння і станоўчага ацэнкі ідзе ад адваротнага. ФА адыгрывае ролю эталона, высокай ацэнкі маўленчай дасціпнасці і знаходлівасці чалавека.

У якасці «зместу» кішэні можа быць і сам чалавек. Менавіта гэта даводзіць ФА-словаспалучэнне ў *кішэні* ‘(быць) у матэрыяльнай залежнасці ад каго-н.’ (Л.-1-2008-1, с. 578). Тут падразумяваецца, што адна ці некалькі асоб, што матэрыяльна залежаць ад другой ці другіх асоб, вымушаны ім падпарадкоўвацца, залежаць ад іх. Такі вобраз ФА даводзіць аб перавазе аднаго чалавека над другім ці аб залежнасці аднаго ад другога. Вобраз ФА на аснове метафары «кішэня» суадносіцца з прасторавым кодам культуры праз спалучэнне ў *кішэні* і на аснове прыпісанай кішэні семантычнай прыкметы ‘ўлада, матэрыяльная сіла’ даводзіць аб прыпадабненні матэрыяльнай залежнасці чалавека да месцазнаходжання ў кішэні другога чалавека, які атрымаў над ім уладу, у кішэні, якая метанімічна прыпадабняецца да яе зместу і назначэння – грошы, багацце як напаўненне кашалька і ўвогуле матэрыяльнага дабрабыту, што дае ўладу і сілу. Зразумела, што такая залежнасць аднаго ад другога, улада аднаго над другім не знаходзіць адабрэння. І ФА выступае ў ролі стэрэатыпу і адмоўнай ацэнкі матэрыяльнай залежнасці аднаго чалавека ад другога.

І заключаюць групу ФА з кампанентам *кішэня* яшчэ дзве адметныя сваімі вобразамі адзінкі. Гэта дыялектная ФА з чыйго боку *кішэня парвалася* ‘цішком зрабіць непрыемнасць, подласць каму’ (М.-К.-1972, с. 102). Маецца на ўвазе, што асоба з якога-небудзь боку ў адносінах да другой асобы тайна, скрытна наносіць ёй шкоду, робіць подласць ці якія-небудзь непрыемнасці. ФА суадносіцца з прасторавым (праз кампанент *боку* як указальнік размяшчэння ў прасторы вакол чалавека, кішэня якога парвалася), уласна антропным (праз кампанент *парвалася*) і касцюмна-рэчавым (праз кампанент *кішэня*) кодамі культуры. Тут метафара «кішэня» выступае з прыпісанай ва ўяўленні чалавека семантычнай прыкметай кішэні – ‘маёмасць, уласнасць’ і на аснове метаніміі па сумежнасці ‘ўладальнік гэтай маёмасці’. Вобраз ФА пабудаваны на метафары, паводле якой асоба, што нанесла другой асобе якую-небудзь страту, непрыемнасць, загану, прыпадабняецца да месца размяшчэння з таго боку, дзе парвалася кішэня, а страта, непрыемнасць, подласць, зробленая кім, прыраўніваецца як вобразнае ўяўленне да дзіркі ў кішэні, праз якую штосьці страцілася ці ўвогуле ўспрымаецца як адмоўны факт. ФА перадае стэрэатыпнае ўяўленне аб скрытых негатыўных дзеяннях і асуджэнні подласці, каварнасці спадцішка.

А другая – гэта нязменная ў сваім афармленні выклічнікавая ФА *трымай кішэнь/-і шырэй!* (Л.-2-2008-2, с. 527) ці дыялектны варыянт *дзяржы карман шыры* (Ю-1972, с. 197), якая выкарыстоўваецца для выражэння эмацыянальнага стану чалавека, выкліканага незадавальненнем адмоўным вынікам ад чакання атрымаць што-небудзь: не разлічвай на што-небудзь, не чакай чаго-небудзь, не не спадзявайся атрымаць што-небудзь. Выраз выкарыстоўваецца для выражэння неадабрэння і папярэджвання, напрыклад: *Ад напоў і дыяканаў няма чаго добрага нам чакаць Ого, дачакаешся ад кудлаў і лайдакоў, а як жа – кішэнь трымай шырэй!* (А. Карпюк); *Дзяржы кырман шыры, січас табе накладуць усяго, чаго хочыш* (Ю-1972, с. 197). Тут кішэнь – гэта зноў жа семантычная прыкмета метафары «кішэня» – ‘ёмкасць’, гэта тая абмежаваная ёмкасць-прастора, якая можа быць напоўнена, але на гэта не трэба разлічваць і не варта спадзявацца. І ў гэтым сутнасць другаснага наймення і новай адзінкі мовы. Нагадаем, што тут, як і ў многіх іншых ФА, лексема *карман* скарыстана, зыходзячы з устарэлага сэнна значэння ‘мяшчак ці сумка, якая прышпільваецца ці прышываецца да адзення альбо пояса для захавання чаго-н.’, і такую «кішэнь-сумачку можна было насіць, трымаць, падстаўляць, расшыраць, растапырваць і інш.» [3, с. 290]. ФА суадносіцца з прасторавым (праз кампанент *шырэі/шыры*), антропна-дзеясным (праз кампанент *трымай/дзяржы*) і касцюмна-рэчавым кодамі культуры. Вобраз ФА заснаваны на метафары, якая прыпадабняе немагчымасць атрымання чаго-небудзь да трымання раскрытай кішэні, але незалежна ад таго, што кішэню трымаюць шырока адкрытай, нічога ў яе не перападзе. ФА выступае ў ролі эталона безнадзейнасці атрымаць што-небудзь ці ўвогуле немагчымага.

Такім чынам, выдзеленая група фразеалагізмаў з кампанентам *кішэня/кішэнь/карман* характарызуецца найбольшай частотнасцю выкарыстання гэтага кампанента: зафіксавана больш за тры дзясяткі ФА з ліку больш за 50 ФА толькі з кампанентам-найменнем дэталі адзення, што больш чым у два разы пераважае над колькасцю ФА з такімі кампанентамі-найменнямі дэталей адзення, як *каўнер, пояс, рукаў*, разам узятыя (іх менш за 20), і выяўляюць істотную частку фразеалагічнай рэпрэзентацыі канцэпта «адзенне-абутак» ці касцюмна-рэчавага кода культуры як фрагмента фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Лінгвакультуралагічны аналіз выдзеленых ФА дазволіў выявіць шырокі спектр культурнай інфармацыі, што ўтрымліваюць і даносяць новым пакаленням ФА, а адбор названага кампанента сведчыць, што менавіта гэтая лексема ў дафразеалагічным існаванні ўжо мела другаснае значэнне, выступала найменнямі пэўных сімвалаў (кашалёк, грошы ў ім, наяўнасць ці адсутнасць іх, вялікую ці малую колькасць, багаты ці бедны чалавек, пустата ці напоўненасць, ёмкасць-схова і інш.) і была знакам культуры. Створаныя з гэтым кампанентам вобразы ФА набылі новую ролю і сталі не толькі адзінкамі мовы з іх адметнасцю называць, характарызаваць і ацэньваць, але праваднікамі культуры, знакамі «мовы» культуры, якія захоўваюць і перадаюць з дапамогай метафарызаваных вобразаў эталанізаванае ўяўленне пра кішэню як знак касцюмна-рэчавага кода культуры, служаць для выражэння розных сэнсаў пра чалавека і сэнсаў ідэйна-маральнага зместу.

Літаратура

1. Мокиенко, В.М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В.М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Междунар. науч. конф., г. Белгород, 4–6 мая 2008 г.: в 2 т. /отв. ред. проф. Н.Ф. Олефиренко. – Белгород : БелГУ, 2008. – Т. 1: Идиоматика и познание. – С. 13–26.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / Рэд. тома А.Я. Баханькоў. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 768 с.
3. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих // СПбГУ: Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Прынятыя скарачэнні

- Л.-1-2008** – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мн. : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.
- Л.-2-2008** – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мн. : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.
- М.-К.-1972** – Мяцельская, Е.С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.
- Ю.-1972** – Юрчанка, Г.Ф. І коціцца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.
- Ю.-1974** – Юрчанка, Г.Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.
- Ю.-1977** – Юрчанка, Г.Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.
- Я.-1968** – Янкоўскі, Ф.М. Беларуская фразеалогія: Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. школа, 1968. – 451 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 03.02.2017

Символика огня в украинском романном дискурсе второй половины XIX века

Т.С. МАТВЕЕВА

Исследованы особенности изображения стихии огня в украинском романном дискурсе второй половины XIX в. Новизна представленных выводов заключается в том, что объектом анализа стала значительная часть произведений большой эпической формы указанного периода, а не отдельные романы, что позволило сделать более убедительными обобщения о специфике изображения огня в произведениях, принадлежащих к различным литературным направлениям, жанровым формам. Также сопоставлено символическое и овеществленное воплощение огненной стихии посредством обращения к онейросу, пограничным состояниям, с одной стороны, и к художественно зафиксированным реальным картинам пожаров и пепелищ. Отдельный аспект исследования – символический смысл заголовков произведений, поэтика изображаемого (градация, оксюморон, параллелизм, звуковой, цветовой фон). Представленные наблюдения перспективны для дальнейших работ, прежде всего в сфере компаративного, архетипного анализа.

Ключевые слова: украинский романский дискурс второй половины XIX в., огонь, заголовок, символ, поэтика.

The paper is devoted to the studying of the peculiarities of the element depiction in the Ukrainian novel discourse of the second half of the XIX century. The novelty of the conclusions is that the object of the analysis is a considerable part of the works of the big epic form of the mentioned period, not a separate novel, so that enabled more convincing generalization about specifics of the depiction in the works of different literary schools and genre form. Symbolic and materialized embodiment of fire element through appealing to the apeiron, borderline states on the one hand, and fixed in literature real picture of the charred ruins and site of a fire. The certain aspect of the study is symbolic meaning of the title, poetics of the depicted one (gradation, oxymoron, parallelism, sound, color background). The proposed investigation is perspective for further study, first of all in the sphere of comparative, archetype analysis.

Keywords: Ukrainian novel discourse of the second half of the XIX century, fire, title, symbol, poetics.

Введение. Большая эпическая форма в украинской литературе второй половины XIX в. – оригинальное проблемно-тематическими комплексами, образной системой, поэтикой явление в литературном процессе – всегда находилась в центре внимания украинских ученых, поэтому значительная часть возможных аспектов ее исследования достаточно глубоко изучена. Тем не менее, поле для ее дальнейшего анализа остается, так как каждое новое поколение литературоведов по-своему расставляет эстетические акценты. Современные исследователи – Т. Гундорова, Г. Левченко, В. Панченко, И. Приймак, Н. Ткачук, А. Шве́ц и другие уже обращались к изучению символических пластов украинской романистики, в том числе писали и о символике огня, однако их замечания не были системными, а наблюдения преимущественно связаны с отдельными произведениями. Это и определило актуальность, новизну предлагаемой статьи и ее цель: на примере значительной части романов указанного периода выявить и проанализировать специфику представления огня как амбивалентной стихии, его символических составляющих, в первую очередь, звуковых, световых, исследовать взаимосвязь природного и человеческого элемента в динамике процесса познания мира.

Результаты и их обсуждение. Украинские писатели довольно часто в своих произведениях изображали стихию огня, но никогда она не представлялась ими амбивалентной, а, наоборот, подчеркивалась ее разрушительная сила. Подобный феномен мы объясняем интересом к человеческой личности, ее скрытым эмоциям, чувствам, страстям, как правило, таким, которые нивелируют внутренний мир. Авторы задавались целью ответить на вопрос, почему творение Бога, наделенное разумом, волей, свободой выбора, предпочитает греховную жизненную стезю, отмеченную тщеславием, лицемерием, жестокостью. Эти глубинные психические процессы порождают и объективные деформации, поскольку мир таков, каким каждый его представляет. Чтобы изобразить этот процесс нагляднее, мастера слова и обращаются к символу. Огонь же в этом случае наиболее точно отображает духовное состояние

человека – от «тления» до «горения». Преимущественно речь идет о метафоризации человеческого существования – негармоничного, полного недоверия к себе подобным, отмеченного разрушениями, природными и психологическими, ибо человек, поддавшись гордыни, лишился рая. «После грехопадения отворились адские врата, пламя вырвалось оттуда, чтобы причинять людям вред пожарами, обманывать вспышками на местах кладов, смущать огневыми появлениями богов в воздухе» [1, с. 357]. Огонь тут – наказание, символ потери, которую нельзя возместить, пока человек не вернется к себе прежнему – духовно чистому творению. Фактически в триаде *существование – жизнь – бытие* огонь проявляется как, соответственно, разрушительная сила, отрицающая абсолют существования – бездуховность; собственно амбивалентная сущность, ибо жизнь как начало самоопределения в мире предполагает обращение к материальному и духовному, хотя исход борьбы между ними неизвестен и зависит от выбора приоритета преходящего или вечного; как креативная субстанция, поскольку восхождение к бытию – это возрождение в энергетике Божественного промысла.

Сквозь призму именно такого представления о стихии огня мы и попытаемся проанализировать особенности ее художественного изображения. Прежде всего, обратимся к наиболее часто встречающемуся воплощению огня – пожару. Как правило, его проявления в произведениях украинских романистов второй половины XIX в. связаны с общественными конфликтами, с теми метаморфозами, которые происходят в социальной вертикали вследствие смены социально-экономических формаций. Для анализируемого периода это, в первую очередь, отмена крепостного права, интенсивное развитие капитализма. Наиболее ярко указанные тенденции отобразили И. Нечуй-Левицкий, И. Франко, Н. Чернявский, представив (часто в символической форме) неуправляемую стихию взаимного мщения социальных антагонистов. Картины, нарисованные художниками слова, поражают масштабностью разрушений, напоминают апокалиптические видения. Соответственно подбирается цветовая и звуковая гамма, сопровождающая процесс деформации пространства.

Например, И. Нечуй-Левицкий в романе «Николай Джеря» (1876) описывает тридцатилетнюю «одиссею» главного персонажа, не смирившегося с унижениями, которым подвергался как крепостной – бессловесный раб. Поэтому он вместе с несколькими единомышленниками убежал на «вольные» земли в надежде обрести там себя, вернуть внутренний покой. Перед побегом изверившиеся люди подожгли господский хлеб и долго смотрели, как разгорается пламя, как его красные языки, смешиваясь с черным дымом, постепенно закрывают небо. Оттуда они возвращаются пеплом, рассыпаются по воде и тверди, а в результате мир как бы перестает существовать, растворяясь в черноте рукотворной стихии. Процесс уничтожения сопровождается градация звуков и красок. По мере увеличения площади пожара усиливается треск сгорающих колосьев, падают обгоревшие ветви, молодые деревья, горячий воздух закручивается воронкой и его восходящие потоки создают собственный шумовой эффект. Постепенно меняется и ландшафт: многообразие оттенков живой природы уступает место черноте пепелища. Парадоксально, но в стихии пожара красный и черный цвет приобретает одинаковое символическое значение – «разрушение, агрессивные тенденции», «отрицание света, символ греха, небытия... ассоциация со злом, невежеством, со всем ложным» [2, сс. 453, 457]. Кроме того, в анализируемом эпизоде опосредованно также присутствует одна из основных ассоциаций красного – кровь – жизнетворящая сила, ведь речь идет об уничтоженном урожае, а значит об обречении на голодную смерть семей крепостных, чьими руками он был выращен и собран. Так мщение не стало возмездием, а превратилось в непреднамеренное убийство. Эмоциональный эффект усиливается и благодаря использованию оттенков черного цвета – от серого до угольного. Хотя детали пейзажа и не сливаются в беспросветной черноте, однако нюансы одного цвета делают картину еще более визуально зловещей из-за невозможности вырваться за пределы «единственно» существующей краски.

Похожую картину рисует и М. Коцюбинский в романе «Fata morgana» (1903–1910), изображая предшествующие и последующие за революцией 1905 г. события, когда стихия народного мщения социальным верхам стала неконтролируемой. В произведении мы выделяем эпизод разгрома помещичьей экономики, также выписанный с помощью приема восходящей градации. Как и И. Нечуй-Левицкий, М. Коцюбинский сосредоточен на исследовании

психологии толпы, резко меняющейся в зависимости от нарастания эмоционального накала, возможности высвободить накопившуюся протестную энергетику. В толпе человек теряет свою индивидуальность, личностные качества подчиняет единому порыву, однако в контексте происходящего подчеркиваем отсутствие креативности такого порыва, так как раб, почувствовав свободу, превращается исключительно в мстителя, мечтая разрушить то, что ассоциируется у него с гнетом. Выхватывая из общей картины отдельные эпизоды, автор создает мозаику человеческих деяний, каждый новый элемент которой призван показать углубление процесса распада личности. Причем М. Коцюбинский предпочел опосредованное изображение такого процесса с помощью метафорического видения разрушаемого пространства: под ударами топора стонет фортепиано, плачет разбитое венецианское зеркало, скрип под ногами осколков фарфора напоминает хруст костей.

Апофеоз эпизода – поджог имения: огонь быстро деформирует все, что попадает на его пути: вещи чернеют, скручиваются, изгибаются, ломаются, рассыпаются, обращаются в пепел, дым – Ничто. Показательно, что и символика названных конечных субстанций огня соответствующая: «необратимость горя» [1, с. 357], «помрачение, подавленность сознания» [2, с. 276]. Особенно выделяем последнее значение: рукотворный пожар одновременно создает иллюзию абсолютной свободы действий и выявляет психологический порог ответственности за содеянное. В «*Fata morgana*» (в этом смысле заголовок произведения мы ассоциируем с утопией – местом, которого нет, а значит и избранный способ улучшить несуществующий мир не может быть применен) финал дихотомичен по отношению к анализируемому эпизоду. С одной стороны, человеческое возмездие за совершенное, вследствие которого были убиты, в том числе и невинные, в итоге – углубление социальной пропасти, непонимание, отчуждение как абсолютное проявление принципа «*homo homini lupus est*». С другой стороны, вселенский апокалипсис как следствие алогичного поведения разумных существ, которые разучились слушать и слышать: ветер раскачивает звезды, дым от пожара превращается в гигантскую руку, которая силится вобрать в себя Космос.

Нарисованное таким образом полотно несколько не умаляет собственно психологическую составляющую человеческой модели поведения, оно лишь иначе показывает соотношение в ней конструктивного и деструктивного начала.

То, что объединяет оба произведения, по нашему мнению, может быть объяснено с помощью бинарной оппозиции *материальное/духовное*: человек утратил способность адекватно оценивать себя в мире и мир в себе, поэтому провозгласил преходящее вечным. В этом смысле символ огня как одной из творящих первостихий показателен именно своей амбивалентностью: согревающее начало обращено людьми в испепеляющее. Отметим, что такой вывод уместен и по отношению к другим амбивалентным стихиям – воде, воздуху, земле, которые, в целом, обладают созидательной силой, но, отражаясь в психомире человека, чаще находят свое негативное выражение.

Иной сферой символизации стихии огня в произведениях украинских романистов второй половины XIX в. стала межличностная, уже не сопоставляемая с общественной, социальной. Огонь разрушает судьбы, забирает близких людей, проявляясь овеществленным следствием психоэмоциональных конфликтов, нежелания понять другого, эгоцентризма. Так погибла главная героиня романа «Страстной четверг» (1852) Н. Устияновича, обреченная уже своим мистическим рождением из угляка, упавшего в подол ее матери. Но, главное, – и это уже не игра фантазии, а реальность мира, в котором люди разделены социальными условиями – коварством тех, кто, не простив личной обиды, мстит тем, кто к ней не имеет отношения (образ Зубани). Эпизод гибели девушки выписан как фантазмагорическая картина деформации мира, поскольку умирает чистота, красота: спасаясь от преследователей, Зиня оказывается на горе, которую внезапно охватывает пламя, оно красными лентами опоясывает гору, подбираясь ближе к вершине. Так автор парадоксально противопоставляет духовное – гору, поднимающую человека ближе к небу, и материальное – огонь, оставляющий после себя черноту пепелища, то есть «живет смертью земли» [1, с. 357]. В этой антиномии субстанции материального и духовного как будто поменялись местами, что, по нашему убеждению, свидетельствует о желании автора с помощью приема доказательства от обратного подчеркнуть – гармония человека и мира возможна, если индивидуальное будет соотносимо с кол-

лективным и наоборот в понимании диалектики существования и бытия. Однако в анализируемом романе олицетворенный разрушительным огнем прагматизм все-таки забрал свою жертву. Упомянутое сравнение огня с красными лентами позволяет его (сравнение) углубить с помощью ассоциации с фольклорным огненным змеем, который пленяет своих жертв, искушая их, в том числе, напоминанием о неразделенной любви. И хотя Зиня была спасена из огня, омыта водой, – действие негативных сил не прекратилось. По преданию, огонь, зажженный таким змеем, погасить водой нельзя: чем больше лить, тем сильнее разгорается пламя. Теперь это уже внутренний огонь, который умертвил героиню в Страстной Четверг. Так раскрывается смысл заголовка романа: события Страстного Четверга, когда Иисус Христос молился в Гефсиманском саду; когда Его предал Иуда, проектируются на человеческую жизнь как вечное предостережение об опасности утратить ощущение сопричастности к ближнему – творению Бога. В этом произведении автор использовал культурные коды языничества и христианства. Первый, когда обыгрывает необычность рождения героини, сопоставляя сон ее матери и сон Гекубы – матери Париса, для которой онейрическое видение стало предупреждением о гибели Трои. Эти пророчества уместно, по нашему мнению, соотносить с образами мойр (парок), которые, согласно верованиям древних, управляли судьбами не только смертных, но и богов, предопределяя, соответственно, развитие мира и жизненный путь человека, в том числе, момент его окончания [4, сс. 235, 278]. Второй код, наоборот, провозглашает вечную жизнь, так как Иисус, смертью смерть поправ, открыл для смертных возможность обрести бессмертие. Так Н. Устиянович художественно воплощает бинарную оппозицию *смерть/жизнь*, диалектически связывая ее с отрицанием отрицания как воздаяния за земную жизнь вечностью бытия.

Подобную романтическую схему использовал и И. Франко в своем первом романе «Петрия и Довбушуки» (1875–1876) для изображения семейного антагонизма: материальное уничтожило духовную связь и между потомками легендарного Довбуша и его побратима Петрия, и внутрисемейные узы, обернувшись физической смертью практически всех их представителей. После многочисленных эпизодов, достойных лучших готических романов (привидения, переодевания, неузнавания, соответствующий пейзажный антураж – пещера, монастырь, подземелье), автор закончил роман поистине фантасмагорическим финалом, в котором описывает, как сгорают люди и их дома. Огонь тут – мщение и очищение одновременно: человек, утративший понимание своего созидającego назначения в мире, должен уйти. В этом эпизоде представлены две стихии – ветер и огонь: ветер раздувает пламя, вздымает вверх горячие языки, уподобляя их рукам, молящим о помощи и прощении. Однако остается только пепел, руины – чернота как символ беспамятства, неизменности наказания за неправильный выбор в пользу существования, а не бытия.

Апофеозом символизации стихии огня мы считаем роман И. Нечуя-Левицкого «Не тем стал» (1895), в котором автор исследует причины психологической глухоты по отношению друг к другу самых близких людей – мужа и жены. Исходную точку разногласий можно определить как абсурдное истолкование главным персонажем базовых понятий христианства – веры и любви. Вера «превосходит любые понятия нашей внутренней жизни. Она значительно выше, шире, сильнее наших мыслей... сложнее и содержательнее каждого чувства и сама включает в себя чувства любви, смирения, страха, почитания, благоволения» [3, с. 12]. Веровать – означает «быть уверенным в действительности духовного Всеначала и мира духовного со всеми его свойствами и принадлежностями, так же как мы уверены в бытии мира вещественного» [3, с. 12]. Вера поднимает человека над суетой, отвращает его от греховных помыслов и действий, однако персонажем она была воспринята как способ возвышения над окружающими, недостойными войти в его храм. В произведении подробно описывается, как Роман постепенно превратил свою комнату в келью, перестал пускать к себе кого бы то ни было (и тут имеется в виду не столько физическое, сколько духовное пространство). Он искал благодать для себя, хотел сам приблизиться к Богу, забывая о любви к ближнему, о том, что в Писании ближними названы все люди, ибо каждый есть творение Бога по Его образу и подобию. Роман же отказался от любви к людям, замкнулся в гордыни – эгоцентрическом выражении гордости – просветлении духа. Как следствие – одиночество в семье, страдания его жены, которую автор неоднократно характеризует «летающей» Соломией, указывая этим на

противоестественность ее положения птицы в клетке. Кульминационным моментом в их отношениях стала последняя встреча. Роман увидел свою жену незадолго до того, как она ушла от него навсегда, за грань жизни. Соломия умирала от ожогов, полученных ею, когда она во время пожара пыталась спасти имущество своей подруги, и фактически не береглась, так как одинокая рядом с мужем, не хотела возвращаться в дом, утративший свое сакральное предназначение берега, не хотела жить. И. Нечуй-Левицкий выстраивает этот эпизод по-особенному: в нем нет рыданий, слов взаимного прощения – только немые взгляды, в которых непонимание причин того, что случилось (Роман) и грусть, что ничего нельзя вернуть (Соломия). Градационной вершиной описываемого стала деталь интерьера – подоконник, на котором лежали как будто перчатки, а на самом деле – кожа, снятая целой с рук молодой женщины. Только заметив «перчатки», Роман заплакал, мгновенно осознав, что потерял главное в жизни – родного человека, через любовь к которому и можно было духовно возвыситься.

Нравственно противоположным смыслом наполнен образ-символ огня в романе «Столпы общества» (1893–1895) И. Франко. Эта стихия представлена не непосредственно как деформирующая мир субстанция, так как писатель показывает лишь последствия ее воздействия, но от этого картина не теряет силу эмоционального влияния. Описываются руины поместья, пепелище – и фантомы, появляющиеся ниоткуда перед главной героиней. Символика эпизода прозрачна: сгоревший дом – это одновременно и утраченный сакральный центр, так как бездомность, непривязанность ни к чему духовно разрушает человека, превращая его в перекачено поле – существо без корней, без памяти; и «перспектива» мира, в которой вечное объявлено преходящим и наоборот. В таком мире жизнь побеждается смертью, отсюда и соответствующие мистические элементы: леди Макбет, отмывающая руки от крови, русалка, поджидающая позднего прохожего, чтобы заманить его в воду и убить. Пожар также появляется и в снах Олимпии как знак того, что и «в душе бушует огонь разрушения» [2, с. 276]. Сама лишенная права на свободный выбор, она живет мстостью за фактически не прожитую жизнь, поэтому толкает сына на убийство отца. Показателен финальный эпизод романа, в котором автор выделяет деталь – карету-катафалк: в ней убийца мчится в город, чтобы с помощью сведущего адвоката попытаться избежать наказания. Катафалк всегда движется в одном направлении – к кладбищу и никому еще не удавалось вернуться оттуда. В дороге персонажа преследуют фурии (в греческой мифологии – эриннии, живущие в Аиде, где властвует, в том числе, стихия огня), которые мстят за грехи [4, с. 390]. И. Франко не завершил роман, однако, так как он написан на основе реальных событий, известно, что убийцы священника были оправданы. Соответственно, с помощью ряда *огонь – чернота – духовная смерть*, вопреки неоднородности его составляющих, автор подчеркивает: огонь утратил амбивалентность, превратился в разрушающую не только материальное пространство, но и естество человека, субстанцию.

В украинской романистике второй половины XIX в. представлено несколько произведений, в заголовках которых фигурирует стихия огня. Например, в романе Н. Чернявского «Зарницы» (1906–1924) она указывает на небесное явление – молнию и связана с изображением революционных процессов начала XX в. Символ молнии в роман введен для усиления отрицания насильственного способа изменения существующего строя. Это уже не возмущение атмосферы, переосмысленное нашими пращурами как «знамение для людей, чтобы не грешили» [5, с. 32], как «воздаяние и правосудие» [6, с. 67], а метафора карающего огня, который вырывается из дула пистолета. Такая «молния» лишь убивает, она не имеет возрождающей силы как оплодотворяющее землю начало, поэтому сакральный смысл Божьего наказания утрачивается, ибо смелость судить взял на себя человек, на что он, грешный, не имеет права.

Вместе с тем в анализируемый период значительно возросло количество примеров иного воплощения огненной символики, непосредственно связанной с психологической сферой «я» индивида. Мы выделим два, как нам кажется, наиболее показательных произведения – «Для домашнего очага» (1892) И. Франко и «Огни горят» (1902) М. Яцкова.

Так, И. Франко предложил сконцентрированный на межличностном конфликте ракурс видения отношений между людьми, выделив и исследовав психологические причины процесса деформации внутреннего «я» когда-то духовно близких людей. Не останавливаясь подробно на анализе поведенческих перипетий, поэтике их представления, так как это не является пред-

метод исследования в статье, подчеркнем одну показательную деталь, использованную автором для опосредованной характеристики причинно-следственной связи явлений, которые привели к трагическому финалу взаимоотношений. Описывая могилу Анели, И. Франко крупным планом показывает растущий подле нее кипарис – по верованиям предков, «мистический символ смерти и траура» [6, с. 143], кладбищенское дерево, крона которого напоминает «мертвое пламя». Последнее словосочетание является оксюмороном, так как огонь – подвижная стихия, вечно меняющаяся, непредсказуемая, она, по определению, не может быть мертвой, ибо пока огонь горит, он живой и только продукты его распада – головни, пепел – означают его смерть (по аналогии с живым человеческим телом и останками – прахом). Символическое значение кипариса проектируется на психомир Анели – «замкнутую в себе энергию», которую она использовала не во благо (в романе описывается торговля «живым товаром»). Героиня надеялась этим обезопасить собственный дом от негативного влияния «несовершенного» мира, узаконенного в своем абсурдном существовании самими людьми, для которых утаенная подлость перестает быть таковой. Общественные стереотипы уничтожили союз двоих (бездействие Антона, который искал ответы на вопросы, касающиеся источника семейного благополучия, во вне, а не в диалоге с женой, и незаконная деятельность Анели в итоге оказались одинаково губительными, так как ни один из них не смог переступить через социальную мораль); Ангаровичи перестали быть «людьми одного очага» [7, с. 217]; осквернив его ложью, нарушили равновесие космических сил, так как очаг издревле считался связующим звеном между небом, жизнью и предками, и тем обрекли свой дом на умирание: мать ушла из него навсегда, отец остался одиноким, дети – сиротами. Поэтому и заголовок романа мы объясняем с помощью антиномии смыслов его составляющих: позитивный смысл священного пространства нивелируется разорванными психологическими, этическими связями внутри семьи.

М. Яцков, наоборот, избрал для художественного воплощения изначально антитетическую пару, тем самым не только подчеркнув несовместимость морально-этических, мировоззренческих приоритетов персонажей, но и, как это не парадоксально, сформулировал на этой основе условие сближения моделей поведения. Для того чтобы увидеть небо, человеку нужно отрешиться от материального восприятия мира, обратиться к своей душе – «внутреннему небу», чтобы научиться изменять повседневность существования, ощущать сопричастность к сфере мироздания – бытию. Главные персонажи романа, Остап и Нина, по-разному разрешили для себя это противоречие: романтик Остап сумел избежать участи адаптировавшегося к социальной морали существа, приняв после жизненных испытаний пантеизм отца; реалистка Нина смирилась с общественными табу, стереотипами, нормами поведения. Она пренебрегла предостережением своей умудренной жизненным опытом бабушки, что небесным огням – свету вечности – трудно пробиться сквозь окутанные дымом преходящего (лицемерием, тщеславием, жестокостью) человеческие отношения. Дым тут – символ мимолетности, «затмевающий, удушающий» [2, с. 276], в романе ассоциируется и с туманом, который даже светлые моменты жизни, если они неискренние, превращает в серость, холод (свадьба Нины, во время которой произошло кровопролитие). Сам М. Яцков сознавался в «Слове от автора», что написал роман «для взрослых» как предостережение от греха, горя, то есть, дополним, использовал прием доказательства от обратного, чтобы показать – «Дороги сознания горьки» [8, с. 312].

Заключение. Символика огня достаточно широко представлена в украинском романном дискурсе второй половины XIX века. Как правило, с ее помощью авторы исследуют и художественно моделируют, допуская при создании «второй реальности» метафорическую зеркальность по отношению к действительности, две сферы человеческого существования – социальную и межличностную. Речь идет об изображении кардинальных изменений и их последствий, преимущественно негативных, в общественном строе, сфере идеологии, политики, что связано с непониманием диалектической связи между существованием, жизнью, бытием, вследствие чего один социальный стереотип сменяет другой.

Литература

1. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – Москва : МИФ : ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 576 с.
2. Жюльен, Н. Словарь символов : иллюстрированный справочник / Н. Жюльен ; Пер. с фр. С. Каюмова, И. Устьянцевой. – 2-е изд. – Б.м. : Урал Л.Т.Д., 1999. – 497 с.
3. Закон Божий, составленный по Священному Писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни. – Москва : Сретенский монастырь ; Новая книга ; Ковчег, 1998. – 704 с.
4. Королев, К. Энциклопедия сверхъестественных существ / К. Королев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ЭКСМО ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – 448 с.
5. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с.
6. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; Пер. с англ. С. Палько. – Москва : Фаир-пресс, 2001 – 448 с.
7. Шейнина, Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – Москва : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : ООО «Торсинг», 2002. – 591 с.
8. Яцків, М. Огні горять / М. Яцків // Муза на чорному коні : Оповідання і новели. Повісті. Спогади і статті / М. Яцків ; упорядкув., авт. передм. і прим. М. Ільницький. – Київ : Дніпро, 1989. – С. 312–421.

Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина

Поступила в редакцию 01.10.2016

Вербализация концепта «Родина» в поэзии А. Белого

Т.А. ОСИПОВА

Исследуются особенности вербализации концепта «Родина» в поэтическом наследии Андрея Белого. Концепт «Родина» является одним из ключевых у поэта. Анализ языковой объективации данного концепта соотносительно с мировоззрением А. Белого позволил установить, что чаще всего концепт «Родина» представлен лексемами *родина* (*Родина*), *Россия*, *отчизна*. Чаще всего Родина персонифицируется, предстает как личность, мать. Данный концепт может объективироваться также как бог, предмет, пространство, природная стихия. Исследование проводится в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, поэзия А. Белого, Родина, вербализация (объективация, репрезентация) концепта, образные средства.

The article examines the features of verbalization of the concept of «Homeland» in the poetic legacy of Andrei Bely. The concept of «Homeland» is a key poet. Analysis of linguistic objectification of the concept of correlative with the worldview of A. Bely revealed that most of the concept of «Homeland» is represented by tokens *Rodina* (*Motherland*), *Russia*, *fatherland*. The most common homeland personified, appears as a person, a mother. This concept can also be objectified as God, an object, space, natural element. Research is carried out in the framework of cognitive linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, concept, A. Bely poetry, Homeland, verbalization (objectification, representation) of concept, figurative means.

Концепт «Родина» – один из наиболее важных в творчестве А. Белого. Об этом свидетельствуют, в частности, названия его стихотворений: «Родине», «Родина», «К России», «Русь» и т. п. В данной статье будут рассмотрены особенности вербализации данного концепта в поэзии Андрея Белого соотносительно с особенностями его мировоззрения (все стихотворные контексты взяты из Национального корпуса русского языка [1]).

В словарях современного русского языка значение слова *Родина* определяется одноклассно. Приведем толкование из электронного Словаря С.И. Ожегова: «РОДИНА, -ы, ж. 1. Отечество, родная страна. Любовь к родине. Защита родины. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н.: Москва – его родина. Индия – родина шахмат. Вторая родина – место, давшее кому-н. приют, ставшее родным» [2].

Родина у Андрея Белого получает прежде всего традиционную поэтическую реализацию и предстает как мать: *Позволь же, о родина мать, В сырое, в пустое раздолье, В раздолье твое прорыдать* («Отчаянье» [Россия]); *Роковая страна, ледяная, Проклятая железной судьбой – Мать Россия, о родина злая, Кто же так подшутил над тобой?* («Родина» [Россия]). Таким образом, присутствует и общенародная объективация концепта (Родина – родная страна), и поэтико-метафорическая (Родина-мать). Мать обычно вызывает положительные ассоциации, однако у А. Белого Россия-мать определяется эпитетами с негативной окраской, она злая, суровая и немая: *Мать Россия! Тебе мои песни, – О, немая, суровая мать!* («Из окна вагона» [Россия]). Автор считает, что кто-то уготовил России такую тяжелую участь, что это судьба, которую нельзя изменить до определенного момента.

Таким образом, Родина олицетворяется и предстает как **живое существо, личность**, которая может производить различные действия: *И темная, огромная Россия Давила нас* («А.М. Поццо»); *Погасни, время!.. Родина, прими! Труби труба!..* («Возврат»). Родина вызывает у поэта негативные эмоции, старую Россию он оценивает отрицательно: *Все звонче/Песни похорон! Верч/Сиротеющей/Отчизны... И смерч, И вой, и стон/Времен* («Гнев» [Черч теней]). Родина у А. Белого роковая, проклятая, с железной судьбой; характеризуется эпитетами *ледяная, злая, темная*. Андрей Белый горюет о голодающем народе: *Те же росы, откосы, туманы, Над бурьянами рдяный восход, Холодеющий шелест поляны, Голодающий, бедный народ* («Родина» [Россия]). Стандартные пейзажи вызывают у поэта тоску, кажутся ему злыми: *Луна двурога. Блестит ковыль. Бела дорога* («Россия»).

Однако А. Белый любит Родину независимо ни от чего, просто потому, что это Родина: *Россия, увидишь и любишь Твой злой полевой небосклон* («Бегство» [Горемыки]). В целом этот представляет Россию как бедную, убогую страну, в которой проблемами являются пьянство и голод: *И кабаки, и погост, и ребенок, Засыпающий там у груди: – Там – убогие стаи избежнок, Там – убогие стаи людей* («Из окна вагона» [Россия]); *Поля моей скудной земли Вон там преисполнены скорби* («Русь [Россия]»). В таком убожестве люди похожи на животных, составляют стаи. Поэту хочется покинуть свою Родину, однако же он, как патриот, остается вместе с русским народом: *Россия, куда мне бежать От голода, мора и пьянства?* («Русь» [Россия]). В минуты отчаяния он хочет даже, чтобы Россия, которую он называет своей, исчезла: *Туда, – где смертей и болезней Лихая прошла колея, – Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!* («Отчаянье» [Россия]). Следует отметить часто встречающийся лексический повтор слова *Россия*, что создает экспрессию и позволяет передать накал эмоций автора.

Автор не злорадствует, а рыдает над своей Родиной-матерью, несмотря на то, что Россия давит его. Он и смеется, и, по его выражению, умирает: *Россия – Ты?.. Смеюсь и умираю, И ясный взор ловлю...* («К России»). По мнению А. Белого, старое пройдет, а новое будет лучше: *Наскучили/Старые годы... Измучили:/Сердце,/Скажи им: «Исчезните, старые/Годы!»* («Родина»). Россия выйдет сильной из всех испытаний: *В годы праздных испытаний, В годы мертвой суеты – Затвердевшей алмазом брани В перегоревших углях – Ты* («Родине»). По мнению автора, Россия еще не существует в полной мере, она еще должна проявить себя: *Играй, безумное дитя, Блистай летающей стихией: Вольнолюбивым светом «Я», Явись, осуществишь, – Россия* («Младенцу»).

Как отмечает Л.Т. Латыпова, ожидание мессии и мотив грядущего апокалипсиса у Андрея Белого можно объяснить влиянием символизма [3]. С присущим А. Белому как символисту мистицизмом он видит избавление Родины (России) в духовном мире: *Сухие пустыни позора, Моря неизливаемые слез – Лучом безглазого взира Согреет сошедший Христос* («Родине»); *И, оперяясь из весны, В лазури льются иерархии; Из легких крыльев лик Жены Смеется радостной России* («Младенцу»). Россия здесь снова предстает как личность и характеризуется эпитетом *радостная*. Таким образом, в данном контексте библейская Жена выступает спасительной силой. В другом случае автор представляет Россию как Жену. У России уже судьба не железная, а священная; именно о России, по мнению А. Белого, пророчествуется в Библии: *«В ней мне пророчески ясна Судьба священная России: Она есть Львовна, дочка Льва; Лев – символический, Иудин...»* («Первое свидание»). Андрей Белый развивает сравнение России с библейской Женой, с библейской Невестой: *Россия, Ты ныне Невеста... Приемли Весть Весны...* («Христос воскрес»); *Россия, Страна моя – Ты – та самая, Облеченная солнцем Жена, К которой Возносятся Взоры...* («Христос воскрес»). Так библейская Жена становится у поэта символом России. Традиционные символы России (береза, самовар, тройка и т. п.) обычно не находят отражения в поэтическом творчестве Андрея Белого. Можно привести единичные контексты типа Березы в вешнем лесе, Росея в серебре, – Провеяли «воскресе» На розовой заре... («Я» (1917)).

Автор подводит читателя к пониманию России как страны-богоносицы; к ней подняты взоры народов: *Визу явственно я: Россия, Моя, – Богоносица, Побеждающая Змия... Народы, Населяющие Тебя, Из дыма Простерли Длани* («Христос воскрес»). В данном произведении («Христос воскрес») в библейском контексте поэт символически понимает Россию как Марию-Богородицу, через которую был побежден Змий – сатана. Больше того, А. Белый представляет Россию как мессию, проводя параллель с Иисусом Христом: *Россия, Россия, Россия – Мессия грядущего дня!* («Родине»). Таким образом, Родина объективируется как **бог**. Как отмечает Л.Т. Латыпова, у Андрея Белого «образ Иисуса Христа становится одним из важнейших этапов духовной эволюции лирического героя. Божий Сын воспринимается как символ торжества вечности над смертью» [3].

По определению А.Л. Казина, «Белый постоянно обращал своё универсальное творческое сознание к образу Христа – и в прозе, и в поэзии, и в публицистике, и в теории символизма. Иногда всё творчество Андрея Белого называют эстетическим христианством. Другое дело, какое это было христианство. И было ли оно христианством вообще» [4, с. 91]. По

мнению этого исследователя, в стихотворении «Родина» (и в других произведениях А. Белого) Иисус Христос понимается не в библейском смысле: «Спаситель здесь – крылорукий дух, родственник по природе Млечному Пути, а вовсе не вторая ипостась Пресвятой Троицы, единосущный Создателю мира» [4, с. 93].

Андрей Белый, как патриот, любящий свою Родину, верит, что Россия изменится к лучшему, сможет подняться: *Встань, возликуй, восторжествуй, Россия! Грянь, как в набат, – Народная, свободная стихия Из града в град!* («Декабрь 1916 года»). В данном случае уместно провести параллель с творчеством А. Блока и С. Есенина. Как отмечают А.Г. Саносян и Е.В. Купчик, «образы родины – России в произведениях С.А. Есенина и А.А. Блока отличаются несходством, объяснимым и судьбами поэтов, и различием их художественных систем, и другими факторами. Общим же для обоих поэтов является патриотическое чувство, проявляемое независимо от привлекательности объекта любви, а также представление о родине, отраженное в знаменитых блоковских строках: Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые – Как слезы первые любви!» [5]. Тот же вывод можно сделать и применительно к мировоззрению А. Белого.

Во время политических потрясений, революций, которые Андрей Белый сравнивал со стихией, бурей, грозой, он в своей поэзии выступал против царизма, считая, что новый общественно-политический строй принесет народу России счастье. Затем народное восстание распространится далее, и Россия (Москва) принесет освобождение всему миру: *Занимайтесь, здания, Пламенем восстания! Занимайтесь заревом: Москва./Россия./Мир! Испугав огромное/Становище Каркающих галок и ворон, Рухни в лес знамен, Рухни ты,/Чугунное чудовище – Александра Третьего раздутая, литая/Голова!* («Первое мая»). Андрей Белый пафосно прославляет пролетарский праздник 1 Мая: *И да будет первое мая, Как зарево, От которого загорится: Москва./Россия./Мир!* («Первое мая»).

Концепт «Родина» репрезентируется также как **природная стихия (буря), огонь**: *Рыдай, буревая стихия, В столбах грозового огня! Россия, Россия, Россия, – Безумствуй, сжигающая меня!* («Родине»). Троекратный повтор слова *Россия* звучит как заклинание.

Концепт «Родина» представлен у автора и реализацией **место, пространство**: *Предубежденья мировые Над жизнью парят молодой – Предубежденья роковые Неодолимой чередой. Неодолимо донимают, Неутолимы и грозны, В тот час, как хаос отверзают С отчизны хлынувшие сны* («Ночь-отчизна» [Думы]).

Кроме того, Родина – это и некий **предмет**, с которым можно произвести определенные манипуляции: *Проклятый – / – Проклятый – проклятый – – Тот дьявол,/Который – / – В разъятой отчизне Из тверди / Разбил /Наши жизни [...]* («Маленький балаган на маленькой планете «Земля»); *Паду, отверстая отчизна, В темнот извечные рои* («Ночь-отчизна» [Думы]). Если концепт «Родина» вербализуется лексемой *отчизна*, то обычно поэт имеет в виду не земную родину, не земное отечество, а небесное, духовное. Данный концепт находит уже философски-религиозное понимание, что подчеркивается сложным цветовым эпитетом *небесно-голубая*: *Проносится над тайной жизни Пространств и роковых времен В небесно-голубой отчизне Легкоотекущий, дымный сон* («Жизнь» [Думы]). Здесь концепт «Родина» объективируется как **пространство**. Андрей Белый прямо называет отчизну *неземной*: *В поток быстротекущей жизни, В житейский грозовой туман, Забыв о неземной отчизне, Низринулся, и всё – обман* («Перед грозой» [Думы]).

Как отмечают исследователи, синий, голубой (небесно-голубой) цвет в русской поэзии часто и характеризует природу, и является средством создания символического образа духовной Руси. Так С.Н. Бабулевич определяет особенности поэтического творчества С. Есенина: «...Лексемы синий, голубой (а также их дериваты), активно реализуясь в качестве репрезентаторов цветовых ощущений, соотносённых с природой России: ее небом (чаще ярким, светло-синим), водными поверхностями, уходящим вдаль пространством и т. д., – через посредство данных цветообразов получают отраженность в семантической структуре наряду с цветовыми представлениями также и представления об источнике, их порождающем, то есть о самой есенинской Руси [...]. И этот образ «Голубой Руси», пронизанный идеей христи-

анства, идеей соборного слияния всего сущего в мироздании, является как бы связующим звеном между человеком и Богом» [6]. Нужно отметить, что лексема *Русь* как вербализатор концепта «Родина» не характерна для поэзии А. Белого. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано лишь 5 словоупотреблений данной лексемы. Слово *Русь* употребляется в контекстах, стилизованных под народные песни, а также с эпитетом *великая*: *Гой еси, широкие поля! Гой еси, всяя Руси поля! – Не поминайте лихом Бобыля!* («Плыла из оврага...» [Осинка]); *Ай люли-люли люли-люли-люли: Кабаки-то по всяя Руси поили!..* («Песенка комаринская» [Россия]); *Я – просторов рыдающий сторож, Исходивший великую Русь* («Полевой пророк» [Безумие]).

Итак, у поэта оптимистический прогноз для Родины: во-первых, социально-политические преобразования изменят Россию к лучшему, во-вторых, у каждого человека есть небесно-голубая неземная отчизна.

Таким образом, можно сделать выводы, что концепт «Родина» в поэзии А. Белого обычно вербализуется лексемами *Родина*, *Россия*, *отчизна*. Чаще всего Родина персонифицируется, предстает как личность, мать. Данный концепт может объективироваться также как бог, предмет, пространство, природная стихия. Образные средства, которые позволяют поэту выразить свое представление о Родине – это олицетворение, символ, метафора, эпитет, лексический повтор. Часто встречается двукратный или троекратный повтор слова *Россия*.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://search.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.02.2017.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/words/30824.shtml>. – Дата доступа : 17.02.2017.
3. Латыпова, Л.Т. Танатологические мотивы в поэзии А. Белого / Л.Т. Латыпова // Филологические науки в России и за рубежом : материалы Междунар. науч. конф., г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г. – СПб. : Реноме, 2012. – С. 24–27.
4. Казин, А.Л. Христианская тема в творчестве Андрея Белого советского периода / А.Л. Казин // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 84. – С. 91–95.
5. Саносян, А.Г. Концепт «Родина» в поэзии С.А. Есенина и А.А. Блока [Электронный ресурс] / А.Г. Саносян, Е.В. Купчик. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rodina-v-poezii-s-a-esenina-i-a-a-bloka#ixzz4FgA9gr8u>. – Дата доступа : 17.02.2017.
6. Бабулевич, С.Н. Цветовые обозначения как средство реализации концепта «Родина» в художественной картине мира С. Есенина [Электронный ресурс] / С.Н. Бабулевич. – Режим доступа : <http://www.disscat.com/content/tsvetooboznacheniya-kak-sredstvo-realizatsii-kontsepta-rodina-v-khudozhestvennoi-kartine-mir#ixzz4Ud1fobq1>. – Дата доступа : 17.02.2017.

УДК 811. 161. 3' 25' 373: 398. 92: 811. 111

Способы і прыёмы перадачы фразеалагізмаў з аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча ў англамоўным перакладзе

С.В. ПАДАБЕДАВА

На матэрыяле выяўленых фразеалагічных адзінак у аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча і іх перакладу на англійскую мову вызначаюцца спосабы і прыёмы перадачы, устанаўліваюцца прычыны іх выкарыстання пры перакладзе твора на англійскую мову.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, эквівалент, аналаг, калькаванне, лексічнае значэнне, пераклад.

The the Belarusian and English phraseological units, which have been identified from the novel «King Stach's Wild Hunt» by V. Karatkevich are analyzed. Methods and techniques for the transmission of phraseological units are determined. The reasons for their use when translating a work into English are established.

Keywords: phraseology, equivalent, analogue, tracing, lexical meaning, translation.

Пераклад фразеалагічных адзінак (ФА) – адна з самых складаных і цікавых задач, якая вырашаецца ў рамках сучаснай тэорыі перакладу. Вывучэннем перакладу фразеалагічных адзінак займаліся многія лінгвісты, сярод якіх Т.А. Казакова, А.У. Кунін, А.Ф. Арсенцьева, С. Влахаў і С. Флорын, Я.Н. Марозава і інш. Распрацаваная тэорыя перакладу ФА заснавана на лінгвістычнай класіфікацыі, якая грунтуецца на непадзельнасці ФА, злітнасці яе кампанентаў, матываванасці, метафарычнасці і г. д. Адзначаецца цяжкасць перакладу ФА з адной мовы на другую, што тлумачыцца складанасцю іх семантычнай структуры, паколькі ФА – устойлівая, узнаўляльная, не менш як двухкампанентная моўная адзінка, якая спалучаецца са словамі свабоднага ўжывання і мае цэласнае значэнне, ня роўнае суме значэнняў яе кампанентаў. Частковая або поўная неадпаведнасць плана зместу плану выражэння вызначае спецыфіку ФА, стварае складанасць ў выбары спосабу і прыёму перадачы на другой мове. Цяжасці адэкватнага разумення і перакладу ФА абумоўлены таксама іх вобразнасцю, унутранай формай, паколькі ФА адлюстроўваюць своеасаблівасці культуры і побыту народа, яго гісторыю, нацыянальны каларыт, урэшце, светапогляд іх носьбітаў.

Разам з тым ФА – неад'емная частка сістэмы вобразных сродкаў. Да таго ж у мастацкіх творах ФА выкарыстоўваюцца як у нязменным, усталяваным выглядзе, так і ў трансфармаваным, са змененай структурнай арганізаванасцю і іншымі экспрэсіўна-стылістычнымі ўласцівасцямі, што, безумоўна, ускладняе іх пераклад. У прыватнасці, аўтару перакладу беларускіх ФА неабходна перадаць іх сэнс і адлюстраваць іх вобразнасць на англійскай мове і пры гэтым не згубіць іх стылістычную функцыю. Таму перад перакладчыкам паўстае некалькі задач: па-першае, вылучыць ФА, па-другое, праналізаваць іх, бо часам аўтар можа трансфармаваць такую адзінку, выкарыстаць яе частку, або нават калі супастаўляльныя ФА супадаюць па сэнсе, яны могуць мець розную эмацыйную функцыю, стылістычную афарбоўку. Такім чынам, перакладчык вымушаны ўбачыць аўтарскую трансфармацыю, вызначыць яе прызначэнне і ацэнку, а ўжо потым адлюстраваць яе на англійскай мове, каб перадаць эфект такой ФА, якая была выкарыстана аўтарам у арыгінальным тэксце. Але добра распрацаваная тэорыя перакладу патрабуе распрацаваную практычную частку, у тым ліку асабліва ў адносінах да беларускай і далёка роднаснай англійскай мовы. З гэтай прычыны цікавым з'яўляецца выяўленне спосабаў і прыёмаў перадачы фразеалагізмаў з аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча [1] у англійскім перакладзе М. Мінц «King Stach's Wild Hunt» [2].

У беларускай аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча намі выдзелена каля 200 ФА, якія былі перададзены на англійскую мову рознымі спосабамі і прыёмамі. Пераклад ФА ўмоўна можна падзяліць на фразеалагічны і нефразеалагічны спосабы перадачы.

Да **фразеалагічнага спосабу** перадачы адносяцца прыёмы *фразеалагічнага эквіваленту* (поўны фразеалагічны эквівалент і частковы фразеалагічны эквівалент) і *фразеалагічнага аналогу*. Прыём фразеалагічнага эквіваленту азначае, што пры выкарыстанні адпаведнікаў захоўваецца ўвесь комплекс значэнняў перакладной ФА. Наш матэрыял паказвае, што пераклад фразеалагічным эквівалентам складае самую аб'ёмную групу (каля 45 % ад агульнай колькасці ФА, выяўленых у аповесці), дзе найперш выдзяляюцца *поўныя фразеалагічныя эквіваленты* беларускай і англійскай моў, якія паводле вобраза, фразеалагічнага значэння, структурна-граматычнай арганізацыі, кампанентнага складу і стылістычнай афарбоўкі поўнасьцю супадаюць. У прыватнасці, гэта найперш эквіваленты, крыніцай якіх з'яўляецца Біблія, напрыклад: *блудны сын* 'легкадумны, свавольны чалавек, які раскаяўся ў сваіх памылках' [3, с. 413] – *the prodigal son* 'блудны сын [этым. бібл. Лука XV, 11–12]'; *соль зямлі* 'лепшыя прадстаўнікі народа, цвет якога-н. асяроддзя' [4, с. 367] – *the salt of the earth* 'соль зямлі [этым. бібл. Матфей V, 13]' [5, с. 655]; *да другога прышэсця* 'неакрэслена доўга' [3, с. 59] – *till Doomsday* 'да сканчэння стагоддзя, бясконца' [5, с. 223] і інш.

Да поўных эквівалентаў адносяцца і тыя ФА, якія супадаюць на аснове агульнасці вопыту і назіранняў прадстаўнікоў двух народаў, напрыклад: *хапаць за горла* – *to grab by the throat* (дасл. *хапаць за горла*), паколькі іх яднае агульнае значэнне ('сілай прымушаць да чаго-н.'), аднолькавая структура («V + prep + N»), агульны кампанентны склад, адна і тая ж экспрэсіўна-ацэначная афарбоўка і ўнутраная форма; *блакітная кроў* – *blue blood* (дасл. *блакітная кроў*), дзе аднолькавае значэнне ('чалавек дваранскага паходжання') і структура («Adj + N»); *як мышы пад шапкай* – *like mice under a hat* (дасл. *як мышы пад шапкай*) з агульным значэннем ('вельмі ціха, бяшумна ці спалохана') і граматычнай структурай («prep + N + prep + N») і інш.

Поўнымі фразеалагічнымі эквівалентамі з'яўляюцца і ФА, крыніцай паходжання якіх з'яўляюцца грэчаскія міфы: *Пірава перамога* – *a Pyrrhic victory* 'Пірава перамога (перамога, якая каштавала вялікіх ахвяраў) [паводле падання, цар эпірскі Пір пасля перамогі над рымлянамі ўсклікнуў: «Яшчэ адна такая перамога, і я застануся без войска!»]' [5, с. 789]; ФА лацінскага паходжання: *багаты як Крэз* 'багач' [6] – *(as) rich as Croesus* 'багаты як Крэз' [5, с. 186]. У творы аўтар і перакладчык ужываюць дадзеную ФА з апушчаным кампанентам *багаты*, паколькі з цягам часу ўласнае імя *Крэз* набыло агульны характар і стала асацыявацца з выразам *багаты чалавек*: *Я быў поруч з ёй Крэз* – *I was Croesus in comparison with her* (дасл. *Я быў Крэзам у параўнанні з ёй*).

У прыведзеных поўных фразеалагізмах-эквівалентах назіраецца супадзенне кампанентаў-слоў фразеалагічнага выразу як на дэнататыўным, так і на канатацыйным узроўнях, г. зн. поўнае супадзенне ФА паводле семантыкі, граматычнай формы, эмацыянальна-экспрэсіўнай характарыстыкі і ўнутранай формы, што і вядзе да іх функцыянальна-сэнсавай тоеснасці.

Частковыя фразеалагічныя эквіваленты – міжмоўныя ФА, якія маюць «некаторыя разыходжанні ў плане выражэння тоеснай семантыкі і лексіка-граматычнага характару» [7, с. 5]. У прыватнасці, наступныя ФА: *наступлю <яму> на мазоль* – *step on <his> toes* (дасл. *наступіць на яго пальцы ног*), дзе адно і тое ж значэнне ('закранаць тое, што асабліва хвалюе каго-н., выклікае боль, пакуты'), аднолькавая структура («V + <pron> + prep + N»), але адрозны кампанент (бел. *мазоль* – англ. *toes* 'пальцы ног'), што выяўляе разыходжанне ўнутранай формы; ФА *вочы <мае> палезлі на лоб* – *eyes popped out of <my> head* (дасл. *вочы вылезлі з <маёй> галавы*), дзе адно і тое ж значэнне ('хто-н. выказвае вялікае здзіўленне, моцны спалох, страх'), але адрозненне кампанентам (бел. *лоб* – англ. *head* 'галава') і структурна-граматычнай арганізацыяй пры падабенстве вобразаў (бел. «N + <pron> + V + prep + N» – англ. «N + V + prep + <pron> + N»); *круціцца ў галаве* – *head in a whirl* (дасл. *галава ў віхры*), якія маюць адно значэнне ('пастаянна знаходзіцца ў свядомасці, у думках'), валодаюць тоеснай эмацыянальна-стылістычнай характарыстыкай, заснаваны на агульным кампаненце, але адрозніваюцца структурай (бел. ФА «V + prep + N» – англ. ФА «N + prep + N»); *пальцам аб палец не стукнуць* – *didn't lift a finger* (дасл. *не паварушыў пальцам*), якія маюць адно і тое ж значэнне ('нічога не зрабіць, нічым не дапамагчы каму-н. '), але розныя структурна-граматычныя мадэлі (бел. «N + prep + N + V» – англ. «V + prep + N») і інш.

Як відаць, супастаўляльныя частковыя фразеалагічныя эквіваленты маюць агульны план зместу, а план выражэння характарызуецца некаторымі разыходжаньнямі.

Да фразеалагічнага способу перадачы адносіцца і прыём *фразеалагічнага аналагу*: калі ў англійскай мове адсутнічае фразеалагічны эквівалент да беларускай ФА, то перакладчык павінен знайсці англамоўную ФА з такім жа сэнсам, але з іншым вобразам. Пры англамоўным перакладзе аповесці У. Караткевіча перадача беларускага фразеалагізма з дапамогай падбору фразеалагічнага аналагу складае нязначную частку. Напрыклад: ФА *ані на шэлег* 'ніколькі, зусім (не мець, не псаваць і пад.)' [4, с. 588] – ФА *not a bit* (дасл. *ніколькі*) 'ніколькі, зусім няма, ніякім чынам, нічога падобнага' [5, с. 86], дзе міжмоўныя ФА заснаваны на розных кампанентах (бел. *шэлег* і англ. *bit* 'маленькая частка чаго-н.'), але маюць тоеснае значэнне 'ніколькі'; ФА *зямля пухам* 'у адносінах да нябожчыка як выказванне добрай памяці пра яго' [3, с. 459] – ФА *rest in peace* 'здабыць душэўны спакой' [5, с. 569], дзе фразеалагічныя аналагі маюць адрозныя структуру і кампаненты (бел. *зямля* і англ. *peace* 'свет/спакой'); ФА *ва ўсе лапаткі* 'вельмі хутка (бегчы, імчацца і пад.)' [3, с. 560] – ФА *have the heels of smb* 'абагнаць, папярэджваць каго-н., пакідаць каго-н. ззаду; бегчы хутчэй за каго-н.' [5, с. 379], якія адрозніваюцца вобразам і кампанентамі (бел. *лапаткі* і англ. *heels* 'пяткі') пры адэкватнасці значэння.

Да **нефразеалагічнага способу** перадачы адносіцца прыём *калькавання ФА* (даслоўны пераклад). Як адзначае Л.Ф. Дзмітрыева, калькаванне фразеалагізмаў можа выкарыстоўвацца толькі ў тым выпадку, калі ў выніку калькавання «атрымліваецца выраз, вобразнасць якога лёгка ўспрымаецца будучым чытачом і не стварае ўражання ненатуральнасці і неўласцівасці агульнапрынятым нормам мовы, на якую вядзецца пераклад» [8, с. 64]. Вось прыклады з аповесці: ФА *жывы труп* 'вельмі слабы, хворы, блізкі да смерці чалавек' [3, с. 454] – *a living corpse* (дасл. *жывы труп*); ФА *стол ламаўся* 'шмат настаўлена чаго-н. (харчовых прадуктаў)' [4, с. 398] – *the table was bursting* (дасл. *стол разрываўся/развальваўся*); ФА *ўсміхнуўся ў вусы* 'смяяцца, пасміхацца ціха і непрыкметна' [3, с. 197] – *smiled into moustache* (дасл. *смяўся ў вусы*); ФА *глухі куток* 'глухая, аддаленая мясціна' [3, с. 553] – *the remote corner* (дасл. *аддалены кут*); ФА *звесці ў магілу* 'даводзіць да смерці, гібелі каго-н.' [3, с. 430] – *to send to the grave* (дасл. *адправіць у магілу*) і інш. Адзначаюцца выпадкі, калі перакладчык мог перадаць ФА з дапамогай англамоўнага фразеалагічнага аналагу, але чамусьці выкарыстоўвае прыём калькавання. У прыватнасці гэта датычыць: ФА *складаць галаву* 'гінуць у баі, ахвяроўваць сабой' [3, с. 513], якая перадаецца *lay their heads* (дасл. *кладуць свае галавы*), хаця ў англійскай мове ёсць фразеалагічны аналаг – *give (lay down) one's life* 'аддаць сваё жыццё, ахвяраваць жыццём' [5, с. 453]. Англамоўная ФА мае тоеснае значэнне да беларускай ФА, але заснавана на іншым вобразе (у бел. *галава*, а ў англ. *life* 'жыццё'); ФА *напіўся, як свіння* 'вельмі моцна' [4, с. 325] перадаецца калькай *as drunk as a pig* (дасл. *напіўся, як свіння*), у той час, як існуе англамоўны варыянт *drunk as an owl/fish* 'моцна напіўся' [5, с. 229] (дасл. *напіўся, як сава/рыба*). Міжмоўныя аналагі валодаюць агульным значэннем, але адрозніваюцца вобразам, на якім заснаваны ФА (беларусы параўноўваюць п'янага чалавека з *свіннёй*, а англічане з *савой* альбо *рыбай* (*owl/fish*)); ФА *не да смеху* 'ў каго-н. няма прычын, жадання весяліцца, жартваць' [5, с. 364] перадаецца *far from laughing* (дасл. *далёка да смеху*), хаця існуе слоўнікавы аналаг *no joke* 'не да жарту' [5, с. 420], і інш.

Выкарыстаны перакладчыкам прыём калькавання падкрэслівае беларускую вобразную аснову ФА, што можа паспрыяць вобразнаму ўспрымання заходніх чытачоў, а таксама пранікненню і выкарыстанню такіх ФА ў англійскую мову.

Калі беларуская ФА не мае ні ФА-эквівалента, ні ФА-аналагу на англійскай мове ці не можа быць перакладзена з дапамогай прыёму калькавання, бо даслоўны пераклад не заўсёды можа быць ужыты, паколькі перакладчыку вельмі часта бывае складана данесці некаторыя вобразы і элементы культуры беларускага народа, на якой быў створаны арыгінальны тэкст, то перакладчык выкарыстоўвае адзін з двух прыёмаў: *лексічны пераклад* і *прыём апісальнага перакладу ФА* (дэскрыптыўны пераклад).

Прыём лексічнага перакладу выкарыстоўваецца, як правіла, у тых выпадках, калі дадзенае паняцце абазначаецца ў беларускай мове ФА, а ў англійскай – словам. Так, некаторыя беларускамоўныя ФА, выяўленыя ў тэксце, перадаюцца англійскімі дзеясловамі, якія з'яўляюцца лексічнымі эквівалентамі: ФА *прыйшла ў галаву думка* 'раптоўна,

выпадкова з'яўляцца ў свядомасці. Пра думку, ідэю і пад.' [5, с. 225] – *I decided* (дасл. *вырашыў*); ФА *кінуў позірк* 'глядзець зрэдку ці мелькам, імгненна' [4, с. 504] – *glanced at* (дасл. *зірнуў на*); ФА *ў вочы не бачылі* 'зусім і ніколі (не бачыць каго-, што-н.)' [4, с. 194] – *have never seen* (дасл. *ніколі не бачылі*); ФА *кідаецца ў вочы* 'міжвольна запяняць на сябе чыю-н. увагу, быць асабліва прыкметным' [4, с. 503] – *stood out* (дасл. *вылучацца*) і інш.

Паколькі лексічны і апісальны прыёмы перакладу адлюстроўваюць толькі лексічнае значэнне арыгінальнай ФА, то мэтазгодна будзе іх аб'яднаць у адзін прыём – *пераклад ФА без захавання вобраза*. Так, у аповесці вызначаны наступныя ФА, якія перадаюцца дэскрыпцыйна: ФА *на вагу золата* 'вельмі значны, каштоўны, цэнны' [3, с. 145] перадаецца сказам *cannot be bought even for gold* (дасл. *не можа быць куплена нават за золата*); ФА *даў сабе слова* 'цвёрда абяцаць што-н., запэўніваць у чым-н.' [3, с. 307] перададзена словазлучэннем *promised myself* (дасл. *паабяцаў сабе*); ФА *на плячы* 'даступны для выканання ці разумення; адпавядае чым-н. здольнасцям, магчымасцям' [4, с. 196] перадаецца як *fulfil everything* (дасл. *усё выканаю*); ФА *чым не жартуе д'ябал* 'усё можа здарыцца, усякае бывае. Выказванне дапушчальнасці ці магчымасці чаго-н. непрадбачанага, нечаканага' [4, с. 564] перадаецца спалучэннем *you never can tell* (дасл. *адкуль ведаць*) і інш.

Варта адзначыць, што такая перадача не заўсёды з'яўляецца абгрунтаванай, паколькі ў аповесці вызначаны выпадкі, калі перакладчык выкарыстоўвае перадачу ФА без захавання вобраза, але пры гэтым у англійскай мове існуюць фразеалагічныя аналагі. Напрыклад: *Ты ж ведаеш, што ён [Варона] да яе [Надзеі] сватаўся і атрымаў гарбуза* – *You must have heard that he [Varona] proposed to Nadzieja, and got a refusal for an answer*. ФА *атрымліваць гарбуз* 'абнеслаўляцца пры сватаўстве, не дабіўшыся згоды на шлюб' [4, с. 83] перадаецца словазлучэннем *got a refusal* (дасл. *атрымаў адмову*), г. зн. лексічным спалучэннем, якое адпавядае значэнню беларускай ФА. Зразумела, што пераклад ФА *атрымаць гарбуза* на іншую мову, асабліва няроднасную, выклікае цяжкасці, бо як простаму чытачу іншай культуры, побыту і зусім іншага менталітэту зразумець, што азначае гэты сімвал. Таму, напэўна, перакладчык вырашае перадаць такую ФА проста значэннем, якім яна валодае. Хаця ў англійскай мове згодна слоўніку існуе нават некалькі варыянтаў фразеалагічнага аналага – *give smb. his marching orders/his walking papers; give smb. the air, ax, bounce, gate, mitten, push или sack* 'адмовіць жаніху, даць каму-н. адстаўку; ад варот паварот, пакінуць каго-н. з носам' [5, с. 315]. Як бачна, перакладчык сам вырашае, як зрабіць той ці іншы пераклад ФА. Безумоўна, для беларускага чытача было б прыемна ўбачыць дадзеную каларытную ФА, якая адлюстроўвае побыт беларускага народа, у англамоўным перакладзе. Думаецца, што М. Мінц лепш было б проста зрабіць даслоўны пераклад ФА, перадаць яе калькаваннем (*to get a pumpkin*) і з дапамогай спасылкі даць яе лексічнае тлумачэнне або зрабіць тлумачэнне з дапамогай англамоўнага фразеалагічнага аналага і такім чынам давесці заходнім чытачам такі арыгінальны выраз беларусаў... Але гэта толькі меркаванне.

Асобна адзначым факт перакладу, які не адносіцца ні да аднога з прыёмаў перадачы ФА. Гэта пераклад беларускай ФА на англійскую мову з іншым сэнсам, што выяўляецца пры параўнанні арыгіналу і перакладу: *У мяне сліна цячэ ад адных успамінаў. Даўнія пергаментныя кнігі, кнігі на першай порыстай паперы, кнігі на жоўтай ад старасці, гладкай ільснянай паперы...* Так, ФА *сліна цячэ* 'ў каго-н. узнікае моцнае жаданне набыць што-н., завалодаць чым-н. прывабным, спакуслівым' [4, с. 354] перадаецца спалучэннем *my heart stops* (дасл. *маё сэрца спыняецца*), што, відавочна, абумоўлена ўплывам рускага перакладу (*У меня сердце замирает при этих воспоминаниях* [9, с. 34]). Такая сэнсавая памылка, зробленая ў рускамоўным перакладзе, адлюстравалася і ў англамоўным, паколькі руская ФА *сердце замирает* мае значэнні 'хто-н. адчувае глыбокую тугу, смутак або моцны страх, дрэннае прадчуванне у сувязі з чым-н.'; 'хто-н. адчувае асалоду, супакаенне, пачуццё радасці' [6]. Як бачым, супастаўляльныя ФА маюць рознае значэнне, і памылка, зробленая М. Мінц, мае свае вытокі з рускамоўнага перакладу.

Такім чынам, аналіз фразеалагічных адзінак беларускай мовы і іх перадачы ў англамоўным перакладзе М. Мінц аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча дазваляе канстантаваць наяўнасць двух спосабаў перакладу фразеалагізмаў: фразеалагічны

спосаб (падбор фразеалагічнага эквівалента – поўнага і частковага ці фразеалагічнага аналага) і нефразеалагічны спосаб (прыём калькавання і пераклад ФА без захавання вобраза). Выбар таго або іншага спосабу і прыёму залежыць ад характару арыгінальных фразеалагізмаў, валодання аўтарам беларускай мовай, а таксама перакладчыцкім адчуваннем знаходжання такой адзінкі і ўменнем прадбачыць, як той або іншы фразеалагізм будзе ўспрымацца англамоўнымі чытачамі. Супастаўленне фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў на матэрыяле аповесці паказвае, што найбольш часта прымяняецца фразеалагічны спосаб перакладу (фразеалагічны эквівалентны пераклад складае каля 45 %, а фразеалагічны аналаг – каля 11 %). Такая перадача сведчыць аб універсальных характарыстыках фразеалагізмаў супастаўляльных моў.

Крыху менш па суаднесенасці складае нефразеалагічны спосаб перакладу, у які ўваходзяць прыём перакладу ФА без захавання вобраза – каля 23 %, прычынай выкарыстання якога стала нацыянальна-культурная спецыфіка беларускіх фразеалагізмаў, якія не могуць быць дастаткова адлюстраваны ў англійскай мове, і прыём калькавання – каля 19 %, які паказвае на важнасць захавання для перакладчыка нацыянальнага каларыту твора і самабытнасці беларускіх фразеалагізмаў.

Факт перадачы беларускіх фразеалагізмаў на англійскую мову з іншым сэнсам складае каля 2 % і паказвае на сэнсавыя памылкі, дапушчаныя перакладчыкам, прычыны якіх крыюцца ў недакладным валоданні беларускай мовай і тэксту з фразеалагізмамі. Перадача фразеалагізмаў патрабуе асаблівага падыходу падчас перакладу, і супастаўленне беларускай аповесці і яе англамоўнага перакладу паказвае, што неперакладных фразеалагізмаў амаль не існуе, патрэбны толькі добрае валоданне мовамі, здольнасці і магчымасці перакладчыка, яго вопыт і любоў да абедзвюх культур і народаў.

Літаратура

1. Karatkievic, U. King Stachs Wild Hunt [Electronic resource] / U. Karatkievic ; Translated by Mary Mintz. – Mode of access : <http://knihi.com/Uladzimir Karatkievic/King Stachs Wild Hunt-en.html>. – Date of access : 17.01.2016.
2. Караткевіч, У. Зямля пад белымі крыламі: Нарыс / У. Караткевіч // Дзікае паляванне караля Стаха: аповесць. – Мінск : Юнацтва, 1995. – С. 183–368.
3. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1: А–Л. – 590 с.
4. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 2: М–Я. – 607 с.
5. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин ; Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс] / М.И. Михельсон. – Режим доступа : http://slovarionline.ru/bolshoy_tolkovo_frazeologicheskii_slovar_mihelzona. – Дата доступа : 19.07.2016.
7. Кунин, А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском словаре / А.В. Кунин // Тетради переводчика. – 1964. – Вып. 2. – С. 3–20.
8. Английский язык. Курс перевода: книга для студентов / Л.Ф. Дмитриева, С.Е. Кунцевич, Е.А. Мартинкевич, Н.Ф. Смирнова. – 2-е изд. – М. : ИКЦ МарТ, 2008. – 304 с.
9. Короткевич, В. Дикая охота короля Стаха: повесть / В. Короткевич ; Авториз. пер. с белорус. В. Щедриной. – Минск : Юнацтва, 1983. – С. 3–175.

Концептуальная метафора как средство вербализации концепта «государство» в дискурсе антиутопии (сопоставительный аспект)

И.Д. Стоянова

Изучаются средства выражения концепта «государство», который является одним из базовых в концептуальном пространстве дискурса антиутопии. Представлены типы концептуальных метафор и изучены корреляты метафор, привлекаемые авторами для осмысления понятий, составляющих концептосферу «государство» в дискурсе антиутопии. Установлено, что наиболее часто встречающимся видом метафоры в исследуемом типе дискурса является онтологическая метафора. Анализируются универсальные и этноспецифические типы концептуальных метафор в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии.

Ключевые слова: дискурс антиутопии, концепт, концептуальная метафора, онтологическая метафора, корреляты.

The means of verbalization of the concept «state» are studied. It is considered to be one of the basic concepts of the conceptual space of the discourse of anti-utopia. The types of conceptual metaphors are represented; correlation of the tenors that form the conceptual space of the notion «state» and corresponding vehicles in the investigated type of discourse are scrutinized. In the analyzed languages the most productive type of conceptual metaphor is ontological metaphor. The universal and ethnospecific types of conceptual metaphors in English, Ukrainian and Russian discourse of anti-utopia are discussed.

Keywords: discourse of anti-utopia, concept, conceptual metaphor, ontological metaphor, correlate.

В статье рассматриваются особенности вербализации концептуальной метафоры как средства актуализации лингвокультурного концепта «государство» в дискурсе антиутопии. Определение современными лингвистами дискурса как особого ментального мира или концептосферы в динамике требует от исследователей не ограничиваться только анализом коммуникативных стратегий, характерных для того или иного вида дискурса, но и заниматься поиском концептов, составляющих его семантическую основу, изучать особенности вербализации этих концептов в языке. Исследование каждого из типов дискурса предполагает анализ характерных для него языковых единиц. Актуальность исследования определена антропоцентрической природой изучаемого концепта и его принадлежностью к фундаментальным ментальным представлениям, которые составляют основу процессов категоризации и концептуализации социокультурной действительности, а также привлечением когнитивно-дискурсивных методик анализа, что открывает новые возможности изучения концептов через их функционирование в дискурсе. Учитывая то, что одним из инструментов познания в когнитивной лингвистике является когнитивная метафора, именно через ее призму будет исследоваться наш материал.

Цель статьи – раскрыть лингвокультурную специфику концепта *государство* путем выяснения места когнитивной метафоры в языковом выражении определенного концепта в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии. Объектом исследования является концептуальная метафора в дискурсе антиутопии. Материалом исследования стали контексты дискурса антиутопии, выделенные методом сплошной выборки из 53 художественных произведений жанра антиутопии английских, украинских и российских авторов двадцатого столетия. Объем составил более 13700 страниц, а именно 4738 в английском языке, 4083 в украинском языке и 4879 – в русском.

Концепт «государство» относится к сфере социальной и политической жизни и является очень важным для существования и развития любой нации, поэтому отношение граждан к государству зависит от исторических и политических традиций того или иного этноса. Именно традиции отношения к государству и фиксируются в языке на разных стратификационных уровнях.

Формирование и развитие концептов является результатом мыслительного конструирования предметов и явлений. Указанный когнитивный процесс квалифицируется как *концеп-*

туализация [1, с. 16–18], которая характеризуется многоканальностью и целостностью получения и переработки информации [2, с. 25] и направлена на выделение в сознании субъекта познания минимальных смысловых единиц опыта, которые приобретают языковую форму.

Поскольку в образовании концептов участвуют предварительно осмысленные данные, концептуализация опирается на такой когнитивный процесс, как *категоризация* [3, с. 23–24]. Под категоризацией понимают разделение внешнего и внутреннего миров человека на категории, которые отражают знания о сущности ее существования, а также отнесения к сложившимся категориям явлений, объектов и процессов, имеющих определенные сходства [4, с. 28].

Анализ языкового материала позволяет выявить языковые средства и объяснить особенности вербализации концепта «*государство*» в английской, русской и украинской языковых картинах мира. Как отмечает Н.Н. Болдырев [3, с. 26], «структура и содержание различных концептов проявляются через значения языковых единиц, представляющих тот или иной концепт, их словарные дефиниции, речевые контексты».

Анализ текстовых фрагментов дискурса антиутопии позволяет сделать вывод о том, что образно-ценностная составляющая концепта «*государство*» эксплицируется в сопоставляемых языках разноуровневыми языковыми средствами. Универсальным языковым средством, с помощью которого актуализируется образно-ценностная составляющая этого концепта в дискурсе антиутопии, является *концептуальная метафора*.

Основу метафоризации, согласно теории концептуальной метафоры, составляет процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-цели (target domain). В результате направленности метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень, которая сформировалась как результат опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют понятную концептуальную сферу-цель, и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Основным источником знаний, которые формируют концептуальные домены, есть опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным, конечно, является физический опыт, который организует категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем-образов» (image schemas) (теория «телесного ума») [5].

Человек, согласно когнитивной методологии, склонен реагировать не на реальность как таковую, а на собственные когнитивные репрезентации реальности. Поэтому и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой ментальных репрезентаций человека, и «выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [6]. Этим можно объяснить особенно высокий интерес современных исследователей к изучению концептуальной метафоры в области коммуникации [7], [8, с. 142], [9, с. 114], [10], [11], [12], [13], [14, с. 426], [15].

На основании результатов анализа дискурсивных реализаций концепта в языках набора определено, что образная интерпретация концепта «*государство*» в дискурсе антиутопии осуществляется преимущественно с помощью онтологических метафор, которые являются «средствами передачи событий, действий, эмоций как предметов и вещей» [16, с. 388]. Спектр концептуальных метафор включает 2 типа: «*государство – неспецифицированный объект*», «*государство – материальный объект/феномен*». Анализ дискурсивных реализаций концепта в языках набора обнаружил, что достаточно репрезентативным является коррелят *неспецифицированный объект*, который объективирует концептуальную метафору: «*государство – существо*»: (см. прим. (1), (2), (3), (4) (5), (6), (7)):

(1) «...will not the government decide what is crime and pump out the life and guts and will of whoever sees fit to displease the government» (Burg);

(2) «А уряд не дає змоги громадянству боронитись, сховав голову в пісок і думає, що все гаразд» (Андр);

(3) «государство – существо», причем актуализируются такие признаки: «государство – мошенник»:

(4) «...с каждого рубля, Государство берет себе 25 %, а с сегодняшнего дня – 33 %. Вот кто главный жулик. Государство работает без отмычек» (Плат);

– «государство – убийца»:

(5) «...власти выступают прямыми убийцами, когда вооружают охранные силы для истребления инакомыслящих» (Зин);

– «власть – животное»:

(6) «Эта власть в людоедском запале не могла не пожрать самое себя» (Див);

«субъект власти – насекомое»:

(7) «...в центре сейчас сядет белый, мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья» (Зам).

Коррелят неспецифицированный объект актуализирует такую концептуальную метафору как «власть – трофей»: (см. прим. 8, 9, 10):

(8) «*We know that one ever seizes power with the intention of relinquishing it*» (Orw);

(9) «...ті, що зробили революцію і здобули владу» (Кож);

(10) «...держа в руках королевскую власть, Король с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы ее удержать» (Иск).

В английском дискурсе антиутопии коррелят неспецифицированный объект актуализируется с помощью такой концептуальной метафоры как «власть – отчуждение»: (11) «*The Party doesn't aim at transmitting power to its own children*» (Orw); в русском дискурсе антиутопии указанный коррелят вербализуется такими концептуальными метафорами: «власть – приобретение»: (12) «Вся полнота власти принадлежит Императору» (Иск); «власть – отчуждение»: (13) «Первый добровольно не откажется от власти. Власть у него можно отнять только силой» (Кест); «власть – желание»: (14) «...надо увеличить охрану, чтобы освободить свои силы для дел, ради которых он рвался к власти» (Иск).

Наряду с коррелятом неспецифицированный объект, чрезвычайно репрезентативным является коррелят материальный объект /феномен, который воспринимается органами чувств и вычленяется в пространстве посредством присущих ему физических характеристик. Анализ дискурсивных реализаций концепта в языках набора позволил сделать вывод о том, что указанный коррелят объективируется в таких концептуальных метафорах: «государство – артефакт»:

– «государство – механизм»: (см. прим. (15), (16), (17)):

(15) «...the oligarchs had succeeded in devising a government machine» (Lond);

(16) «...надо было освоить новые правила игры. Вместо церкви ходить на собрания, вместо псалмов – петь революционные песни, вместо белого царя – славить красного» (Див);

(17) «Ленін, коли говорив пролетарську класову державу... мав саме вас усіх на увазі, тих, проти кого потрібен сильний державний апарат. Робітничий апарат насильства проти... Робітників...– Так, і проти робітників, якщо вони проти диктатури пролетаріату» (Ірв);

– «власть – инструмент»:

(18): «*Who wields power is not important, provided that hierarchical structure remains always the same*» (Orw);

(19) «Власть дает право принимать и требовать жертвы» (Плат);

(20) «Інарак (Інтернаціональний Авангард Революційної Акції) своєчасно довідався про це і своєю владою визволив великого вченого...» (Вин).

Как в русском, так и в украинском дискурсе антиутопии, метафора: «власть – источник блага» является наиболее распространенной: (21) «Целым и невредимым вылез, чтобы отхватить себе кусок правительственного пирога» (Иск); (22) «Вони дорвалися до корита і гадають, що будуть хлєбати тепле пійло з цього корита при українській Державі» (Андр), что отражает осмысление понятия «государство» в антиутопическом обществе.

Специфическим для английского дискурса антиутопии является актуализация таких метафор, как:

– «власть – барабан»: (23) «*His drive is a political power – a drum whose beat I do not hear*» (Gold);

– «власть – гужевой транспорт» (24): «*We want in our hands the reins of power*» (Orw);

– «власть – управляемый динамический ресурс» (25): «*Some source of power began to pulse in Roger's body*» (Gold);

– «власть – ядовитое вещество» (26): «*There will be intoxication of power*» (Orw).

Составляющие концепта в русском дискурсе антиутопии отождествляются с контейнером: (27) «...я же первый изгажусь и сотрусь от сохранения власти» (Плат); власть воспри-

нимается как *пункт назначения*: (28) «*Король пришел к власти, благодаря одной из бурь, которые неустанно воспевал поэт*» (Иск), а государство как *архитектурное сооружение*: (29) «...иерархическая *пирамида власти на Тормансе представлялась как ступенчатое нагромождение расширяющихся к низу слоев*» (Зин).

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что концептуальная метафора формирует и определяет структуру образно-ценностного компонента исследуемого концепта, который основывается на ассоциативно-образных коннотациях в результате аналогового сравнения различных понятийных сфер человеческого сознания. Анализ эмпирического материала свидетельствует о наибольшей продуктивности концептуальной метафоры как средства вербализации концепта «государство» в дискурсе антиутопии во всех языках набора, причем предпочтение отдается онтологической метафоре, к которой тяготеет сформированное в тоталитарном обществе сознание участников такого особого типа художественной коммуникации, как антиутопия. Во всех исследуемых языках объективируются концептуальные метафоры «государство – существо», «власть – трофей», «государство – механизм». Присущими только английскому дискурсу антиутопии является употребление концептуальной метафоры «власть – отчуждение», в русском дискурсе антиутопии специфичными являются метафоры «государство – убийца», «власть – пункт назначения», «государство – архитектурное сооружение», «власть – контейнер». В украинском дискурсе антиутопии этноспецифических концептуальных метафор не обнаружено.

Перспективным для современного языкознания является дальнейшее рассмотрение и изучение языковой репрезентации и средств объективации концептосферы дискурса антиутопии английского, украинского и русского языков; комплексное лингвокультурологическое изучение национальной концептосферы с целью выявления ментальности ее носителей.

Литература

1. Полюжин, М.М. Когнітивна парадигма лінгвістичних досліджень / М.М. Полюжин // Проблеми романо-германської філології. – Ужгород : Ужгородськ. держ. ун-т, 1999. – С. 4–22.
2. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковых картин мира: монография / И.А. Голубовская. – К. : Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2002. – 293 с.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. – 123 с.
4. Бабушкин, А.П. Объективное и субъективное в языке / А.П. Бабушкин // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории) : науч. конф., 23–25 апреля 1998 г. – М. : РАН ИЯ, 1998. – С. 28–31.
5. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры : сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
6. Chilton, P.A. Metaphor in Political Discourse : The Case of the «Common European House» / P.A. Chilton, M.V. Ilyin // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4., № 1. – P. 7–31.
7. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов ; РАН. Ин-т Рус. яз. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
8. Радченко, О.Ю. Види концептуальної метафори : підстави класифікації / О.Ю. Радченко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 568. – С. 141–144.
9. Скребцова, Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса / Т.Г. Скребцова // Respectus philologicus. – 2002. – № 1 (6). – С. 113–125.
10. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
11. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
12. Drulak, P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity [Электронный ресурс] / P. Drulak // Режим доступа : <http://www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc>. – Дата доступа : 22.03.2016.
13. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15, № 4. – P. 252–265.

14. Paris, R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. – 2002. – Vol. 117, № 3. – P. 423–450.
15. Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition : Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken ; Universität Bielefeld. – Bielefeld, 2002. – 262 s.
16. Чорновол-Ткаченко, О.О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному газетному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. / О.О. Чорновол-Ткаченко. – Х., 2007. – 20 с.

Источники примеров

1. Андр – Андрухович, Ю. Московіада / Ю. Андрухович // Рекреації. Українська модерна проза. – К. : 1997. – С. 113–246.
2. Вин – Винниченко, В. Сонячна Машина / В. Винниченко. – К. : Дніпро, 2000. – 620 с.
3. Див – Дивов, О. Выбровка / О. Дивов. – М. : ЭКСМО, 2004. – 380 с.
4. Зам – Замятин, Е. Мы: романы, повести, рассказы, сказки / Е. Замятин. – М. : Современник, 1989. – 560 с.
5. Зин – Зиновьев, А.А. Катастрофа / А.А. Зиновьев. – М., 2003. – 325 с.
6. Ірв – Ірванець, О. Маленька п'єса про зраду для однієї актриси / О. Ірванець. – К. : Смолоскип, 2002. – С. 9–20.
7. Иск – Искандер, Ф. Кролики и удавы: проза последних лет / Ф. Искандер. – М. : Книжная палата, 1988. – 288 с.
8. Кест – Кестлер, А. Слепая тьма / А. Кестлер ; Пер., авт. предисл. А. Кистяковский. – М. : ДЭМ, 1989. – 384 с.
9. Кож – Кожелянко, В. Дефіляда в Москві / Роман, новели / В. Кожелянко. – Л. : «Кальварія», 2001. – 196 с.
10. Плат – Платонов, А. Чевенгур / А. Платонов. – М. : Советская Россия, 1989. – 381 с.
11. Burg – Burgess, A. Clockwork Orange / A. Burgess. – L. : Penguin Books, 2000. – 152 p.
12. Gold – Golding, W. The Lord of the Flies / W. Golding. – N. Y. : Odyssey. Press, 1963. – 498 p.
13. Lond – London, J. The Iron Heel / J. London. – Chicago : Library of Congress, 1930. – 98 p.
14. Orw – Orwell, G. 1984 / G. Orwell. – N Y. : New American Library, 1949. – 177 p.

Институт международных отношений
Киевского национального университета
им. Т. Шевченко

Поступила в редакцию 14.05.2016

УДК 811.161.1'373:811.581'373:179.8

Вербализация понятия «жадность» в русском и китайском языках (на материале зоонимической лексики)

А.Г. СУКОЛЕН

На материале зоонимической лексики рассматриваются особенности вербализации понятия «жадность» в русском и китайском языках. В основе описания зоонимов обоих языков в аспекте культурно обусловленной коннотации лежит этнокультурная интерпретация образной основы лексического значения, воплощенной в знаковом культурно-национальном пространстве.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, семантика, сема, коннотация.

The article is devoted to verbalization of the notion of «greed» based on zoonym lexis in Russian and Chinese. Ethnocultural interpretation with regard to image basis of lexical meaning revealed in significant cultural-national environment lies at the root of zoonym lexis found in both languages and resided at culturally determined connotation.

Keywords: zoonym, zoomorphism, semantics, sema, connotation.

Жадность с точки зрения психологии «является комплексом двух самостоятельных личностных качеств – алчности и скупости, где «алчность» – это стремление получить как можно больше, а «скупость» – это стремление потратить как можно меньше» [1]. При этом речь чаще всего идёт о всяческих материальных благах: деньгах, предметах быта, еде и др. Рассматривая концепт «жадность» в качестве прагматически обусловленной когнитивной единицы в русской политэкономической картине мира, Г.С. Яроцкая отмечает, что характерным компонентом данного концепта именно в русской лингвокультуре является наличие когнитивного оттенка ‘мелочность’: «компонент «мелочность» выделяет специфику русской лингвокультуры, в которой стремление собрать, накопить материальные средства, нежелание отдать, израсходовать, истратить (что поощряется в капиталистической формации протестантской системой мировоззрения) есть не проявление бережливости и экономности, а считается «жадностью» и осуждается» [2, с. 414]. Сравн. русские пословицы: *У скупого что больше денег, то больше горя; Скупу человеку убавит бог веку; Скупой (жадный) платит дважды* и др. [3, с. 219]. Вместе с тем, в некоторых русских поговорках скупость позиционируется как положительное качество человека: *Скуп не глуп, себе добра прочит; Скупость не глупость, себя бережет* [3, с. 219]. В Библии же жадность порицается: *Корень всех зол есть сребролюбие* (Первое послание к Тимофею).

Как и в русской, в китайской культуре жадность осуждается и рассматривается как недостаток: 财迷心窍 (= разум одержим алчностью) ‘человек любит только деньги, и из-за этого он постепенно теряет свою душу’ [4, с. 150]; 贪得无厌 (= быть жадным, не зная удовлетворения) ‘жадный человек никогда не доволен’ [4, с. 149]. Но если щедрость и хлебосольство, переходящие в нерасчетливость и расточительность, отсутствие стремления «заработать», оказывая услугу, в русском самосознании оцениваются положительно и, по мнению А.Д. Шмелёва, являются неотъемлемыми компонентами «широкой» русской души [5, с. 49], то в Китае приветствуется умеренность. Так, Конфуций и его ученики, перечисляя качества, необходимые чиновнику для успешного управления государством одним из первых называют: «Когда благородный муж добр, но не расточителен» [6, с. 117].

И русские, и китайцы для негативной оценки жадных людей нередко используют широкий потенциал зоонимической лексики. Рассмотрим предметно-понятийный макрокомпонент слова *жадный*, для того чтобы проследить, как реализуется понятие *жадность* в зоонимах русского и китайского языков.

В русском языке слово *жадный* определяется как ‘стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо’, ‘с увлечением отдающийся занятию’, ‘скупой,

корыстолюбивый» [7, с. 469]. В «Словаре норм современного китайского языка» понятие «жадный» представлено двумя иероглифическими и смысловыми вариантами: иероглифом 吝 (= жадный) «нежелающий расставаться со своим имуществом, скупой» [8, с. 832] и иероглифом 贪 (= жадный) «всем сердцем стремящийся к чему-либо; чрезвычайно увлекающийся чем-либо», «алчный, жадный», «испытывающий ненасытную страсть к вещам» [8, с. 1262]. Приведённые толкования позволяют выделить следующие семы, составляющие ядерный компонент семантики лексемы *жадный*: «алчный», «скупой», «стремящийся удовлетворить желания». Околоядерная зона рассматриваемого понятия представлена семой «корыстолюбивый», «всегда неудовлетворенный», «слишком падкий», «чрезвычайно увлекающийся», «ненасытный». В свою очередь, данные семы на основе ассоциаций могут потенциально реализовывать такие семы, как «беспринципный», «завистливый», «прожорливый» и др. Рассмотрим русские и китайские зоонимы, в околоядерной зоне лексического значения которых обнаруживаются перечисленные семы.

Так, прямое значение зоонима *бурундук* «мелкий лесной грызун семейства беличьих, хорошо лазящий по деревьям, но живущий в норах на земле» [7, с. 126] реализуется через гиперсему «млекопитающее» и гипосемы «грызун», «семейство беличьих». Кроме того, в семантическую структуру указанного зоонима входит потенциальная сема «запасливый», называющая отличительную черту поведения животного: «в квартирных условиях, как и на воле, бурундук постоянно занят стяжательством, собирая запасы на зиму» [9]. Для перемещения найденного корма в своё убежище бурундук использует защёчные мешки, которые могут растягиваться до невероятных размеров, вмещая в себя большое количество орехов, семечек и др. очевидно, что внешний вид человека, с жадностью напихавшего в рот слишком большое количество пищи, напоминает бурундука. Кроме того, долгое время на Руси во избежание грабежа за щекой носили монеты, что отражено в текстах художественной литературы: *Но когда мы, сняв верхнее платье, дали ему по гривеннику за хранение, он на минуту просиял, гривенники спрятал за щеку, а нам указал на лавку: сидите!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия). Возможно, поэтому *бурундуком* называют жадного человека; скопидома, всё несущего домой [10, с. 51]. В текстах художественной литературы также встречаются контексты, в которых зооним *бурундук* в ядерном компоненте лексического значения в результате переструктурирования сем реализует семы «скупой», «не желающий делиться»: *А родичи мои как бурундуки жадные: иногда накормят, а иногда костей голых не подадут* (А. Григоренко. Мэбэт).

Аналогичные семы «скупой», «не желающий делиться» реализуются в китайских сленговых выражениях, имеющих в своём составе зоонимы: 瓷公鸡 (= фарфоровый петух) – метафора для обозначения очень скупого человека, скряги: *我不指望他能给钱, 因为他是有名的瓷公鸡。* (= Он известный скряга, так что не думаю, что он даст мне денег) [11, с. 46]; 铁公鸡 (= железный петух) «скряга»: *你别指望她可怜你, 她可是个是的铁公鸡。* (= Не стоит ожидать от неё милости. Она настоящая скряга) [11, с. 205]; 流离猫 (= глазурированная кошка) «жадный человек»: *大家知道他是流离猫, 让他出钱实在难。* (= Все знают, что он очень скуп. У него трудно будет получить денег) [11, с. 142]. Перечисленные сленговые выражения тесно связаны с часто употребляемым в речи китайским фразеологизмом 一毛不拔 (= не вырвет и волосок) «скупой, прижимистый» [12]. 拔毛 (= вырвать у себя волос) в данном случае означает «сделать что-то совсем незначительное для достижения чего-либо». Именно при помощи такого выражения представитель конфуцианской традиции древнекитайский философ Мэн-цзы в своём труде описывал другого древнекитайского философа, поборника себялюбия Ян Чжу: *拔一毛而利天下不為也* (= Он даже одного волоса не вырвет ради блага Поднебесной) [13]. Выражения же 瓷公鸡 (= фарфоровый петух), 铁公鸡 (= железный петух) и 流离猫 (= глазурированная кошка) означают настолько сильное нежелание человека помогать или делиться, которое приравнивается даже к отсутствию физической возможности, поскольку отделение даже маленькой части от фарфорового, железного или покрытого глазурью предмета может привести к его утрате, разрушению. Таким образом, китайские зоонимы 公鸡 (= петух) и 猫 (= кот) связаны с понятием «жадность» опосредованно, так как в своей семантической структуре не имеют сем, напрямую пересекающихся с семой, составляющей лексическое значение слова 吝 (= жадный).

Понятие «жадность» вербализуется также русским зоонимом *стервятник*, который имеет прямое значение ‘хищная птица семейства грифов, питающаяся падалью’. Также стервятниками называют алчных, жадных и жестоких людей: *Война истоцила Ару, она словно жадный стервятник, отхвативший слишком большой кусок, который не может ни проглотить, ни унести* (А. Виор. Легенда о свободе. Крылья). Сема ‘питающийся падалью’, входящая в состав прямого значения зоонима *стервятник*, потенциально ассоциируется с беспринципностью желающего насытиться (в широком смысле слова) жадного человека. Сравн. следующий контекст: *И так как взять было не с кого, она [Зарифа] стала, как стервятник, все рвать у Софички. Сначала Софичка сама им помогала, удивляясь, что учитель зарабатывает меньше, чем она, крестьянка. Потом Зарифа стала брать у нее весь ее заработок и все, что она выручала, продавая на базаре орехи или сыр* (Ф. Искандер. Софичка). Через сравнение поведения человека с поведением стервятника, рвущего на куски свою добычу, в данном контексте описываются его возрастающие потребности и раскрывается ненасытная сущность постоянно неудовлетворённого, алчного человека.

Живым воплощением непомерной жадности китайцы считают змею. Об очень жадном человеке говорят *人心不足蛇吞象* (= человек, чье сердце не преисполнено удовольствия, подобен змее, пытающейся проглотить слона) [12]. Отличительной особенностью змей является способность целиком заглатывать невероятно крупных в сравнении с их собственными размерами животных. Поэтому зооним *蛇* (= змея) в своём лексическом значении содержит гипосемы ‘заглатывающий целиком’ и ‘широко раскрывающий пасть’, которые потенциально «притягивают» семы ‘ненасытный’, ‘жадный’, ‘алчный’, оцениваемые отрицательно. Известно бранное выражение *蛇豕* (= змея и свинья) ‘жадный и вредоносный человек’: *茫茫九土, 并为麋鹿之场, 弃弃黔黎, 俱充蛇豕之餌.* (= Большая часть земли стала местом войны, и обычные люди стали рабами жадного и вредоносного человека) *隋书* А: *魏徵* Y: 1997.

Упоминание зоонима *豕* (= свинья), на наш взгляд, здесь не случайно. Во-первых, известно мифологическое животное *饕餮* (= Таоте), которое иногда изображали в виде человека со свиным рылом – обладателя низких моральных качеств: «Он любил копить деньги и терпеть не мог тратить их, не любил трудиться да еще к тому же воровал зерно – плоды человеческого труда; обманывал слабых, но боялся сильных, увидев толпу людей, быстро прятался, встретив одинокого человека, нападал на него» [14, с. 106]. Лексема *饕餮* (= Таоте) употребляется в значениях ‘алчный и прожорливый’; ‘жадный до денег и ненасытный, жадина, живоглот’ [12]. Во-вторых, в Китае широко известен образ комического волшебника, получеловека-полусвиньи *猪八戒* (= Чжу Бацзе), воплощающего алчность и похотливость. Лексема *豕心* (= сердце свиньи) ‘алчный, ненасытный, прожорливый’ [12] также подтверждает, что одноименные негативно оцениваемые семы входят в состав лексического значения китайского зоонима *豕* (= свинья).

В русском сознании свинья также является воплощением многих негативных характеристик человека: глупость, обжорство, лень, неблагодарность, неряшливость и др. Поэтому зооним *свинья*, употребляясь в качестве ругательства, обнаруживает в составе лексического значения и такую сему как ‘скупой’: *Ругать Харченко – был хороший тон компании, это был клапан, с помощью которого облегчалось всеобщее раздражение и негодование на жизнь. – Жирная, скупая свинья! – Богатый, толстокожий хам* (А.Т. Аверченко. Подходцев и двое других).

Возвращаясь к китайской лексеме *蛇* (= змея), отметим, что сему ‘широко раскрывающий пасть’, ассоциирующуюся с семами ‘ненасытный’, ‘прожорливый’ также наблюдаем на периферии структуры лексического значения зоонима *狮子* (= лев). О слишком жадном человеке, который просит или требует огромную сумму денег, китайцы говорят *狮子大张口* (= лев разинул большую пасть): *我同意借钱给他, 但我没想到他狮子大张口, 要我一个月的工资.* (= Я согласился одолжить ему немного денег. Но я и представить не мог, что он попросит столько, сколько составляет моя зарплата за месяц) [11, с. 189].

В русской художественной литературе находим индивидуально авторское употребление зооморфизма *ротан* ‘жадина’: *Я решил послушаться и нашему жадному ротану еще пару раз звонил* (Л. Стоцкая. На грош пятаков, или Скупой платит дважды). Так как во время рыбной ловли ротан зачастую очень глубоко заглатывает наживку, то, отражая данную осо-

бенность рыбы, околядерный компонент зоонима *ротан* представляют такие семы как ‘заглатывающий’ и ‘широко раскрывающий пасть’, которые, как и в случае с китайскими зоонимами 蛇 (= змея) и 狮子 (= лев), выстраивают аналогичные ассоциативные связи.

С понятием «жадность» в русской лингвокультуре тесно связаны представления о волке. Прямое значение зоонима *волк* – ‘хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке’ [7, с. 204] – реализуется через гиперсему ‘хищник’ и гипосему ‘родственный собаке’. Также в семантическую структуру данной лексемы входят потенциальные семы ‘опасный’, ‘кровожадный’, ‘голодный’, порождающие образно-ассоциативные связи, преджставленные семами ‘ненасытный’, ‘жадный’, ‘злой’, ‘коварный’, ‘лицемерный’ и др. Волк – символ злобы и алчности, поэтому об очень жадном, алчном человеке русские неодобрительно говорят *жадный (алчный) как волк* [15, с. 109], а китайцы – 狼心 (= волчье сердце) ‘алчный; жестокий’ [12]. Рассмотрим пример: *Артем – хозяйственный мужик, жадный как голодный волк, он все понимает по-волчьи, и в его деревенском волчьем гнезде есть своя правда – куманьки ненавистны волку, но, зная, что от них пожить можно, он надевает овечью шкуру и даже служит у них караульщиком* (М.М. Пришвин. Дневники). Данный контекст не обнаруживает в структуре лексического значения зоонима *волк* такие отрицательно коннотируемые семы как ‘опасный’, ‘кровожадный’, ‘злой’. Даже жилище героя автор называет *волчьим гнездом*, а не *волчьим логовом*. Тем не менее, этот пример наглядно иллюстрирует быт хозяйственного холостяка, который, ведя отчуждённую от всех жизнь, умудряется удовлетворять свою жажду наживы, притворяясь добродетельным и чистосердечным.

Баснописцы зачастую используют образ волка в качестве аллегории жадности: *Что волки жадны, всякий знает: // Волк, евши, никогда // Костей не разбирает* (И. Крылов. Волк и журавль). На самом деле, экспериментальным путём учёные-зоологи установили, что даже норма в 2 кг мяса ежедневно избыточна для животного. При этом «при получении сразу трехдневной нормы пищи волки проглатывали по 4–6 кг мяса, не отходя от туши. Сразу же после еды волк стремился отрыгнуть излишек мяса, иногда после этого он вновь возвращался к туше. Часто у одного животного отрыжку наблюдали 3–4 раза подряд» [16]. Возможно, из-за такого поведения животных и русские, и китайцы сравнивают жадно поедающего что-либо человека с волком: *глотать [жадно] как волк* [15, с. 109], сравн. 狼吞 (= волчья глотка) ‘пожирать по-волчьи, жадно набрасываться на еду; жадный, алчный’ [12]; *голодный (голоден) как волк* ‘очень голодный, готовый съесть что угодно человек’ [15, с. 109] сравн. 狼吞虎咽 (= глотать, как волк, пожирать, как тигр) ‘жадно пожирать; иметь волчий аппетит’ [12].

В китайском языке подобную смысловую нагрузку также несёт на себе словосочетание 蚕渔 (= шелководство и рыболовство), которое имеет переносное значение ‘жадный, алчный, корыстолюбивый’, то есть захватывающий всё, как шелкопряд, поедающий листья, и как рыбак, вылавливающий сетями рыбу [12]: 非徒不足致益, 乃是蚕渔之所资, 又不可纵小吏为耳目也. (= Нельзя позволять мелким чиновникам собирать сведения [на местах], ведь это не только не сможет приумножить наши успехи, но и предоставит удобный случай для [их] наживы) \二十五史\05晋书. TXT Шелкопряд становится символом неудержимой прожорливости и алчности, поэтому лексема 蚕食 (= поедающий шелкопряд) ‘вгрызаться, въедаться’ (подобно поеданию тутовых листьев шелкоичным червём) также имеет негативно коннотируемое значение ‘постепенно захватывать’.

В буддизме символом жадности, ненасытности, привязанности к материальному миру, благам, удовлетворению чувственных желаний является обезьяна [17]. Возможно, отголоски подобных представлений в китайском языке реализуются посредством лексемы 白吃猴 (= обезьяна-дармояд) ‘дармояд, охотник до чужого пирога’. Рассмотрим пример: 赵子曰知道那个专吃别人不还席的是谁, 心中比自己是白吃猴还难过, 可是他勉强笑着说: “东安楼吧!” (= Чжао Дзыюэ знает тех, которые живут за счёт других людей, не давая ответный банкет, в сердце своём жадине тяжело на душе, но он, смеясь через силу, говорит: «Давайте пойдём в «Донан лоу»!») \现代\文学\老舍长篇2.txt В приведённом контексте слово-мотиватор 白吃 (= дармояд) указывает не только на сему ‘живущий за чужой счет’, но также и на сему ‘скупой’.

Таким образом, представленный материал даёт основания говорить о разнообразии особенностей вербализации понятия «жадность» в зоонимической лексике русского и китайского языков.

Литература

1. Щербатых, Ю.В. Психология жадности [Электронный ресурс] / Ю.В. Щербатых. – Режим доступа : <http://www.no-stress.ru/articles/economic/psy-zadnost.html>. – Дата доступа : 07.03.17
2. Яроцкая, Г.С. Объективация концепта «жадность» как прагматически обусловленной когнитивной единицы в русской политэкономической картине мира / Г.С. Яроцкая // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. Лінгвістичні науки. – 2011. – № 13. – С. 409–418.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 2-е изд., «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора». – Спб.–М. : «Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа», 1882. – Т. 4: Р–V. – 704 с.бкрс. инфо.
4. Цуй Цзин. Особенности концептов «жадность» и «щедрость» в русской и китайской линвокультурах / Цуй Цзин // Электронный научно-обозревательный журнал ВГСПУ «Грани познания» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 5 (32). – Режим доступа : <http://grani.vspu.ru/files/publics/1402487373.pdf>. – Дата доступа : 09.03.2017.
5. Шмелёв, А.Д. «Широкая» русская душа / А.Д. Шмелёв // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 48–55.
6. Прокопьев, А. Социальный идеал и образ чиновника в литературных источниках средневекового Китая / А. Прокопьев // Вестник челябинского государственного университета. – 2005. – Т. 10, № 1. – С. 116–121.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I: А–Й. – 1985. – 696 с.
8. 现代汉语规范词典 / 李行健主编 – 北京 外语教学与研究出版社 语文出版社 2004.1 (2009.4 重印). – 1792 с.
9. Бурундук в домашних условиях // Зооклуб. Мегаэнциклопедия о животных [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zooclub.ru/mouse/belich/19.shtml>. – Дата доступа : 12.03.2017.
10. Елистратов, В.С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг. : около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
11. Ли Шуцзюань Словарь современного китайского сленга / Ли Шуцзюань, Янь Лиган. – М. : Sinolingua: Восточная книга, 2009. – 256 с.
12. Большой китайско-русский словарь // 大 БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/>. – Дата доступа : 09.03.2017.
13. Конфуций // Студопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://studopedia.org/9-50584.html>. – Дата доступа : 14.03.2017.
14. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань. – 2-е изд. – М. : Наука, 1987. – 527 с.
15. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
16. Мычко, Е.Н. О пищевом поведении волков в неволе [Электронный ресурс] / Е.Н. Мычко, А.В. Губкина. – Режим доступа : <https://www.black-russian-terrier.ca/israel-terrier-club/st22.html>. – Дата доступа : 12.03.2017.
17. Обезьяна // Символы и знаки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sigils.ru/signs/obeziana.html>. – Дата доступа : 19.03.2017.

УДК 811.161.1'373.7

Фразеологизмы с зоонимическим компонентом в функции заглавий художественных текстов

О.Г. ЯБЛОНСКАЯ

Статья посвящена изучению заглавий художественных произведений, выраженных фразеологическими единицами с компонентом-зоонимом. В работе рассматривается способ формирования фразеологической доминанты на основе зоонимических фразеологизмов, анализируется процесс приращения дополнительных смыслов к заглавию, процесс приобретения словосочетанием-названием признаков фразеологизмов, выявляются способы трансформации изучаемых заглавий.

Ключевые слова: заглавие, зоонимический фразеологизм, фразеологическая доминанта, текстуализация, фразеологизация, трансформация.

This article deals with phraseological units containing zoonimic component that are used as titles of literary texts. Phraseological dominant, additional meanings of the titles and the ways of their transformation are analyzed; word combinations that acquire some phraseological indications are studied.

Keywords: title, zoonimic phraseological unit, phraseological dominant, textualization, phraseologisation, transformation.

Как отмечает И.Г. Кошечая, «оформление письменного вида речи начинается с названия текста, который представляет собой законченное выражение определенной идеи» [1, с. 30]. Именно с названия, воздействующего на читателя в идейно-эмоциональном плане, начинается чтение, изучение или анализ текста. Этот относительно автономный компонент текста является его текстопорождающей основой, которая программирует развертывание содержания в определенном направлении и дает установку на его восприятие.

Заголовки художественных произведений, их роль, свойства и функции рассматривались учеными в рамках лингвистического и литературоведческого анализа. Теоретической базой данного исследования послужили работы И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, В.А. Лукина, Ю.М. Лотмана, И.Г. Кошевой, О.И. Ревуцкого, Н.А. Николиной и др. Многие исследователи отмечают рамочную природу заглавия, требующего возвращения к себе (В.А. Кухаренко), т. е. оно оказывает влияние на читателя до, во время и после прочтения произведения, т. е. его полное раскрытие происходит через ретроспективную связь повествования и названия (И.Г. Кошечая).

В.А. Кухаренко анализирует функции заглавий (ономасиологическая, демилитаривная, прогнозирующая, ориентирующая, т. д.) и объясняет их множество способностью этого компонента текста актуализировать практически все текстовые категории (информативности, модальности, завершенности, связности, перспективы, прагматичности). Исследователь показывает, что «заголовок может выполнить свое основное назначение только в неразрывной связи и в нерасторжимом единстве с целым, полностью завершенным текстом. Ибо только последний несет концепт, а главная и часто единственная авторская формулировка концепта помещается в заголовок» [2, с. 96].

И.Р. Гальперин рассматривает заглавие как «компрессированное, нераскрытое содержание текста. Его можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [3, с. 133]. Ученый отмечает тематические отношения заглавия и текста: заглавие по отношению к тексту выполняет проспективно тематическую функцию, ретроспективно – рематическую.

Подробно общие правила тема-рематического анализа рассмотрены О.И. Ревуцким. Автор подходит к тексту как к предмету междисциплинарного исследования, уделяет внимание его анализу в структурно-смысловом, коммуникативном и экстралингвистическом аспектах, отмечает роль заглавий и ключевых слов в выявлении смыслового ядра текста. «Заглавия... выполняют в

тексте особую функцию, указывая на доминирующую роль называемой ими темы и/или ремы» [4, с. 75]. Исследователь показывает на примерах функционирование названий разных текстов в качестве темы или ремы, уделяет внимание случаям двоякого подхода при таком анализе.

Предметом данного исследования являются фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в позиции заглавия и их роль в формировании главного смысла текста. Отличительным свойством таких заглавий является их одновременное функционирование в качестве темы и ремы текста. Такие названия, как «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Под мухой» М.А. Булгакова, «Когда рак свистнул» Н. Тэффи и др., указывают на предмет или ситуацию как таковую, т. е. соответствуют теме произведений. В то же время фразеологизмы содержат в себе дополнительные элементы значения (оценочность, характеристика предмета или действия), которые представляют собой рематическую часть пропозиции.

Зоонимическая фразеологическая единица (ЗФЕ) как название текста или его компонент, в отличие от лексической единицы-названия, включает в себе более обширную идею или образ, т. к. фразеологизм является семантически более осложненным, чем слово или свободное словосочетание. При прочтении названия ЗФЕ воспринимается в своем языковом значении, всегда соотносимым с этим выражением, т. е. в сознании читателя отражаются накопленные и сохраненные народом знания и опыт. При этом название стимулирует мыслительную деятельность реципиента: под влиянием контекста могут реализовываться дополнительные смыслы ЗФЕ в зависимости от индивидуального опыта читателя и от его способности анализировать и декодировать авторские интенции.

ФЕ-названия, являясь сильной позицией текста («самой сильной» [5, с. 31]), «абсолютно сильной» [6, с. 168]), «активно участвуют в формировании образных кодов вербализации авторских идей» [7, с. 163], участвует в создании и развитии сюжета на содержательном и эмоционально-образном уровнях. Образы, заложенные в ЗФЕ, расширяются, уточняются или обновляются при помощи слов и выражений, постоянно или ситуативно соотносимых с фразеологизмом. Эти опорные элементы формируют фразеологическое пространство текста, или фразеологическую доминанту (ФД). Под фразеологической доминантой М.Р. Проскуряков подразумевает «блок употреблений ФЕ, объединенных когезийными связями, соотносённых с тематическим, сюжетно-композиционным, образным уровнями текста, включённых в логическую последовательность структурно-семантических, семантических преобразований» [8]. Таким образом, актуализация концепта произведения первоначально строится на узуальном образе, закреплённом за фразеологизмом-названием, формируя вокруг этой оси каркас текста из компонентов фразеологической доминанты, которые образуют вертикальные связи и раскрывают идейное содержание, заложенное автором.

Например, в рассказе «Собачья жизнь» В. Егорова фразеологизм употребляется в тексте несколько раз, причем автор делает упор на это выражение уже в первом абзаце: *«А повторял он только два слова: «собачья жизнь». Прошепчет, помолчит и снова: «собачья жизнь». И так раз семь или восемь, пока не заснул»* [9]. Образ жизни старого человека Анатолия Егорыча является смысловой доминантой рассказа, которая создается, прежде всего, на лексическом уровне: *говорят о нем так, будто он пустое место, только поддакивал, вздыхал, приходилось оправдываться, все у меня в жизни не в масть, один-одинешенек*, т. п. ЗФЕ-название, его повторы, упоминание бездомных животных и описание собаки, живущей около больницы, являются компонентами образного уровня текста и способствуют усилению драматизма повествования. Все это характеризует не только жизнь человека, но и болезненное состояние всего общества, создавая угнетающий настрой и отрицательную модальность всего текста. Содержание рассказа в деталях раскрывает заложенный в названии смысл: *собачья жизнь* – жизнь бедная, вечно голодная и побитая. В то же время возникает добавочный смысл рассматриваемого фразеологизма: жизнь человека полностью соответствует его мироощущению и мировосприятию, однако на формирование такого отношения влияет и социум. Такая семантика ЗФЕ актуализируется только в этом текстовом окружении.

Произведение с таким же названием «Собачья жизнь» М.А. Булгакова раскрывает это выражение совсем с другой стороны. Содержание рассказа никак не соответствует понятию «тяжелая жизнь», происходит буквализация названия, так как автор повествует о жизни ре-

альной собачки: *место № 9 для собачки, собачка-дама, кормят ее на первое – бульон из птицы, на второе – манизл каше, а на третье блюдо – заграничный шоколад, одеяло у нее шелковое, подушка шелковая и, кроме того, есть платица – несколько штук – и тоже все шелковые, хозяйка ее на руках возит* [9]. С этой точки зрения, выражение *собачья жизнь* употребляется в своем прямом значении и является не фразеологическим, а свободным словосочетанием. Однако жизнь этой собачки лучше, чем у большинства обычных людей, в отношении которых данное словосочетание уже осмысливается как фразеологизм *собачья жизнь*. Эта не выраженная вербально идея и является приращенным смыслом всего произведения. В названии наблюдается, таким образом, синтез буквального и фигурального значений ЗФЕ.

Анализ текстов показывает, что после прочтения всего произведения читатель возвращается к названию, переосмысливая его, обогащая новыми смыслами или оттенками значений. «Играя проспективно-ретроспективную роль в процессе декодирования, название с одной стороны вводит читателя в микромир произведения, являясь при этом своеобразной интродукцией, включающей проспективную информацию о последующих событиях, с другой – окончательно выявляется по мере ретроспективного осмысления всех логических, смысловых, структурных и языковых сигналов текста» [10]. Элементы фразеологической доминанты выступают в качестве сигналов, в которых закодирована необходимая информация. Самым ярким сигналом является использование той же ФЕ в тексте. В этом случае контекстуальное окружение аккумулирует в себе ключевой образ или идею всего произведения.

Рассмотренные процессы добавочной семантизации ЗФЕ под влиянием текста понимаются нами как текстуализация фразеологизмов, т. е. «обусловленность семантики ФЕ семантикой окружающего его контекста, а в конечном итоге – семантикой целого текста, выстроенного «вокруг» данного устойчивого оборота речи» [11, с. 144]. Главная сюжетная линия строится на элементах ФД, которые корректируют направление развертывания сюжета и акцентируют внимание на определенных признаках или действиях, происходит их уточнение. С появлением каждого нового смыслового сигнала значение фразеологизма с приращенным смыслом становится более определенным и устойчивым, его влияние на читателя усиливается. Такое изменение значения ЗФЕ-названия в рамках фразеологической доминанты под влиянием текста является процессом ее текстуализации.

Противоположным результатом является процесс фразеологизации названия текста, т. е. под влиянием текста словосочетание-название приобретает некоторые признаки фразеологизма. Примером может, в частности, служить рассказ «Зимняя муха» Т. Соколовой. В центре внимания автора находится социально опустившаяся женщина, подробно описано ее поведение, мысли и ощущения. Все события разворачиваются на фоне поведения зимней мухи в ее квартире, которая раздражает своим жужжанием и бесполезностью. Все существование этой женщины сводится к поиску состояния покоя (для нее это выпивка), чтобы пережить неблагоприятный период своей жизни. Прежде всего, в основе фразеологизации названия лежит метафорическое сравнение поведения человека и насекомого. В рамках этого текста заглавное выражение приобретает некоторые признаки фразеологичности, а именно, целостность значения при его раздельнооформленности, экспрессивность и метафоричность семантики; наблюдается семантическая слитность компонентов, которая позволяет причислить данное словосочетание к фразеологическому единству (по классификации В.В. Виноградова). Смысловая доминанта произведения строится на следующих экспрессивных выражениях: *усталость и оцепенение; это был для нее единственный выход, чтобы не биться головой об стену; она выпивала и сразу становилась понимающей, доброй; спасайся, девочка; будущее было страшным*. Кроме того, автор несколько раз возвращается к образу мухи, который ассоциируется с нечистотой, разложением, несчастьем (физическим и духовным): *«Где-то под потолком зудит и мечется проснувшаяся зимняя муха; Зудит муха; Только муха зудит»* [9]. Таким образом, окказиональный фразеологизм *зимняя муха*, в который превращается название, – это человек в конце своего социально благополучного жизненного пути.

Большинство выявленных ЗФЕ-названий подверглись авторской трансформации. Например, в названии произведения «Небо с овчинку» Н. Дубова наблюдается сокращение лексического состава языкового фразеологизма *небо с овчинку* *показалось*, который употребля-

ется для передачи чувства сильного страха или боли. Такой прием трансформации приводит к субстантивации ФЕ, т. е. автор делает акцент на ситуации как таковой (подчеркивая при этом человеческие качества и ответственность своих героев), а не на действиях и событиях вообще. В самом тексте этот фразеологизм дублируется (уже в полном варианте) именно в ключевом моменте сюжета, что способствует усилению фразеологической доминанты. Немаловажным условием для актуализации дополнительного значения ЗФЕ является действующее лицо, через которое автор выражает свою мысль: старый дед олицетворяет мудрость, рассудительность, опыт и справедливость. Автор показывает, как важны дружба и сплоченность, подчеркивает, что вместе в любых ситуациях и «небо с овчинку» не страшно.

В произведении «Одна ласточка еще не делает весны» Г. Садулаева наблюдается расширение лексического состава фразеологизма (словарное значение – первые признаки еще не являются проявлениями нового качества, не имеют решающего значения). Введенный автором компонент *еще*, с одной стороны, усиливает фразеологическое значение данного выражения, а с другой – делает образ самой ласточки более существенным и реальным. На фоне военных действий автор рассказывает об истории и традициях своего народа, для которого ласточка является символом мира и благополучия. Образ ласточки становится ядром смысловой и фразеологической доминанты повести и ключевым средством выражения авторского отношения к войне и к своему народу.

Изменение морфологической формы глагола и сокращение лексического состава в названии рассказа «Когда рак свистнул» Н.А. Тэффи (языковая форма ЗФЕ – *когда рак на горе свистнет* – когда-нибудь, в неопределенном будущем) фокусирует внимание на процессуальной семантике выражения и придает динамизм событиям: описываются нереальные события и их последствия. Все повествование сводится к буквализации выражения. Такая модификация ЗФЕ-названия способствует формированию дополнительного значения уже на уровне названия: абсурдность ситуации. Использование трансформированного ЗФЕ является средством формирования идиостиля автора, сочетающего юмор и иронию.

Среди других приемов трансформации ЗФЕ-названий нами были выявлены вычленение компонентов (например, из фразеологизма *смотреть как кролик на удава*, т. е. внимательно, или *смотреть как удав на кролика*, т. е. враждебно: «Кролики и удавы» Ф. Искандера) и модификация (языковые фразеологизмы *волчий закон* и *гора родила мышь* взяты за основу в названиях «По законам волчьей стаи» А. Ростовского и «Заговор, родивший мышь» Ю. Давыдова). Название «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова содержит словообразовательный (уменьшительный) вариант слова, что приравнивает это выражение лишь к варианту фразеологизма, а не к его трансформанту.

В результате проведенного анализа можно выделить следующие характерные черты названий текстов с фразеологическими единицами с компонентом-зоонимом:

1. название соответствует семантической модели ФЕ (сращению, единству, сочетанию, выражению), однако имеет тенденцию к ее структурно-смысловой модификации;
2. ключевой образ произведения формируется на основе закрепленных в ЗФЕ и опосредованных сознанием человека представлений об элементах действительности;
3. представляет собой одновременную реализацию темы и ремы произведения;
4. является ядром фразеологической доминанты, формирует главную сюжетную линию;
5. название многомерно, т. е. способно сочетать в себе несколько контекстуальных значений;
6. способствует текстуализации ЗФЕ.

Таким образом, ЗФЕ-название, с одной стороны, является основой, порождающей текст, а с другой – детерминировано содержанием этого текста. Использование зоонимического фразеологизма в названии текста является одним из средств создания ключевых образов и идей произведения, которые отражают социальный опыт поколений. Название является главным элементом фразеологической доминанты – сквозных текстовых сигналов (перифразы, повторы, т. п.), эксплицирующих главную идею произведения, его роль раскрывается и укрепляется языковыми средствами на структурно-композиционном, идейном и эмоционально-образном уровнях текста. Процесс окказионального изменения семантики фразеоло-

гизма под влиянием текста характеризуется как текстуализация ФЕ, а приобретение ЗФЕ-названием некоторых признаков фразеологизмов определяется как его фразеологизация. Чаще авторы прибегают к трансформированию языковой формы фразеологизмов, формируя новый образ на смысловой оси выражения-оригинала, который полностью раскрывается в рамках фразеологической доминанты в содержании текста.

Литература

1. Кошечая, И.Г. Textoобразующие структуры языка и речи / И.Г. Кошечая. – Изд. 2-е. – М. : URSS : Либроком, 2012. – 180 с.
2. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В.А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
4. Ревуцкий, О.И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О.И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
5. Кожина, Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале рус. прозы XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.А. Кожина. – М., 1986. – 21 с.
6. Николина, Н.А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
7. Фокина, М.А. Принципы доминантного анализа фразеологических единиц в повествовательном дискурсе / М.А. Фокина // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке : сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – 308 с.
8. Проскуряков, М.Р. Динамика фразеологизма как фактор развития русского языка и речи [Электронный ресурс] / М.Р. Проскуряков // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – Режим доступа : <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23715>. – Дата доступа : 18.01.2017.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://search.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.12.2016.
10. Гаспарян, Г.Р. Прагматический аспект художественного текста и коммуникативная установка его названия [Электронный ресурс] / Г.Р. Гаспарян // Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование). – Режим доступа : <http://slovar.lib.ru/dictionary/nazvaniye.htm>. – Дата доступа : 20.01.2017.
11. Кураш, С.Б. Фразеологическая единица и текст: от текстуализации фразеологизмов к фразеологизации текстов / С.Б. Кураш // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке : сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – 308 с.

Философия

УДК 947.073. I + 321.96 + 930

Историософские и социологические идеи декабристов

Е.В. КОРЕНЬ

Рассматриваются историософские и социологические идеи декабристов, их представления о факторах, критериях, путях исторического развития народов, об истоках, характере и роли общественных институтов. Декабристам было присуще выраженное чувство историзма, «духа времени», сознание ценности исторической памяти. В историософских исканиях декабристов наметились тенденции развития философско-исторической мысли России. Актуальность работы – в освещении проблемы развития исторического самосознания интеллигенции.

Ключевые слова: декабристы, историософские и социологические идеи, историзм, «дух времени», историческое самосознание интеллигенции.

The article is devoted to the description of the historiosophical and sociological ideas of the Decembrists, their perceptions of the factors, criteria, and ways of the historical development of nations as well as the origin, nature and role of public institutions. It reveals that the Decembrists had an inherent feeling of historicism, «the spirit of time», the consciousness of value of historical memory. The historiosophical ideas of the Decembrists led to the development of the philosophical and historical thought of Russia. The actuality of this article is to examine the problems of the development of the historical consciousness of the Russian intelligentsia.

Keywords: Decembrists, historiosophical and sociological ideas, historicism, «Zeitgeist», historical consciousness of the intelligentsia.

Декабристы, известные благодаря своей общественно-политической деятельности, сделали весомый вклад в разные сферы культуры, в том числе – в философию истории и социологию. Их усиленный интерес к исторической и социально-политической тематике во многом обусловлен «духом времени». Первая четверть XIX в. – значимая веха в развитии исторического самосознания русской интеллигенции. Эпоха была насыщена военными и политическими событиями, отмечена ростом патриотических настроений после победы России в Отечественной войне 1812 г. В образованных кругах общества распространялось увлечение историей. Специфическую окраску духовной культуре придавали общеевропейские тенденции романтизма, акцентировавшие внимание на исторической и национальной тематике. Декабрист А.А. Бестужев (широко известный как писатель-романтик Бестужев-Марлинский), так характеризовал дух эпохи: «Мы живем в веке романтизма... в веке историческом... по превосходству. История была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно... скоро история обращалась сказкою. Теперь иное. Теперь история не только в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно... История – половина наша во всей тяжести этого слова» [1, с. 136–137]. Значительным культурным событием стал выход в свет многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Книга вызвала живые отклики и острые дискуссии в обществе [2, с. 58–60]. Декабристы (Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев и др.) приняли самое активное участие в полемике о судьбах российской государственности и народа [3, сс. 104, 125] [4, с. 44–45]. Декабрист Н.М. Муравьев написал известные критические заметки на «Историю» Н.М. Карамзина. Многие декабристы профессионально занимались историческими исследованиями. Н.А. Бестужев был историографом русского флота, А.О. Корнилович исследовал русскую историю XVII–XVIII вв., издавал альманах «Русская старина», писал исторические повести. В.Д. Сухоруков занимался историей казачества. М.С. Лунин и М.А. Фонвизин анализировали историю общественно-политической и философской мысли. Исторические сюжеты занимали первостепенное место в литературном творчестве декабристов. К.Ф. Рылеев,

вдохновленный «Историей» Н.М. Карамзина, создал цикл исторических «Дум» в стихах и поэм, посвященных деятелям русской истории. Вклад декабристов в развитие исторических наук отмечали историки В.В. Волк, М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, С.С. Ланда и др.

Конечно, интерес декабристов к истории был идеологически окрашен. Как отметил С.С. Волк, выступая против деспотизма, декабристы «вдохновлялись классическими примерами тираноборцев античности, являясь противниками феодально-крепостнического строя, они живо интересовались историей абсолютизма и антифеодальных движений на Западе, готовя революционный переворот, они серьезно обсуждали уроки буржуазных революций нового времени» [5, с. 64]. Философско-исторические концепции декабристов, выражавшие их взгляды на жизнь общества, «его внутренние пружины, структуру и движущие силы прогресса» были связаны с их общественно-политическими идеалами [6, сс. 147, 168]. Деятели тайных обществ рассматривали исторические материалы как ценное подспорье в деле преобразования современной русской жизни. «История – писал М.С. Лунин – должна служить не только для любопытства или умствований, но путеводить нас в высокой области политики» [7, с. 66].

Пытаясь разобраться в событиях современности, декабристы-историки отыскивали закономерности исторического процесса. «Мир нравственный, подобно миру естественному, должен иметь свои законы» – писал Н.И. Кутузов в статье «О причинах благоденствия и величия народов» [8, с. 244–250] [9, с. 81]. Д.И. Завалишин главной целью своих занятий по истории считал «отыскание общего, основного закона для объяснения исторического хода развития человечества» [10, с. 120]. В 1861 г., он изложил итог своих историософских поисков в «Опыте объяснения истории человечества и устройства человеческих обществ по внутренним началам», опубликованном в журнале «Русское дело» [9, с. 80–81].

Декабристы рассматривали общественную жизнь как процесс, в котором существует определенная преемственность между прошлым, настоящим и будущим: «В истории человечества события не вырастают сами собой, без связи с прошедшим», – полагал В.Д. Сухоруков [9, с. 80–81]. Н.М. Муравьев в полемике с Н.М. Карамзиным отметил: «Тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему, дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда прорывались уже предки наши» [11, с. 171].

В.К. Кюхельбекер, считая важнейшей закономерностью исторического процесса его поступательный, преемственный и непрерывный характер, подчеркивал, что «человечество движется вперед» и что все «подлежит переменам». «Настоящее чревато будущим», хотя путь к будущему «исполнен препон и затруднений». Никому не под силу переменить ход истории. Всякое препятствие, мешающее развитию, может быть «сметено революционным взрывом» [9, с. 84]. В движении человеческого общества по восходящей линии новые поколения всегда опираются на достижения своих предшественников и каждое поколение вносит свой вклад «в сооружение здания человеческой истории». Н.М. Муравьев подчеркивал «деятельность» истории, ее просветительную, воспитательную роль. История не должна «погружать нас в нравственный квиетизм» – писал он. «Не мир, но брань должна существовать между злом и благом... Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляют предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле» [11, с. 172].

Декабристы были идеалистами в историософии, отводили преобладающую роль политическим и культурным аспектам общественного развития. Движущими силами истории они называли просвещение, «дух времени», «промысел» (по К.Ф. Рылееву) и т. п. [12, т. 3, с. 560]. Понятие «дух времени», как показал С.С. Волк, имело в декабристское время прогрессивное значение: «“Дух времени” – это не только просвещение, но и общественное мнение, философские, религиозные представления, литература и искусство, это самосознание общества в широком смысле этого слова». «Абстрактно-метафизический критерий общественных явлений заменялся конкретно-историческим» [9, с. 93–94]. Социология при этом не теряла своей идеалистической сущности, фактором, определяющим «дух времени», считались не материальные условия жизни общества, а степень его просвещенности. Так, Н.И. Кутузов полагал, что «правления обществ «сообразны с духом времени», с обстоятельствами и

просвещением, что от просвещения «зависит благоденствие и величие народов» [8, с. 244]. Н.И. Тургенев рассматривал феодальную систему средневековья как соответствующую «тогдашнему духу времени, тогдашней образованности народов» [9, с. 94]. Социально-экономические факторы исторического процесса оказывались второстепенными. Вместе с тем декабристы-историки признавали влияние природно-географических и материальных условий на судьбы народов и государств, роль трудовой, созидательно-творческой деятельности людей [13, с. 110–116], [8, с. 248], [14, с. 9–13], [15, с. 206].

К.Ф. Рылеев в наброске плана большой философско-исторической поэмы «Дух времени, или судьба рода человеческого» главной действующей силой истории (на примерах древних Греции и Рима) называл просвещение, а причиной «деспотизма» – «невежество» [12, т. 1, с. 75]. Со времени возникновения христианства, по его мнению, начинается новая эпоха, главным содержанием которой было стремление человечества к свободе. Декабрист считал, что просвещению противостоять «ничто не в силах». Гонения на христиан только способствовали распространению христианства. Но между христианами начались распри, возникла феодальная система, стали организовываться крестовые походы. Распространилось «свободомыслие в религии» [12, т. 1, с. 558]. В статье «Причина падения власти пап», Рылеев объяснил рост реформаторских настроений тем, что духовенство не «просвещало» народ, а заводило его «еще в глубочайшие суеверия, безумства и закоснелые предрассудки». «Видя наглое и постыдное поведение римского престола», реформаторы (Уиклиф, Гус, Лютер) «восстали против него» [16, с. 273–274]. К.Ф. Рылеев высказал убеждение, что «за свободомыслием в религии следует свободомыслие в политике». Причиной французской революции, наполеоновских войн, и всех «быстротечных перемен», по его мнению, явился «дух времени» – «борьба народов с царями» [12, т. 1, с. 558]. Новое время – это эпоха начала «пути к свободе и нравственности». Поэт в духе романтизма подчеркивал, что «человечество стремится к “усовершенствованию” и никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его на сем пути» [12, т. 1, с. 560]. По глубокому убеждению К.Ф. Рылеева, причины, заставляющие человечество впадать в ничтожество или просвещаться, скрыты в «духе времени». Человек «свят, когда поступает по законам, соглашает поступки свои с “духом времени”, “с делами промысла”». «Человек в отличие от человечества имеет “свободу воли”, а значит и свободу выбора. Все зависит от правильности выбора». На судьбу всего человечества дела отдельного человека не влияют, особенно «когда они не согласовались с видами промысла». В пример Рылеев привёл Брута, который, убив Цезаря, «не избавил Рим от деспотизма, ибо это не было согласовано с видами промысла». Рылеев, «приняв за основу истину, что человек в частности свободен, а человечество нет», пришел к выводу, что «можно и должно будет поставить нравственным законом для наших деяний: поступай так, чтобы твои поступки не противоречили воле промысла, которая изъясняется в духе времени» [12, т. 1, с. 560].

Друг К.Ф. Рылеева А.А. Бестужев в 1830-е гг. продолжил разрабатывать рылеевскую концепцию истории применительно к развитию литературы. Бестужев разделил историю литературы на дохристианскую (старую), названную им «литературой судьбы», и христианскую (новую) – «литературу воли». По мнению Бестужева, в первую эпоху «преобладают чувства и вещественные образы», а во вторую эпоху «царствует душа, побеждают мысли. Первая – лобное место, где рок – палач, а человек – жертва; вторая – поле битвы, на коем сражаются страсти с волею, над коим порой мелькает тень руки Провидения» [1, с. 137–138]. С христианства началась новая эпоха. Историческую ценность христианства декабрист связывал с его активной духовно-нравственной, культуuroобразующей ролью. А.А. Бестужев, как идеалист в трактовке исторического процесса, движущей силой истории также считал «дух времени», просвещение, ведущие человечество от эпохи варварства, невежества и деспотизма к свободе и благоденствию [17, с. 29–32]. Говоря в литературно-критической статье «О романе Полевого “Клятва при гробе господнем”», что «изобретение пороха и книгопечатания добило старинное дворянство», писатель-романтик имел в виду достижения разума, стремление «бесконечного человеческого духа выразиться в конечных формах». Понимая значение материальных благ, он признавал, что «первенцы мира слишком озабочены были сначала тем, чтобы заверить собственное существование». «Первой же песней, скорее всего, была благодарственная или защитительная молитва силам природы, которая была для чело-

века вместе и «материю и мачехой», вызывала и страх и восхищение» [1, с. 138–140]. Причиной крестовых походов Бестужев считал «дух набожности и негодования» рыцарей против неверных, владеющих землями, в «коих покоился гроб Господень» [1, с. 153]. Признавая связь реформации с завистью феодалов к церковным поместьям, главным её фактором он все же назвал *степень просвещения*, при которой народ уже не может выносить ни духовного, ни физического порабощения, ибо дух нового времени «пропитан борьбой за свободу» [1, с. 154]. Эта мысль была характерной для большинства участников декабристского движения.

П.Г. Каховский в письме императору Николаю I назвал «причиной борений во всех странах» то, что народы стремятся к просвещению и свободе. «Правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся столкнуть народы в тьму невежества». «И мы, – пишет он, – не можем жить подобно предкам нашим, ни варварам, ни рабам... невозможно идти против духа времени, невозможно нацию удерживать вечно в одном и том же положении; зрелость даст ей силу и возможности, все народы имели и имеют свои возрасты» [12, т. 1, с. 502]. П.И. Пестель считал «дух времени», просвещение, главной причиной развития свободомыслия и возникновения революционных идей. Течение веков, на его взгляд, неумолимо «сметает на своем пути все памятники, воздвигаемые заблуждениями и страстями...» Духу времени ни что не может противостоять в «развитии мира человеческого и мира вещей» [18, т. 4, с. 105].

Декабристы много внимания уделяли личностному аспекту истории. Они сдержанно воспринимали рационалистический подход к истории, критично отнеслись к преувеличению Н.М. Карамзиным роли князей и царей в истории России, но подчеркивали значение личностного фактора в историческом процессе [9, с. 117], [15, с. 201–203]. Здесь сказывались и влияние романтизма с его интересом к личности, и современные им примеры деятелей (Наполеона, Александра Ипсиланти и др.), определявших политические процессы. У декабристов пользовались популярностью античные писатели [19, с. 148]. По мнению М.С. Лунина, «ценность античной истории в том, что она «дает глубокое знание о человеке, предоставленном самому себе с его добродетелями и пороками, силой и слабостью, началом и концом» – отмечал он [7, с. 156]. Личность воспринималась как носитель идей эпохи.

Считая двигателями истории «просвещение» и «идеи», декабристы были убеждены, что «дух времени проявляется через действия людей. Н.М. Муравьев высказал предположение, что в умах людей «от времени до времени рождаются новые понятия... Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные явления, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система» [11, с. 171]. Люди, осознавшие «дух времени», способные выразить актуальные идеи, могут влиять на историю. По мнению К.Ф. Рылеева, «высокие истины, обнаруженные однажды мудрецами, бессмертны» [12, т. 1, с. 560]. А.А. Бестужев в духе романтизма утверждал роль в истории передовых деятелей культуры, гениев (Камюэна, Торквато, Данте, Байрона и др.), называя их «избранниками небес» [1, с. 148]. М.С. Лунин в «Записной книжке» изложил точку зрения, что политические идеи в своем постепенном развитии имеют три вида. «Сперва являются как отвлеченные и гнездятся в некоторых головах и в книгах; потом становятся народной мыслью, и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством, требуют немедленного удовлетворения и, встречая сопротивление, разрешаются революциями» [7, с. 174–175]. Всякая идея, выражающая настоящие требования времени, требует своего осуществления на практике, ибо «всякий нерешенный вопрос... возникает снова с заботами неожиданными, каких не имел вначале» По мнению Лунина, узкий круг «лиц политических обязанностей побуждать народы и правительства» [7, с. 10]. Требованием «духа времени» мотивировал декабрист и свои политические действия. Он считал политику «такой же специальностью, как и медицина» [7, с. 10].

Рассматривая исторический процесс как результат деятельности людей, а не безличный «ход вещей», декабристы исследовали и роль народа в истории [15, с. 201–203]. Выводы о значении народного участия в исторических процессах были сделаны ими из анализа событий Французской буржуазной революции и освободительных движений первой четверти XIX в. Особенно сильное и непосредственное воздействие на социально-исторические представления декабристов оказало народное освободительное движение против наполеоновского завоевания в 1812 г. Ф.Н. Глинка, автор известных «Писем русского офицера», считал именно участие на-

рода в Отечественной войне главной причиной победы России над Наполеоном [20, с. 236–237]. И.Д. Якушкин также вспоминал, что «война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании» [19, с. 380]. М.С. Лунин в «Розыске историческом», рассматривая историю борьбы против татаро-монгольского ига, отметил: «Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов, и он смог победить монголов [7, с. 64].

Учитывая неоднородность социальной структуры общества, многие декабристы признавали, что угнетение одной частью общества другой части, может спровоцировать революцию. Восстание же угнетённого народа против угнетателей находило оправдание [9, с. 106–114]. Так, М.А. Фонвизин высказал наблюдение, что в течение всей истории России самодержавие угнетало народ, а с XVIII в. это угнетение ещё более усугубилось. Причиной пугачёвщины в России явились бедствия и отчаяние крестьянства [21, с. 113–114]. Декабристы были убеждены, что только ликвидация «рабства» позволит русскому народу достигнуть должного просвещения, и «приведет Россию к достойному её благоденствию» [15, с. 209–214], [9, с. 106–124].

Вместе с тем заговорщики полагали опасным вовлекать народные массы в политическую борьбу во избежание социальной катастрофы, разорения страны вследствие гражданской войны [22, т. 1, с. 233]. Из этих опасений вытекали проекты декабристских идеологов «военной революции» (М.Ф. Орлова, П.И. Пестеля и др.) об освобождении народа без его участия, о необходимости широкой просветительской деятельности для подготовки общественного мнения к преобразованиям [2, сс. 153, 179, 193]. На привлечение солдатских и крестьянских симпатий были направлены агитационные песни К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, проповеди С.И. Муравьева-Апостола. Заговорщики вполне сознавали опасность реакции настроенных монархически и антидворянски солдат и крестьян [2, с. 141–143], [17, с. 34–35].

Ставя задачи политического и социального преобразования России, декабристы были сосредоточены на вопросах развития государственно-правовых институтов. Они тщательно изучали политическую историю разных стран, иностранные конституции, сочинения философов и историков, отечественное законодательство, как древнее, так и современное им. Образцы общественного устройства они выявляли в античных полисах, в вечевом строе древней Руси, в Новгородской и Псковской республиках. Ф.Н. Глинка подготовил для Вольного общества любителей российской словесности «Мысли о судьбе человека и гражданских обществ». Н.И. Кутузов писал сочинения «О законодательстве древних», «О древних законах Ликурга и Солона», «О законах древних славян» [9, с. 88]. Н.И. Тургенев анализировал проблемы социально-политического устройства государства, ликвидации крепостничества в трактате «Политика». Н.И. Муравьев создал солидный свод «Конституции» для преобразования России. П.И. Пестель написал ряд заметок и статей по политико-правовым вопросам, «Социально-политический трактат», кропотливо разрабатывал конституцию «Русскую правду».

В своих социологических построениях декабристы исходили из просветительских теорий «естественного права», «общественного договора», «разделения властей» [6, с. 168], [15, с. 213]. Н.И. Тургенев писал: «Нужда... привела людей к составлению общества, государства». Человек создан для общества. Условие же общего благосостояния «состоит в пожертвовании части для сохранения целого». Так возникла верховная власть, соединяющая в себе те «части пожертвования», которые нужны «для сохранения блага общего... собственного благосостояния каждого человека» [13, с. 107]. П.И. Пестель писал, что «целью общества является «удовлетворение общим нуждам». Во избежание же споров и «несогласий» каждый гражданин «должен уступить часть своего мнения» для общего благоденствия [18, т. 7, с. 113]. Пестель говорил о большом значении центральной власти, правительства, законодательства, которые способны обеспечить благосостояние и безопасность народа и государства [18, т. 7, с. 114–119].

Государство рассматривалось декабристами как институт, эволюционирующий с развитием культуры общества, зависящий от степени просвещения народа. Н.И. Тургенев подчеркивал также зависимость успехов просвещения и промышленности народов «от законов и правления» [13, с. 117], [9, с. 95–114]. Цель государства состоит в достижении благоденствия всего общества и каждого человека в частности [13, с. 108]. Правительство призвано распоряжаться общими действиями, а народ обязан повиноваться для своего же блага. Равенства вообще, по мнению

декабристов, не существует. Однако, возможны и необходимы гражданское равенство и свобода. Люди должны быть равны перед законом, как утверждалось в «Конституции» Н.М. Муравьева, «русской правде» П.И. Пестеля, в сочинениях других декабристов. Никому «не может быть позволено распоряжаться другим человеком как своей собственностью» подчеркивал В.Ф. Раевский в антикрепостнической записке «О рабстве крестьян» [23, т. 2, с. 363].

В понимании свободы как ценнейшей этико-политической категории декабристы исходили из просветительских критериев. Н.И. Тургенев поддерживал идею Ш. Монтескье, что гражданская свобода состоит в «повиновении одним токмо законам», то есть позволено все, что не запрещено законами [13, с. 108]. Для Н.М. Муравьева политическая свобода состояла в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемому праву человека на развитие его естественных возможностей [24, с. 85]. Власть должна заботиться о свободе и полноценном развитии общества. Цель законодательства – определить «меру власти верховной, равно как и образ её действий, согласить и то и другое с целями государства и с благополучием граждан». По мнению, например, Н.А. Крюкова, Н.И. Тургенева, В.Ф. Раевского, П.И. Пестеля, хорошее законодательство и просвещение – важные условия благоденствия гражданского общества [9, с. 95–132].

Декабристы считали, что государственно-политический опыт каждого народа уникален. Н.И. Тургенев в «Теории политики» писал: «Все зависит... от обстоятельств, от степени образованности народа, от духа народного, от его благосостояния, от нравов, от местного положения, от пространства государств, даже от «образа правления» окружающих стран. Он находил, что «образ правления, хороший для одного государства», может быть «пагубным для другого». Если и народ, и власть обладают высоким уровнем просвещения, «монархическая власть будет только останавливать успехи народа в образованности, в благосостоянии». В случае преобладания просвещенности власти, правления «государя мудрого и народолюбивого», правительство может направлять народ «в успехах гражданственности, искореняя своею силою варварские обыкновения» [13, с. 116–117]. Записка была предназначена для представления императору с явным намеком на необходимость инициативы власти в преобразовании страны.

Важным принципом государственного устройства декабристы считали разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Эта система положена в основу «Конституции» Н.М. Муравьева, «Русской правды» П.И. Пестеля [13, с. 108–109], [12, т. 1, с. 91–92], [18, т. 7, с. 213–214]. П.И. Пестель пытался решать вопрос о государственном управлении, исходя из цивилизационных особенностей России, использовал русскую терминологию, предполагал наделить большими полномочиями исполнительную власть. 6-ю главу «Русской правды» (о верховной власти) он написал в двух вариантах – монархическом и республиканском. Пестель создал аграрный проект «разделения земель», полагая, что всякий переворот в России без наделения крестьян землей чреват «новой пугачевщиной», так как будет истолкован крестьянами во вред дворянству [18, т. 7, с. 91–92, 155].

В своих преобразовательных проектах декабристы учитывали национальный исторический опыт, цивилизационно-культурные («дух народа») особенности страны [15, с. 206] [13, с. 110–116]. Применяя концепцию «общественного договора» к анализу развития российской государственности, многие склонялись к выводу, что в России «самовластие» усиливалось и захватывало новые полномочия, преимущественно благодаря всеобщему невежеству и попустительству. Так утверждал Н.М. Муравьев в агитационном сочинении «Любопытный разговор» [18, т. 1, с. 321] [2, с. 65]. Эту мысль проводил М.С. Лунин в сочинениях по истории отношений общества и власти, развитию освободительного движения в России [7, сс. 54, 67, 69].

М.А. Фонвизин в трактате «Обозрение проявлений политической жизни в России» исследовал историю взаимоотношений власти и общества, выяснял причины возникновения самодержавия, прослеживал развитие идей его ограничения на протяжении всей истории страны. Анализируя процесс утверждения абсолютной монархии и всё, что противостояло самовластию на протяжении веков, декабрист высказал мнение, что на Руси изначальны демократические традиции, с которыми монархия вынуждена была считаться. Рассматривая все столкновения самодержавия с его противниками, осмысливая причины, по которым Россия не смогла пойти по иному пути развития, Фонвизин фактически обосновывал идею о за-

кономерности движения декабристов [21, т. 2, с. 15–17, 106–120]. Это обоснование преследовали целью в своих сочинениях и воспоминаниях М.С. Лунин, А.В. Поджио, И.Д. Якушкин, А.В. Розен, В.И. Штенгейль, Н.В. Басаргин и др.

Многие декабристы придерживались мнения, что на определенном историческом этапе, при достаточном уровне просвещения верховная власть в России должна подчиниться «духу времени» и предоставить законодательные полномочия народу. Ф.Н. Глинка ещё в 1818 г. в сочинении «Подробный отчет другу о приятном вечере, проведенном в обществе просвещенных людей» утверждал, что правительства должны предупреждать «даже будущие желания народов, не допуская, чтоб желания сии обратились в требования». Это сочинение, напечатанное в «Сыне Отечества», выражало распространённые мнения [9, с. 93].

П.И. Пестель был убежден, что монарх должен стать во главе движения своего времени, даже идти впереди него, руководить его направлением, а не противиться ему... потому что иначе он променял бы «прекрасную роль вождя своей армии на роль человека, плетущегося сзади и притом силой вынужденного следовать против своей воли за... духом времени, который... является сфинксом, пожирающим тех, кто его не понимает» [18, т. 7, с. 297–298].

В декабристских кругах часто велись дискуссии по вопросу о том, просвещение ли должно предшествовать свободе или свобода – просвещению. С одной стороны, первые русские революционеры были уверены, что дух времени требует преобразований и «представительного правления», а с другой – видели, что подавляющая масса народа не может участвовать в политической жизни, ибо находится на низкой ступени просвещения вследствие «рабства». Круг этих противоречий так и не разомкнулся до декабрьских событий 1825 г. Хотя все же преобладало мнение, что свобода (упразднение крепостничества) должна предшествовать просвещению, ибо «просвещенный раб» – самое «несчастное и ужасное существо». Отсюда вытекала активная просветительская деятельность, создание школ и училищ для солдат и крестьян и т. п. В период после 1825 г. многие декабристы сосредоточились на рефлексии об исторических судьбах России. Огромное количество написанных ими мемуаров, исторических, философских, публицистических сочинений – существенный вклад в развития исторического самосознания русской интеллигенции.

Таким образом, историософские и социологические исследования занимали значительное место в творчестве декабристов. Им были присущи довольно высокий уровень исторического самосознания, выраженное чувство историзма, «духа времени», утверждение ценности исторической памяти общества. В историософии декабристы, с одной стороны, стремились выявить объективные закономерности истории, а с другой – обосновывали свои политические идеалы. Как заметил В.Г. Базанов, «декабристы-романтики тревожили прошлое в интересах настоящего» [25, с. 268]. Они внесли свой вклад в философский анализ факторов, движущих сил, критериев, путей всемирного исторического процесса, в раскрытие специфики русской и славянской истории, в анализ происхождения и роли различных социальных и политических институтов. Историософские и социологические идеи и дискуссии декабристов и близких к ним деятелей культуры явились важной вехой в развитии исторического самосознания интеллигенции, предварив дискуссии славянофилов и западников [26, с. 7–8]. В историософских и социологических исканиях и сочинениях декабристов наметились тенденции дальнейшего развития русской и восточнославянской философско-исторической мысли.

Литература

1. Бестужев, А.А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» / А.А. Бестужев // Декабристы. Эстетика и критика / Сост, вступ. ст. и коммент. Л.Г. Назарьяна и Л.Г. Фризмана. – М. : Искусство, 1991. – С. 133–187.
2. Ланда, С.С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825 / С.С. Ланда – М. : Мысль, 1975. – 381 с.
3. Эйдельман, Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1989. – 176 с.
4. Зверев, В.М. Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в. / В.М. Зверев // Декабристы и русская культура. – Л., 1976. – С. 27–57.

5. Волк, С.С. На путях исторического познания / С.С. Волк // Декабристы и русская культура. – Л., 1976. – С. 58–79.
6. Галактионов, А.А. Русская философия XI–XIX веков / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров. – Л., 1970. – 744 с.
7. Лунин, М.С. Письма из Сибири / М.С. Лунин. – М. : Наука, 1987. – 495 с.
8. Кутузов, Н.И. «О причинах благоденствия и величия народов» / Н.И. Кутузов // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – пер. треть XIX в.): учеб. пособ. / Сост. А.Е. Шикло ; Под ред. И.Д. Ковальченко. – М. : Выш. шк., 1990. – С. 244–250.
9. Волк, С.С. Исторические взгляды декабристов / С.С. Волк. – М., Л. : АН СССР, 1958. – 461 с.
10. Записки декабриста Д.И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – СПб. : Сириус, 1906. – 464 с.
11. Муравьев, Н.М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Крамзина / Н.М. Муравьев // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): учеб. пособ. / Сост. А.Е. Шикло ; Под ред. И.Д. Ковальченко. – М. : Выш. шк., 1990. – С. 170–173.
12. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов : в 3 т. / Общ. ред. И.Я. Щипанова, подгот. текста и прим. С.Я. Штрайха. – М. : Гос. изд. Полит. лит., 1951. – Т. 1. – 731 с. – Т. 2. – 600 с. – Т. 3. – 600 с.
13. Тургенев, Н.И. Политика. Нечто о главных основаниях теории политики / Н.И. Тургенев // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник. – Саратов, 1971. – С. 107–119.
14. Авксентьев, А.В. Философские и социологические взгляды декабристов Северного общества : автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / А.В. Авксентьев. – М. : [б. и.], 1955. – 16 с.
15. Габов, Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов / Г.И. Габов. – М., 1954. – 295 с.
16. Рылеев, К.Ф. Сочинения / К.Ф. Рылеев. – М. : Правда, 1988. – 352 с.
17. Шарупич, А. Декабрист Александр Бестужев / А. Шарупич. – Мн. : Минвуз БССР, 1962. – 92 с.
18. Восстание декабристов. Материалы и документы следствия : в 18 т. – М. : Гос. полит. издат., 1925. – Т. 1. – 539 с., 1926. – Т. 2. – 424 с., 1927. – Т. 3. – 447 с. – Т. 4. – XII + 486 [2] с., 1958. – Т. 7. – 692 с., 1969. – Т. 12. – 475 с.
19. Якушкин, И.Д. Записки / И.Д. Якушкин // Декабристы. Избр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
20. Глинка, Ф.Н. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года / Ф.Н. Глинка // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): учеб. пособ. / Сост. А.Е. Шикло ; Под ред. И.Д. Ковальченко. – М. : Выш. шк., 1990. – С. 235–244.
21. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма / М.А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сиб. книжн. изд., 1982. – Т. 2. Сочинения. – 431 с.
22. Нечкина, М.В. Движение декабристов / М.В. Нечкина. – М. : Наука, 1955. – Т. 1. – 483 с.
23. Раевский, В.Ф. О рабстве крестьян / В.Ф. Раевский // Избр. социально-полит. и философ. произведения декабристов : в 3 т. / общ. ред. и вступ. ст. И.Я. Щипанова ; подгот. текста и примеч. С.Я. Штрайха. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. – Т. 2. – С. 363–369.
24. Дружинин, Н.М. Декабрист Никита Муравьев / Н.М. Дружинин // Избр. труды. Революционное движение в России в XIX в. – М. : Наука, 1985. – С. 5–304.
25. Базанов, В.Г. Ученая республика: Вольное о-во любителей рос. словесности / В.Г. Базанов. – М., Л. : Наука. Ленинград. отд., 1964. – 463 с.
26. Рудницкая, Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года / Е.Л. Рудницкая. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.

Роль конвергентных технологий в преобразовании человека и социума: потенциальные блага и риски

В.К. СТЕПАНЮК

Рассматривается проблема обострения социокультурных противоречий и рисков, связанных с появлением конвергентных технологий. Обращается внимание на то, что данная проблема особенно актуализируется в период смены технико-экономических укладов. Бесконтрольное использование технологий современного шестого уклада представляет потенциальную угрозу человечеству. Базовыми технологиями нового седьмого уклада должны стать социогуманитарные технологии.

Ключевые слова: биотехнологии, информационно-коммуникационная среда, нанотехнологии, саморазвивающиеся системы, социогуманитарные технологии, технологический уклад, техносфера.

The article deals with the problem of aggravation of sociocultural contradictions and risks associated with the emergence of convergent technologies. The author pays attention to the fact that this problem is very urgent when the changes of technical and economic structures are taking place. The uncontrolled use of modern technologies of the sixth structure presents a potential threat to humanity. The basic technologies of the new seventh structure should be technologies that are socio-humanistic in their nature.

Keywords: biotechnologies, information and communication environment, nanotechnologies, self-developing systems, socio-humanistic technologies, technological structure, technosphere.

В настоящее время научной общественностью широко обсуждаются вопросы о путях преодоления антропологического кризиса, изменения губительной траектории развития нашей цивилизации. Предлагаются сценарии будущего цивилизации, преобразования человеческой телесности и социума. Предлагаемые проекты служат предметом оживленных дискуссий. Многие ученые полагают, что нарастающие темпы шестого (нано-био-инфо-когно) технологического уклада позволят решить экономические и социальные проблемы, актуальные для начала 21 века.

Научно-технологическая эволюция человечества привела к появлению модели НБИКС-конвергенции, которая в настоящее время воспринимается как основной катализатор техногенной модификации технологической и социальной среды. Эта научная методология базируется на представлениях о материальном единстве природы на наноуровне и интеграции технологий на более высоких уровнях. Акцент авторов данной модели ставится на трансгуманистическом расширении возможностей человека за счет объединения технологий макро- и микромиров.

Сегодня в результате успехов в деле создания новых технологий стала популярной идея о том, что человек может в принципе управлять всеми природными процессами, может выступать в роли создателя таких формообразований, которые невозможны в природе. Однако скорость возникновения новых технологий превышает прогностические возможности ученых. Технологии стали главным действующим фактором современной цивилизации. Они опережают и направляют науку, создавая проблемы с осознанием последствий своего развития. В связи с этим многими учеными будущее развитие человечества в наблюдаемой техногенной фазе представляется неопределенным, многовариантным, динамичным и нелинейным. Актуальной задачей является осмысление и глубокий анализ социогуманитарной составляющей НБИКС, поскольку именно ей принадлежит главенствующая роль в системе развития конвергентных технологий.

По мнению И.А. Асеевой, проблема обострения социокультурных противоречий и рисков, связанных с появлением конвергентных технологий, характерных для современного уровня науки, экономики и производства, особенно актуализируется в период смены технико-экономических укладов. Новый технологический уклад, зарождающийся в недрах предыдущего, предлагает инновационные технические и технологические возможности, внедряется в производство и постепенно вытесняет устаревший и неэффективный уклад. Если в предыдущих пяти укладах своей предприимчивостью человечество бросало вызов окружающей природе, до-

бывая все больше полезных ископаемых, развивая экологически вредные производства, создавая синтетические вещества с длительным сроком утилизации, то формирующийся шестой уклад проникает во внутреннюю природу, трансформируя саму сущность человека [1, с. 149].

С.Ф. Сергеев обращает внимание на то, что новый технологический уклад порождает многочисленные угрозы, противодействие которым стало одной из актуальных задач науки. Среди основных источников угроз, носящих глобальный характер, называются достижения в сфере высоких технологий. Это генная инженерия, нанотехнологии, робототехника, электроника, искусственный интеллект, технологии сборки и разрушения социальных субъектов, все, что порождается в рамках НБИКС-конвергенции.

Человек погружается в создаваемую технологиями искусственную среду, меняется сам, становится активным элементом и катализатором усложнения и интеллектуализации среды, которая в свою очередь становится его частью. Возникает новое системное единство, объединяющееся с человеком пока на информационно-коммуникационном и интерфейсном уровнях. Однако в будущем планируется не только физическая и информационная интеграция человека со средой, но и имплантация фрагментов искусственной субъективной реальности в естественную субъективную реальность человека, направленное изменение ее и, в перспективе – перенос субъекта на иные, нежели биологические, субстраты. Задача науки заключается в том, чтобы обосновать рациональные или отвергнуть тупиковые варианты развития, создать механизмы защиты человечества, в том числе от себя самого [2, с. 158].

В шестом технологическом укладе угрозы становятся масштабнее и приобретают новые формы. Одной из групп факторов, обостряющих антропологический кризис, выступают современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Например, расшифровка генома человека в принципе открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить его умственные или физические способности.

«Все эти начавшиеся эксперименты над биологической составляющей человеческой жизни, отмечает В.С. Степин, имеют далеко идущие последствия. Уже введено в обиход понятие «постчеловек», хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека. Техногенная цивилизация открывает новую зону риска. Системная целостность генетических факторов человеческого бытия во все не гарантирует, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажение других свойств. Но есть еще и социальная составляющая человеческой жизнедеятельности. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [3, с. 19].

В области разработок нанотехнологий и биотехнологий возрастают возможности создания невиданного по силе оружия и передаче его в руки асоциальных элементов, способных уничтожить человечество.

Потенциальные возможности нанобиомедицинских технологий для продления жизни человека и развития его способностей создают предпосылки для резкого возрастания процессов расслоения человечества с учетом финансовых возможностей отдельных лиц, способных в большей степени воспользоваться результатами новых разработок.

Развитие нанобиотехнологий может привести к созданию самоорганизующихся и саморазвивающихся сред активных нанобиоэлементов, которые могут быть использованы как в интересах здравоохранения, так и в интересах создания новых видов оружия.

Следует выделить также угрозу, общую для всех технологических укладов: отстраненность техники, и особенно технологий, от этического осмысления. Если сегодня не поставить и не начать серьезно решать проблемы социогуманитарного обеспечения инновационного развития, то могут возникнуть необратимые асоциальные процессы.

Основной социогуманитарной проблемой, требующей внимания и решения в эмбриональной фазе шестого технологического уклада, является проблема выявления, снижения и

управления рисками внедрения новых конвергентных технологий для человека и общества. В данный период уклада еще сохраняется возможность выявить и обсудить социальную ценность нововведений до начала финансирования проектов и до появления непоправимых последствий для природы, общества и человека.

В современную эпоху в центре научного исследования находятся объекты, представляющие собой сложные саморазвивающиеся системы. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей [4, с. 7].

Деятельность со сложными развивающимися системами имеет свои особенности. Эти системы являются человекообразными. При действии с такими системами установка на активное силовое преобразование объектов уже не является эффективной. В состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие в определенном пространственно-временном локусе способно порождать новые структуры и уровни организации.

Технологическая деятельность с такими системами предполагает учет целого спектра возможных траекторий развития системы в точках бифуркации. Реальное воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда сталкивается с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных сценариев. И ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой.

При изучении человекообразных объектов необходимо учитывать стратегии и возможные направления преобразования объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. В процессе исследования и практического освоения таких объектов особую роль начинают играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе исследовательских проектов и программ. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями [5].

Человечество впервые столкнулось с появлением проблемы сложных самоорганизующихся симбиотических систем, к которым относится глобальная техногенная информационно-коммуникационная среда, формируемая технологиями сетевой коммуникации и Интернета. Масштабы ее роста и влияния на все сферы человеческой деятельности впечатляют. Сетевые интерфейсы порождают искусственные виртуальные миры, оказывающие формирующее влияние на пользователей и опосредованно на развитие современной формы техногенной культуры и цивилизации.

В последнее десятилетие возникла и интенсивно развивается технология дополненной реальности, которая является развитием глобальных технологий передачи и обработки информации. В ней виртуальное содержание информационно-коммуникативных сред смешивается с информацией действительного мира [6].

Несмотря на интенсивное развитие данной технологии, ее влияние на жизнь человечества пока не совсем понятно. Вместе с тем наблюдается интенсивное внедрение технологии дополненной реальности во все сферы человеческой деятельности, связанные с информированием пользователей в реальном времени. Появление дополненной реальности говорит о конвергентных процессах, связанных с вовлечением субъекта в искусственные, создаваемые технологией миры.

За очень короткий исторический период возникла глобальная сеть сохранения, передачи, обработки и порождения информации, которая приобретает свойства социальной коммуникационной информационно-управляющей среды, вовлекающей в сферу своей эволюции и влияния практически все человечество во всех сферах и формах его жизнедеятельности. Мы

уже вышли за рамки информационной цивилизации, живем в сетевом столетии, порождающем мир тотальной интеграции. Эта новая реальность, в которой действующей силой становятся механизмы глобальной техногуманитарной самоорганизации, должна быть должным образом осознана научным сообществом. Вместе с тем человечество по-прежнему использует в своей деятельности представления и технологии простого механического мира.

И.Е. Москалев считает, что техносфера уже давно стала частью нашей внешней среды, но не только в смысле классического системного анализа, различающего влияние внешних и внутренних факторов, а в смысле, который формируется в рамках исследовательской программы теории сложности. Для понимания особенностей взаимодействия человека и современной техники уже недостаточно простой аналогии, связывающей технические устройства с человеческими органами и их функциями. Следует учитывать как проекции представлений человека о его собственном строении на сферу техники, так и обратную проекцию, которая формирует в нас самих новые образы антропосоциальной реальности. Человек организует техносреду в соответствии со своими потребностями, но в то же время сконструированная внешняя среда оказывает воздействие на антропосоциальную систему. При этом отношения с внешней средой предопределены внутренней структурой системы. Таким образом, мы всегда имеем дело лишь с проекциями самих себя, а не объективными описаниями реальности. Именно этой операциональной замкнутостью и ненаблюдаемостью обусловлен феномен рисков. Наиболее актуальным примером такого структурного сопряжения являются конвергентные технологии, представляющие новый синтез знаний [7, с. 152].

В.Е. Лепский выделяет критерии адекватного реагирования на технологические вызовы [8, с. 1010–1021].

Во-первых, адекватное реагирование человечества на позитивные возможности развиваемых технологий. Готовность науки и человеческого потенциала, способность эффективной организации исследований, разработок, восприятия инновационных предложений.

Во-вторых, контролирующее реагирование человечества на потенциальные угрозы от внедрения развиваемых технологий.

В-третьих, справедливое реагирование человечества на позитивные возможности развиваемых технологий. Готовность использовать эти позитивные возможности в интересах всего человечества, а не исключительно в интересах узкой группы лиц.

В-четвертых, развивающее реагирование человечества на технологические вызовы. Способность человечества создать проект своего развития, видения будущего и с этих позиций оценить технологические вызовы. Выявить степень их влияния на реализацию проекта развития, готовность человечества к использованию новых технологий, целесообразность и объемы используемых ресурсов на достижение позитивных результатов и нейтрализацию негативных.

Таким образом, базовыми технологиями нового седьмого уклада должны стать социогуманитарные технологии, и в первую очередь технологии формирования новых форм жизнедеятельности на планете, технологии конструирования социальной реальности. Следует учесть, что важнейший аспект социогуманитарных технологий седьмого уклада должен быть связан с необходимостью обезопасить человечество от потенциальных угроз бесконтрольного использования технологий шестого уклада. Такого рода угрозы сегодня явно недооцениваются. Базовой областью знания для формирования социогуманитарных технологий седьмого уклада может стать философия. Она призвана сыграть важную роль в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем.

Литература

1. Асеева, И.А. Социогуманитарные риски развития NBICS-технологий. Материалы круглого стола / И.А. Асеева // Философские науки. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
2. Сергеев, С.Ф. Наука и технология 21 века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция / С.Ф. Сергеев // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция ; Под ред. Д.И. Дубровского. – М. : ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 158–168.

3. Степин, В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / В.С. Степин // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция ; Под ред. Д. И. Дубровского. – М. : ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 10–25.
4. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
5. Степин, В.С. Научная рациональность в техногенной культуре : типы и историческая эволюция / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18–25.
6. Сергеев, С.Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды / С.Ф. Сергеев. – М. : Народное образование, 2009. – 432 с.
7. Москалев, И.Е. Социогуманитарные риски развития NBICS-технологий. Материалы круглого стола / И.Е. Москалев // Философские науки. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
8. Лепский, В.Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад – адекватный ответ технологическим вызовам 21 века / В.Е. Лепский // Философия в диалоге культур : материалы Всемирного дня философии. – М. : Прогресс – Традиция, 2010. – С. 1010–1021.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 11.04.2017

Эмансипация как проект либерального развития общества в XIX веке

Е.Г. Фисун

Представлен философско-антропологический анализ проекта эмансипации гендерных и расовых меньшинств в культуре XIX в. Автор анализирует пути и формы эмансипации гендерных и расовых Других в развитии общества XIX в. Эмансипация представлена как проект деконструкции колониального и патриархального дискурса, который направлен на «исключение» меньшинств из категории культурной нормативности и объективизацию их как пассивных и зависимых Других в культуре. Автор предлагает философские определения эмансипации, в частности как процесса самосознания Другим своей ценности, развитие субъективизации. Базируясь на терминологии М. Фуко, эмансипация представлена как дискурс «заботы» о гендерных и расовых Других и как новый модус равноправных отношений с культурой доминирующего большинства.

Ключевые слова: эмансипация, либерализация, Другой, ориенталистский дискурс, властный дискурс, империализм.

The article presents a philosophical-anthropological analysis of the project of emancipation of gender and racial minorities in the culture of the XIX century. The author analyzes the ways and forms of the emancipation of gender and racial Others in the development of society of the XIX century. Emancipation is presented as a project of deconstruction of colonial and patriarchal discourse, which is aimed at «exception» of minorities from the category of cultural normativity and objectivization them as passive and dependent Others in the culture. The author proposes the philosophical definitions of emancipation, in particular, as a process of Other's self-consciousness of its own value, the development of subjectivity. Based on Foucault's terminology, emancipation is presented as a discourse of «care» about the gender and racial Others and as a new modus of equal relations with the culture of the dominant majority.

Keywords: emancipation, liberalization, Other, orientalist discourse, power discourse, imperialism.

В эпоху Нового времени и Просвещения тема либерализации прав человека заняла важную позицию в европейской философии. Роль и место индивида в обществе, границы его гражданской и индивидуальной свободы стали центральными вопросами в политической мысли Т. Гоббса, Дж. Локка, а позже в политических концепциях Ж.-Ж. Руссо и Ш. де Монтескье. Основой философских дискуссий этого периода становится тема границ господства государства над индивидуумом и границ свободы человека. Проект Просвещения в понимании Т. Адорно и М. Хоркхаймера [1], который призывал к справедливости и осмысленной власти («Власть – одним, послушание – другим» [1, с. 37]), потерпел крах. Технический прогресс и развитие изощренных методов принуждения, оружия, массовые уничтожения показали нежизнеспособность просветительских идей.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сегодня вопросы культурной интеграции расовых и этнических меньшинств в европейское сообщество, ущемления их гражданских, политических прав остаются по-прежнему дискуссионными в гуманитарных науках.

Разработанность темы на сегодняшний день ограничена в рамках историко-философских исследований женской эмансипации (Н. Бердяев, С. де Бовуар), литературоведения (Н. Лесков), в то время как в рамках философско-антропологических исследований дискурсы эмансипации в культуре XIX в. остаются малоизученными. В рамках современных философских исследований проблемы гендерных и расовых меньшинств были подняты теоретиками западного феминизма и постколониализма второй половины XX в. (Г. Спивак, Р. Моханрам, М. Егеноглу, П. Чаттерджи).

Целью данной статьи является философско-культурологический анализ становления проекта эмансипации, а также его дискурсов в европейской и американской культуре XIX в.

Задачи исследования: 1) в ракурсе философии культуры раскрыть понимание эмансипации гендерных и расовых Других в культуре XIX в.; 2) определить значимость дискурсов эмансипации в либерализации прав гендерных и расовых меньшинств в культуре XIX в.

Методологически работа базируется на модели «дискурсивной власти» М. Фуко [2]; «ориенталистском дискурсе» Э. Саида [3], [4]; модели субъективности и концепции деконструкции Ж. Деррида [5]; философии Другого Ю. Кристевой, Ж. Лакана; постколониальных

исследования Г. Спивак, Р. Моханрам; современных концепциях либерализма Р. Дворкина, И. Берлина, У. Кимлика, О. Хеффе. Также в работе исследуется вопрос маргинальности расовых меньшинств как философская проблема. Их нестабильная самоидентификация, а также восприятие как «различных». Других не дает им возможности иметь устойчивый статус в обществе, поэтому «смешанные расы» – это всегда «маргинальные расы» [6, с. 14]. Методы, применяемые нами в исследовании: гендерный анализ, философско-антропологический, структурно-семиотический, структурно-описательный анализ, метод дискурс-анализа.

Новизна работы состоит в попытке философского обоснования значимости проекта эмансипации гендерных и расовых Других в развитии общества и культуры XIX в.

В истории культуры слово «эмансипация» впервые встречается в «Законах двенадцати таблиц» («Codex decimviralis Duodecim tabulae») – в правовом документе Древнего Рима, в котором были зафиксированы правовые нормы и права римлян. «Эмансипация» означала «освобождение от зависимости, подчиненности», «формальное освобождение сына из-под отцовской власти», «официальный отказ от права собственности, (путем фиктивной продажи – *per aes et libram*)» [7].

В эпоху Просвещения Дж. Локк создал либерально-демократическое направление в политической философии, выдвинул концепцию «естественной свободы человека», предполагающую полную свободу человека от воли других, «состояние равенства» всех и каждого [8, с. 263]. Политические взгляды философов Просвещения (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Вольтера) центрированы на справедливом отношении государственной власти к подданным, «народном суверенитете», на принципах равенства всех людей перед законом, нравственности и разумности. На принципах толерантности и гражданской свободы построена концепция общественного договора Ж.-Ж. Руссо [9], которая предполагает гражданскую, а также моральную свободу человека. Определение границ зависимости раба от господина, народа от государства, т.е. отношений субъекта и объекта власти, составляют основу властного дискурса в политическом измерении, которому противостоял эмансипационный дискурс.

В противовес идеям Просвещения политика Европы базировалась на дискурсивных практиках империи – «имперском властном дискурсе» («империалистическом нарративе»). Имперский властный дискурс, обращаясь к теории Э. Саида [3], [4], основывался на определенных политико-идеологических стратегиях колониального проекта, подчеркивающих высокий статус европейских империй («метрополии», «центра», «нормативной субъективности»), их доминирование и превосходство по отношению к низшему, подчиненному положению колониально захваченных территорий («периферии», «окраине», «маргинальности», «не-нормативному телу»). Стратегии ориентализма, согласно Э. Саиду, имели политический характер и использовались для легитимации «культурного империализма» и подтверждения доминирующей позиции «белой», «маскулинной», христианской культуры, а также иррациональности и зависимости «восточного Другого». Именно империализм породил дискурс об «исключенности» человеческих рас и народов, их «нормативности» и «не-нормативности», практику их различения в системе «Свои – Чужие», «Я – Другие» [10, с. 47–56].

Становление дискурса «исключения» в рамках дискурсивного типа власти рассмотрел М. Фуко [11], [2]. В XVIII в. произошло становление дискурсов «исключения»: сексуальности, сумасшествия, а вместе с ними и политики девиации и иерархизации людей по определенным признакам, которые не укладываются в понимание установленной нормы (разные неравные, маргинальные группы – гендерные, расовые, классовые, этнические, возрастные). Идеологическая стратегия «Власть – Знание» [2] (в терминологии М. Фуко) показала свою эффективность в осуществлении империалистического дискурса и его разновидности, – дискурсе ориентализма. Дискредитацию гендерных и расовых Других по разным критериям (цвету кожи, вероисповеданию, полу, этническим особенностям, социальному статусу) можно считать формой тотальной дискурсивной власти.

Гендерная эмансипация проходила в несколько этапов. В эпоху европейского Просвещения общественная роль женщины сводилась к образу «Женщины-Матери», находящейся за чертой индивидуализации и обладанием политическими, экономическими правами. Как отметила Э. Хэфели [12], Ж.-Ж. Руссо сконструировал идеальный тип женщины, соответствующий культурным, моральным и этическим требованиям своей эпохи – это милосердная, кроткая, заботливая Мать, подобная Деве Марии. Фигура «Женщины-Матери», выстроенная в философии Ж.-Ж. Руссо, стала символом женщины эпохи. В XIX в. представления о жен-

щине как зависимом и подчиненном мужчине «Ином» стали в центр ранней феминистской критики, направленной на деконструкцию представлений о женской пассивности, признание женщины субъектом истории, ее общечеловеческих прав.

Другим важным субъектом эмансипации в европейском дискурсе XIX в. выступали представители не-белой расы, живущие на окраинах европоцентричной цивилизации, и этот либеральный дискурс противостоял концепциям расизма предыдущих столетий. В частности, в XVII–XVIII вв. были сформулированы теории расизма о превосходстве европеоидной расы, среди которых наиболее известной является теория Ж. Гобино и некоторые другие. Исходными предпосылками расизма служило неравенство рас, различие на «Мы – Они», «Я – Другие», их деление и иерархизация по физическим, культурным и религиозным различиям. Идеология расизма складывалась в силу нескольких причин, большинство из которых были проанализированы в работах Э. Саида «Ориентализм» и «Культура и империя»: 1) из-за опасений Европы и Америки (двух важных геополитических центров) потерять контроль над потенциально-возможным развитием «восточных», африканских колоний; 2) в силу необходимости масштабного развития производства; 3) из-за желания расширять границы мировой «европеизации» и «американизации». Идеологически расизм, а также социал-дарвинизм (в конце XIX – начале XX вв.) основывался на теории эволюции Дарвина, на его учении о естественном отборе в природе и выживаемости наисильнейших организмов. Расовое превосходство «белых», «белокурых» европеоидов над «черными» негроидами, мулатами и «желтыми» азиатами было объяснено их наибольшей выживаемостью, их интеллектуальной высокоразвитостью подобно тому, как человек нового вида *Homo Sapiens* превзошел обезьяну. Что касается религиозных различий, то иудеи, мусульмане, язычники, кришнаиты, буддисты, представители нехристианских сообществ воспринимались христианизированной Европой как «инородцы», по отношению к которым существовало религиозное неприятие [4, с. 200]. На наш взгляд, можно утверждать, что концептуализация превосходства «белой расы», а именно – белых европейцев мужского пола, обладающих собственностью и культурным влиянием (т. е. «культурной гегемонией» в терминологии А. Грамши [13]) следует рассматривать как проявление одного и того же стремления белого субъекта легитимировать и утвердить свою власть на разных уровнях – над женщиной на уровне семьи и имущественных прав и над не-европейскими и не-христианскими народами (меньшинствами внутри Европы) на уровне геополитики и культуры.

Эти стратегии легитимации власти субъекта (мужчины, империи, доминирующей расы) были активно проанализированы и деконструированы в работах постструктуралистов второй половины XX в., прежде всего М. Фуко, Э. Саида, Ж. Деррида, Х. Бхабха. В частности, становление женской субъективности в культуре, а также формирование гендерной и расовой идентичности стало основой проекта «заботы о себе» М. Фуко [14]. Принцип «заботы о себе» («культуры себя») представлен Фуко как процесс субъективизации, осознание индивидом (или другой политической, религиозной культурной группой) уникальности своего «Я» как полноценного субъекта в обществе и культуре. Таким образом, эмансипацию можно рассматривать как культурно-идеологическое движение европейского общества от «заботы о себе» – к «заботы о Других», то есть переключении внимания на представителей гендерных и расовых меньшинств и признания их специфических нужд и потребностей. В этой связи в XIX в. развиваются либеральные (эмансипаторные) дискурсы, в рамках которых происходит переосмысление роли женщины в обществе, а также признание уникальности и ценности тех народов и культурных субъектов, которые прежде оказывались «исключенными» из доминирующей культуры. К таким эмансипаторным дискурсам, объединенным общей концепцией «освобождения», «признания», «принятия», «гуманизации» следует отнести дискурсы суффражизма и раннего феминизма, которые активно развиваются в XIX в., а также дискурс аболиционистов в США, национально-освободительные движения в Европе и антиколониальные восстания в Азии (Индии) XIX в., а также движения в поддержку прав еврейского населения (еврейского меньшинства) как в странах западной, так и восточной Европы.

В XIX ст. беспокойство о судьбе расовых, национальных, религиозных меньшинств (который условно можно обозначить как «забота о Других») реализовалось в ряде культурно-освободительных движений («Гаскала», аболиционизм). Началом для развития еврейской эмансипации стало появление «Гаскалы» (во второй половине XVIII в. в Германии) – мас-

штабного культурно-просветительского движения, целью которого являлось возрождение еврейской культуры и еврейского самосознания. Развитие еврейской эмансипации привело к таким результатам как: 1) возрождению иврита как полноценного европейского языка и развитию ивритской литературы (творчество М. Мендельсона, Г. Лессинга, Б. Ауэрбаха, К. Эмиля Францоа); 2) возрождению самобытных религиозных традиций иудаизма; 3) утверждению полноправного гражданства евреев, их всесторонних (общественных, экономических) прав для жизни в Европе. Л. Поляков обозначил, что в XIX в. произошла эмансипация женщины-еврейки [15, с. 146–147] и модернизация культурно-антропологических качеств жизни евреев в Западной Европе, что было связано с упразднением необходимости носить типичную «еврейскую одежду» и отличительные «еврейские знаки» (сбривать бороду, запрет употреблять в пищу свинину и др.), то есть с модернизацией еврейского населения [15, сс. 157, 187–188].

В XIX в. произошло становление теории аболиционизма, – национально-освободительного, эмансипационного движения против рабства в Америке. Аболиционисты видели равенство рас также и в искоренении «семейного рабства», улучшении условий женского труда, не только европейек, но и афроамериканских женщин, в распространении избирательных прав на «чернокожих женщин», признании личного достоинства и права на индивидуальность каждой женщины независимо от расы [16, сс. 60, 65, 73, 155]. А. Дэвис указывала, что основой для аболиционистской теории стала христианская этика, провозглашающая «всех равными перед Богом» [16, с. 112]. В середине XIX в. политические активистки (Л. Мотт, Э. Стэнтон, А. Гримке, Ф. Дуглас) выдвинули вопрос о правах афроамериканских и «белых» женщин. Следовательно, аболиционисты видели взаимосвязь между расовой эмансипацией и женской эмансипацией.

Попытки индивидуализировать женщину как субъекта, равноправного мужчине, относятся к заслугам первых феминисток (О. де Гуж, М. Уолстонкрафт, Э. Адлер, Л. Отто-Петерс, М.Ф. Аннеке, Х. Дом [17]) и говорят о том, что в XIX в. активно развивалась идея всесторонней (правовой, интеллектуальной, личностной) «заботы» женщин о себе, одновременно с признанием наиболее просвещенных мужчин прав женщин на образование, получение профессии и т. д. Дискурс эмансипации базировался на утверждении прав женщин на освобождение от «маскулинной гегемонии», от идеологической привязанности женщины к образу пассивного гендерного поведения в культуре. Ярким выражением женской эмансипации стало развитие женского творчества и «женского письма» (Ж. Санд, Дж. Остин, Ш. Бронте, М. Вовчок, О. Кобылянская, М. Башкирцева и др.).

В результате проделанного анализа можно прийти к выводу, что множественные либеральные, национально-освободительные, антиколониальные, антиимперские, феминистские и антирасовые движения, возникшие и активно развивавшиеся на разных континентах (в США и в Европе) и приложимые к представителям разных угнетаемых прежде групп, могут быть рассмотрены как проявления общего для культуры и сознания XIX в. – «эмансипаторного дискурса». Основными характеристиками эмансипаторного дискурса является его осознанная «антиколониальная», «антирасистская», «антидискриминационная», «антиимперская» направленность. Саму эмансипацию (как феномен) в контексте данного дискурса автор статьи предлагает рассматривать как сложный, многоступенчатый комплекс культурных, экономических и политических явлений, которые в разных странах могут проявляться в разной степени и в разной последовательности, тем не менее, включая в себя: 1) формирование общественного дискурса «о получении свободы», возможностях того или иного субъекта обладать свободой и сопротивляться зависимости; 2) процесс субъективизации, переход зависимого объекта из категории «объекта» в категорию «субъекта»; 3) процесс собственной самоидентификации субъекта с определенной расой, классом, нацией, культурой; 4) изменение властных отношений в системе «субъект-объект» (перемещения «зависимого» объекта в положение субъекта, претендующего на равенство прав и возможностей в культуре); 5) обретение субъектом автономных (политических, общественных, экономических, индивидуальных) прав, его более широкой интеграции в культурную и общественную жизнь; 6) изменение границ между коллективным телом и индивидуальным телом Другого; 7) более широкие экономические и политические права; 8) либеральное общественное отношение к аккумуляции, интеграции, модернизации представителей гендерных, религиозных или национальных сообществ в культуру империи или гегемонной нации.

Женщины, представители европейских колоний (индусы, африканцы), европейские евреи, чернокожие Америки стали объектами эмансипации, как на уровне дискурсов «говорения о свободе», так и на уровне практик автономизации, признания прав и ценности культуры меньшинств, появлении новых экономических и профессиональных возможностей в ряде стран (например, допуск женщин в университеты; активное участие женщин в общественной жизни и политической борьбе в Европе XIX в.; освобождение чернокожих Северной Америки от рабства в 1862–1863 гг.; признание полного равноправия евреев как граждан в разных странах Европы на протяжении XIX в.; активный общественный интерес к культуре «инородцев» в российской империи, который проявился в практиках их этнографического описания, научных путешествий на окраины империи, интеграции в хозяйственную и политическую жизнь; проявление себя в творческих профессиях женщин и представителей национальных меньшинств, что в традиционном обществе было привилегией мужчин доминирующей нации, и др). Можно утверждать, что эмансипация в XIX в. – это результат борьбы либерального, антиколониального и освободительного проекта общества против властного имперского патриархатного дискурса, который традиционно исключал или маргинализировал гендерных и расовых Других в пространстве культуры.

Литература

1. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – С. 16–60.
2. Фуко, М. История сексуальности : в 3 т. / М. Фуко ; Пер с фр. О. Хома, Т. Титова. – М. : Рефл-бук 1998. – Т. 1. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – 448 с.
3. Саид, Э. Культура и империализм / Э. Саид ; Пер. с англ. А. Говорунова. – СПб., 2012. – 738 с.
4. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб. : Русский мир, 2005. – 636 с.
5. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; Пер. с. франц. Д. Кралечкина. – М., СПб. : Академический проект. – 498 с.
6. Majete, C. Interracial Marriage: An Overview / C. Majete // Interracial relationships. – Greenhaven Press, Inc. : An Opposing Viewpoints 2000 San Diego. U.S.A. – P. 9–17.
7. Реальный словарь классических древностей / Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта // Независимый филологический журнал [Электронный ресурс]. – 1914. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/antiquities/Desultory-3402.html>. – Дата доступа : 17.02.2017.
8. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
9. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо ; Перевод с франц. А.Д. Хаятина, В.С. Алексеева-Попова. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
10. Комас, Х. Расовые мифы / Х. Комас // Расовая проблема и общество : сборник переводов с французского / Общ. ред. и вст. ст. М.С. Плисецкого. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 47–56.
11. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; Пер с фр. М. Раковой. – СПб., 2004. – 416 с.
12. Хэфели, Э. К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе 17 века : психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи / Э. Хэфели ; Пер. Н. Носовой ; под ред. Э. Шоре, К. Хайдер // Пол, гендер, культура. – М. : РГГУ, 1999. – С. 55–109.
13. Грамши, А. Избранные произведения : в 3 т. / А. Грамши. – М. : Иностранная литература, 1959. – Т. 3. Тюремные тетради. – 564 с.
14. Фуко, М. История сексуальности : в 3 т. / М. Фуко ; Пер с фр. О. Хома, Т. Титова ; под общ. ред. А. Мокроусова. – К. : Дух и литера ; Грунт ; М. : Рефл-бук 1998. – Т. 3. – Забота о Себе. – 288 с.
15. Поляков, Л. История антисемитизма: Эпоха знаний / Л. Поляков ; Пер. с фр. В. Лобанова, М. Порхомовского. – М., Иерусалим : Гешарим, 1998. – 448 с.
16. Дэвис, А. Женщины, раса, класс / А. Дэвис ; Пер. с англ. / Под ред. Д.А. Лисоволика. – М. : Прогресс, 1987. – 280 с.
17. Hochheim, G. Frau und frei. Ausbruch in der Revolutionzeit / G. Hochheim // Informationen zur politischen Bildung. – Pforzheim : Stark Druck GmbH. – S. 22–23.

Теоретические проблемы эстетики аскетизма в отечественной религиозной философии XX века

А.В. ЦАРЕНОК

Статья посвящена анализу фундаментальных принципов интерпретации эстетики православного аскетизма, осуществлённой в трудах выдающихся представителей русской религиозной философии XX в. Подчёркивая важность дальнейшего исследования эстетики аскетизма, развивающейся на христианском Востоке, автор статьи считает целесообразным условное выделение таких взаимосвязанных и взаимодополняющих составляющих аскетико-эстетической доктрины, как онтологическая, гносеологическая, этическая и теолого-искусствоведческая.

Ключевые слова: эстетика аскетизма, аскетизм, теология, патристика, русская религиозная философия.

The article is devoted to the interpretation of the Orthodox ascetic aesthetics in researches of the famous representatives of Russian religious philosophy of the XXth century. Underlining the importance of further exploration of Christian East aesthetics of the asceticism, the author of the article proposes to point out some concrete aspects of the ascetic and aesthetical doctrine. Scientists should conventionally distinguish 1) ontological, 2) gnoseological, 3) ethical aspects and 4) the aspect of theological interpretation of arts (first of all, of religious arts) of the ascetic aesthetics.

Keywords: aesthetics of the asceticism, asceticism, theology, patristic doctrine, Russian religious philosophy.

Введение. Хрестоматийный вопрос о ценностном аспекте бытия человеческой личности, поиск фундаментальных критериев её социального и самоутверждения в духовной активности всегда выступали и выступают необходимым компонентом наиболее известных философско-антропологических доктрин. Связь смысложизненных ориентиров человечества с аксиологической рефлексией как в стихийных, так и, в той или иной степени, систематизированных формах самоочевидна. Без неё закономерно становится бесперспективной даже сама теоретическая постановка извечных проблем, в своё время лаконично и метко сформулированных И. Кантом – «Что такое человек?» и «На что я могу надеяться?»

Как известно, разрабатывая концепцию о надеждах человечества и возможности их осуществления, видя в ней логическую составляющую своей «критической» системы, Кенигсбергский мыслитель выходит на уровень эстетических обобщений. Такой поворот, безусловно, не был случайным: то, что «способность суждения» (оценивания) вызывает пристальное внимание со стороны Канта, является более чем красноречивым свидетельством принципиальной неотъемлемости эстетических созерцаний от общего комплекса представлений аксиологического характера, присущих определенной культуре, в частности культуре религиозной. Причём в религиозном мировоззрении система эстетических ценностей и оценок детерминирована более или менее заметной, но всё же достаточно ощутимой связью с аскетическим компонентом конкретной религиозной культуры.

Примечательно, что и в самой аскетике имманентно присутствует эстетическая составляющая, содержание которой чрезвычайно тесно переплетается с собственно аскетическим учением о ценностях жизни, духа, культуры. Пользуясь терминологией современного российского исследователя В. Бычкова [1, с. 92], мы обозначаем это сложное явление как «эстетику аскетизма».

Как в сфере научных поисков, так и в сфере обыденного сознания аскетико-эстетические учения могли восприниматься и осмысливаться по-разному, получая диаметрально противоположные оценки. Однако интерес к ним никогда не угасал (по крайней мере, всецело), так или иначе проявляясь на страницах многочисленных научных трудов.

В отечественных традициях изучения аскетико-эстетической мысли на первом плане закономерно оказывались проблемы эстетики христианского, прежде всего православного аскетизма. Необходимой составляющей процесса его исследования выступало обращение к системе теолого-эстетических ценностей аскетических культур Византии и её духовного преемника – восточнославянского мира.

Особое внимание к аскетико-эстетической парадигме православной культуры было проявлено со стороны многочисленных представителей русской религиозно-философской мысли XX ст. (С. Аверинцев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский, Г. Флоровский и др.). Осуществлённый в их работах анализ (или хотя бы его элементы) эстетики византийского и восточнославянского аскетизма нередко выходил за рамки исследования сферы сугубо аскетических ценностей, претендуя на уровень обобщений относительно всей православной эстетической традиции как таковой. Это обстоятельство значительно актуализирует изучение теоретического наследия русских религиозных философов XX в. с позиции осмысления развития отечественных эстетических и культурологических концепций.

Соответственно, **целью** данной статьи является определение и систематизация фундаментальных принципов интерпретации эстетики православного аскетизма, осуществлённой в трудах выдающихся представителей русской религиозной философии XX в.

Основная часть. Существенной детерминантой разработки комплекса эстетико-культурологических вопросов в религиозно-философских исследованиях XX ст., безусловно, выступили предшествующие и современные им «пути русского богословия» (термин о. Г. Флоровского). Уже в позапрошлом веке православные богословские поиски характеризовались вниманием к эстетической проблематике (духовное наследие св. Феофана Затворника (1815–1894), епископа Михаила (Грибановского) (1856–1898) и др.), подготовив, наряду с патристической мыслью средневекового восточного христианства, важную основу для последующих исследований в этом направлении, в частности в Российской империи и на постимперском пространстве.

Здесь XX ст. ознаменовалось особенно интенсивным развитием религиозно-эстетических созерцаний, находившем своё проявление как собственно в богословской науке, так и в других разнообразных сферах духовно-церковной жизни. Отметим лишь некоторые, наиболее показательные случаи такого проявления.

Ярким примером в этом отношении служит особый интерес со стороны отечественных богословов к самой эстетической активности личности и возможности её исследования. Так, св. Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961) указывает на значение эстетического постижения действительно с точки зрения пути человека к Богу. «Наука доказывает необходимость Его бытия логически, эстетика показывает идеальное бытие в образах, а религия соединяет, приводит в общение с Богом» [2, с. 64], – отмечает в своей работе «Наука и религия» выдающийся православный иерарх.

Эстетическому чувству и художественно-выразительной деятельности уделяется немало внимания на страницах духовно-академических курсов по моральному богословию и, более того, потребность богословского осмысления феномена культуры, в том числе культур художественной и сакрально-художественной, приводит к оформлению особого спецкурса «Пастырская эстетика» [3].

Красота и феномен искусства всё более утверждаются в качестве важных предметов богословских исследований. Всё истинно-культурное, всё высоко художественное характеризуется как «призыв к прекрасному и истинному, т. е. к Божественному» [4, с. 162]. По мнению известного богослова св. Михаила (Чельцова) (1870–1931), «воплощать и выражать прекрасное это значит служить красоте, а красота в подлинном своём лике всегда божественна, ибо и Бог есть непременно красота» [4, с. 162].

В богословских трудах XX в. выразительно звучит одна из основных идей патристической эстетики – истинно прекрасное в тварном мире (как чувственное, так и спиритуальное) причинно обусловлено связью с Красотой Абсолютной и Безусловной. «Без красоты нет жизни – красота и вокруг нас, и в нас самих, и всё это – отблеск высочайшей и совершеннейшей Красоты Бога» [3, с. 4], – отмечает в своём курсе «Пастырская эстетика» профессор Московской духовной академии протоиерей А. Остапов (1930–1975).

Вместе с истиной, благом, творчеством, разумом, правом и миром красота интерпретируется православными богословами как один из «важнейших принципов, утверждающих жизнь» [5, с. 71].

Безусловно, в числе первостепенных проблем теолого-эстетического дискурса традиционно выступает **проблема духовной красоты**, что вполне соответствует духу патристики. С этой точки зрения религиозный опыт верующего характеризуется как ничем не заменимое средство постижения прекрасного высшего порядка: «только Православию, – акцентирует внимание белорусский иерарх Аристарх (Станкевич), – дано видение особой, мистической

красоты духовного мира – красоты в собственном смысле этого слова, красоты как отражения бесконечных совершенств Творца в тварном мире, как явления славы Божией, наполняющей Вселенную» [6, с. 203].

Логическое развитие подобных идей вполне закономерно приводит к выходу теолого-эстетической рефлексии на уровень морально-богословских и аскетических созерцаний, ведь одна из сфер проявления красоты абсолютной гармонии – это область нравственная, а именно – духовный облик святых [6, с. 203].

Показательными в этом отношении, на наш взгляд, являются также духовно-эстетические размышления русского митрополита Николая (Ярушевича), приведённые им в проповеди с предельно лаконичным и в то же время предельно содержательным названием «Красота». Поучение посвящено Личности Христа, Который предстаёт перед духовным взором верующего «во всей Его духовной красоте». При этом богослов обращает внимание на красоту таких качеств Спасителя, как смирение, любовь, чистота души, подчёркивая тем самым значение именно красоты духовной.

Однако, как отмечает митрополит Николай (Ярушевич), христиане не только созерцают, «духовно наслаждаясь, эту красоту». «Мы знаем завет Христов, обращённый к каждому из нас: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный” (Мф. 5:48)» [7, с. 30]. Святые, подражая добродетелям Богочеловека Христа, достигли «нетленной красоты духа и сияют ею в небесном своём жилище в лучах Божественной красоты и славы». Христианское подвижничество, таким образом, выступает как путь к достижению вечной красоты, которая «делает человека достойным участия в царстве вечной славы», «царстве красоты нетленных душ человеческих» [7, с. 31]. Так проповедует русский религиозный мыслитель, развивая упомянутую аскетико-эстетическую интенцию патристических созерцаний, которые апеллируют, в частности, к неоспоримому авторитету Библии.

Священное Писание и Священное Предание – два источника христианского мирозерцания – несомненно, являются главными источниками и теолого-эстетического поиска, в той или иной степени сроднёнными с которым выступают и отечественные религиозно-философские изыскания всего XX ст.

Одна из фундаментальных проблем, закономерно возникающая перед исследователями эстетического содержания православной культуры в целом, и аскетики в частности, состоит в том, насколько правомерно вести речь о связанной с религиозным сознанием **эстетике** добаумгартеровского периода. Возможно ли сделать вывод о существовании собственно эстетической рефлексии до XVIII в. – периода теоретического оформления эстетики в поисках статуса самостоятельной философской дисциплины?

Согласно широко известному мнению российского мыслителя и культуролога С. Аверинцева (1938–2004), «отсутствие науки эстетики предполагает в качестве своей предпосылки и компенсации сильнейшую эстетическую окрашенность всех прочих форм осмысления бытия...» [8, с. 33]. Поэтому богословские размышления, касающиеся *всех без исключения* сфер человеческой жизни, закономерно несут в себе более или менее выраженное теоретико-эстетическое начало. Важным дополнением к сказанному является и блестящий вывод В. Бычкова относительно принципиальной имплицитности православной эстетики: она «не выделена и не выделима из целостности культуры как живого организма» [9, с. 4].

Русская религиозно-философская мысль XX столетия, по крайней мере, в большинстве случаев, исповедует этот постулат. Так, обращение ко всему многообразию православных культурных традиций, в том числе и традиций аскетических, для обнаружения в них эстетического содержания – показательная особенность концепций священников П. Флоренского (1882–1937) и С. Булгакова (1871–1944).

Осуществление такого подхода приобретает ярко выраженный **онтологический характер**, что целиком закономерно с точки зрения главных смысловых акцентов патристической эстетики как теоцентрической онтологии прекрасного [10, с. 9–18]. Эти акценты всецело имманентны религиозно-философской эстетике, ведь именно «Бог и есть Высшая Красота, чрез причастие к Которой всё делается прекрасным» (П. Флоренский) [11, с. 586]. Абсолютное Бытие выступает Абсолютной Красотой, следовательно, причастность к Нему, бытийность Абсолюту неизменно прекрасна: «всё прекрасно в личности, когда она обращена к Богу, и всё безобразно, когда она отвращена от Бога» [11, с. 586].

Как видим, христианская онтология здесь чрезвычайно тесно переплетается с этическими и собственно аскетическими размышлениями, а также имеет осязаемое и неотъемлемое **персоналистическое** смысловое наполнение. Высшее Бытие – Совершеннейшая Красота, Красота как таковая – есть Бытие неизменно Личностное, чуждое растворения в многообразии сотворённого Им мира. Как справедливо отмечает А. Лосев (1893–1988), «в центре средневековых [в первую очередь, христианских – прим. А.Ц.] эстетики и искусства стоит... духовный личностный Абсолют» [12, с. 571]. Христианская философско-эстетическая мысль принципиально антипантеистична: Высшая Красота понимается не как нечто обезличенное, а путь к Ней рассматривается как обретение истинно прекрасного и, одновременно, совершенного личностного бытия, причём бытия как такового.

Как в природе, так и в искусстве истинно прекрасное призвано свидетельствовать о своей Первопричине, Её Всемогуществе и Премудрости. С. Булгаков, развивая своё учение о Премудрости Божьей (Софии) как «четвёртой ипостаси» (учение, как известно, подвергнутое справедливой критике со стороны таких поборников Ортодокса, как патриарх Сергий (Страгородский) и В. Лосский), акцентирует внимание, в частности, на этой способности тварного свидетельствовать о Нетварном. В книге «Свет Невечерний» русский религиозный мыслитель приводит весьма характерные размышления по этому поводу. «Для кого цветут цветы в красе своей, которой чаще всего и не видит человеческое око? – риторически спрашивает С. Булгаков. – Для чего птицы убрались своими яркими красками, стали как бы живыми цветами? Для кого сложили песни свои жаворонок и соловей? Зачем тигр и леопард так прекрасны в грозной грации и лев в величавости своей? Для чего цветёт девичья краса на земле? Разве не есть всё это сияние Софии, изнутри освещающее косную плоть и “материю”?» [13, с. 199].

Кроме того, по мнению религиозного философа, и в красоте природы, и в созданиях искусства «ощущается частичное или предварительное преобразование мира, явление его в Софии, и красота эта своим эросом поднимает человека в мир вечных образов идей...» [13, с. 199]. В такой специфической форме с новыми смысловыми оттенками и с весьма выразительными реминисценциями платонизма в наследии С. Булгакова выражается **анагогическая** концепция христианского эстетического созерцания, его **гносеологическая основа** – учение о возводящем ко Творцу назначении прекрасного в сотворённом Им мире.

Анагогический смысловой вектор патристической эстетики, унаследованный религиозно-философским дискурсом, становится ещё одним предметом тщательного анализа в отечественных историко-эстетических трудах. При этом внимание исследователей привлекает особая сфера прекрасного – «красота церковная» [14, с. 188], а также её восприятие представителями религиозной культуры. Как указывает С. Аверинцев, согласно хрестоматийному летописному сообщению, именно переживание красоты послужило решающим религиозно-мировоззренческим аргументом во время выбора русичами веры в X в. Эстетическая аргументация – Бог с людьми пребывает там, где есть красота, наличие которой и свидетельствует об этом пребывании, – воспринимается как наиболее убедительная [14, с. 188].

Характерно, что подобное мнение мы встречаем и у одного из наиболее известных русских религиозных философов – В. Соловьёва (1853–1900). «Если бы красота греческого богослужения в Софийском соборе не произвела такого сильного впечатления на послов киевского князя Владимира, то, вероятно, Россия не была бы теперь православною» [5, с. 72], – подчёркивает значение упомянутой эстетической аргументации в религиозных поисках русский мыслитель.

Прекрасное в тварном мире способно сыграть весомую роль в Богоискании; человеческие чувства, наряду с активностью разума, обращаются к естественному Откровению, восходя от познания творений к благочестивым понятиям об их Создателе. Это утверждение является очередным звеном выстраиваемой системы религиозно-эстетических созерцаний, но, вместе с тем, оно, как кажется, вступает в противоречие с другими принципами христианского мировоззрения.

Эстетика имеет своим предметом феномен чувственного постижения доступной реальности, равно как и саму чувственно данную реальность, выступая наукой о совершенном в мире явлении, совершенстве чувственного познания и совершенстве вкуса (А.-Г. Баумгартен), своеобразной «онтологией чувственности и феноменологией выразительных форм» (В. Личковах) [15].

В то же время аскетическая направленность христианского мировоззрения, на первый взгляд, игнорирует чувственность, телесность, призывает к её отрицанию и пренебрежительно-му отношению к прекрасному в мире явлений. Обвинение христианской эстетики с её ориентацией на духовное подвижничество в принципиальном «антиэстетизме» [16, с. 31] было чрезвычайно ощутимо уже в ренессансном сознании. Впоследствии такая радикальная оценка присутствует либо в откровенно антирелигиозных, либо в антиаскетических концепциях, с позиции которых становится довольно сомнительным адекватность самого понятия «эстетика аскетизма».

Как богословская, так и религиозно-философская мысль XX ст. – и это можно утверждать с полной уверенностью, – как правило, занимает противоположную позицию, являясь апологией аскетико-эстетической традиции, настоящей «аскетодицеей». Ведь аскетика противопоставляется не эстетике, а гедонизму.

Как историко-эстетические экскурсы, так и собственно теоретическое осмысление аскетической культуры представителями русской религиозной философии несут в себе ярко выраженный апологетический характер. Безусловно, здесь мы имеем дело с проповедью особой иерархии ценностей, высшее и первостепенное место в которой занимает поиск Абсолютной Красоты и обретение ищущим той духовной красоты, к которой изначально и предназначено его бытие. Православие «имеет основной идеал не столько этический, сколько религиозно-эстетический: видение “умной красоты”, которое требует для приближения к себе особую “умного художества”, творческого вдохновения», – указывает С. Булгаков [17, с. 188].

Вполне очевидна неразрывность связи, которая существует между **эстетическим** и **этическим** содержанием аскетической доктрины. Как справедливо считает В. Бычков, «эстетика аскетизма – это прежде всего, *этическая эстетика*, т. к. она ориентирована на формирование определённого образа жизни, ведущего к уподоблению Богу и прежде всего, к уподоблению Христу в Его земной жизни» [1, с. 94–95].

Не случайной в обосновании теолого-эстетических установок «аскетодицеи» становится постоянная апелляция к наследию Святых Отцов и учителей Церкви. Даже предшественники византийского аскетизма – апологеты первых веков христианства, по мнению В. Быčkova, никогда не отступали от важной эстетической аксиомы – мир во всём его многообразии является творением Бога, и поэтому он прекрасен и гармоничен. Красота мира была для них «важным доказательством наличия божественного Творца» [18, с. 70].

Протоиерей Г. Флоровский (1893–1979) в своих фундаментальных патрологических исследованиях приводит ряд теолого-эстетических мнений византийских аскетов, снабжая их собственными пояснительными комментариями. Так, вспоминая мысль св. Максима Исповедника (VI в.) о блаженстве человека, «который, минуя все твари, непрестанно услаждается Божественной красотой», патролог интерпретирует их как особый аскетический призыв к исключительному Богообщению и изменению своего «Я». «Это есть именно *отречение, не только отвлечение...*, – отмечает Г. Флоровский. – И это есть преображение самого познающего» [19, с. 562].

Преображение личности – одна из задач аскетики как таковой. Русская религиозно-философская мысль XX века, развивая патристическую доктрину о духовном совершенствовании богоискателя, проявляет повышенный интерес именно к этой проблеме.

Аскетика, в осмыслении П. Флоренского, создаёт прекрасного человека, «и отличительная особенность святых подвижников – ... *красота* духовная, ослепительная красота лучезарной, свето-носной личности, дебелимому и плотскому человеку никак не доступная» [11, с. 99]. Как отмечает В. Бычков, именно духовные старцы, подвижники, по о. Павлу Флоренскому, «фактически и являются главным эстетическим субъектом, а аскетика предстаёт в прямом смысле православной **эстетикой**» [9, с. 15–16].

Этот точный вывод закономерно отражает **идею преображения личности** – один из главнейших постулатов эстетики аскетизма. И как это ни парадоксально звучит для профанного сознания, речь здесь идёт не только о богодарованном аскету спиритуальном совершенстве, но и о благодатном просветлении его соматического бытия. Замечательное суждение по этому поводу находим в духовном наследии выдающегося богослова и подвижника XX ст. архимандрита Софрония (Сахарова) (1896–1993). «При свете земного солнца природа становится великолепной для глаза, – размышляет православный аскет современности. – Свет же

Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными» [20, с. 219].

Обвинений православной аскетики в принципиальном антисоматизме не принимает и С. Булгаков: по мнению мыслителя, религию спасения не только души, но и тела (!), какой и является религия христианская, недопустимо подозревать в принципиальной вражде к телесности. В духе своих софиологических поисков философ упрекает критиков в непонимании того, «что аскетическая борьба с чувственностью в христианстве проистекает именно из любви к ноуменальной, софийной чувственности, или красоте духовной, и вражда с телом мотивируется здесь высшею любовью к телу, что яснее всего выражается в почитании св. мощей, как духоносного, просветлённого тела» [13, с. 220].

Аскетические практики – в форме стремления к Первокрасоте – рассматриваются религиозными мыслителями как особый вид творчества – «искусство из искусств», «художество из художеств» (П. Флоренский) [11, с. 99]; «умное художество» [17, с. 188], «духовное художество», «духовно-художественный подвиг» [13, с. 212].

Сравнение основанного на синергии аскетического самотворчества со сферой художественных свершений – существенная особенность эстетики аскетизма, на которую обращает внимание русская религиозно-философская мысль. Показательными в этом отношении выступают попытки компаративного анализа феноменов святости и гениальности, принадлежащие российскому мыслителю, представителю «киевского философского круга» Н. Бердяеву (1874–1948). Однако осуществлённое им сравнение отличается непоследовательностью и противоречивостью [21, с. 132–133]. Если вначале Н. Бердяев обосновывает идею о безусловном преимуществе святости (значение литературных трудов А. Пушкина не может быть сопоставимо с подвижничеством св. Серафима Саровского!), то впоследствии он занимает совершенно противоположную позицию. Философ начинает утверждать, что в творчестве гения есть также нечто подобное жертве [22, с. 173], и даже допускать присутствие в творческом экстазе некой особой святости, равнодстойной святости как таковой. Развитие этой мысли привело Н. Бердяева к новому выводу – гениальность выше святости. «Этот вывод непосредственно вытекает из его концепции творчества, согласно которой именно творчество является актом прорыва к трансцендентному бытию, к Богу» [21, с. 133], – отмечает некоторыми интерпретаторами философских поисков Н. Бердяева.

Художественное творчество и, прежде всего, **художественное творчество сакрального предназначения**, закономерно становится ещё одной первостепенной темой для эстетической рефлексии русских религиозных мыслителей. Храмовое действо, рассматриваемое П. Флоренским, в частности как синтез разных искусств, не могло не привлечь к себе пристального внимания исследователей религиозной эстетики. Именно здесь, с точки зрения литургико-эстетической парадигмы, мистическая красота – красота абсолютной гармонии – присутствует особым образом; именно в православном богослужении «она осознаётся и воспринимается как ни с чем не сравнимая “сладость церковная”» (высокопреосвященный Аристарх (Станкевич)) [6, с. 203].

Не останавливаясь на обзоре многочисленных мыслей о церковном искусстве, изложенных в наиболее известных широкой аудитории сочинениях (к примеру, «Иконостас» или «Храмовое действо как синтез искусств» П. Флоренского), рассмотрим лишь отдельные суждения «аскетодидейного» характера, в которых находит довольно яркое выражение стремление показать несостоятельность критики влияния аскетических идей на художественную активность личности.

Множество из суждений такого рода, несомненно, касаются вопросов византийской и древнерусской иконописи. Феномен иконы, написанной в соответствии с каноническими рекомендациями, является творением, прежде всего, молитвенного предназначения. Его эстетическая функция (в понимании эвокативной способности умилять взоры) второстепенна: икона призвана не столько украшать интерьер храма, не столько проповедовать о существовании иного мира, сколько быть настоящим порталом в этот трансцендентный мир. Как символ, она, по мысли П. Флоренского, «не просто обозначает, но и **реально являет обозначаемое**» [9, с. 42].

Чувственная аффектация, искусственно вызываемый художественными средствами бурный эмоциональный подъём (псевдоумиление), не говоря уже о вовсе неуместных плотских ассоциациях, безусловно, вредны для внутреннего состояния молящегося перед иконой,

т. е. общающегося посредством образов с Первообразами. Соответственно, как отмечает С. Булгаков, «иконопись не допускает чувственности в изображениях... Она ищет передать не лицо, но лик» [17, с. 174]. Именно поэтому в художественные ресурсы иконописи и «вносятся... строгая и высокая аскетика, и заранее отрезается путь к чувственности, к плотской похоти. Иконопись строга, серьёзна и может казаться суха, как неизбежно сынам плоти кажется высокое и чистое искусство» [17, с. 174].

Искусство слова (писательского, поэтического, проповеднического) в христианской среде также могло ощущать на себе действие аскетических стремлений. Приоритет смысла (несомненно, ортодоксального) молитвенных или поучительных текстов над формой, своеобразный художественный минимализм, тяготение к простоте и искренности выступления проповедника – вот краткий перечень требований аскетической эстетики словотворчества и «казнодействия».

Примером текста такого рода для европейцев позднеантичной эпохи и раннего Средневековья выступало, в первую очередь, Священное Писание, переведённое на греческий и латинский языки, но сохранившее немало лингвистических особенностей, связанных с древнееврейской религиозно-культурной средой. Как метко заметил С. Аверинцев, «люди античной культуры, становясь христианами, могли обретать в семитизированном... языковом облике греческой, а затем и латинской Библии словно *аскетическую власяницу* [курсив наш – прим. А.Ц.] для усмирения своего литературного вкуса, воспитанного на ораторах и поэтах; они сами об этом поведали достаточно выразительно» [23, с. 49–50].

Заключение. Таким образом, анализ идей представителей русской религиозной философии XX столетия позволяет выстроить систему наиболее общих, органически взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга положений интерпретации эстетической доктрины православного аскетизма. Опираясь, в частности, на опыт религиозно-философских поисков, целесообразно условно выделить несколько первостепенных составляющих аскетико-эстетического учения. Среди них:

- 1) теоцентрическая онтология прекрасного (учение о Боге как Абсолютной Красоте – Причине красоты в сотворённом Им мире);
- 2) гносеологическая составляющая (концепция духовно-чувственного анагогического постижения доступной реальности);
- 3) этическая составляющая (призыв к преобразению личности, относящемуся как к спиритуальному, так и соматическому её началам);
- 4) теолого-искусствоведческая составляющая (осмысление феномена художественного творчества и, прежде всего, синергийного творчества сакрального содержания и предназначения).

Литература

1. Бычков, В.В. Малая история византийской эстетики / В.В. Бычков. – К. : Путь к Истине, 1991. – 407 с.
2. Лука (Войно-Ясенецкий), св. Наука и религия / св. Лука (Войно-Ясенецкий). – Симферополь : Издательство «Доля», 2006. – 160 с.
3. Остапов, А., протоиерей. Пастырская эстетика / А. Остапов, протоиерей. – Чернигов : Издание Черниговской епархии, 2000. – 44 с.
4. Чельцов, М., прот. Христианское миросозерцание / пр. М. Чельцов. – М. : Православный Богословский Свято-Тихоновский Институт, 1997. – 175 с.
5. Платон, архимандрит. Богословское обоснование мира / архимандрит Платон // Журнал Московской Патриархии. – 1986. – № 9. – С. 71–74.
6. Аристарх (Станкевич), архимандрит. Троице-Сергиева Лавра и русская культура / архимандрит Аристарх (Станкевич) // Богословские труды : сб. статей. – М. : Издательство Московской Патриархии, 1989. – Вып. 29. – С. 201–206.
7. Николай (Ярушевич), митрополит. Слова, речи, послания / Николай (Ярушевич), митрополит. – М. : Издание Московской Патриархии, 1947. – 256 с.
8. Аверинцев, С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. Аверинцев. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
9. Бычков, В.В. Эстетический лик бытия (Умозрения Павла Флоренского) / В.В. Бычков // Новое в жизни, науке, технике. Сер. Эстетика. – 1990. – № 6. – 64 с.

10. Царенок, А.В. У пошуках Першокраси: теолого-естетичні ідеї св. Григорія Нісського / А.В. Царенок. – Чернігів : ЧНПУ ім. Т.Г. Шевченка, 2013. – 80 с.
11. Флоренский, П.А. Столп и утверждение Истины / П. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 840 с.
12. Лосев, А.Ф. Эстетика / А.Ф. Лосев // Философская энциклопедия : в 5 т. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1960 – Т. 5. – 1970. – С. 570–577.
13. Булгаков, С. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С. Булгаков // Мыслители XX века. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
14. Аверинцев, С. Красота как святость / С. Аверинцев // Антология «Курьер ЮНЕСКО» за 30 лет. – М., 1990. – С. 188–190.
15. Личковах, В.А. Дивосад культури: Вибрані статті з естетики, культурології, філософії мистецтва / В.А. Личковах. – Чернігів : РВК «Деснянська правда», 2006. – 160 с.
16. Каган, М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
17. Булгаков, С. протоирей. Православие. Очерки учения Православной Церкви / протоирей С. Булгаков. – К. : Либідь, 1991. – 238 с.
18. Бычков, В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы / В.В. Бычков. – М. : Искусство, 1977. – 199 с.
19. Флоровский, Г., протоиерей. Восточные отцы Церкви / протоиерей Г. Флоровский. – М. : АСТ, 2005. – 633 с.
20. Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть / архимандрит Софроний (Сахаров). – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 400 с.
21. Маслюк, Л.І. Розуміння святості у вітчизняному філософському дискурсі ХХ ст. / Л.І. Маслюк // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т.Г. Шевченка. Сер. філософських наук : Збірник. – 2009. – № 66. – С. 132–135.
22. Бердяев, Н.А. Творчество и аскетизм. Гениальность и святость / Н.А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1989. – Т. 1, ч. 1. – С. 163–180.
23. Аверинцев, С. Поэты / С. Аверинцев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 364 с.

Технический редактор: *И.В. Близнец*. Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 15.06.2017. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 17,21. Тираж 100 экз. Заказ № 553.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.